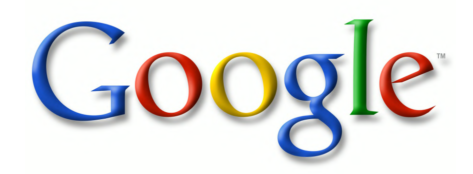

Acerca de este libro

Esta es una copia digital de un libro que, durante generaciones, se ha conservado en las estanterías de una biblioteca, hasta que Google ha decidido escanearlo como parte de un proyecto que pretende que sea posible descubrir en línea libros de todo el mundo.

Ha sobrevivido tantos años como para que los derechos de autor hayan expirado y el libro pase a ser de dominio público. El que un libro sea de dominio público significa que nunca ha estado protegido por derechos de autor, o bien que el período legal de estos derechos ya ha expirado. Es posible que una misma obra sea de dominio público en unos países y, sin embargo, no lo sea en otros. Los libros de dominio público son nuestras puertas hacia el pasado, suponen un patrimonio histórico, cultural y de conocimientos que, a menudo, resulta difícil de descubrir.

Todas las anotaciones, marcas y otras señales en los márgenes que estén presentes en el volumen original aparecerán también en este archivo como testimonio del largo viaje que el libro ha recorrido desde el editor hasta la biblioteca y, finalmente, hasta usted.

Normas de uso

Google se enorgullece de poder colaborar con distintas bibliotecas para digitalizar los materiales de dominio público a fin de hacerlos accesibles a todo el mundo. Los libros de dominio público son patrimonio de todos, nosotros somos sus humildes guardianes. No obstante, se trata de un trabajo caro. Por este motivo, y para poder ofrecer este recurso, hemos tomado medidas para evitar que se produzca un abuso por parte de terceros con fines comerciales, y hemos incluido restricciones técnicas sobre las solicitudes automatizadas.

Asimismo, le pedimos que:

+ *Haga un uso exclusivamente no comercial de estos archivos* Hemos diseñado la Búsqueda de libros de Google para el uso de particulares; como tal, le pedimos que utilice estos archivos con fines personales, y no comerciales.

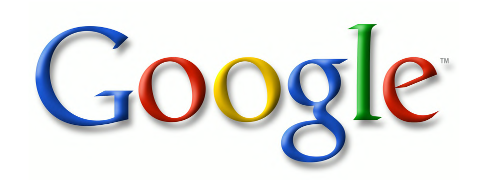
+ *No envíe solicitudes automatizadas* Por favor, no envíe solicitudes automatizadas de ningún tipo al sistema de Google. Si está llevando a cabo una investigación sobre traducción automática, reconocimiento óptico de caracteres u otros campos para los que resulte útil disfrutar de acceso a una gran cantidad de texto, por favor, envíenos un mensaje. Fomentamos el uso de materiales de dominio público con estos propósitos y seguro que podremos ayudarle.

+ *Conserve la atribución* La filigrana de Google que verá en todos los archivos es fundamental para informar a los usuarios sobre este proyecto y ayudarles a encontrar materiales adicionales en la Búsqueda de libros de Google. Por favor, no la elimine.

+ *Manténgase siempre dentro de la legalidad* Sea cual sea el uso que haga de estos materiales, recuerde que es responsable de asegurarse de que todo lo que hace es legal. No dé por sentado que, por el hecho de que una obra se considere de dominio público para los usuarios de los Estados Unidos, lo será también para los usuarios de otros países. La legislación sobre derechos de autor varía de un país a otro, y no podemos facilitar información sobre si está permitido un uso específico de algún libro. Por favor, no suponga que la aparición de un libro en nuestro programa significa que se puede utilizar de igual manera en todo el mundo. La responsabilidad ante la infracción de los derechos de autor puede ser muy grave.

Acerca de la Búsqueda de libros de Google

El objetivo de Google consiste en organizar información procedente de todo el mundo y hacerla accesible y útil de forma universal. El programa de Búsqueda de libros de Google ayuda a los lectores a descubrir los libros de todo el mundo a la vez que ayuda a autores y editores a llegar a nuevas audiencias. Podrá realizar búsquedas en el texto completo de este libro en la web, en la página `http://books.google.com`

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

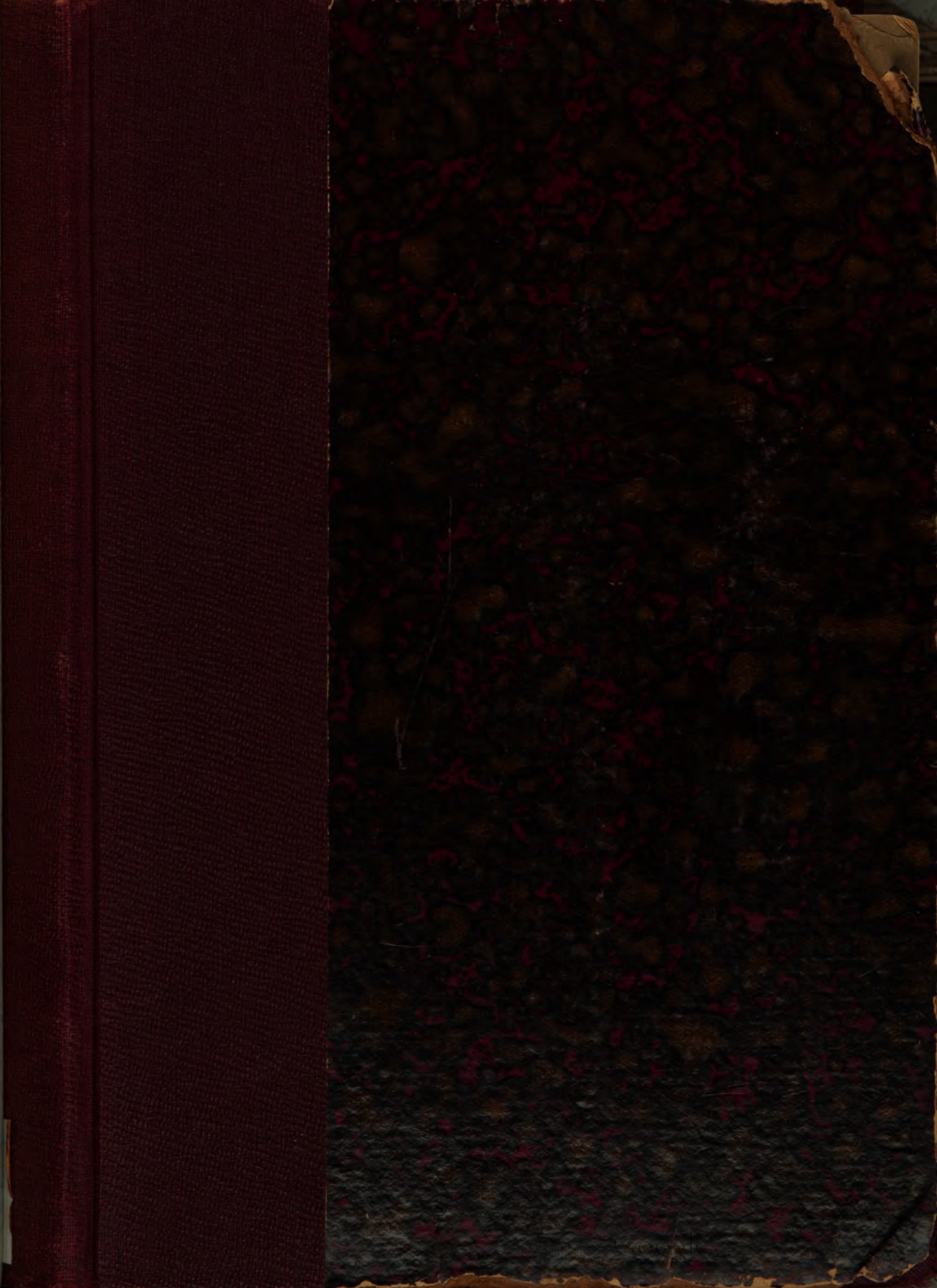
Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

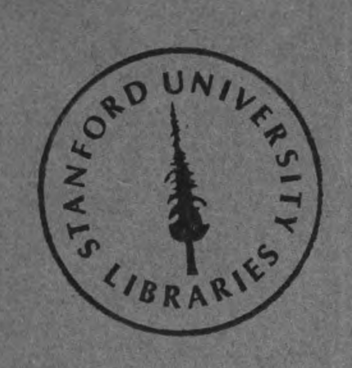
Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

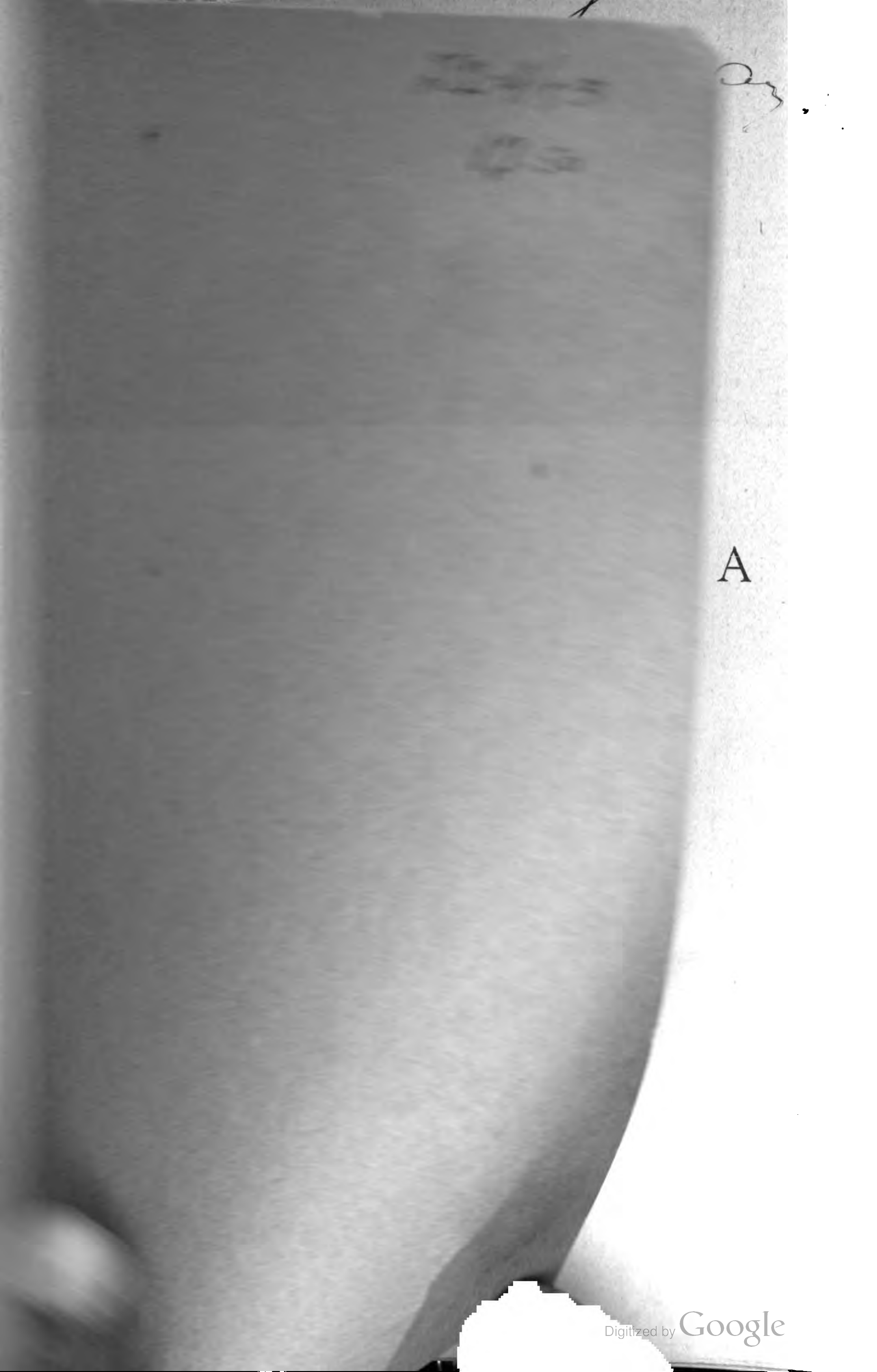
О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу `http://books.google.com`.

Digitized by Google

A

Digitized by Google

Digitized by Google

ВИлевъ.

ЦАРИ ВОЗДУХА

ПРОДОЛЖЕНІЕ

«**ЦАРИЦЫ МІРА**»

Digitized by Google

Digitized by Google

Semenov, V. I.

ВЛ. СЕМЕНОВЪ

ЦАРИ ВОЗДУХА

РОМАНЪ-ФАНТАЗІЯ

ПРОДОЛЖЕНІЕ

«ЦАРИЦЫ МІРА»

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
СПБ. и МОСКВА
1909

Digitized by Google

PG 3470
S3/5/T8

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ
С.-Петербургъ. Вас. Остр. 16 линія соб. домъ

Digitized by Google

I.

Вмѣсто предисловія.—Café Montretout.

Какъ это ни странно на первый взглядъ, но безпристрастный лѣтописецъ не могъ не отмѣтить факта, что при дѣлежѣ наслѣдства разгромленной „Царицы Міра“ никакой міровой свалки не произошло, и дипломаты, заранѣе учитывавшіе какія-то обязательства, оказались въ довольно глупомъ положеніи.

Апологеты „Короля Нибелунговъ“ любятъ приписывать ему эту заслугу—предотвращенія всеміpной войны—любятъ говорить, что его вдохновенное слово, принятое какъ завѣтъ „мира всего міра“, предотвратило жестокую распрю... Но врядъ-ли это справедливо.

Исторія не дѣлается словами, и красивыя фразы часто прикрываютъ собою грубый, но зато вѣрный разсчетъ.

Въ дѣйствительности, послѣ рѣшительной побѣды, одержанной воздушнымъ флотомъ міровой коалиціи надъ воздушнымъ флотомъ „Царицы Міра“, послѣ того, какъ Англія вынуждена была покинуть свою мечту—„владѣть міромъ“—и націи оказались свободными, — побѣдители остановились въ недоумѣніи передъ вопросомъ: что же дѣлить?..

Народы?—Но примѣръ Франціи явно доказывалъ,

Digitized by Google

что никакой „настоящій народъ“ въ карманъ не положишь...

Территоріи?—Но развѣ можно было намѣтить ихъ границы въ воздухѣ?..

Въ ближайшіе моменты эти вопросы казались неразрѣшимыми, а потому, хотя всѣ ихъ чувствовали, но оффиціально они игнорировались.

Не только правительства, но и массы (можно бы сказать—само человѣчество) хотѣли выиграть время, нѣсколько оглядѣться, разобраться въ совершенно новыхъ условіяхъ жизни, создавшихся послѣ того, какъ тайна generator'а сдѣлалась общимъ достояніемъ, а человѣкъ—царемъ воздуха.

При такомъ положеніи вещей единственнымъ выходомъ являлась формула, предложенная „Королемъ Нибелунговъ“ конгрессу императоровъ, королей и президентовъ республикъ, „слетѣвшихся“ въ Луксоръ и засѣдавшихъ въ его храмахъ, служившихъ колыбелью цивилизаціи.

Онъ говорилъ такъ:

— Все человѣчество, забывъ національную и религіозную вражду, объединилось въ святомъ стремленіи стряхнуть съ себя гнетъ поработителей міра, и великія жертвы принесены были за осуществленіе права каждаго—быть самимъ собою! Осуществивъ это право, пойдемъ ли по стопамъ тѣхъ, противъ кого возстали? Вчерашніе рабы, которымъ Богъ далъ силу свергнуть иго, сдѣлаемся ли мы сами насильниками, возложимъ ли ярмо на побѣжденныхъ?—Нѣтъ! Миръ Божій, право и справедливость да царствуютъ на землѣ! — Долой насиліе! Мѣсто знамени честнаго

Digitized by Google

труда!—Осуществимъ мечту первыхъ вѣковъ христіанства: „Да не будетъ среди насъ ни рабъ, ни свободный, ни эллинъ, ни іудей, но всяческая и во всѣхъ Господь!“

Это красивое, но туманное и (по существу) ни къ чему не обязывающее рѣшеніе было принято единогласно.

Въ душѣ же всякій думалъ: „Поживемъ—увидимъ; спѣшить некуда; поспѣшишь—людей насмѣшишь“.

Съ того момента, какъ тайна generator'a была объявлена достояніемъ всего человѣчества, всѣ капиталы, вся энергія предпринимателей, всѣ силы техники—ринулись въ сферу воздушнаго кораблестроенія.

Не прошло и шести мѣсяцевъ послѣ конгресса въ Луксорѣ, какъ въ самыхъ далекихъ точкахъ земной поверхности начали подниматься въ воздухъ первые корабли, построенные съ цѣлями чисто коммерческими, а дальше—что ни день—число ихъ все увеличивалось. И это было вполнѣ понятно.

Раньше (скажемъ для примѣра) пароходъ-грузовикъ совершалъ путь изъ Европы на Дальній Востокъ (черезъ Суэцкій каналъ) въ срокъ около 60 дней, причемъ каждыя сутки оцѣнивались въ сумму 500 — 600 рублей, а весь рейсъ—30—40 тысячъ рублей.

Теперь, пока техника еще не выработала типа воздушнаго гиганта съ грузоподъемной силой въ 10.000 тоннъ (но съ каждымъ днемъ эта цѣль становилась все ближе, все достижимѣе) приходилось довольствоваться первообразомъ, созданнымъ въ „Долинѣ Тайнъ“. Но даже и онъ, этотъ первообразъ, приспособленный

Digitized by Google

для торговыхъ цѣлей, кореннымъ образомъ измѣнилъ ранѣе существовавшія условія товаро-обмѣна. Правда, что для доставки того же груза изъ Европы на Дальній Востокъ приходилось снарядить не одинъ пароходъ, а 5—6 воздушныхъ кораблей, причемъ суточное содержаніе каждаго стоило 200—250 рублей, но вѣдь зато, слѣдуя кратчайшимъ путемъ отъ порта отбытія къ порту назначенія, они находились въ пути (для того же рейса) всего 5—6 сутокъ! — Срокъ доставки товара сокращался въ 6 разъ, а стоимость перевозки— въ 5 разъ!..

Люди коммерческіе сразу же оцѣнили всѣ выгоды, представляемыя новымъ способомъ передвиженія, и, вполнѣ естественно, верфи, строящія воздушные корабли, росли, какъ грибы послѣ теплаго весенняго дождика. Юмористическіе журналы предсказывали, что скоро въ воздухѣ будетъ такъ тѣсно, какъ никогда не было на поверхности суши и моря...

Зато правительства не на шутку обезпокоились. Ужъ если сейчасъ всѣ сколько-нибудь предпріимчивыя фирмы стремятся производить товаро-обмѣнъ по воздуху, то что же будетъ, когда воздушные корабли, по мѣрѣ совершенствованія, достигнутъ такой же грузоподъемности, какъ былые океанскіе пароходы, когда прямая выгода, прямой коммерческій разсчетъ все международное сообщеніе перенесутъ на воздухъ, низведя водные и желѣзнодорожные пути сообщенія на ту же роль, какую нѣкогда, по отношенію къ этимъ послѣднимъ, играли подъѣздные пути и—даже хуже— проселочныя дороги?..

Уже теперь дѣятельность таможенъ становилась

Digitized by Google

крайне затруднительной, несмотря на снабженіе пограничной стражи быстроходными аэромобилями, несмотря на еще державшуюся среди солидныхъ торговыхъ фирмъ традицію — не только не уклоняться, но даже идти навстрѣчу таможенному досмотру. Со дня на день эта традиція могла быть признана смѣшнымъ пережиткомъ прошлаго.

Въ самомъ дѣлѣ! вѣдь такъ заманчиво было перелетѣть границу ночью, поднявшись повыше и закрывъ всѣ огни, а потомъ, въ укромномъ мѣстѣ, сдать грузъ туземному воздушному кораблю и самому летѣть дальше...

Со зломъ пробовали бороться требованіемъ, чтобы всякій воздушный корабль въ мѣстѣ разгрузки предъявлялъ документы, визированные на границѣ, но и это не помогло, такъ какъ пышный расцвѣтъ техники, конечно, не могъ не коснуться и той ея отрасли, которая именуется фальсификаціей. Въ результатѣ (подобно тому, какъ это было въ Россіи, въ началѣ XX вѣка съ паспортной системой) всѣ эти предъявленія, прописки, отмѣтки, удостовѣренія создавали массу хлопотъ, задержекъ и убытковъ людямъ „вполнѣ благонамѣреннымъ", но нисколько не безпокоили контрабандистовъ, у которыхъ всегда всѣ документы были въ полномъ порядкѣ и даже въ нѣсколькихъ комплектахъ.

Мало-по-малу становилось очевиднымъ, что границы государствъ существуютъ только на географическихъ картахъ, а потому содержаніе таможенъ и пограничной стражи являлось ничѣмъ неоправдываемой роскошью. И ихъ упразднили вовсе, возложивъ взиманіе

Digitized by Google

пошлинъ съ привозимыхъ товаровъ на особые биржевые комитеты, образованные въ каждомъ пунктѣ, имѣющемъ хоть какое-нибудь торговое значенiе.

Однако и эта мѣра не достигла цѣли. Нельзя же было всю страну покрыть сѣтью агентовъ и каждому изъ нихъ дать возможность въ любой моментъ и въ самое глухое мѣсто вызвать вооруженный аэромобиль (правительственный) для того, чтобы воспрепятствовать разгрузкѣ или перегрузкѣ, Богъ вѣсть откуда, прилетѣвшаго корабля?..

Государства со слабо развитой обрабатывающей промышленностью, въ бюджетѣ которыхъ таможенный доходъ являлся большимъ подспорьемъ, а протекцiонная система была единственнымъ средствомъ поддержки собственныхъ промышленныхъ предпрiятiй,— оказались въ положенiи почти безвыходномъ...

Но все это было еще не такъ страшно, какъ сознанiе, что пока „только цвѣточки, а ягодки будутъ впереди“, что колеблются самые устои тысячелѣтiями выработаннаго порядка жизни, что надвигается что-то страшное, неотвратимое, какая-то всемiрная гроза... Пусть послѣ тьмы еще ярче засiяетъ солнце, но пережить эту тьму, этотъ хаосъ, эту анархiю... кому доведется?.. кто будетъ строить жизнь по-новому?.. какъ она сложится?..

Мужи совѣта и разума, засѣдавшiе въ различныхъ комиссiяхъ „для выработки мѣръ предупрежденiя и пресѣченiя“ усиленно занимались разрѣшенiемъ вопросовъ текущаго дня, стараясь не заглядывать въ будущее...

Но всѣ „это“ чувствовали...

Digitized by Google

И многіе, многіе изъ мирныхъ, довольныхъ своею судьбою, жителей поверхности земли, поглядывая на рѣющія въ вышинѣ чудища, невольно думали:—„А что если ему придетъ въ голову... Ну, что я съ нимъ сдѣлаю?..“

Café Montretout, излюбленное мѣсто сборища „авіаторовъ“ всѣхъ странъ и народовъ, было переполнено публикой.

Въ воздухѣ стоялъ разноязычный говоръ, но преобладающимъ въ немъ являлось особое нарѣчіе, само собой выработавшееся изъ смѣшенія всѣхъ языковъ свѣта, носившее названіе „airspoke“. Основой его былъ англійскій языкъ, получившій самое широкое распространеніе во времена владычества „Царицы Міра“, но сильно искаженный и дополненный отдѣльными словами и оборотами, взятыми отовсюду. Мечта „эсперантистовъ“ добраго стараго времени осуществилась, какъ только осуществленіе ея сдѣлалось насущно-необходимымъ.

Хлопали пробки; звенѣла посуда; лились рѣкой дорогія вина; подавались такія primeur'ы, о которыхъ при прежнихъ способахъ сообщенія могли мечтать только милліардеры; роскошные наряды, блескъ драгоцѣнныхъ камней, дѣланно-пугливые возгласы и неестественно громкій смѣхъ женщинъ—все создавало атмосферу какого-то угара, какого то безудержнаго веселья... Но это только казалось.

Въ то время, какъ молодежь перекидывалась безпечными шутками между собою и обмѣнивалась недвусмысленными замѣчаніями со своими случайными со-

Digitized by Google

сѣдками, а на эстрадѣ очаровательная miss Nelly Smock-Sansdessous, въ костюмѣ древне-египетской танцовщицы, чуть прикрытая прозрачной тканью, подъ мелодичные звуки флейтъ исполняла „танецъ среди мечей“,—за многими отдѣльными столиками велись разговоры далеко не игриваго свойства, и ни грація плясуньи, ни задорныя выходки разряженныхъ, полуобнаженныхъ женщинъ не въ силахъ были разсѣять того выраженія угрюмаго недовольства и мрачной рѣшимости, которое лежало на лицахъ собесѣдниковъ.

— Дда... такъ я и говорю — собачья жизнь!.. — заключилъ свою рѣчь невысокій, коренастый Ванъ-Дрюйеръ. — Цари воздуха!.. Кто эти цари? — да тѣ, что по воздуху устраиваютъ пикники въ такія мѣста, куда воронъ костей не заносилъ... Шикарно, видите ли, проглотить десятокъ свѣжихъ устрицъ и запить ихъ стаканомъ шабли на сѣверномъ полюсѣ, или покушать земляники съ девонширскими сливками на вершинѣ Демавенда... Такія сопостановленія щекочатъ ихъ нервы... Пресыщенные благами жизни, они ищутъ чего-нибудь новенькаго, а мы, труженики воздуха, создатели ихъ благополучія, возимъ ихъ... развѣ на воздушныхъ корабляхъ, которыми командуемъ? — Нѣтъ!—На своей спинѣ возимъ!

Грузный кулакъ голландца съ такой силой опустился на мраморную доску столика, что запрыгали и зазвенѣли стоявшіе на ней стаканы, а сосѣди стали тревожно оглядываться на знаменитаго коммодора и его двухъ не менѣе знаменитыхъ товарищей.

— Ну, ну, старый чортъ! — успокоительнымъ тономъ заговорилъ одинъ изъ нихъ, японецъ Симидзу.—

Digitized by Google

Люблю тебя, когда ты излагаешь свои идеи, тяжело, но убѣдительно, словно столѣтніе дубы съ корнемъ выворачиваешь, но столы ломать и посуду бить — это не идетъ къ твоей солидности... Правда, баронъ?

Третій, котораго назвали барономъ, сосредоточенно обтиравшій пальцемъ капли росы, выступавшія на поверхности его стакана съ замороженнымъ питьемъ, только качнулъ головой не то утвердительно, не то отрицательно.

— Къ чему привели мечты о „мирѣ всего міра?“ Во имя чего мы рылись въ землѣ, словно кроты, а потомъ бросились, очертя голову, въ драку съ „поработителями?..“ Или въ тѣ дни, когда Эдуардъ держалъ въ кулакѣ всю эту компанію, хуже было? — По моему—лучше!—продолжалъ Ванъ-Дрюйеръ. — Лучше потому, что еслибы даже на мѣстѣ Эдуарда оказался человѣкъ, не заслуживающій названія джентльмена, а прирожденный грабитель, такъ и то ему было бы довольно „съ міру по ниткѣ“, а когда приходится удовлетворять аппетиты сотенъ тысячъ эксплоататоровъ, такъ тутъ... не то что послѣднюю рубашку — шкуру снимутъ...

— Правильно, правильно!—перебилъ его сангвиничный японецъ. — Царица Міра подошла къ идеалу почти вплотную; казалось, близокъ моментъ, когда личный трудъ сдѣлается единственной цѣнностью... Но мы дали увлечь себя красивыми словами, и—все рухнуло!.. Забыли великое изреченіе вашего-же евангелія „Не всякій, говорящій Мнѣ: Господи! Господи! внидетъ въ царство небесное“... — Кажется такъ?... Правда, баронъ?

Digitized by Google

Но баронъ, отъ котораго, повидимому, упорно добивались слова его товарищи, только еще ниже склонилъ голову надъ запотѣвшимъ стаканомъ, всецѣло занятый собираніемъ отдѣльныхъ капель росы...

Ванъ-Дрюйеръ недовольно крякнулъ и шумно вздохнулъ, а Симидзу не выдержалъ и, отбросивъ всякую дипломатію, пошелъ прямо къ цѣли.

— Ты не пробуй отмалчиваться!--заговорилъ онъ сдавленнымъ голосомъ.—Ты самъ соглашался, что дальше такъ жить нельзя!—Вѣдь это—твои слова?—Когда же отъ словъ мы перейдемъ къ дѣлу? Когда же цари воздуха перестанутъ быть рабами мѣшковъ съ золотомъ, которые они могутъ въ любой моментъ либо захватить въ свои руки, либо уничтожить?... Вѣдь если мы объединимся, то всѣ эти гады, ползающіе по поверхности земли, наши повелители сегодня будутъ нашими рабами завтра!..

— Такъ, такъ...—горько засмѣялся баронъ. — Ты говоришь: „Если мы объединимся...“—А возможно ли это? Или ты думаешь, что среди „насъ“ не найдется людей, которые продадутъ свое первенство за чечевичную похлебку? Повѣрь, что ихъ будетъ много, очень много! что они, эти прирожденные холопы, окажутся въ большинствѣ и, за подачку изъ золотого мѣшка, пойдутъ противъ насъ, какъ противъ мятежниковъ!.. Насъ раздавятъ численностью, а уцѣлѣвшихъ будутъ травить, какъ хищныхъ звѣрей!.. Правъ ты, или неправъ—разсудитъ исторія, но девизъ дня—„горе побѣжденнымъ!..“

— Добрую корпорацію можно уничтожить, но по-

Digitized by Google

бѣдить нельзя!—перебилъ его Ванъ-Дрюйеръ, видимо давно собиравшійся высказать свою мысль.

— Опять слова! тѣ самыя красивыя слова, надъ которыми глумился Симидзу! Ты позабылъ вѣками взрощенную привычку благоговѣть передъ тѣмъ, кто можетъ грозить карой! забылъ, что это стадо...

Продолжать ему не пришлось изъ-за невѣроятнаго шума, поднявшагося въ залѣ.

По началу невозможно было понять, въ чемъ дѣло. Всюду виднѣлись возбужденныя лица, угрожающія позы, поднятыя руки; аплодисменты, шиканье, свистъ, крики „браво“ и крики „долой“ сливались въ какой-то хаосъ; музыка прекратилась; miss Nelly, стоя у самой рампы, тоже что-то кричала и размахивала руками...

Неожиданно на одномъ изъ столовъ появилась стройная красавица съ лицомъ бронзоваго цвѣта.

— Лакмэ! Лакмэ!—заревѣли кругомъ.—Лакмэ проситъ слова!—Слушайте, что скажетъ Лакмэ!—Долой!—Слушайте!

Стало нѣсколько тише.

— Господа! — крикнула индусска, и ея могучій контральто покрылъ послѣдніе отголоски перебранки.—Это я сказала, что такъ не танцуютъ „среди мечей“, что у насъ за такую пляску баядеркѣ обрили бы голову и плетьми выгнали бы изъ храма! Это я сказала! и отъ своихъ словъ не отступлюсь!

— А ты станцовала бы лучше?—перебилъ ее чей-то голосъ.

— Я то?..—и, гордо откинувъ голову, она бросила въ сторону говорившаго:—Магараджи ползали у моихъ ногъ!..

Digitized by Google

Восторженный ревъ поднялся въ публикѣ.

— Браво, Лакмэ! — Станцуй сама! — На сцену Лакмэ!—Пусть докажетъ!—Тащите ее!—Нечего хвастать!..

Гибкая, какъ пантера, индусска вспрыгнула на сцену и скрылась за кулисами.

— Бѣжала!—Держите!—Заприте двери!—кричали зрители, вскакивая со своихъ мѣстъ и бросаясь за нею.

Но компанія, въ которой до того была Лакмэ, опередила своихъ противниковъ и съ револьверами въ рукахъ преградила имъ дорогу.

Въ партерѣ тоже замелькали револьверы. Администрація и служащіе скрылись. Оркестръ бѣжалъ. Кровопролитіе казалось неотвратимымъ, такъ какъ никто никого не слушалъ, — всѣ кричали разомъ и грозили другъ другу, не различая ни друзей, ни враговъ...

По счастью какому-то, огромнаго роста, дюжему воздухоплавателю удалось вскочить на крышу суфлерской будки и рявкнуть голосомъ, способнымъ заглушить шумъ сраженія:

— Стойте! Она сейчасъ будетъ танцовать! Она вовсе не бѣжала! Повѣрьте слову Блэка!

Толпа отхлынула.

— Блэкъ не совретъ!—слышались голоса...

— Слушайте, что говоритъ Лакмэ! — продолжалъ Блэкъ.—Она подтверждаетъ, что у нея на родинѣ за такой танецъ, какой показала Нелли, танцовщицѣ обрили бы голову и плетьми выгнали бы изъ храма; Она предлагаетъ вамъ поступить съ ней по этому обычаю, если протанцуетъ не только хуже, но даже

Digitized by Google

въ ровную, даже немногимъ лучше Нелли, но если за ней будетъ несомнѣнная, неоспоримая побѣда, — то этой карѣ подвергнется ея соперница! — Нелли! принимаешь ли вызовъ?

— Принимаю!—смѣло отвѣтила та, блѣдная какъ полотно, но не покинувшая сцены.

Громъ аплодисментовъ покрылъ ея гордую реплику.

— Становится интересно,—пробормоталъ Симидзу, щуря глаза.

— А теперь, господа, по мѣстамъ! — закончилъ Блэкъ, слѣзая со своей импровизированной трибуны.— Тишина и спокойствіе!

— Да, что она дѣлаетъ за кулисами? — протестовали подозрительные и нетерпѣливые.

— Просто переодѣвается! Нельзя же ей танцовать въ корсетѣ и въ длинномъ платьѣ! Разсаживайтесь, господа, разсаживайтесь, какъ раньше!

Мало-по-малу порядокъ возстановлялся; оружіе было спрятано, и люди, только что собиравшіеся истреблять другъ друга, мирно обмѣнивались замѣчаніями относительно предстоящаго „состязанія баядерокъ". Ихъ спутницы, порядкомъ натерпѣвшіяся страху, уже смѣялись и готовились быть самыми строгими судьями.

— Найдется ли подходящій костюмъ?—А гдѣ жъ музыканты?—Позвать директора! — Вернуть музыкантовъ!—раздавалось то тутъ, то тамъ.

— Не надо ни директора, ни музыкантовъ! Минутку терпѣнія—вотъ все, что нужно!—донеслось изъ-за кулисъ.—Я сейчасъ выйду!

И она дѣйствительно вышла почти вслѣдъ за этими словами...

Digitized by Google

Словно порывъ вѣтра на мгновеніе всколыхнулъ толпу, а затѣмъ—все замерло.

Почтенный Блэкъ былъ не совсѣмъ правъ, заявивъ, что она „переодѣвается“...

Передъ изумленными зрителями, чаруя ихъ красотою своихъ формъ, появилась какъ бы статуя, отлитая изъ темной бронзы, но... живая статуя...

Жестомъ, полнымъ сладостной нѣги, закинувъ скрещенныя руки за голову, она однимъ движеніемъ очутилась въ серединѣ трехугольника, усаженнаго ослѣпительно сверкавшими въ потокахъ электрическаго свѣта, остроотточенными клинками мечей, укрѣпленныхъ стоймя, лѣниво качнулась вправо-влѣво... и запѣла. Сначала тихо, потомъ все громче и громче... Это была унылая, дикая пѣсня, странно-жуткая въ ея переходахъ полутонами...

Индусы, находившіеся въ толпѣ (какихъ только національностей не было въ средѣ воздухоплавателей) стали ей вторить... И въ тактъ пѣсни, двигаясь всѣмъ туловищемъ, она начала танцовать... Только ступни ногъ оставались неподвижными, да скрещенные пальцы рукъ словно впились въ затылокъ...

Но вотъ эти руки высоко взметнулись; ноги сдвинулись съ мѣста; широко открылись огненные глаза; пѣсня зазвучала восторгомъ безумія... Индусы вторили все громче, сами себя прерывая криками — „Дева! Дева!..“

Темпъ все учащался, а плясунья все быстрѣе и быстрѣе кружилась на „ложѣ смерти“...

— Ой! відьма!—воскликнулъ какой-то хохолъ и въ страхѣ перекрестился...

Digitized by Google

На него никто не обратилъ вниманія...

Рѣзкій гортанный крикъ... Что-то мелькнуло въ воздухѣ... И зрители увидѣли Лакмэ, продолжающую пляску уже на рукахъ...

Всѣ затаили дыханіе; только индусы вполголоса, словно подъ сурдинку, тянули какой-то мрачный мотивъ, мѣрно ударяя въ ладоши...

Плясунья двигалась на рукахъ по „ложу смерти", извиваясь, какъ змѣя... Ея точеныя ноги то поднимались кверху, плотно-сжатыя, и вся она вытягивалась, какъ стрѣла, — то безпомощно падала за спину такъ низко, что пятки едва не касались затылка...

Всѣ чувствовали, всѣ понимали, что одно невѣрное движеніе—и она упадетъ, и жадныя, острыя лезвія вопьются въ это бронзовое тѣло, и хлынетъ красная кровь...

Новый крикъ пронесся надъ заломъ; вновь что-то мелькнуло... Глубокій вздохъ облегченія вырвался у присутствующихъ.—Она стояла невредимой!.. Грудь ея судорожно вздымалась; каждый мускулъ тѣла дрожалъ; широко раскрытые глаза, казалось, видѣли что-то, незримое простымъ смертнымъ... И вдругъ—высоко, къ небу, вскинувъ свои трепещущія руки, она запѣла гимнъ, въ которомъ звучало и торжество побѣды, и благодарность за избавленіе отъ жестокой гибели...

. . . .

Цѣломудренный богатырь, Ванъ-Дрюйеръ, сидѣлъ весь красный, съ открытымъ ртомъ, и дѣлалъ видъ, что не смотритъ на сцену, но его толстыя руки примѣтно дрожали. Симидзу, весь поглощенный зрѣлищемъ, качалъ головой въ тактъ пѣсни и прищелкивалъ

Digitized by Google

пальцами. Даже усталые, холодные глаза барона загорѣлись какимъ-то страннымъ огнемъ...

Miss Nelly нарушила очарованіе.

— Идіоты! Идіоты!—пронзительно закричала она, подбѣжавъ къ рампѣ. — Почему вы уставились, какъ бараны, на эту желтую выдру, на эту канатную плясунью? — Потому, что она имѣла безстыдство сорвать съ себя послѣднюю тряпку! Да! Да!—Въ безстыдствѣ она меня побѣдила!

Пѣсня оборвалась.

Лакмэ быстрѣе молніи вырвала одинъ изъ кинжаловъ, укрѣпленныхъ въ полу сцены, и ринулась на обидчицу... Но та успѣла соскочить въ публику... Баядерка—за ней...

Дальнѣйшее не поддается описанію...

Нагая женщина, отмахиваясь отъ преслѣдователей тяжелымъ, обоюдоострымъ мечомъ, гонялась по залу за другой, полуобнаженной, убѣгавшей отъ нея въ паническомъ страхѣ и молившей о защитѣ..

— Проиграла закладъ! — Исполнить договоръ! — Обрить! Обрить!—ревѣли одни...

— Вздоръ!—Акробатскій фокусъ—не танецъ!—Ее выгнать на улицу!—отвѣчали имъ.

— Дайте оружіе англичанкѣ!—Пусть подерутся!—Пусть рѣшатъ поединкомъ!—кричали нейтральные.

При самомъ началѣ этой сцены баронъ досадливо передернулъ плечами и, порывисто вставъ съ мѣста, направился къ выходу. Товарищи послѣдовали за нимъ.

— Ты что говоришь? — переспросилъ Симидзу, видя, что губы барона шевелятся, но ничего не слыша за шумомъ.

Digitized by Google

Вслѣдъ имъ несся грохотъ опрокидываемыхъ столовъ, звонъ стекла, испуганные (теперь уже непритворные) крики женщинъ... гремѣли выстрѣлы... слышались стоны раненыхъ и яростныя восклицанія дерущихся, уснащенныя проклятіями на всѣхъ языкахъ свѣта.

— Я говорю: вотъ они—твои „цари воздуха“, которые избиваютъ другъ друга, чтобы имѣть право надругаться надъ одной изъ этихъ женщинъ, которыя ихъ же тѣшили!..

Вызванные администраціей отряды полицейскихъ уже спѣшили къ мѣсту побоища. Для нихъ это было дѣломъ обычнымъ. Рѣдкій вечеръ заканчивался безъ „происшествія“. Таковъ ужъ народъ эти авіаторы, швыряющіе золото пригоршнями и постоянно забывающіе, что они въ Европѣ, а не въ Новой Гвинеѣ или Патагоніи, откуда только что прибыли.

— Кажется идетъ игра!? — оживленно крикнулъ одинъ изъ начальниковъ отрядовъ, едва не наткнувшись на тяжело шагавшаго голландца.

— А вотъ сунься, миленькій! Тамъ тебѣ покажутъ!—сердито проворчалъ тотъ.

Нѣкоторое время пріятели, герои войны за „миръ всего міра“, славные сподвижники „Короля Нибелунговъ“, связанные тѣсными узами боевого братства, шли молча, направляясь къ горѣвшему огнями „воздушному порту“, гдѣ грузились ихъ корабли.

— Такъ ты... не съ нами? — спросилъ японецъ внезапно дрогнувшимъ голосомъ.

— Нѣтъ! — рѣшительно прозвучало во тьмѣ. — И даже хуже... можетъ быть — противъ васъ!.. Я съ

Digitized by Google

восторгомъ шелъ жертвовать собою, шелъ на войну за „миръ всего міра“... Мечта не осуществилась... Одинаково ошиблись и Эдуардъ, взявшійся съ одного конца, и Вильгельмъ, взявшійся съ другого... Но то, что вы затѣваете теперь — это будетъ война всѣхъ противъ всѣхъ, это будетъ анархія... И ужъ если воевать окажется неизбѣжнымъ, то я, конечно, пойду войной противъ анархіи...

— Твое дѣло... Нѣтъ такой компаніи, которая бы не расходилась... Не поминай лихомъ...

— Прощай...

— Постойте, я тоже хочу сказать...—заговорилъ Ванъ-Дрюйеръ, какъ всегда, солидно и не торопясь.— Я не хочу сказать—„Прощай!“—Я навѣрно знаю, что когда все это будетъ, и ты увидишь... то ты придешь къ намъ и будешь тотъ самый, котораго ожидали...

Прежніе боевые товарищи, а въ будущемъ возможные враги, обмѣнялись крѣпкимъ рукопожатіемъ и разстались.

II.

Пираты воздуха.—Конгрессъ въ Вѣнѣ.—„Universal Airkingdom's Regulation“.—Отзывъ „Короля Нибелунговъ“.

На воздушныхъ путяхъ сообщенія стали замѣтно „пошаливать“.

Чаще и чаще пропадали безъ вѣсти воздушные корабли съ цѣннымъ грузомъ.

Сначала это приписывали „полосѣ несчастья“; за-

Digitized by Google

тѣмъ пошли слухи о какихъ-то „пиратахъ воздуха“, которые, проявляя свирѣпость и неумолимость мавровъ XVI столѣтія, превосходили ихъ тѣмъ, что выступали во всеоружіи техники XX вѣка.

Кромѣ того существенной разницей между ними и пиратами добраго стараго времени являлось то обстоятельство, что корабли послѣднихъ плавали по водѣ и обладали ограниченнымъ раіономъ дѣйствій, въ центрѣ котораго обычно находился ихъ портъ-убѣжище, а потому, когда подвиги этихъ вольныхъ рыцарей моря начинали становиться слишкомъ громкими, то снаряжались карательныя экспедиціи, безъ труда разыскивавшія и уничтожавшія разбойничье гнѣздо, послѣ чего, на время, наступало успокоеніе. При нѣкоторыхъ, особенно дерзкихъ, нападеніяхъ—организовывалась погоня и, часто, небезуспѣшно.

Въ данныхъ условіяхъ эти пріемы приходилось оставить, какъ недостигающіе цѣли.

Любая точка земного шара, отъ полюса до полюса, могла теперь сыграть роль порта-убѣжища, лишь бы тамъ были заранѣе устроены склады необходимыхъ припасовъ; о погонѣ, о выслѣживаніи—нечего было и думать, такъ какъ даже при ясномъ небѣ, съ наступленіемъ темноты, они становились невозможными, а при облачномъ небѣ, даже и среди бѣла дня, стоило лишь нырнуть въ тучи, чтобы замести всякій слѣдъ.

Что касается сбыта награбленнаго, то какія подозрѣнія могъ возбудить корабль, имѣвшій въ полномъ порядкѣ всѣ документы (?), согласно которымъ (скажемъ для примѣра) грузъ былъ принятъ въ Гаваннѣ и доставленъ въ Буэносъ-Айресъ, хотя-бы въ дѣйстви-

Digitized by Google

тельности онъ былъ „благопріобрѣтенъ“ на перелетѣ черезъ Тибетское плоскогорье?—Если даже дѣло оказывалось изъ особенно громкихъ, о которомъ безпроволочный телеграфъ уже успѣлъ оповѣстить всѣ уголки міра,—и тогда большихъ затрудненій не было: слѣдовало только не слишкомъ дорожиться, а охотниковъ пріобрѣсти за дешевую цѣну грузъ, съ формальной стороны совершенно чистый, оказывалось сколько угодно.—Мало-по-малу, начала нарождаться и спеціальная (конечно, негласная) агентура для такого рода сдѣлокъ...

Если же такому, документально чистому кораблю, нужно было что-нибудь купить, пополнить какіе-нибудь запасы (которыхъ не удалось получить упрощеннымъ способомъ), такъ ужъ тутъ, разумѣется, никакихъ затрудненій не оказывалось, особенно, если капитанъ не торговался.

Надо помнить, что право постройки и покупки воздушныхъ кораблей было объявлено свободнымъ, принадлежащимъ любому гражданину любого государства, и, при широкомъ развитіи товаро-обмѣна и быстротѣ перемѣщенія воздушныхъ кораблей изъ одного конца свѣта въ другой — точная регистрація ихъ все еще не могла наладиться, а, по мнѣнію многихъ спеціалистовъ, являлась и вовсе неосуществимой...

Всѣ воздушные корабли строились по одному типу, различаясь только размѣромъ и внутреннимъ устройствомъ. Стоило кораблю перекраситься въ другой цвѣтъ—и самъ его владѣлецъ, и даже человѣкъ, долго прослужившій на немъ, не были бы въ состояніи опознать его по внѣшнему виду.

Digitized by Google

Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, „воздушные пираты“ отнюдь не зарывали награбленныхъ сокровищъ въ какихъ-нибудь пустыняхъ и дикихъ мѣстахъ, но расходовали ихъ въ свое удовольствіе, смѣло прилетая въ самые людные, самые фешенебельные курорты, гдѣ, обычно, посѣтители смѣняются, какъ узоры въ калейдоскопѣ, и гдѣ рѣшительно нельзя сказать: кто въ самомъ дѣлѣ знатный путешественникъ, а кто— самозванецъ...

Словно вернувшись ко временамъ давно-прошедшимъ, суда коммерческаго флота начали вооружать артиллеріей, снабжать запасами метательныхъ бомбъ, комплектовать ихъ экипажемъ изъ людей смѣлыхъ, рѣшительныхъ, хорошо оплачиваемыхъ, но зато всегда готовыхъ вступить въ отчаянный бой съ пиратами. Однако, такая мѣра послужила только къ выгодѣ послѣднихъ. Раньше хоть по вооруженію можно было уличить ихъ (конечно, захвативъ врасплохъ) теперь— и эта примѣта потеряла свое значеніе.

Поговаривали даже, что многіе корабли пропадаютъ безъ вѣсти вовсе не потому, что ихъ захватываютъ пираты, а потому, что сами они дѣлаются пиратами.

Не вѣрили этому слуху растерявшіеся „солидные люди“, изъ поколѣнія въ поколѣніе жившіе благочестивой мыслью, что каждый ихъ служащій, согласно Св. Писанію, грѣхъ передъ ними (передъ хозяевами) почитаетъ грѣхомъ передъ Господомъ Богомъ и не захочетъ погубить души своей, лишиться богатства нетлѣннаго ради присвоенія себѣ малой части того земного богатства, которымъ они (хозяева) владѣютъ по милости Божіей...

Digitized by Google

Однако же, довольно скоро и эта послѣдняя надежда—надежда на благочестіе воздухоплавателей—была разбита.

Въ одинъ прекрасный день представитель торговаго дома „Вильсонъ, Диксонъ и Комп.“, съ нетерпѣніемъ ожидавшій прибытія изъ Ю. Америки цѣлой воздушной флотиліи съ весьма цѣннымъ грузомъ, получилъ такое письмо.

„М. Г.! Зрѣло обсудивъ всѣ доводы „за“ и „противъ“, мы пришли къ убѣжденію, что хозяиномъ воздушнаго корабля долженъ быть его экипажъ, ибо и въ Писаніи сказано—„Трудящійся да ястъ!“—Откуда слѣдуетъ, что нетрудящійся, но „ядущій“, поѣдаетъ чужой хлѣбъ и совершаетъ великій грѣхъ. Преисполненные къ вамъ глубокимъ расположеніемъ, рѣшили мы снять съ вашей души это тяжелое бремя, предоставивъ вамъ, согласно великому завѣту, „въ потѣ лица своего добывать хлѣбъ свой“.

Дальше слѣдовали подписи четырехъ капитановъ и post-scriptum: „Ну-ка, полетай самъ, старый чортъ!“

Конечно, благоразумнѣе было-бы и самое письмо, въ которомъ его преступные авторы такъ грубо и неостроумно потѣшались надъ человѣкомъ, довѣрившимся ихъ чести, и въ особенности post-scriptum сохранить въ тайнѣ,—но глава фирмы былъ такъ взволнованъ, такъ возмущенъ этимъ фактомъ, что поступилъ какъ разъ обратно и огласилъ его. Въ результатѣ—вечеромъ того же дня письмо попало въ газеты; на завтра—телеграфъ разнесъ его по всему свѣту, а... вѣдь примѣръ заразителенъ...

Digitized by Google

Оставаться дольше въ выжидательномъ положеніи оказывалось невозможнымъ. Необходимо было принять рѣшительныя мѣры.

Для выработки этихъ мѣръ собрался международный конгрессъ, но на этотъ разъ въ составѣ дипломатовъ, имѣвшихъ надлежащія полномочія.

Императоры, короли и президенты не нашли удобнымъ прибыть самолично. Почему? Причинъ тому было много, но первой, покрывающей всѣ остальныя, являлась высказанная императоромъ Вильгельмомъ, со свойственной ему солдатской прямотой и природнымъ юморомъ: „Я не перепелъ и не пойду подъ сѣтку! Вѣдь для нашихъ воздушныхъ анархистовъ это былъ бы богатѣйшій случай накрыть насъ всѣхъ разомъ! А на дипломатовъ они покушаться не станутъ!—Дичь не стоитъ заряда!“

Пожалуй, что онъ былъ правъ, такъ какъ во-первыхъ—никакой попытки помѣшать работамъ конгресса сдѣлано не было, а во-вторыхъ...

Впрочемъ не будемъ забѣгать впередъ.

Какъ водится, первыя засѣданія конгресса были чисто дѣловыя: выборъ президіума, выясненіе программы работъ въ самыхъ общихъ чертахъ и выборъ комиссій, немедленно выдѣлившихъ изъ своей среды соотвѣтственныя подкомиссіи.

Долго думали надъ кардинальнымъ вопросомъ: „Какъ опредѣлить то зло, съ которымъ нужно бороться?“

Думали объ этомъ еще много раньше, чѣмъ „слетѣться“ на конгрессъ, но ничего не придумали; думали „слетѣвшись“, — и опять бы ничего не вышло,

Digitized by Google

если бы не спасло застольное остроуміе одного русскаго дипломата. — Извѣстно, что съ древнѣйшихъ временъ дипломаты этой національности пріобрѣтали извѣстность, даже славу, своими „mots“.

Въ какомъ бы скверномъ положеніи они не оказывались — всегда умѣли отшутиться! А въ этомъ — секретъ успѣха.

Одного изъ нихъ совсѣмъ было загрызли послѣ русско-японской войны.

— Какъ вы допустили? Какъ вы позволили? Безумная авантюра! Зарвавшіеся флибустьеры! — говорили ему.

— Совсѣмъ нѣтъ. Вовсе не безумная авантюра, а дѣльное предпріятіе. Удавалось же англичанамъ!.. Но что вы хотите, если во главѣ дѣла оказался Безобразовъ? Ничего не могло выйти кромѣ „безобразія!“

— Epatant! Voilà un homme d'esprit! — смѣялись кругомъ.

— Но вы забываете, что для такихъ предпріятій у англичанъ были люди, стоявшіе на высотѣ положенія, — пробовали спорить нѣкоторые. — Напримѣръ... хотя бы Сесиль Родсъ! почти геній!

— Если вы изволили сказать „почти“, то и у насъ былъ такой приготовленъ...

— Кто-же?

— Алексѣевъ Ев—геній!..

Возможно ли было состязаться съ человѣкомъ до такой степени находчивымъ?..

Но къ дѣлу.

Вопросъ, мучившій дипломатовъ, былъ разрѣшенъ совершенно неожиданно и удивительно просто (можно

Digitized by Google

сказать—по вдохновенію) за ужиномъ у Захера (конгрессъ имѣлъ мѣсто въ Вѣнѣ).

— Все-таки это странно... — задумчиво говорила очаровательная графиня Меттернихъ, происходившая по прямой линіи отъ знаменитаго предка, а потому считавшая своимъ священнымъ долгомъ интересоваться „высокой политикой“ и высказывать о ней свои компетентныя сужденія.—Вы до сихъ поръ не формулировали: — противъ чего, именно, необходимо принять мѣры!—Au moins, c'est drôle!

— C'est idiot! — рѣшительно заявила госпожа Тегеттофъ, которую во вниманіе къ заслугамъ того, чье имя она носила, въ обществѣ называли „адмиральшей“.

Почтенный дипломатъ, сидѣвшій между ними, низко склонилъ свою лысину, словно безъ мѣры угнетенный такими нападками... а на самомъ дѣлѣ для того лишь, чтобы поймать то „mot“, основная идея котораго уже мелькнула въ его мозгу, уже поднималась откуда-то изъ глубины, но слабо, разрозненно, подобно пузырькамъ газа, поднимавшимся со дна его бокала...

Оркестръ игралъ вальсъ изъ „Веселой Вдовы“— „Тихо качайтесь, качели“... — А почему это такъ заманчиво, такъ много говоритъ сердцу?..—Да потому, что, какъ бы высоко ни взметывались на качеляхъ всѣ эти dessous, онѣ все же прикрѣплены къ землѣ, вернутся къ ней!..

И рѣшеніе было найдено.

— Mesdames!—проговорилъ старецъ, поднимая голову и окидывая не только сосѣдокъ, но и весь столъ, такимъ взглядомъ, по которому всѣ поняли, что готовится „событіе“.—Я собирался сказать это завтра,

Digitized by Google

но, разъ вы настаиваете, скажу сегодня: — Мы призваны бороться противъ „безпочвенности“... Понимаете?—противъ „*безпочвенности*!“—Люди не должны терять связи съ „почвой“, на которой родились, на которой сдѣлали первые свои шаги! Какъ только человѣкъ поднимается въ воздухъ такъ высоко, что его ближніе кажутся ему ничтожными букашками, города—муравейниками, вѣковые лѣса—лишаями, какъ только онъ начинаетъ чувствовать себя внѣ предѣловъ досягаемости той благодѣтельной власти, которая обитаетъ на поверхности земли, которая, опираясь на спасительную силу и пользуясь ею для всеобщаго блага, караетъ и милуетъ по заслугамъ,—съ того момента онъ теряетъ связь съ „почвой“, и отсюда—всѣ наши бѣдствія!—Тѣхъ, кто желаетъ пользоваться благами жизни на землѣ, надо вернуть на лоно ихъ прародительницы, а кто не желаетъ подчиниться—тотъ *внѣ закона!*—И мы сумѣемъ это сдѣлать!—Чего не сдѣлаетъ дружное единеніе всѣхъ правительствъ міра?!

Эта краткая рѣчь, къ которой прислушивались даже и за сосѣдними столами, вызвала взрывъ восторга.

Все стало совершенно ясно.

Почему такъ? А вспомните, какъ въ концѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія изъ долины Янтсекіанга двинулась на міръ страшная эпидемія: тогда тоже всѣ заволновались, но—стоило докторамъ сказать, что это „инфлуэнца“—и всѣ успокоились, хотя число смертныхъ случаевъ отнюдь не уменьшилось отъ присвоенія болѣзни новой клички взамѣнъ такой старой, такой надоѣвшей—„гриппъ“...

Digitized by Google

— Надо принять мѣры противъ безпочвенности!— C'est le deracinement qui nous fait tant des embarra !— C'est ça!—C'est ça!—слышалось кругомъ.

Только „адмиральша“ осталась при особомъ мнѣніи, заявивъ, что — „Ils ne sauront jamais être si dupes!“—а по поводу восторговъ слушателей пожала плечами и добавила излюбленное—„C'est idiot!“

У всякой машины есть своя „мертвая точка“, и напрасно говорятъ, что у машинъ новѣйшей конструкціи ея не существуетъ вовсе. Это неправда, и утверждать это могутъ лишь тѣ мечтатели, которые и по сейчасъ вѣрятъ въ возможность изобрѣтенія „perpetuum mobile“.—Мертвая точка—это необходимая принадлежность всякаго механизма, то положеніе, когда всѣ силы, дѣйствующія на его составныя части, находятся въ равновѣсіи, взаимно парализуютъ другъ друга. Не будь возможности такого положенія, мы имѣли бы дѣло съ машиной, способной самое себя уничтожить, безгранично развивая разъ сообщенную ей энергію. Если наши машины не останавливаются на „мертвой точкѣ“, то лишь потому, что побочные, дополнительные механизмы (прообразъ которыхъ — маховое колесо) не позволяютъ имъ замереть на ней. И вѣдь въ большинствѣ случаевъ этотъ животворящій толчокъ является ничтожнымъ по своей абсолютной величинѣ.

Ноль—стопъ машина.

Безконечно-малая величина—ходъ (впередъ или назадъ, но все же движеніе)...

Такъ было и на конгрессѣ.

Digitized by Google

Мужи совѣта и разума, собравшіеся на конгрессъ, застыли на мертвой точкѣ и цѣлыми кипами нотъ и меморандумовъ старались прикрыть свое искреннее недоумѣніе: — съ чѣмъ, собственно, они призваны бороться?—когда крылатое слово, брошенное за ужиномъ у Захера, пустило машину въ ходъ.

Человѣчество, взвившееся къ небу, порвавшее священныя связи съ поверхностью земли, орошенной потомъ и кровью несмѣтнаго числа поколѣній предковъ, надо было вернуть на эту землю! внушить благомыслящимъ, что только здѣсь, подъ защитой законовъ, они могутъ быть счастливы! — безумцевъ же... истребить!

Все стало ясно.

Заработали подкомиссіи и комиссіи; высоко продуктивными оказались и пленарныя засѣданія конгресса...

Позволимъ себѣ лишь вкратцѣ изложить здѣсь то самое „Universal Airkingdom's Regulation", о которомъ упомянуто въ заголовкѣ.

1) Въ огражденіе интересовъ благонамѣренныхъ гражданъ міра и для обузданія злонамѣренныхъ— правительства всѣхъ странъ обязывались возстановить боевые воздушные флоты и постоянныя арміи.

2) Въ интересахъ процвѣтанія товаро-обмѣна устанавливались особые пути слѣдованія коммерческихъ судовъ, патрулируемые боевыми флотами, а въ пунктахъ разгрузки и нагрузки обезпеченные подземными крѣпостями отъ всякаго покушенія со стороны пиратовъ, причемъ:

а) всякій добропорядочный торговый корабль обя-

Digitized by Google

занъ былъ слѣдовать указаннымъ путемъ не выше 20 метровъ надъ горизонтомъ торговаго тракта, а всякій, прибывающій съ высоты, почитался сущимъ „внѣ закона“.

б) Городъ, община или селеніе, оказавшіе гостепріимство таковымъ (прибывшимъ не по тракту) почитались соучастниками оныхъ и подвергались либо полному уничтоженію, либо (если будутъ признаны смягчающія вину обстоятельства) соотвѣтственной экзекуціи.

3) Строительство воздушныхъ кораблей объявлялось правительственной монополіей, а владѣніе оными—правомъ лицъ и компаній, получившихъ на то законное разрѣшеніе.

Примѣчаніе: частныя верфи и заводы могли продолжать свое существованіе на тѣхъ же условіяхъ (приблизительно), какъ нѣкогда существовали въ Россіи частновладѣльческіе винокуренные заводы при введеніи винной монополіи.

4) Расходы по содержанію надлежащей охраны и постройкѣ многочисленныхъ подземныхъ крѣпостей покрываются спеціально для сей цѣли взимаемыми пошлинами съ грузоотправителей и грузополучателей.

5) Въ виду возможности (изъ-за вздорожанія воздушнаго фрахта) возобновленія перевозки товаровъ по поверхности суши и моря, желѣзнодорожнымъ поѣздамъ и океанскимъ пароходамъ рекомендуется собираться въ караваны, кои (за опредѣленное вознагражденіе) будутъ конвоироваться отрядами воздушнаго флота, ограждающими ихъ отъ всякихъ случайностей въ пути.

Digitized by Google

И т. д., и т. д.

Почтенные знатоки международнаго права, поймавъ руководящую идею, ухватившись за ниточку, конечно, не затруднились замотать ее въ такой клубокъ, разрубить который было бы по плечу развѣ Александру Македонскому.

Самъ профессоръ Мартенсъ, прочтя договоръ въ окончательной его редакціи, воскликнулъ: — „Нынѣ отпущаеши!.. Лучше мы ничего не напишемъ!..“

Но былъ человѣкъ, который не удовлетворился этимъ трактатомъ.

Это былъ „Король Нибелунговъ“, говорившій нѣкогда, что идетъ умирать за „право каждаго быть самимъ собою“.

И когда имперскій канцлеръ докладывалъ ему о результатахъ работъ конгресса, онъ перебилъ его на самомъ интересномъ мѣстѣ не то гнѣвнымъ, не то скорбнымъ возгласомъ:

— Вздоръ!.. Не то!.. Такъ я и думалъ!..

— Осмѣлюсь доложить, — проговорилъ старый дипломатъ, почтительно склоняя голову,—что, вѣроятно, по моей винѣ, основная идея новаго международнаго законодательства, тотъ исходный пунктъ, который былъ нами принятъ, остался неяснымъ для вашего величества. Не скрою, что всѣ эти параграфы и примѣчанія къ нимъ только затемняютъ дѣло, но вѣдь такъ нужно! — Безъ этой скрупулезной регламентаціи невозможно никакое міровое соглашеніе!—Суть же настоящаго (для васъ) можетъ быть формулирована въ двухъ краткихъ положеніяхъ, которыми мы руково-

Digitized by Google

дились: —Primo—большинство и понынѣ обитаетъ на поверхности земли, дорожитъ благами жизни, готово принести всѣ жертвы для поддержанія порядка, выработаннаго тысячелѣтіями; большинство, особенно сплотившееся передъ лицомъ общей опасности, это—реальная сила, на которую мы всегда можемъ опереться.—Secundo—меньшинство, взвившись къ небу, потеряло связь съ почвой, исповѣдуетъ принципы анархіи, но, конечно, легко можетъ быть обуздано подавляющимъ, тѣсно-сплоченнымъ, большинствомъ. Кажется, я выразился достаточно ясно, но, разумѣется, былъ бы счастливъ освѣдомиться объ иномъ способѣ разрѣшенія дилеммы, буде таковое имѣется...

— Такъ... такъ... — перебилъ его собесѣдникъ.— Все—какъ по нотамъ... А помните ли вы то время, когда безъ различія званій, состояній и даже національностей собирались подъ моимъ знаменемъ первые „Нибелунги?“—Развѣ сила, организація, само „большинство“ не было противъ насъ? Но мы—побѣдили!.. Стадо буйволовъ можетъ затоптать спящаго льва, но горе имъ, если онъ во-время проснется!.. Вы думаете въ сотняхъ милліоновъ пресмыкающихся найти надежную опору противъ сотенъ тысячъ орловъ?—Напрасная надежда!..

— Но... ваше величество... что же вы сами предложили бы для борьбы съ надвигающимся бѣдствіемъ, если наше рѣшеніе васъ не удовлетворяетъ?..

— Ничего!.. И если бы долгъ чести не удерживалъ меня на моемъ посту, я... былъ бы съ ними!.. Возможно, что первое время успѣхъ будетъ на вашей сторонѣ, — продолжалъ онъ съ какимъ-то мрачнымъ

Digitized by Google

вдохновеніемъ,—возможно, что вамъ удастся подрѣзать имъ крылья... Но... вѣдь крылья отростаютъ!..

— Соединенныя усилія и планомѣрная дѣятельность всѣхъ правительствъ міра... Что могутъ противупоставить имъ разрозненныя разбойничьи шайки?..

— Ага! вотъ когда вы сказали настоящее слово—„разрозненныя“!.. А если они объединятся?.. А если царство воздуха пойдетъ войною, настоящей войною, на царство земли?.. И если война будетъ на жизнь и смерть, то кто окажется побѣдителемъ—трусливое большинство, приникнувшее къ землѣ, или отважное меньшинство, поднявшееся надъ нею?..—Рабы всегда были въ большинствѣ, но никогда не господствовали!..

— Ваше величество... можно подумать...

— Думайте, что хотите, утѣшайтесь мыслью, что, Богъ дастъ, и они тоже „думаютъ“... Старайтесь не допустить ихъ объединенія... Это—главное... Можетъ быть, на вашъ вѣкъ и хватитъ этого раздумья и розни...

III.

Начало борьбы.—Baron von Deutschkopf.—Противъ анархіи.—„Прискорбный случай“.

По всему лицу земли закипѣла работа.

Странная работа!—Милліарды готовились обороняться (!) отъ нападенія тысячъ.—Самая эта идея не была ли залогомъ пораженія первыхъ и торжества послѣднихъ?

Человѣчество, рванувшееся къ небу, устрашилось

Digitized by Google

своей дерзости и снова приникло къ землѣ... Воздушные корабли, которымъ, казалось бы, никакіе пути не были заказаны, шли опредѣленными трактами, такъ низко, такъ низко надъ землей, что вершины могучихъ дубовъ грозили имъ крушеніемъ, встрѣчали ихъ негодующимъ ропотомъ...

Да что дубы!..—Тощая, жесткая осока, и та глумилась надъ ними:—„Я, корнемъ моимъ тѣсно привязанная къ землѣ, тянусь вверхъ, истощая свои силы, рвусь къ небу, къ солнцу, къ свободѣ, дальше отъ моего болота, отъ его слизняковъ, жабъ, лягушекъ и даже мошкары, уже поднявшейся надъ нимъ...— А вы?..—рады были бы зарыться въ немъ!.. Жабы! Жабы!.. Прирожденныя пресмыкающіяся!..“

Но не понимали люди ни говора могучихъ дубовъ, ни шелеста слабой травы... Негодующій голосъ природы не находилъ отзвука въ ихъ сердцѣ, полномъ только одной жажды—жажды наживы, жажды личнаго благополучія, руководящагося правиломъ—„урвать что можно, а тамъ—хоть потопъ!..“

И, казалось, правъ былъ вѣнценосный герой, родившійся не то на нѣсколько столѣтій позже, не то на нѣсколько столѣтій раньше, чѣмъ слѣдовало, сказавшій:—„Тѣшьтесь!.. можетъ быть, на вашъ вѣкъ хватитъ!..“

При новыхъ условіяхъ „Пираты воздуха“ измѣнили свою тактику.

За отсутствіемъ дичи въ воздушномъ царствѣ они оказались вынужденными охотиться за ней на поверхности земли.

Конечно, не на „трактахъ“ (хотя и тутъ иной

Digitized by Google

разъ происходили жестокія битвы съ конвоирами), но главнымъ образомъ въ сторонѣ отъ нихъ, въ городахъ и селеніяхъ, не имѣющихъ охраны.

Являлся отрядъ и требовалъ контрибуціи, угрожая уничтоженіемъ.— Что было дѣлать? — Сопротивленіе, при отсутствіи боевого воздушнаго флота, было бы безуміемъ, самоубійствомъ („они“ никогда не задумывались привести свою угрозу въ исполненіе)...—Взывать о помощи?—Но много ли надо было времени, чтобы смести съ лица земли тѣхъ, кто бы осмѣлился на такой поступокъ?—Въ большинствѣ случаевъ платили безпрекословно...—А на полученныя деньги всегда можно было, въ другомъ глухомъ мѣстѣ, получить все необходимое, подъ той же угрозой...

Тщетно пытались боевые флоты великихъ державъ разыскать и уничтожить самыя гнѣзда хищниковъ— земля оказывалась слишкомъ огромной, чтобы возможно было покрыть ее достаточно густой сѣтью агентовъ, а безъ этого для „пиратовъ воздуха“ оставалось довольно такихъ мѣстъ, гдѣ, хотя бы на время, они чувствовали себя вполнѣ спокойно.

По существу это была даже не война, а лишь попытка бойкота царей воздуха рабами земли...

Правило, гласившее, что „городъ, община или селеніе, оказавшіе гостепріимство (вообще вступившіе въ сношенія съ воздушными пиратами), почитаются соучастниками оныхъ и подлежатъ уничтоженію“— примѣнялось съ неумолимой жестокостью.

Часто страдали невинные, но... но лѣсъ рубятъ— щепки летятъ...

Digitized by Google

Настоящее имя „барона“, съ которымъ читатели имѣли случай познакомиться въ Café Montretout, было Сергѣй Петровичъ Дьячковъ, и въ жилахъ его не текло ни капли нѣмецкой крови.

Будучи студентомъ послѣдняго курса рижскаго политехникума, онъ оказался однимъ изъ первыхъ иностранцевъ, откликнувшихся на гордый призывъ императора Вильгельма и вступившихъ въ ряды Нибелунговъ.

Блестящій умъ въ соединеніи съ физической силой и ловкостью, при желѣзной волѣ и врожденномъ дарѣ командованія, не могли остаться незамѣченными. Во время непродолжительной, но жестокой, войны за освобожденіе народовъ изъ-подъ ига „Царицы Міра“, имя его прогремѣло по всему свѣту, а къ моменту всеобщаго разоруженія онъ былъ начальникомъ цѣлой эскадры, любимымъ адмираломъ „Короля Нибелунговъ“, командовавшаго воздушными силами союзниковъ.

Что касается прозвища, то онъ вывезъ его изъ Риги, гдѣ однажды, въ горячемъ спорѣ, любимецъ молодежи, профессоръ Иванъ Дмитріевичъ Пантелѣевъ, заявилъ, что у него вовсе не славянскій складъ ума и характера, что это „не Дьячковъ, а Дейтшкопфъ, да еще и не простой, а изъ бароновъ!“—и закончилъ предположеніемъ, что Сергѣя Петровича какой-то хитрый чортъ въ дѣтствѣ подмѣнилъ покойникомъ изъ склепа Митавскаго замка. — Товарищи много смѣялись надъ такимъ выпадомъ, но не могли не признать мѣткости сравненія, и кличка оказалась плотно привѣшенной, а въ дальнѣйшей карьерѣ превратилась въ nom de bataille.

Digitized by Google

Не только современники, знавшіе о немъ лишь по наслышкѣ, но даже и люди, хвалившіеся близкимъ знакомствомъ съ этимъ человѣкомъ, давали о немъ самые разнорѣчивые отзывы:—Выходецъ изъ могилъ средневѣкового рыцарства.—Воинъ-гражданинъ далекаго будущаго.—Романтикъ, живущій сердцемъ.—Реалистъ, слуга холодного разсчета.—Полагающій душу свою за единаго изъ малыхъ сихъ.—Способный, не моргнувъ глазомъ, быть свидѣтелемъ гибели всего человѣчества.—Воплощеніе страсти.—Идеалъ безчувственной машины...

Въ этихъ оцѣнкахъ не было „золотой средины", но только крайности, которыя... qui se touchent...

Только настоящіе друзья, бывшіе боевые товарищи, знали кое-что подлинное, скрытое на днѣ его души, и вотъ почему, ни на мгновеніе не задумавшись, они раскрывали передъ нимъ свои планы, заранѣе увѣренные, что, если даже онъ будетъ не съ ними, а противъ нихъ, то ужъ во всякомъ случаѣ не продастъ и не выдастъ!—И вотъ почему съ горечью, но безъ гнѣва и раздраженія, Симидзу сказалъ свое— „Не поминай лихомъ"—а Ванъ Дрюйеръ заявилъ— „Ты придешь къ намъ и будешь тотъ, котораго ожидали!"

Эти знали съ кѣмъ имѣютъ дѣло, знали, можетъ быть, лучше, чѣмъ самъ онъ, всегда хвалившійся строгой обоснованностью принимаемыхъ имъ рѣшеній...

Баронъ (будемъ называть его такъ) шагалъ изъ угла въ уголъ своего кабинета, и странныя мысли—

Digitized by Google

не мысли, а какіе-то образы вставали передъ нимъ, плыли несвязной чередой.

Въ сумеркахъ особенно часто случается, что вдругъ картины прошлаго такъ ярко, такъ отчетливо воскресаютъ въ памяти... и не всѣ, а лишь тѣ, которыя важны и нужны...—Многое изъ того, что когда-то хотѣлось твердо, навсегда запомнить,—забывается, кажется вздоромъ, а вотъ какіе-то пустяки, внезапно всплывшіе изъ тьмы забвенія,—волнуютъ, тревожатъ... что-то подступаетъ къ горлу... что-то застилаетъ туманомъ глаза... но въ этомъ туманѣ только яснѣе видишь...

Безумный восторгъ гимназиста при чтеніи манифеста Эдуарда VII—„Миръ всего міра!“... Не будь онъ по природѣ „Дейтшкопфъ“, онъ тогда же сбѣжалъ бы волонтеромъ въ эти „священныя дружины!..“—Обманъ!—Все оказалось обманомъ!.. —Новый подъемъ духа—призывъ „Короля Нибелунговъ!“—Тутъ онъ не выдержалъ.—Онъ былъ уже совершеннолѣтнимъ и могъ располагать самимъ собою!..—Вспомнился старый профессоръ Пантелѣевъ, въ семьѣ котораго онъ былъ своимъ человѣкомъ, его слова:—„Что Эдуардъ? что Вильгельмъ?—силою вещей всѣ придутъ къ одному концу—къ тому, чтобы сильная организація господствовала надъ слабой организаціей.—Куда лѣзете? на какой рожонъ, и чего ради?“—Но развѣ можно было, въ то время, слушать такія слова безъ гнѣва?..—И еще помнитъ онъ (такъ хорошо помнитъ) маленькую Вѣрочку, еще ненадѣвшую длиннаго платья, которая благословляла его на „великій подвигъ“ и плакала горькими слезами потому, что ни она, ни ея братъ,

Digitized by Google

Ѳедя, не могли слѣдовать за нимъ „на службу человѣчеству“ изъ-за себялюбивой маніи отца, этого „тирана“, не задумавшагося даже полицію предупредить о возможности съ ихъ стороны попытки къ бѣгству...

— Какъ глупо! — для самого себя неожиданно, вслухъ промолвилъ баронъ.—Тутъ—дѣло, а въ голову лѣзетъ какая то дрянь...

Но не было силъ отвязаться отъ этой „дряни“.

Онъ не могъ не вспомнить, не пережить вновь того волненія, съ которымъ, работая въ подземныхъ верфяхъ Вестфаліи, онъ получилъ (какимъ труднымъ, какимъ окольнымъ путемъ) маленькій крестикъ, съ вырѣзанной на немъ надписью:—„Спаси и сохрани!“

— Да нѣтъ! не то! совсѣмъ не то!—сердито отмахивался онъ...

А неумолимая память нашептывала:—Какъ не то? Развѣ не помнишь, какъ въ бою надъ Глазгоу ты подносилъ руку къ этому крестику, одѣтому на шею, какъ ты шепталъ:—„Господи! Спаси и сохрани!“

— Было! Было! Но...—Отвяжись!—Прошло и забыто, основательно забыто!..

Не сумерки только такъ—(выражаясь грубо) „растормошили“ этого человѣка, передъ непоколебимостью рѣшеній котораго преклонялись всѣ его окружавшіе... (Одни—съ ужасомъ, другіе—съ благоговѣніемъ, но преклонялись—всѣ).

Когда, согласно пунктамъ трактата „великаго конгресса“, возстановлены были военные (воздушные) флоты и постоянныя арміи (на поверхности земли)— „Баронъ“, вѣрный слову, былъ однимъ изъ первыхъ,

Digitized by Google

предложившихъ свои услуги для борьбы съ нарождающейся анархіей.

Это была тяжелая служба, особенно тяжелая потому, что въ основѣ своей являлась оборонительной.

Иниціатива нападенія всегда была въ рукахъ этихъ разбойничьихъ шаекъ, неизвѣстно откуда появлявшихся и неизвѣстно куда исчезавшихъ.

Рѣдко, очень рѣдко, рѣшались пираты нападать открытой силой, а одно имя „Барона“ было почти всегда вѣрнымъ обезпеченіемъ каравана, который онъ конвоировалъ.

Было ли то слѣдствіемъ славы его непобѣдимости, или... просто прежніе боевые товарищи *не хотѣли* (по старой дружбѣ) встрѣчаться съ нимъ?..—Какъ знать?..

Самъ онъ не разъ задумывался надъ этимъ, да и теперь странная мысль опять пришла въ голову:—„А что, если найдется человѣкъ, который объединитъ ихъ? Вѣдь и сейчасъ, de facto, нападаютъ они...— Что, если они поймутъ все преимущество такой позиціи, сознательно перейдутъ въ наступленіе?..“

Но досадливое воображеніе отрывало его отъ обсужденія вопросовъ высокой важности, рисовало передъ нимъ картины прошлаго... уже недавняго.— „Это“ случилось всего нѣсколько дней тому назадъ.

Тайные агенты донесли правительству, что какая то деревушка въ горахъ Шварцвальда не только приняла у себя отрядъ пиратовъ, но даже снабдила ихъ огромными запасами живности и свѣжей провизіи, конечно, за щедрую плату, хотя для видимости было симулировано насиліе. По счастью, простодушные

Digitized by Google

горцы плохо разучили свои роли и высокоопытнымъ чинамъ слѣдственной комиссіи не стоило никакого труда вывести ихъ на свѣжую воду.

Важнѣе всего было то, что уличенные, прижатые къ стѣнѣ, деревенскіе старики не только не проявили чистосердечнаго раскаянія въ содѣянномъ преступленіи, но даже позволили себѣ высказывать сужденія о справедливости или несправедливости дѣйствующихъ законовъ...

— Почему я не имѣю права продать моихъ запасовъ человѣку, который даетъ за нихъ хорошія деньги?

— Но эти люди—враги общества!

— Какіе же враги!—За все заплатили, никого пальцемъ не тронули, солидныхъ людей пивомъ угостили, а молодежи подарковъ надавали...—Нѣтъ!.. это вы—напрасно!.. „Общество“ очень ими довольно...

— Да не о вашемъ обществѣ рѣчь!—гнѣвно перебилъ старосту предсѣдатель слѣдственной комиссіи. — Они враги государства! Само правительство объявило ихъ внѣ закона, а вы являетесь ихъ сообщниками!

— Мы продаемъ—они покупаютъ...

— Не смѣете продавать! Вотъ если бы они перебили васъ и захватили ваше имущество силой...

— Помилуй Богъ! Лучше добромъ отдать...

— Не разговаривать! Скоро узнаете, что „лучше!“ Мятежники!..

Во вниманіе къ дикости обитателей (смягчающее вину обстоятельство) приказано было не вовсе смести деревушку съ лица земли, а лишь произвести нѣко-

Digitized by Google

торую „экзекуцію“ для искорененія вредныхъ идей, въ надеждѣ, что, почувствовавъ надъ собою карающую руку, деревенскіе философы сразу одумаются.

Баронъ не участвовалъ въ этой экспедиціи.—Онъ вообще уклонялся отъ порученій подобнаго рода, а начальство, высоко цѣня его способности, не навязывало ему ихъ.

Въ данномъ случаѣ его и не подумали безпокоить.—Полицейскій аэромобиль, бросившій въ деревушку нѣсколько бомбъ, оказался достаточной силой, чтобы къ начальству полетѣли самыя отчаянныя и смиренныя мольбы о пощадѣ... Зато, для большаго эффекта (а можетъ быть и тайнаго страха ради—вдругъ нагрянутъ пираты), правительственный комиссаръ отправился вершить судъ и расправу, казнить и миловать, въ сопровожденіи цѣлой эскадры, предводительствуемой самимъ „Барономъ“.

Какъ только они прибыли на мѣсто преступленія, онъ сразу же узналъ эту деревушку, сразу вспомнилъ...

— Да, да... конечно, здѣсь!..—и суровое лицо воина, закаленнаго въ бояхъ, озарилось мягкой улыбкой...

Онъ вспомнилъ...—Это было?.. кажется въ августѣ?..—Эскадра возвращалась послѣ долгаго труднаго крейсерства, увѣнчавшагося рѣдкимъ успѣхомъ—посчастливилось выслѣдить врага, найти одно изъ его прибѣжищъ (увы!—одно изъ многихъ...) и послѣ жаркаго боя—все уничтожить...

Имъ такъ приглянулась эта деревушка, прилѣпившаяся на склонѣ горы...

Digitized by Google

— А что, если бы остановиться ненадолго, поразмять ноги, выпить деревенскаго пива да закусить сыромъ на самомъ мѣстѣ его производства?—предложилъ ему командиръ его флагманскаго корабля, тоже бывшій „Нибелунгъ", кавказецъ Ибрагимъ-Магометъ Риза-Ханъ, больше извѣстный подъ кличкой „Джигитъ".

— Почему нѣтъ? Намъ не къ спѣху...

Затрещалъ аппаратъ безпроволочнаго телеграфа,—и не прошло получаса, какъ горная деревушка закипѣла жизнью.

Неожиданный пикникъ всѣмъ по душѣ пришелся. Съ дежурнаго корабля, парившаго высоко въ воздухѣ, и ежеминутно готоваго подать сигналъ о тревогѣ, чуть покажется что-либо подозрительное (здѣсь вѣдь не было подземныхъ батарей, охранявшихъ обычныя мѣста отдыха воздушнаго флота), не столько наблюдали за горизонтомъ, сколько глядѣли внизъ, на главную площадь, гдѣ, подъ звуки деревенскаго оркестра музыкантовъ-любителей, кружились пары, а въ тѣни деревьевъ все увеличивалось и увеличивалось число бѣлыхъ пятенъ—вновь и вновь появлявшіеся столики, накрытые чистыми скатертями, за которыми расположились люди солидные.

— А вдругъ мы — переодѣтые пираты!—шутилъ „Баронъ", принимая кружку пѣнистаго пива изъ рукъ хорошенькой Эльзы, дочери старшины, въ видѣ особаго почета, лично услуживавшей знаменитому гостю.

— Ну такъ что же? Я бы не испугалась, если и пираты такіе учтивые кавалеры!—отпарировала дѣвушка, кокетливо играя ножкой, обутой въ черный чулокъ и туфельку съ блестящей серебряной пряжкой.

Digitized by Google

(Изъ-подъ короткой красной юбки нога была видна почти до колѣна).

— А если мы васъ похитимъ?

Но въ отвѣтъ она такъ задорно, такъ лукаво смѣялась, какъ будто даже и похищеніе не казалось ей особенно страшнымъ...

— Да вѣдь не я похищу!—въ томъ же тонѣ продолжалъ „Баронъ". — Я старый песъ, и вы меня, конечно, подъ башмакъ уберете! А вотъ онъ—страшный „Джигитъ!"—По ихъ закону у него ужъ есть четыре законныя жены, а вы будете пятой, незаконной!

— Видалъ, какъ вретъ!—отозвался Джигитъ...

Но Эльза не потерялась.

— Пятая?—И отлично!—заявила она.—Значитъ всѣмъ четыремъ—разводъ, и я буду—первой...

— ...И единственной...—не сдержался кавказецъ, но тотчасъ же добавилъ:—Если будешь!..

Всѣ такъ смѣялись... И въ самомъ дѣлѣ было превесело...

Да... да... все это онъ живо вспомнилъ, еще только спускаясь къ деревнѣ...

Они шли по безлюднымъ улицамъ, направляясь къ домику, носившему громкое названіе ратгауза.—Хотя бомбъ было брошено только „нѣсколько", но, несмотря на всѣ старанія обывателей, безропотно покорившихся своей судьбѣ, изъ всѣхъ силъ старавшихся приготовить высокимъ гостямъ должный пріемъ,—всюду видны были слѣды разрушенія... Трупы конечно успѣли убрать, и даже лужи крови были присыпаны свѣжимъ

Digitized by Google

песочкомъ, но именно эти-то пятна и бросались въ глаза своей свѣжестью...

Внезапно „Баронъ“ чѣмъ-то заинтересовался, отдѣлился отъ торжественнаго шествія и свернулъ во дворъ полуразрушеннаго дома... Предметъ, привлекшій его вниманіе—была нога въ очень высокомъ черномъ чулкѣ, обутая въ черную же туфельку съ серебряной пряжкой, торчавшая изъ обломковъ... Она казалась совсѣмъ живой, такой изящной, такъ задорно вытянувшей своей узенькій носокъ... Подойдя ближе, онъ понялъ:—это былъ обрывокъ человѣческаго тѣла, который не доглядѣли, не успѣли прибрать... Нога, несомнѣнно женская, оторванная выше колѣна... А черный чулокъ, который казался такимъ высокимъ, какихъ въ деревняхъ не носятъ, это была сплошная масса мухъ, жадно накинувшихся на добычу... Не сразу догадавшись, онъ наклонился, и въ лицо ему ударило отвратительнымъ трупнымъ запахомъ, а потревоженныя мухи черной тучей, съ сердитымъ жужжаніемъ, закружились передъ глазами... Даже теперь... только вспомнивъ объ этомъ, онъ болѣзненно передернулъ плечами, словно ежась отъ холода, а тогда... онъ чуть не упалъ, услышавъ за спиной не то растерянный, не то недоумѣвающій возгласъ:—„Скажи пожалуйста!.. совсѣмъ ея нога!..“—Это говорилъ Джигитъ, неотступно слѣдовавшій за Барономъ въ тѣхъ случаяхъ, когда полагалъ, что любимому начальнику можетъ угрожать опасность.

. . . .

И все оказалось сплошнымъ недоразумѣніемъ, вызваннымъ чрезмѣрнымъ усердіемъ агентовъ тайнаго

Digitized by Google

надзора.—Никакіе пираты никогда не заглядывали въ деревушку.—Единственная воздушная эскадра, навѣстившая ее — это была его собственная эскадра, подъ его личнымъ начальствомъ!..

— Прискорбный случай!..—вспомнилась ему фраза правительственнаго комиссара.

— Хорошъ „случай!"—говорилъ онъ самъ себѣ.

И этотъ человѣкъ, не исповѣдывавшій никакой религіи, но жадно всей душой, всѣмъ сердцемъ вѣровавшій въ Творца вселенной, Всевѣдущаго и Всеблагого, близкій къ отчаянію, взывалъ къ Нему:

— Вѣрую, Господи!—помоги моему невѣрію!.. Манифестъ Эдуарда, призывъ Вильгельма, наконецъ— эта борьба противъ надвигающейся анархіи—все по завѣту Твоему, все во имя блага страждущаго человѣчества!..—А въ результатѣ—никакого облегченія! Все новыя и новыя муки! Все хуже и хуже!.. Или Ты отступился отъ насъ? Или здѣсь, па землѣ, „Князь міра сего" сильнѣе Тебя?.. Куда Ты ведешь насъ? Укажи намъ путь Твой, путь истины!.. Если мы—образъ Твой и подобіе Твое—нельзя же такъ глумиться надъ нами!.. Если же нѣтъ—ко мнѣ „Князь міра сего!"—Сдѣлаемъ счастливыми смертныхъ!—Не будемъ думать о безсмертіи!..

IV.

Хорошо придумано!—Тотъ, котораго ждали.

Сумерки сгущались; въ кабинетѣ стало почти темно, а онъ все еще ходилъ порывистыми шагами

Digitized by Google

изъ угла въ уголъ, обуреваемый тяжелыми думами, чувствуя себя на порогѣ какого то рѣшенія, къ которому толкала его неумолимая сила вещей..

Рѣзко задребезжалъ звонокъ телефона.

— Я слушаю. Откуда говорятъ?

— Не узнаете по голосу? Если ничѣмъ не заняты, заходите поскучать за рюмкой вина...

— Благодарю очень... Непремѣнно...

Все это были условныя фразы, означавшія:—„Министру необходимо васъ видѣть немедленно. Ждетъ на дому“.

— Простите, адмиралъ, что васъ побезпокоилъ, и дослушайте до конца, раньше чѣмъ начать сердиться.— Вы вѣдь хорошо знаете, до какой степени положеніе натянуто, какъ мало увѣренности въ томъ, что въ любомъ задушевномъ разговорѣ за словами преданности не скрывается предательства... Мы живемъ въ такое странное время.—Будемъ надѣяться, что оно переходное, что вскорѣ же труды наши увѣнчаются успѣхомъ, и все измѣнится къ лучшему. Основная причина малоуспѣшности нашей борьбы со злонамѣренными элементами,—это невозможность захватить главарей движенія, которые, не рѣшаясь выступить открыто, искусно руководятъ имъ, хотя не изъ „подполья“ (какъ говорили раньше), а наоборотъ—изъ „поднебесья“...

И онъ засмѣялся, видимо, весьма довольный своей остротой.

Баронъ слушалъ молча, по опыту зная, что подавать реплики, пытаться остановить потокъ министер-

Digitized by Google

скаго краснорѣчія — значило бы только подливать масла въ огонь и дать поводъ къ новому ряду закругленныхъ фразъ.

Къ тому же онъ чувствовалъ себя такимъ усталымъ...

— Я подумалъ, что въ такомъ дѣлѣ единственный человѣкъ, на котораго можно положиться, это— вы, если только вы лично за него возьметесь...

Баронъ, до сихъ поръ слушавшій краемъ уха, насторожился.

— Этотъ фонъ-Кранцъ, про котораго положительно затрудняешься сказать, какое высокое положеніе болѣе соотвѣтствуетъ его талантамѣ (висѣлица или скамья министровъ?)—сотворилъ почти чудо...

— А именно?

— Онъ какъ то втерся въ ихъ компанію, помогъ имъ организоваться, убѣдилъ ихъ устроить „слетъ" для выработки общей программы дѣйствій, и—въ результатѣ—мы можемъ прихлопнуть ихъ всѣхъ разомъ...

— Фонъ-Кранцъ? бывшій капитанъ „Бадена?"

— Онъ самый, никому другому это не могло бы удаться!

— Я почтительнѣйше попросилъ бы дать мнѣ краткую и точную инструкцію,—проговорилъ Баронъ.

— Ну, конечно, вы ее получите!—отозвался министръ, явно недовольный тѣмъ, что его прерываютъ.—Вы знаете заводъ и главный складъ „Universal Generator's Company" близъ Познани?—Да?— Прекрасно. Такъ вотъ именно тамъ назначенъ слетъ предводителей шаекъ. Они прибываютъ въ строжайшемъ инкогнито. Совѣщанія происходятъ въ чердачномъ помѣщеніи зданія главныхъ систернъ, куда, изъ

Digitized by Google

опасенія взрыва по неосторожности, никто обычно не допускается. Планъ—выработать соглашеніе, возмутить экипажи воздушныхъ кораблей, прибывшихъ за грузомъ generator'а (а ихъ тамъ всегда множество), вывезти огромные запасы его въ какое-нибудь глухое мѣсто, и оттуда, какъ изъ базы, идти войной (настоящей войной!) противъ существующихъ правительствъ!.. Забылъ сказать, что боевое снабженіе почти обезпечено, а чего не хватитъ—надѣются добыть аналогичнымъ путемъ, открытой силой овладѣвъ слабо-защищенными арсеналами...

— Чего же вы желаете собственно отъ меня?

— Ихъ уничтоженія...

— То-есть?..

— Нѣсколькими бомбами соотвѣтственной силы взорвать зданіе главныхъ систернъ.—Остальныя—детонируютъ. Все, и сразу, будетъ кончено.

— Но вѣдь при этомъ взрывѣ на добрую милю кругомъ все живое будетъ уничтожено!

— Тѣмъ лучше, такъ какъ погибнутъ не только явные мятежники, но и тѣ, которые еще колеблятся, которые могли бы примкнуть къ нимъ... Это будетъ жестокій, но спасительный урокъ... Поймите, что терроръ только тогда достигаетъ цѣли, когда онъ дѣйствительно заслуживаетъ своего названія!

— Но рабочіе завода, ихъ жены, дѣти, окрестное населеніе?.. Развѣ они тоже виновны?

Министръ пожалъ плечами.

— Хотя бы заподозрѣны?..

— Уважаемый адмиралъ, я въ свою очередь обращусь къ вамъ съ вопросомъ:—Возможно ли захватить

Digitized by Google

(или просто истребить) всю милую компанію, пославъ для этой цѣли войска?—Вѣдь, нѣтъ?—Вѣдь, они выпорхнутъ изъ своего гнѣздышка при первой тревогѣ, и нашимъ молодцамъ придется спѣть, какъ карабинерамъ Оффенбаха—„Nous arrivons toujours trop tard!“ Я глубоко сочувствую вашему сентиментальному порыву, готовъ преклониться передъ нимъ (тѣмъ болѣе, что не ожидалъ его отъ васъ), но... чтожъ дѣлать? Не пустить же ихъ гулять по свѣту подъ страхомъ, что они не сегодня-завтра попытаются осуществить планы, подсказанные имъ Кранцемъ?..

— Такъ... такъ... И этотъ приговоръ—результатъ единоличнаго доноса г. фонъ-Кранца о заговорѣ, имъ же провоцированномъ?

Министръ поморщился.

— Ну... знаете... въ такихъ дѣлахъ... нельзя же требовать протоколовъ... И зачѣмъ это громкое слово „приговоръ“?—Просто, случился взрывъ... Вѣдь разсказывать, какъ и что, некому будетъ... Потому-то я и обратился къ вамъ лично...

— А Кранцъ?..—спросилъ Баронъ.

— Вы забыли, что онъ будетъ съ ними...—засмѣялся его собесѣдникъ,—такъ что и на его молчаніе можно положиться... Остаемся—вы да я... Впрочемъ мы попусту теряемъ время, а дѣйствовать придется (конечно, если вы принимаете на себя порученіе) сегодня же.

— Значитъ надо торопиться?

— Не слишкомъ, но все же. Согласно послѣднему донесенію Кранца, ждутъ только Ванъ-Дрюйера (а вѣдь это и есть самая крупная рыба!). Общее собраніе

Digitized by Google

назначено въ 2 ч. пополуночи сегодня (или завтра, если Ванъ-Дрюйеръ запоздаетъ); къ этому времени (а можетъ быть придется прождать и третью ночь) вамъ надо держаться поблизости. Когда на небольшомъ холмѣ, къ югу отъ главныхъ воротъ завода (вы помните мѣстность?) около 2 ч. ночи загорится красный огонь—это сигналъ—„всѣ въ сборѣ“.—Тогда дѣйствуйте.—Сигналъ будетъ поданъ Кранцемъ...

— Значитъ онъ, хоть и предатель, но сознательно жертвуетъ собой?

— Вотъ то же! Наоборотъ—онъ увѣренъ, что по его сигналу со всѣхъ сторонъ горизонта къ заводу ринутся воздушные корабли, переполненные десантомъ, произойдетъ свалка, а тѣмъ временемъ онъ, на спеціально за нимъ присланномъ аэромобилѣ, успѣетъ скрыться и остатокъ дней своихъ проведетъ, наслаждаясь всѣми благами жизни, конечно, подальше отъ арены его подвиговъ и подъ чужимъ именемъ... Это былъ его планъ, а мой, не правда ли, нѣсколько проще?

— Безусловно!..

— Ну вотъ, мы и сговорились! Пусть меня обвиняютъ въ самохвальствѣ, но я сумѣлъ выбрать человѣка, которому можно довѣриться! Знаете ли, что говоря „вы да я“,—я ни на іоту не солгалъ? Даже императоръ, и тотъ не посвященъ въ тайну! Остается Кранцъ, но этотъ—ненадолго! Ха-ха-ха!.. И такъ?..

— Я отправляюсь немедленно на моемъ аэромобилѣ-одиночкѣ. Тайна обезпечена. Ждите извѣстій.

— А хорошо придумано?

— Такъ хорошо, особенно въ отношеніи Кранца,

Digitized by Google

что я боюсь, не будете ли вы сами слѣдить за моимъ аэромобилемъ, чтобы своевременно уничтожить послѣдняго свидѣтеля...

— Дорогой адмиралъ! Вы—сердцевѣдецъ! Вы подслушали мою самую сокровенную мечту! Но, увы!—она неосуществима!.. Если бы я сумѣлъ прослѣдить за вами и уничтожить васъ,—проще было бы самому выполнить ту задачу, которая теперь на васъ возложена!..

— Вотъ это убѣдительно!

Они обмѣнялись дружественнымъ рукопожатіемъ и разстались.

— Подозрителенъ!.. ой, ненадеженъ!..—самъ себѣ говорилъ одинъ, только что проводившій гостя.—Но, впрочемъ, пусть сдѣлаетъ свое дѣло, а тамъ—посмотримъ...

— Какой глубокій цинизмъ и какое искреннее убѣжденіе въ своей правотѣ!—думалъ другой, собираясь въ таинственную экспедицію.—А впрочемъ—посмотримъ...

Человѣкъ, осторожно прокрадывавшійся между чахлыхъ кустовъ ивняка, только что добрался до вершины пригорка, расположеннаго неподалеку отъ главныхъ воротъ завода, и, пріоткрывъ дверцу краснаго фонаря, робко обвелъ его лучомъ южную часть горизонта...

Тихій шелестъ вверху заставилъ его вздрогнуть и поднять голову. Какая-то черная тѣнь повисла невы-

Digitized by Google

соко надъ нимъ, и что-то мягко хлестнуло по землѣ, совсѣмъ близко, почти рядомъ... Конецъ веревочной лѣстницы!.. Онъ жадно уцѣпился за нее и замеръ отъ радости, забывъ, что надо дѣлать.

— Ну? Что тамъ? Ползи, чортъ? Не то брошу!— прозвучалъ сверху сдержанный голосъ.

Онъ опомнился, бросилъ фонарь на землю и началъ подыматься...

Аэромобиль, медленно кружась, взвивался выше и выше къ облачному небу.

— Фонъ-Кранцъ?—спросилъ воздухоплаватель.

— Баронъ! — восторженно отозвался подобранный. — Вы здѣсь? Вы руководите? — Тогда — игра выиграна!..

— Не болтай вздора.—Всѣ тамъ?

— Всѣ.

— Ванъ-Дрюйеръ?

— Тоже.

— Гдѣ именно?

— На чердакѣ надъ главными систернами...

— Самъ видѣлъ? Какъ могъ пройти?

— Пароль „Ванъ-Дрюйеръ“ открываетъ всѣ заставы...

— Хорошо!.. Покажи мѣсто, чтобъ не ошибиться!..

Дважды, никѣмъ незримые, они пронеслись надъ угрюмымъ зданіемъ.

— Отлично. Теперь—знаю.

Аэромобиль стремительно ринулся кверху. Вотъ ужъ первая гряда облаковъ...

— А гдѣ-же эскадра?—Торопитесь! Они могутъ

Digitized by Google

замѣтить мое отсутствіе, заподозрить опасность, скрыться...

— Поспѣши же къ нимъ, чтобы ихъ успокоить!— прозвенѣло во тьмѣ...

— Баронъ!.. Что такое?.. Зачѣмъ?..— лепеталъ предатель, внезапно оказавшійся повисшимъ надъ бездной...

Только чьи-то желѣзныя руки поддерживали его за вывернутые локти...

— Пощадите!.. Вѣрнѣе слуги у васъ никогда не будетъ!.. Приказывайте!.. Я исполню!..

— Передай Ванъ-Дрюйеру, чтобы меня ждали! Ты прибудешь къ нимъ раньше меня!..

Руки разжались... Дикій вопль прорѣзалъ заоблачную тишь...

— ...Я совершенно чуждъ ложной скромности, но, какъ честный солдатъ, долженъ сказать вамъ, что вы ошиблись въ выборѣ!— Командовать кораблями, отрядами, даже эскадрами—берусь!—Сумѣю!— Но быть чѣмъ-то въ родѣ короля или президента—не могу, не сумѣю!..—Неужто нельзя найти достойнаго?— говорилъ Ванъ-Дрюйеръ.—Для такого дѣла нужна настоящая голова!—понимаете?—la tête, а не „кокосъ"!—закончилъ онъ, хлопнувъ себя по затылку широкой ладонью.

— Однако же добрый кокосъ легко прошибетъ любую голову!—неожиданно раздался въ дверяхъ чей то незнакомый голосъ.

— Что?—Кто такой?—Откуда? — Измѣна! — Тревога!—послышалось кругомъ...

Digitized by Google

Хватались за оружіе...

— Стойте! Стойте!—заревѣлъ Ванъ-Дрюйеръ, восторженно вскинувъ къ потолку свои могучія руки.— Стойте и радуйтесь! Онъ пришелъ! Пришелъ тотъ, котораго мы ждали!

— Баронъ съ нами! Банзай! Банзай!—крикнулъ Симидзу, спрыгивая съ эстрады и бросаясь навстрѣчу къ новоприбывшему...

— Ну, да! Я—съ вами!—заявилъ баронъ.—Но тише!—Нѣтъ времени для лишнихъ словъ! Къ дѣлу, какъ было намѣчено! Сейчасъ же, не теряя ни минуты! Симидзу!—снять всѣ окрестныя телеграфныя и телефонныя станціи! Ванъ-Дрюйеръ!—готовь боевую эскадру! Остальные!—по кораблямъ своимъ и чужимъ—грузитесь на-спѣхъ! Несогласныхъ—не надо! Въ плѣнъ—не брать! Живой души не выпускать изъ раіона завода!

Вспыхнули электрическіе огни.—Закипѣла работа...

Пришелъ тотъ, котораго ждали!..

V.

Паденіе великихъ царствъ.—Великій „перелетъ“ народовъ.—Старый профессоръ.—Отецъ и дочь.

Разрозненныя шайки пиратовъ, объединенныхъ могучей волей и принявшихъ гордый титулъ „Царей Воздуха“,—перешли въ открытое наступленіе.

Digitized by Google

Силы ихъ, конечно, были значительно слабѣе мобилизованныхъ военныхъ флотовъ государствъ всего міра, на борьбу съ которыми они рѣшились, но зато на сторонѣ ихъ оказывалось неизмѣримое преимущество—иниціатива дѣйствій всецѣло принадлежала имъ.

Да не посѣтуютъ читатели, если на нѣсколько минутъ ихъ вниманіе будетъ отвлечено разсмотрѣніемъ этого спеціально-военнаго вопроса.

Правительственные флоты и арміи были, по самой природѣ своей, прикованы къ поверхности земли, такъ какъ цѣнности, которыя они охраняли отъ хищниковъ, находились либо подъ ней, либо на ней, либо очень невысоко надъ ней. Передвиженія этихъ силъ, сосредоточеніе ихъ на томъ или иномъ пути, въ томъ или иномъ пунктѣ — не могло быть сохраняемо въ тайнѣ, такъ какъ, благодаря широкому примѣненію безпроволочнаго телеграфа, не было ничего легче, какъ сообщить необходимыя свѣдѣнія депешей на условномъ языкѣ.

Въ то же время—гдѣ и когда въ своихъ тайныхъ убѣжищахъ сосредоточивались силы „Царей Воздуха"? На какой пунктъ земной поверхности направляли они, въ данный моментъ, свой ударъ? Какое число ихъ воздушныхъ кораблей должно было принять участіе въ экспедиціи? Отчаянная атака въ одномъ мѣстѣ не являлась ли демонстраціей для оттяжки силъ отъ того пункта, которому этотъ рѣшительный ударъ готовился? Вотъ вопросы, на которые за рѣдкими (очень и очень рѣдкими) исключеніями вожди правительственныхъ отрядовъ не могли имѣть не только отвѣта, но даже хотя бы сколько-нибудь обоснованной догадки.

Digitized by Google

Поставить каждую пядь суши подъ надзоръ агентовъ?—Но вѣдь это значило бы все человѣчество завербовать въ полицейскую службу! Да и того не хватило бы!.. Закрыть пути сообщенія въ воздушномъ океанѣ, окружающемъ землю?—Несбыточная мечта!..

Неумолимой силою вещей правительственные флоты и арміи обрекались оборонительному способу дѣйствій, а этотъ способъ, примѣнимый въ крѣпостяхъ, въ отдѣльныхъ укрѣпленныхъ пунктахъ, оказывался совершенно непригоднымъ для обезпеченія безопасности гигантскихъ территорій современныхъ государствъ... Всѣ чудеса военной техники были направлены къ разрѣшенію основной задачи:—„въ любомъ пунктѣ имѣть возможность успѣшно сопротивляться врагу, пока не подоспѣютъ подкрѣпленія“. Но задача эта оказывалась неразрѣшимой, такъ какъ: во-первыхъ, не было извѣстно, какой именно пунктъ находится подъ угрозой, а во-вторыхъ, никто не зналъ, какими силами онъ будетъ атакованъ.

Часто случалось, что могучая эскадра, сосредоточившаяся въ районѣ подземной крѣпости, готовая по первой тревогѣ ринуться на врага, присутствіе котораго подозрѣвалось по близости,—среди глубокой ночи получала по безпроволочному телеграфу ироническое извѣщеніе:—„Спите спокойно. Мы уже кончили и не скоро сюда заглянемъ.—Пока ощипанные вновь не обрастутъ пухомъ.—Недалеко—3—4 часа пути.—Справьтесь для донесенія по начальству“.

Это подшучивали „Цари Воздуха“, возвращаясь послѣ удачнаго налета, незримые въ безднѣ ночного неба...

Digitized by Google

Бандиты не лишены были остроумія!..

Безспорно, что съ военной точки зрѣнія система разбрасыванія силъ — наихудшая система, а потому, лишенныя возможности охранять всю территорію государства, вооруженныя силы правительствъ, вполнѣ естественно, начали стягиваться къ главнѣйшимъ пунктамъ страны, чтобы хотя ихъ обезпечить отъ разгрома, тѣмъ болѣе, что „Цари Воздуха", перейдя въ наступленіе, весьма охотно атаковывали слабо-вооруженныя позиціи и въ этихъ случаяхъ, видимо, гнались не столько за добычей, сколько за моральнымъ успѣхомъ—нанести пораженіе „жандармеріи тирановъ".

Между тѣмъ налогъ на содержаніе „государственной охраны частной собственности" взыскивался со всѣхъ гражданъ, пропорціонально ихъ личному имуществу, не принимая во вниманіе, гдѣ это имущество находится—въ столицѣ, въ захолустьѣ, въ деревнѣ... Равнымъ образомъ и сборы съ грузоотправителей и грузополучателей, взыскиваемые на мѣстахъ, поступали въ государственное казначейство на организацію общегосударственной охраны, а не на охрану данной мѣстности.

Провинціальные жители стали роптать.

Какой-нибудь хуторянинъ, съ котораго любой, случайно заглянувшій къ нему аэромобиль царей воздуха могъ взять, шутки ради, любую контрибуцію, съ полнымъ основаніемъ заявлялъ, что платить за безопасность „господъ" онъ несогласенъ! Что, если берутъ деньги—пусть даютъ дѣйствительную охрану всякому, кто исправно вноситъ налоги!

Digitized by Google

Обуздать чернь и разныхъ „мелкопомѣстныхъ", конечно, было бы не трудно, но протестъ ихъ былъ энергично поддержанъ и крупными помѣщиками, и богатыми общинами, и даже городами, которые считали себя обездоленными въ пользу привилегированныхъ мѣстностей...

Всколыхнулись массы самаго благонамѣреннаго, самаго консервативнаго элемента — людей средняго достатка, этой надежнѣйшей опоры всякаго правительства...

Вопросъ ставился ребромъ, и правительствамъ пришлось покориться. Принципъ общегосударственной организаціи охраны былъ отвергнутъ. Восторжествовалъ (пока только въ этомъ отношеніи) принципъ полной децентрализаціи. Города, общины, группы частныхъ собственниковъ и даже отдѣльныя лица получили самое широкое право самообложенія и расходованія получаемыхъ средствъ на самооборону.

Не трудно догадаться къ чему это повело.

Богатый городъ, имѣвшій собственную воздушную эскадру, собственную милицію (а иногда и постоянное войско), опоясавшійся собственными подземными батареями, содержа все это на свой счетъ изъ доходовъ отъ собственной промышленности и торговли,—если и терпѣлъ присутствіе правительственнаго чиновника (градоначальника или губернатора), назначаемаго центральнымъ правительствомъ, то единственно... по традиціи, чтобы не ссориться съ метрополіей, отъ которой онъ почти ничего не получалъ (кромѣ указовъ и циркуляровъ) и которой почти ничего не давалъ.

Городъ меньшаго значенія, въ той же мѣрѣ, осв.-

Digitized by Google

бодился отъ вліянія своего крупнаго сосѣда, а въ захолустьяхъ — просто силою вещей населеніе раздѣлилось на рабочихъ, просившихъ охраны, и на воиновъ, взявшихъ на себя обязанность такой охраны, съ условіемъ, чтобы первые работали за нихъ. Надо ли говорить, что вскорѣ же это равенство въ обмѣнѣ труда нарушилось? Люди огня и желѣза цѣнили свою кровь дороже трудового пота, и требовали, чтобы оберегаемые работали не только „за нихъ", т.-е. выполняли бы ихъ долю труда, но „для нихъ", т.-е. своимъ трудомъ давали бы имъ больше, нежели сами они могли бы заработать.

Въ общемъ, этотъ періодъ жизни человѣчества очень напоминалъ собою такъ называемую эпоху господства феодализма, но только теперь, благодаря безпроволочному телеграфу и телефону, фантастической быстротѣ перемѣщенія изъ одного конца свѣта въ другой, чудесамъ техники въ дѣлѣ созиданія и разрушенія — въ рукахъ современныхъ феодаловъ были такія средства, о которыхъ и не снилось ихъ далекимъ предкамъ, которые, одѣвши латы и шлемъ, вооружившись мечомъ и копьемъ и сѣвъ на боевого коня, пускались странствовать по бѣлу свѣту въ поискахъ славы и богатства.

Если въ средніе вѣка разные бароны, фюрсты, вольные города и проч., и проч., и проч... воевали между собою, заключали договоры и нарушали ихъ, вовсе не заботясь о томъ, что скажетъ по этому поводу ихъ сюзеренъ, съ которымъ они связаны только... рыцарскимъ словомъ, а по существу всегда могутъ посадить его на мель, не явившись, въ критическій

моментъ, подъ его знамена „людны, конны и оружны“,— если такими свободными чувствовали себя люди, ограниченные въ скорости передвиженія ходомъ коня, а въ дальности личныхъ переговоровъ—силой человѣческаго голоса, — то при современномъ укладѣ жизни это врожденное чувство независимости, неминуемо, должно было проявиться еще ярче.

Вѣдь какой-нибудь Лайбахъ (Крайна, Австро-Венгрія) могъ такъ легко и совершенно самостоятельно договориться о своихъ дѣлахъ съ Бана-Бланка (Аргентина), вовсе не прибѣгая къ посредству патентованныхъ дипломатовъ, засѣдавшихъ въ Вѣнѣ и въ Буэносъ-Айресѣ!..

Нельзя не признать, что если главы государствъ, de facto, превратились въ сюзереновъ, у которыхъ было больше почета передъ ихъ могучими вассалами, нежели дѣйствительной власти надъ ними, то, такъ называемые, дипломаты сошли на роль... людей, посвятившихъ себя изученію благородной науки—геральдики...

Въ ней, въ этой „благородной наукѣ“ только и продолжали еще существовать великія царства. На дѣлѣ, въ жизни, они сами собой упразднились...

Міръ возвратился къ древнему, полузабытому строю—весь разбился на крошечныя республики и монархіи, среди которыхъ Санъ-Марино и Монако, являвшіяся мишенью для остротъ праздныхъ болтуновъ конца XIX вѣка, вовсе не третировались какъ „qualités negligeables“.

Digitized by Google

— А что же дѣлали въ это время пресловутые „Цари Воздуха“?—спросятъ читатели.—Или, закончивъ возложенную на нихъ миссію, они слились съ массой?

Отчасти да, отчасти нѣтъ.

Многіе изъ нихъ вошли въ ряды наемныхъ войскъ, служа по контракту и честно его исполняя, какъ средневѣковые ландскнехты, рейтеры и т. п...

Инымъ же такъ полюбилась ихъ жизнь „внѣ закона“ (въ родѣ сѣчевиковъ-запорожцевъ), что они пожалѣли разстаться съ ней, сохранили свои боевыя братства и жили „вольными людьми“, сорганизовавшись въ какія-то военныя республики.

По поводу оборудованія ихъ тайныхъ резиденцій ходило по свѣту не мало легендъ. Разсказывали, что въ своихъ набѣгахъ они захватываютъ не только богатства, но и живыхъ людей, обращаемыхъ въ рабство, что гдѣ-то въ ущельяхъ недоступныхъ горъ, на островахъ, затерянныхъ въ океанѣ, чуть-ли не въ окрестностяхъ полюсовъ земли, воздвигнуты дворцы, своимъ великолѣпіемъ превосходящіе сады Семирамиды, гдѣ собрано все, что можетъ дать міръ для нѣги и наслажденія, гдѣ происходятъ оргіи, передъ которыми поблѣднѣли бы безумства пировъ Валтасара!..

Конечно, тутъ было много преувеличенія, но много и правды...

Третью, и наиболѣе многочисленную, категорію представляли собою „Цари Воздуха“, осѣвшіе на землю, подѣлившіе поверхность ея между собою, являясь въ качествѣ вѣрныхъ защитниковъ мирнаго, трудящагося населенія при условіи признанія ихъ господства.

Произошло нѣчто подобное тому, что нѣкогда

Digitized by Google

уже было, въ эпоху „великаго переселенія народовъ", когда немногочисленные, но могучіе завоеватели, истребивъ обветшалую, изнѣжившуюся и развращенную туземную аристократію, занимали ея мѣсто, и, слившись съ массой коренного населенія, образовывали множество мелкихъ, но почти самостоятельныхъ владѣній, которыя въ дальнѣйшемъ теченіи сплачивались въ государства. Такъ саксы поступили съ англами; такъ норманы подѣлили между собой англо-саксовъ, а варяги заложили основы Россіи.

Мы сказали „нѣчто подобное" потому, что въ данномъ случаѣ нельзя было говорить о „тождественности" явленій. Они слишкомъ рѣзко разнились по масштабу. Тогда это было „переселеніе", а теперь—„перелетъ". Норманы завоевали Англію, но не имѣли физической возможности высадиться... хотя бы въ Японіи!.. и варяги не появились бы въ Новгородѣ, если бы родиной ихъ была Мексика... Теперь же дружина удальцовъ, составленная изъ уроженцевъ Канады, свободно могла искать себѣ „вотчину" въ Южной Африкѣ, а удалымъ ярославцамъ не заказанъ былъ путь въ Парагвай или Патагонію.

Въ первый моментъ разложенія великихъ царствъ на составные элементы, вполнѣ естественно, еще дѣйствовали, какъ бы по инерціи, традиціи, вѣками впитавшіяся въ плоть и кровь человѣчества. Исчезли границы географическія,—создались границы этнографическія... Но и эти держались недолго. — Безпрерывно эволюціонируя, онѣ измѣнялись изъ расовыхъ въ національныя, изъ національныхъ — въ племенныя, изъ племенныхъ—въ общинныя, изъ общинныхъ — въ ро-

Digitized by Google

довыя...—Но какъ было разобраться въ этихъ послѣднихъ?—Бразилецъ, осѣвшій въ Кантонѣ и женившійся на китаянкѣ, развѣ не являлся полноправнымъ членомъ семейства, принявшаго его въ свою среду?—Нѣкогда сабинянки предотвратили кровопролитіе, грудью заслонивъ своихъ похитителей отъ сородичей, явившихся для мести, но развѣ не могли выполнить ту же роль француженки и англичанки, ставшія индусскими и перуанками?—Такіе случаи, несомнѣнно, были.

Еще два слова о тѣхъ „Царяхъ Воздуха", которые остались „незамиренными".

Свѣдѣнія объ ихъ образѣ жизни и даже о самомъ мѣстѣ ихъ пребыванія были, какъ уже сказано, весьма смутны. Несомнѣннымъ являлось лишь то, что ядро организаціи, присвоившей себѣ эту гордую кличку, продолжало существовать и не только не имѣло ничего общаго съ отдѣлившимися отъ него отрядами флибустьеровъ, но даже нерѣдко выступало противъ нихъ, неизмѣнно слѣдуя своей первоначальной программѣ.

Въ то время какъ флибустьеры то нанимались на службу (совершенно не считаясь съ тѣмъ, кому служатъ сегодня и кому будутъ служить завтра, т.-е. по окончаніи контракта), то предпринимали военныя экспедиціи на собственный рискъ и страхъ (попросту—жили разбоемъ), то, наскучивъ бродяжничествомъ, пріобрѣтали осѣдлость въ роли завоевателей какой-нибудь общины или города,—настоящіе „Цари Воздуха" оставались вѣрными себѣ, ведя постоянную войну со всякой попыткой централизаціи.

Самыя невѣроятныя исторіи разсказывались про

Digitized by Google

ихъ предводителя, про его непобѣдимость, неуязвимость, способность парализовать врага однимъ взглядомъ... Говорили, что онъ заключилъ договоръ съ дьяволомъ и далъ страшную клятву за себя и за товарищей—не слагать оружія, пока каждый человѣкъ не сдѣлается королемъ въ своемъ собственномъ домѣ, пока изъ всѣхъ видовъ подчиненія не останется только одно—сознательное и добровольное.—Онъ считалъ себя призваннымъ обуздывать всякое насиліе.—Весь міръ (передача извѣстій была такъ легка, благодаря безпроволочному телеграфу и телефону) помнилъ его суровый отвѣтъ на жалобу какого-то разгромленнаго города: — „Только грабителей я граблю, разорителей разоряю, истребителей истребляю и рабовладѣльцевъ дѣлаю рабами!“

Кто былъ этотъ странный человѣкъ, обладавшій такою властью?—никто не зналъ достовѣрно. Кличекъ у него было много; его звали—„Неукротимымъ“, „Неумолимымъ“, „Мстителемъ“, „Заступникомъ“, „Царемъ царей“, „Гнѣвомъ Божіимъ“.—Какъ его призывали?—тоже оставалось загадкой, но только онъ никогда не опаздывалъ явиться на призывъ въ должную минуту...

Суевѣрные люди утверждали, что, въ виду его связи съ дьяволомъ, достаточно было хоть мысленно произнести опредѣленное заклятіе, чтобы онъ услышалъ...

Всякому владѣнію, самостоятельности котораго угрожало возрастающее могущество сосѣда, онъ неизмѣнно приходилъ на помощь, но истиннымъ праздникомъ для него были тѣ случаи, когда его звали для содѣйствія образованію новой вольной общины или города, рѣшившихся выйти изъ подчиненія своей метрополіи...

———

Digitized by Google

Въ самомъ началѣ „эпохи паденія великихъ царствъ“, Рига, увлеченная общимъ движеніемъ, объявила себя вольнымъ городомъ, но—увы! — такое выступленіе оказалось преждевременнымъ. Прибалтійскій союзъ еще имѣлъ въ своемъ распоряженіи достаточныя силы, и предпріятіе закончилось жестокимъ (какъ тогда было принято) разгромомъ... Въ тѣ времена побѣда отмѣчалась полнымъ истребленіемъ побѣжденныхъ, какъ во времена библейскія... Та же участь ждала и обитателей Риги, предводители которыхъ, въ своемъ самомнѣніи, даже и не подумали обезпечить себя могущественной поддержкой „Царей Воздуха“.

„Непобѣдимый“ узналъ о неудачѣ смѣлаго выступленія изъ третьихъ рукъ, находясь гдѣ-то въ Южной Америкѣ, слишкомъ поздно, чтобы предотвратить разгромъ, но своевременно для того, чтобы обуздать торжествующихъ побѣдителей. „Неукротимый“ явился запоздалымъ „Заступникомъ“, прикрывъ щитомъ своимъ лишь кое-что уцѣлѣвшее, но, главнымъ образомъ, выступилъ въ роли „Мстителя“... Свирѣпа была месть, но не вернула жизни погибшимъ...

Тяжкую потерю понесъ въ этой борьбѣ заслуженный профессоръ рижскаго политехникума, Иванъ Дмитріевичъ Пантелѣевъ. Среди истребленныхъ милиціонеровъ „вольнаго города Риги“ были и его сынъ, Федоръ, и мужъ его дочери, Вѣры, свадьбу которой праздновали всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

Отецъ и дочь, глубоко потрясенные катастрофой, рѣшили покинуть родной городъ и переселиться въ небольшое имѣнье (на Волгѣ, между Сызранью и Батраками), давно уже доставшееся имъ по наслѣдству

Digitized by Google

отъ какой-то не то двоюродной тетки, не то троюродной сестры, о существованіи которой при жизни ея они даже не подозрѣвали.

Въ самомъ дѣлѣ—что, кромѣ тягостныхъ воспоминаній, могла дать имъ Рига, лежавшая въ развалинахъ?—Когда еще, въ какой срокъ возстанетъ вновь изъ обломковъ родной политехникумъ?—Да и понадобится ли въ немъ старый профессоръ?..

А ей—что могъ дать этотъ городъ, если бы даже онъ и возродился, какъ фениксъ, изъ пепла?..—Вѣдь это былъ бы новый городъ, а ея мужъ и братъ погибли въ рядахъ защитниковъ свободы стараго...

Они уѣхали спѣшно, почти бѣжали, не успѣвъ даже принять участія въ тріумфѣ „Царя царей", ураганомъ смерти прошедшаго по владѣніямъ насильниковъ и, на развалинахъ городской ратуши Риги, провозгласившаго:—„Пусть знаютъ, что кто противъ Риги, тотъ противъ меня!.. Да воскреснетъ!.."

Шли годы. Иванъ Дмитріевичъ, отрекшись отъ профессуры, забившись въ глушь, предполагалъ первоначально строго слѣдовать примѣру Цинцината, но—привычка вторая натура—не долго выдержалъ. Мало-по-малу кой-какіе приборы, взятые съ собою „на память о прошломъ", разрослись въ лабораторію, при которой, вполнѣ естественно, возникла и маленькая механическая мастерская, такъ какъ „не посылать же было въ городъ за всякимъ пустякомъ", который можно было бы исполнить въ нѣсколько минутъ самому, будь только подъ руками самыя примитивныя приспособленія.

Digitized by Google

Въ своемъ отступничествѣ отъ принятаго сгоряча рѣшенія — что „блестящій прогрессъ прикладныхъ наукъ только увеличиваетъ страданія человѣчества“ — онъ оправдывался такимъ разсужденіемъ: — „Всегда найдется (и много найдется) ученыхъ, готовыхъ посвятить себя разработкѣ и усовершенствованію средствъ и способовъ взаимоуничтоженія, такъ какъ именно въ этомъ направленіи существуетъ наибольшій спросъ, вызывающій усиленное предложеніе хорошо оплачиваемаго труда.—Въ правѣ ли я бороться съ ними „недѣланіемъ“, самоустраненіемъ?—Не лучше ли, признавъ воздушную войну, какъ существующій фактъ, не отворачиваться отъ нея съ безплоднымъ, бездѣятельнымъ негодованіемъ, но приложить всѣ силы къ смягченію ея ужасовъ? Вѣдь каждая спасенная жизнь, это все-же—нѣчто“...

И съ юношескимъ увлеченіемъ онъ принялся за работу. Его трудами сложные приборы управленія воздушнымъ кораблемъ, требовавшіе первоначально значительнаго штата опытныхъ воздухоплавателей и самаго напряженнаго вниманія при обращеніи съ ними, были, если можно такъ выразиться, автоматизированы. Нагрузка и разгрузка производилась рабочими, проживавшими на поверхности земли въ пунктахъ отбытія и прибытія, въ пути же—экипажъ самаго большого транспорта не превышалъ пяти человѣкъ. Наконецъ, наступилъ день, когда имя его прогремѣло по всему свѣту, и даже свирѣпые флибустьеры объявили, что отнынѣ не только самъ онъ, но и жилище его, объявляются неприкосновенными, при чемъ (согласно обычая тѣхъ суровыхъ временъ) пояснялось, что всякій,

Digitized by Google

„помявшій траву, ему принадлежащую, будетъ разметанъ такъ, что и на Страшномъ Судѣ не соберетъ костей своихъ!“

Тріумфъ этотъ являлся вполнѣ заслуженнымъ.

Дѣло въ томъ, что „generator“, совершившій міровой переворотъ, былъ веществомъ крайне опаснымъ въ обращеніи. Не только снарядъ, попавшій въ его хранилища, не только ударъ отъ столкновенія двухъ воздушныхъ кораблей, но даже слишкомъ стремительный спускъ на землю (вслѣдствіе поврежденія или просто по неопытности) вызывали всесокрушающій взрывъ. Легко представить себѣ тѣ катастрофы, то несчетное число жертвъ, которыя создавались этимъ его свойствомъ! „Огонь жизни“, какъ его называли, былъ въ то же время и „огнемъ смерти“, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось имѣть дѣло не съ неосторожностью, а съ преднамѣренностью.

Бой въ воздухѣ начинался взаимоистребленіемъ, но лишь только одинъ изъ противниковъ получалъ перевѣсъ,—оно переходило въ одностороннее полное и конечное истребленіе слабѣйшаго.

Ивану Дмитріевичу, въ его изысканіяхъ, удалось такъ переработать этотъ „благодѣтель и губитель“, что ни непосредственный ударъ, ни детонація отъ взрыва какого-либо другого препарата, на него не вліяли. Онъ оказывался много безопаснѣе даже давно забытаго пиронафта.

Дѣятельной помощницей въ трудахъ стараго профессора была его дочь, Вѣра, оказавшаяся чрезвычайно способной ученицей. Что касается ея усердія, то, вѣдь, въ наукѣ, въ работахъ при лабораторіи и

Digitized by Google

механической мастерской — тамъ только она и находила желанное забвеніе ужаснаго прошлаго.

Объ этомъ прошломъ они никогда не разговаривали между собою, словно страшась дотронуться неосторожной рукой до старыхъ, но все еще болѣзненныхъ ранъ.—Бесѣда ограничивалась событіями текущаго дня, предположеніями на ближайшее будущее, обмѣномъ мнѣній по поводу результатовъ, достигнутыхъ послѣдними опытами, и обсужденіемъ программы новыхъ.—Чаще всего, въ часы досуга, каждый брался за книгу, при чемъ отецъ увлекался новѣйшими сочиненіями по садоводству (онъ искренно привязался къ своему фруктовому саду), а дочь перечитывала какого-нибудь любимаго писателя или поэта XIX вѣка— это были единственные отголоски минувшаго, не возбуждавшіе въ ея сердцѣ жгучей горечи.

— „А что есть истина? Вы знаете ли это?—Пилатъ на свой вопросъ остался безъ отвѣта, но разрѣшить загадку — сущій вздоръ: представьте выпуклый узоръ на бляхѣ жестяной. Со стороны обратной онъ вглубину изображенъ; двоякимъ способомъ выходитъ съ двухъ сторонъ одно и то же аккуратно“,—неожиданно, вслухъ, прочла Вѣра и добавила:—Неправда ли, папа, оригинальная мысль?

Иванъ Дмитріевичъ, всегда радовавшійся случаю, когда дочь „выходила изъ свой скорлупы“, поспѣшно загнулъ недочитанную страницу, захлопнулъ книгу, трактовавшую о возможности акклиматизаціи мангустановъ въ умѣренныхъ широтахъ, спряталъ очки и спросилъ:

Digitized by Google

— Это—что и откуда?

— Изъ „Донъ-Жуана“ А. Толстого...

— Хм... не помню. Стихи не изъ важныхъ. Даже не узналъ Толстого. Мысль—ничего. Хотя Донъ-Жуану, какъ будто, не по характеру...

— Да это не онъ говоритъ, а Сатана въ бесѣдѣ съ ангелами.

— А!.. Ну, чортъ, конечно, можетъ говорить и „подлымъ штилемъ“ о предметахъ самыхъ высокихъ, однако...

— Нѣтъ, ты послушай дальше: „Узоръ есть истина. Господь же Богъ и я—мы обѣ стороны ея; мы выражаемъ тайну бытія: онъ — верхней частью, я—исподней. И вотъ вся разница, друзья, между моей сноровкой и Господней“.

— Да... „сноровка“ — это тоже утрировано... Сатанѣ не къ лицу бы такой жаргонъ... Но сравненіе мѣткое... Ты, собственно, почему же на немъ остановилась?

— Видишь ли... — послѣ недолгаго молчанія заговорила Вѣра, — это по поводу нашихъ работъ, т.-е. твоихъ изобрѣтеній и усовершенствованій... Мнѣ ужъ давно и часто приходила въ голову мысль: что—зло? что—добро?.. А вдругъ нѣтъ ни того, ни другого, а просто—лицевая сторона и изнанка одного и того же вѣчнаго узора.—Но вѣдь если узоръ—истина, если обѣ стороны узора отъ него неотъемлемы, то почему злодѣйство заслуживаетъ наказанія, а добродѣтель—восхваленія?.. Вѣдь не чествуютъ же сахаръ и не проклинаютъ горчицу, щелочь и кислота пользуются же въ химіи одинаковымъ уваженіемъ!..

Digitized by Google

— Къ чему ты ведешь?..—проворчалъ профессоръ, нелюбившій метафизики...

— Всѣ твои усовершенствованія способовъ управленія воздушнымъ кораблемъ, наконецъ, этотъ „neogenerator"... Все это одинаково идетъ на пользу и тѣмъ и другимъ, вѣрнѣе даже — и на пользу и во вредъ! и что гдѣ перевѣшиваетъ, чего и гдѣ больше?—еще неизвѣстно!

— Ага!.. Вотъ что!.. Продолжай, продолжай!— отозвался тотъ, видимо довольный, что разговоръ переходитъ на почву реальныхъ фактовъ.

— Уменьшилось число гибнущихъ отъ несчастныхъ случаевъ—одинаково—у тѣхъ и у другихъ. Уменьшилось число жертвъ при нападеніи флибустьеровъ, но вѣдь и съ ихъ стороны уменьшились потери, а это значитъ, что имъ дается возможность съ тѣми же силами предпринять не одинъ, а нѣсколько набѣговъ!.. Отдѣльныя междоусобныя столкновенія уже не носятъ такого ужасающаго характера поголовнаго истребленія, какъ раньше, но зато они участились и пріобрѣли затяжной характеръ...—Что хуже?..—Что лучше?..— Кому ты служишь своими трудами—добру или злу?— Въ чьихъ интересахъ работаешь?—угнетателей или угнетаемыхъ? Наконецъ—кто изъ нихъ правъ? Гдѣ истина?—Или она, дѣйствительно, только „узоръ на бляхѣ жестяной" и результатъ, какъ говоритъ тотъ же Сатана, „отъ точки зрѣнія зависитъ"?..

— Ну, ну... вотъ ты опять оторвалась отъ жизни и метнулась въ „горнія сферы"!—Дѣло много проще.— Позволь высказать тебѣ нѣсколько „ума холодныхъ разсужденій и сердца горестныхъ замѣтъ". (Какъ ви-

Digitized by Google

дишь, и я кое-какіе стихи помню). Развѣ-жъ когда-нибудь я претендовалъ на безнадежную роль преобразователя человѣчества, изъ котораго основныхъ чертъ его духовно-животнаго естества не вытравишь ни законодательствомъ какихъ угодно палатъ, ни взрывчатыми веществами, выработанными какими угодно лабораторіями?—Да, никогда!—„Плюнь въ глаза тому, кто скажетъ, что можетъ объять необъятное“,—изрекъ Кузьма Прутковъ, и онъ былъ правъ...—Если природа разныхъ Петровыхъ и Сидоровыхъ такова, что безъ драки имъ жизнь немила—бороться съ этимъ инстинктомъ, въ нихъ вложеннымъ, было бы...—просто, глупо!.. Но въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ я могу (а значитъ и обязанъ) придти къ нимъ на помощь, облегчить страданія отдѣльной личности, хотя признаю себя безсильнымъ облегчить страданія человѣчества!

— Но, пока...

— Подожди! дай кончить!—Вѣдь, я тебя слушалъ?—Раньше, вмѣстѣ съ кораблемъ, въ бою, при столкновеніи, при случайной катастрофѣ, гибло 20—30 человѣческихъ жизней, а, благодаря мнѣ, это число свелось на 5. Какъ ни говори, а это—заслуга.—Потомъ—„nec-generator“.—Опять-таки извѣстное число Сидоровыхъ и Петровыхъ, въ извѣстный моментъ, сохраняются для ихъ семей.—Пусть даже, если они продолжаютъ свое рискованное ремесло, они кончатъ такъ, какъ имъ предопредѣлено судьбою (кому суждено быть повѣшеннымъ, тотъ не утонетъ), но тогда, въ тотъ моментъ, когда имъ надлежало погибнуть, они уцѣлѣли и уцѣлѣли, благодаря мнѣ!—Что могу—то

Digitized by Google

дѣлаю! — Этимъ надо удовлетвориться, а попытки „объять необъятное“—оставить.

— Да нѣтъ-же, папа!—Ты просто не хочешь понять меня, или дѣлаешь видъ, что не понимаешь!.. Ты пробуешь меня увѣрить, будто примирился на „смягченіи ужасовъ братоубійства“, но, въ душѣ, самъ недоволенъ такимъ результатомъ своихъ работъ!.. Вѣдь ты можешь!.. Придумай! Изобрѣти способъ вырвать самое оружіе изъ рукъ враждующихъ!..

— Ну, матушка, тутъ ужъ ты зарапортовалась!— разсердился старикъ.—Богъ я, что-ли?..

VI.

— „Не бывать Батракамъ Сызранью!“ — Разгромъ.—„Они самые!“

Не только въ скромной усадьбѣ стараго профессора, но по всему побережью южнаго изгиба Самарской Луки, господствовало необычайное волненіе.

Какъ водится, многіе утверждали, что давно это предвидѣли, даже предсказывали, и тѣмъ не менѣе событіе всѣхъ поразило своей неожиданностью.

Батраки (когда-то жалкая деревушка) давно уже разрослись въ огромный торговый центръ и, не годъ, не два, тяготились своей зависимостью отъ Сызрани, которая, въ качествѣ вольнаго города, имѣя собственную подземную крѣпость, обороняющую мѣсто стоянки ея воздушнаго боевого флота, и постоянное войско, господствовала надъ окрестнымъ райономъ, охраняла

Digitized by Google

его, но зато и собирала львиную долю его доходовъ,— Батраки, находившіеся на окраинѣ этого района, не разъ уже открыто заявляли, что имъ легче было бы у себя, на мѣстѣ, завести и воздушный флотъ, и подземную крѣпость, и войско, сохранивъ къ Сызрани союзническія, пожалуй, даже вассальныя, отношенія, но все же обособиться, зажить своимъ хозяйствомъ.

Казалось бы, что и Сызрани не было особыхъ причинъ противиться такой автономіи, такъ какъ экономически Батраки были достаточно сильны, чтобы, пригрозивъ коммерческимъ воздѣйствіемъ, не позволить себя эксплоатировать слишкомъ безцеремонно.

На бѣду „нутро“ русскаго человѣка за много сотъ лѣтъ сохранилось во всей его самобытности.—Какъ древніе новгородцы кричали на вѣчѣ: —„Не бывать Торжку Новгородомъ, ни Новгороду—Торжкомъ!“— цѣловали крестъ на смертный бой, клялисб жертвовать „всею рухлядью и животишками“, лишь бы согнуть въ бараній рогъ зазнавшуюся вотчину, такъ и теперь сызранская дума уперлась на томъ, что „не бывать Батракамъ Сызранью!“

Извѣстіе о разрывѣ пришло ночью, а чуть заалѣло небо ранней весенней зарею, профессоръ съ дочерью уже были на вышкѣ своей усадьбы, оглядывая горизонтъ, прислушиваясь — не застучитъ ли пріемный аппаратъ безпроволочнаго телеграфа, не шевельнется ли его лента...

Утро было на рѣдкость погожее. Далеко, внизу, въ просвѣтахъ, уже начавшаго клубиться, предутренняго тумана, Волга поблескивала холодной сталью. Нѣжнымъ ароматомъ тянуло отъ фруктоваго сада, раскинувша-

Digitized by Google

гося по скату къ рѣкѣ. Сливы уже отцвѣтали, зато вишни стояли, какъ облитыя молокомъ, и между ними, въ призрачной дымкѣ, слабо алѣли персиковыя деревья, только что раскрывшія свои цвѣточныя почки... Тишь стояла невозмутимая...

— Какъ хорошо!..—невольно сдерживая голосъ, проговорилъ Иванъ Дмитріевичъ, перегнувшись черезъ перила вышки и жадно дыша всей грудью.—Какъ хорошо!.. Знаешь ли, Вѣра... я это сейчасъ вспомнилъ... Какъ чудно сказано у одного японскаго поэта: „Сакура ва хана де араимасъ"...

— Ничего не понимаю, — сухо отозвалась Вѣра, провѣряя исправность телеграфнаго аппарата.

— Ну, ну... не сердись! Это значитъ—„Вишня умывается своими цвѣтами"... Правда, красиво?..

Вѣра на своемъ аппаратѣ дала такой разрядъ, который прозвучалъ въ тишинѣ словно пистолетный выстрѣлъ, и всполошилъ еще дремавшее пернатое населеніе сада.

— Не понимаю я,—нервно заговорила она,—какъ это ты можешь любоваться цвѣточками, когда съ минуты на минуту тамъ,—она указала рукой въ сторону Батраковъ,—должна политься кровь, и люди начнутъ истреблять другъ друга во всеоружіи знаній, которыми... многими... ты наградилъ ихъ!..

Профессоръ живо обернулся, хотѣлъ что-то отвѣтить... но какъ разъ въ это время застучалъ телеграфъ. Кровавый день начинался...

Вскорѣ уже можно было различить воздушный флотъ сызранцевъ, спѣшившій на усмиреніе непокор-

Digitized by Google

ныхъ. Ближе и ближе. Съ быстротою вѣтра, но невысоко, они пронеслись надъ усадьбой и черной стаей повисли надъ обреченнымъ городомъ.

Отецъ и дочь, оба, забывъ недавнюю размолвку, слѣдили за телеграфной лентой, съ тихимъ шелестомъ выходившей изъ аппарата.

Пока карательная экспедиція находилась въ пути, это была какая-то абракадабра—очевидно, шифрованные сигналы—но по прибытіи къ мѣсту назначенія они заговорили общепонятнымъ языкомъ.

— „Именемъ Думы округа вольнаго города Сызрани требуемъ полной покорности!“

— „Чего вы хотите?“

— „Мы могли бы потребовать сдачи безъ условій, но Дума, во избѣжаніе напраснаго кровопролитія, готова принять выраженіе вашей покорности на самыхъ мягкихъ основаніяхъ:— полная амнистія и забвеніе прошлаго, если вы подчинитесь изстари принятому порядку“.

— „Развѣ наши требованія признаны несправедливыми?“

— „Они отвергнуты Думой!“

— Но право на нашей сторонѣ! Мы платили метрополіи во много разъ больше, чѣмъ получали отъ нея, справедливость требуетъ...“

Телеграмма была прервана мощными разрядами, очевидно, посылавшимися воздушной эскадрой.

— „Въ сторону вопросъ о томъ, чего требуетъ справедливость, и отвѣчайте на наше требованіе! Въ нашей волѣ—васъ уничтожить!..“

— „Дайте время обсудить положеніе. Наша Дума

Digitized by Google

должна сказать свое слово. Не ждали мы, что Сызрань будетъ грозить намъ истребленіемъ. Подождите немного. Начать разгромъ—всегда успѣете".

— „Наше рѣшеніе неизмѣнно. Сообщите ваше!"

— „Дайте обдумать. Дайте срокъ!"

— „Никакого срока!"

— „Хоть полчаса!"

Опять какая-то абракадабра—видимо, переговариваются съ Сызранью шифромъ—потомъ:

— „Хорошо! Идетъ на полчаса".

Вѣра, не отрывавшая глазъ отъ телеграфной ленты, въ отчаяніи заломила руки.

— Совсѣмъ, какъ въ Ригѣ! какъ въ Ригѣ!—почти плача, говорила она.—Да развѣ же они сдержатъ свое слово?—Ловушка и ничего больше! Либо—рабство, либо—гибель!.. Безумцы! Безумцы!..

— Тише! тише!—прервалъ ее Иванъ Дмитріевичъ, приникшій къ телефонному пріемнику.—Мнѣ кажется... Не можетъ быть, чтобы они повторили нашу рижскую ошибку!.. Конечно!... Ну, да... я слышу!—„Онъ" никогда не опаздываетъ!.. Вотъ, вотъ!.. слушай, Вѣра! слушай!—„Держитесь, Батраки! не быть вамъ подъ Сызранью!"

Лента еще не шевелилась, но аппаратъ уже началъ слабо потрескивать, неся откуда-то, изъ глубинъ воздушнаго океана благую вѣсть...

Впрочемъ теперь слѣдовало уже не столько слушать аппаратъ или слѣдить за его лентой, какъ смотрѣть.

Digitized by Google

Черныя точки, все увеличивающіяся по мѣрѣ приближенія, пестрили нѣжную лазурь утренняго неба...

Маленькое отступленіе въ область „воздушной тактики“.

Какъ въ старину считались наилучшими пріемами (разумѣется при наличіи достаточныхъ силъ) обходъ или окруженіе, такъ и при господствѣ воздушныхъ флотовъ, исходя изъ того же принципа, считали, что полное уничтоженіе врага обезпечено въ томъ случаѣ, когда на него удастся „накинуть сѣтку“ или взять его „подъ колпакъ“.

„Накрыть сѣткой“—значило повести атаку одновременно сверху и со всѣхъ сторонъ, расположивъ свои силы по поверхности шарового сегмента, внутри котораго находился непріятель, „прижимая“ его къ землѣ.

„Колпакъ“—это была та же сѣтка, но такая густая, сквозь которую невозможенъ былъ прорывъ даже отдѣльныхъ кораблей, пытающихся спастись бѣгствомъ. Ясно, что этотъ послѣдній пріемъ былъ осуществимъ лишь при условіи подавляющаго превосходства въ численности.

Въ данномъ случаѣ на сызранцевъ опускался „колпакъ“.

— Ахъ, чортъ возьми!—воскликнулъ Иванъ Дмитріевичъ, не отрывая глазъ отъ бинокля.—Смотри, Вѣра, смотри!.. Никогда я не вѣрилъ, что въ рукахъ у „него“ могутъ быть такія силы!.. Сказками считалъ!.. Гляди, какъ онъ ихъ накрываетъ!..

Digitized by Google

Сразу оцѣнивъ весь ужасъ своего положенія, сызранцы метнулись, было, въ сторону родного города, надѣясь по-низу добраться до своего „воздушнаго порта“, охраняемаго подземными батареями, но „колпакъ“ двигался съ одинаковой съ ними скоростью, все уменьшая высоту сегмента, все уплотняясь...

Загремѣли выстрѣлы... Закипѣлъ бой...

Самая ожесточенная схватка разыгралась невдалекѣ отъ усадьбы, съ вышки которой можно было невооруженнымъ глазомъ наблюдать за всѣми подробностями сраженія.

Видно было, какъ подбитые корабли то, медленно кружась, спускались на землю, то, опрокинувшись и нелѣпо кувыркаясь, стремительно падали... Торжествующій побѣдитель проносился надъ противникомъ, потерявшимъ способность управляться, осыпалъ его бомбами, разрывалъ въ клочья... Тѣ, что рѣшили, хоть недаромъ, погибнуть (пощады не было), кидались, очертя голову, таранить. Иногда удавалось—и два воздушныя чудовища, сплющившись въ безформенную массу, летѣли внизъ... Порой около нихъ глазъ могъ различить какія-то отдѣльныя черныя точки—вѣроятно воздухоплаватели, выброшенные силой удара, или обломки...

— Папа, папа...—въ ужасѣ шептала Вѣра,—вѣдь тамъ люди... живые люди!..

Самъ Иванъ Дмитріевичъ, въ теоріи вполнѣ ясно представлявшій себѣ картину боя воздушныхъ эскадръ, наблюдалъ за этимъ зрѣлищемъ блѣдный, какъ полотно, едва переводя дыханіе...

— Довольно, Вѣрочка... пойдемъ, пойдемъ...—несвязно бормоталъ онъ.

Digitized by Google

— Видишь? Видишь, какъ ты ихъ облагодѣтельствовалъ? Ха-ха-ха!..—истерично смѣялась та.—Они уже не боятся взрывовъ! Дѣйствуютъ безъ опаски!..

. . . .

Съ этими—было покончено, и „Цари Воздуха" двинулись на Сызрань.

Въ то же время надъ Батраками нависла и быстро спустилась внизъ новая туча.

— Это что такое? что еще они выдумали?—тревожно спрашивалъ старый профессоръ.

Ждать разъясненія пришлось недолго. Не прошло и часа, какъ туча вновь поднялась надъ Батраками и понеслась къ Сызрани, въ сторонѣ которой давно уже гремѣли неумолчные взрывы:—„Цари Воздуха" бомбардировали городъ и воздушный портъ...

Туча, оказавшаяся новой воздушной эскадрой, шла низко. Съ вышки усадьбы простымъ глазомъ можно было видѣть, что это транспорты, тяжело нагруженные десантомъ. Главную массу составляла милиція Батраковъ, но были и корабли съ отрядами профессіональныхъ воиновъ—„люфтскнехтовъ", какъ ихъ называли современники; платформы многихъ кораблей щетинились задранными кверху жерлами полевыхъ орудій, весело поблескивавшихъ своей полированной сталью подъ лучами солнца.

Воздушный флотъ Сызрани былъ истребленъ, но для довершенія побѣды необходимо было овладѣть его цитаделью—подземной крѣпостью, защищавшей воздушный портъ.

Взять такую крѣпость при посредствѣ одного флота считалось невозможнымъ. Самая ожесточенная бомбар-

Digitized by Google

дировка мѣстности, на которой (вѣрнѣе—подъ поверхностью которой) прятались тщательно замаскированные подземные форты,—оказывалась мало продуктивной въ смыслѣ ихъ уничтоженія, такъ какъ, по необходимости, велась наудачу: для прицѣльнаго метанія бомбъ необходимо было опознать противника, т.-е. приспуститься къ поверхности земли настолько, чтобы имѣть возможность опредѣлить откуда, изъ какой точки стрѣляютъ (не такъ-то просто при бездымномъ порохѣ!), но уже задолго до этого момента, на тройной дистанціи, обороняющійся, все время видѣвшій врага, открывалъ по немъ огонь и билъ почти навѣрняка.

Дѣйствія воздушнаго флота противъ подземной крѣпости, при рѣшительной атакѣ ея, ограничивались подготовкой штурма, самый же штурмъ вела попрежнему пѣхота. Въ критическій моментъ, когда воздухоплаватели, изъ опасенія перебить своихъ, превращались въ зрителей, жерла крѣпостныхъ орудій, до того обращенныя къ небу, склонялись къ землѣ и сѣяли смерть въ рядахъ наступающихъ; потери послѣднихъ бывали огромны, но тѣ, что достигали цѣли, ручными бомбами разрушали установки громоздкихъ орудій, истребляли прислугу—овладѣвали укрѣпленіемъ, если... не натыкались на пѣхотное прикрытіе, встрѣчавшее ихъ грудь съ грудью... Тогда исходъ дѣла рѣшался рукопашнымъ боемъ, въ которомъ съ успѣхомъ примѣнялись не только ручныя бомбы, не только револьверы, но даже сабли и кинжалы, и, конечно, штыкъ—этотъ надежный инструментъ, который столько разъ кабинетными знатоками военнаго дѣла объявлялся сданнымъ въ архивъ.

Digitized by Google

Въ данномъ случаѣ сызранцы проявили во всемъ блескѣ ту самонадѣянность и безпечность, которыя, обычно, присущи людямъ, увѣреннымъ въ своемъ неизмѣримомъ превосходствѣ передъ возможнымъ противникомъ.—Они „послали свой воздушный флотъ для обузданія непокорныхъ“, но ни одному изъ отцовъ города и въ голову не приходило мысли, чтобы подъ угрозой оказались не только сама Сызрань, но даже и ея цитадель!..—Въ этой цитадели (образцово построенной) пушки стояли на своихъ мѣстахъ, но форты ея не были мобилизованы. Даже батарейная прислуга, и та мирно проживала въ комфортабельныхъ городскихъ казармахъ, оставивъ на позиціяхъ только незначительный караулъ. О пѣхотномъ прикрытіи батарей, т.-е. гарнизонѣ цитадели, главную силу котораго составляла милиція,—и говорить нечего... Господа милиціонеры проводили время у домашняго очага или въ своихъ конторахъ, магазинахъ и мастерскихъ, глубоко убѣжденные, что отряды люфтскнехтовъ и ландскнехтовъ, посланные къ Батракамъ, разрѣшатъ вопросъ просто и скоро.

Неожиданное появленіе „Царей Воздуха“, уничтоженіе воздушнаго флота (не одного своего—тутъ были подкрѣпленія, присланныя Самарой и Саратовымъ) круто измѣнило настроеніе, вызвало полное замѣшательство, почти панику...

Какъ водится, въ первый моментъ, всякое отвѣтственное лицо прежде всего было озабочено мыслью:—„Какъ бы въ отвѣтъ не попасть!..“—Заработали телефоны и телеграфы. Городской голова упрекалъ предсѣдателя комиссіи обороны; этотъ, въ свою очередь,

Digitized by Google

сваливалъ отвѣтственность на департаментъ внѣшнихъ сношеній, который якобы умышленно держалъ его въ полномъ невѣдѣніи о ходѣ переговоровъ; комендантъ цитадели требовалъ немедленнаго прибытія гарнизона, а командующій милиціей заявлялъ, что по плану мобилизаціи на сборъ частей положено 8 часовъ; начальникъ артиллеріи вызывалъ резервные парки, но ему отвѣчали, что едва приступлено къ сбору перевозочныхъ средствъ (частновладѣльческихъ автомобилей и аэромобилей)... даже госпитали и тѣ не могли развернуться достаточно скоро, такъ какъ сестры милосердія раньше, чѣмъ спѣшить къ исполненію своего гражданскаго долга, должны были исполнить свой долгъ по отношенію къ малолѣтнимъ дѣтямъ (своимъ или чужимъ), ввѣреннымъ ихъ попеченію...

Всѣ ссорились, пререкались, обвиняли другъ друга... а время шло! Терялись минуты, десятки минутъ, даже часы!..—когда дорого было каждое мгновеніе.

Очевидно, „Неукротимый“ заранѣе предвидѣлъ тотъ эффектъ, который вызоветъ его внезапное появленіе, заранѣе учелъ его и составилъ свой планъ дѣйствій.

Какъ только бой въ воздухѣ превратился въ бойню, главныя силы его флота, предоставивъ спеціально назначеннымъ отрядамъ добивать противника и безжалостно бросая собственные подбитые корабли, просившіе о помощи (на поверхности земли, въ случаѣ вынужденнаго спуска, ихъ немногочисленный экипажъ попадалъ въ руки враговъ, не знавшихъ пощады)—ринулись на Сызрань и, держась внѣ обстрѣла крѣ-

Digitized by Google

постныхъ орудій, принялись за истребленіе хорошо видимыхъ съ высоты отрядовъ милиціи и постоянныхъ войскъ, спѣшившихъ къ цитадели.

Въ результатѣ—десанту, прибывшему изъ Батраковъ, пришлось одолѣть только отчаянное, но безнадежное сопротивленіе постояннаго гарнизона мирнаго состáва крѣпости. Прибывавшія отъ времени до времени разрозненныя, терроризованныя кучки милиціонеровъ вносили въ ряды защитниковъ больше деморализаціи, нежели поддержки...—они искали спасенія...

Къ вечеру палъ послѣдній фортъ...

Беззащитная Сызрань лежала у ногъ побѣдителей.

Ночи не было.—Звѣзды меркли въ заревѣ пожаровъ...

Старый профессоръ давно уже спустился съ вышки и, какъ сѣлъ на свое кресло передъ письменнымъ столомъ, такъ и застылъ въ неподвижности, весь охваченный тяжелыми, несвязными думами.

Глухіе раскаты могучихъ взрывовъ потрясали стѣны дома; чудилось, что порою доносится издалека какой то гулъ—не то крикъ толпы, не то ревъ разбушевавшагося пламени; багровые отблески прорывались сквозь тяжелыя, плотно задернутыя, оконныя занавѣски...

Въ сосѣдней, ярко освѣщенной, комнатѣ, гдѣ накрытый для обѣда столъ давно уже ждалъ хозяевъ, порывистыми шагами, заложивъ руки за спину и сумрачно сдвинувъ брови, ходила изъ угла въ уголъ его дочь.

Оба молчали, чутко прислушиваясь къ звукамъ, доносившимся извнѣ...

Digitized by Google

— Матушка! Вѣра Ивановна!—ворвалась въ столовую горничная Маня...

Прическа у нея растрепалась, ротъ былъ широко открытъ, какъ для крика, но кричать она не могла,—видимо, горло перехватило со страху—и говорила сдавленнымъ, прерывающимся голосомъ...

— Ну что?—спросила Вѣра, прекращая свою прогулку.

— Къ вамъ подбираются!.. вовсе близко!.. Мельниково жгутъ!.. съ горы видать!.. Агафья тамошняя—ягодница... помните, чай?—прибѣжала... простоволосая... Все въ конецъ рушатъ!.. мужиковъ, бабъ, дѣвокъ—кого бьютъ, кого—въ полонъ... Пропали мы... ой! пропали!..

— Вѣдь ты-жъ знаешь, что насъ не тронутъ! вѣдь самые лютые изверги и тѣ насъ объявили своими благодѣтелями!—страннымъ, рѣзкимъ тономъ, отчеканивая каждое слово, заговорила Вѣра.—Чего-жъ обезумѣла?

Въ кабинетѣ что-то шевельнулось; какой-то, не то вздохъ, не то несвязное бормотаніе донеслось оттуда.—Онъ услышалъ и понялъ этотъ жестокій, незаслуженный упрекъ...

— То-жъ и Агафья... прибѣгла... укройте!—говоритъ,—ваше мѣсто свято!..—А я...—барыня! милая! спрячьтесь вы! схоронитесь въ саду!.. Нешто имъ, душегубамъ окаяннымъ, вѣрить можно? Али они крестъ цѣловали? Да и креста то, поди, нѣтъ на ихъ?

— Нечего голосить! отъ судьбы не уйдешь!—сурово прервала ее молодая хозяйка.—И у разбойниковъ совѣсть есть... да и объявили они, что всякаго, кто пальцемъ тронетъ, въ клочки разнесутъ...

Digitized by Google

— Знаю, барыня! знаю, милая!.. Да нешто ежели онъ пьяный... въ угарѣ... Да пущай опослѣ того расказнятъ его, по косточкамъ разымуть — толку-то что?..

Вѣра стояла мрачная и молчаливая. Въ кабинетѣ царило безмолвіе. Тиканье старинныхъ часовъ слышалось особенно отчетливо, казалось необычно громкимъ на фонѣ могучаго гула толпы и грохота взрывовъ, доносившихся откуда-то издалека...

— Ай! Они самые!—дико взвизгнула Маня и, закрывъ лицо руками, сѣла на полъ...

Черезъ стеклянную дверь столовой, выходившей на балконъ, въ отблескѣ зарева, охватившаго небо, былъ отчетливо виденъ аэромобиль, который, медленно опускаясь и помаргивая своимъ огненнымъ глазомъ, тихо кружился надъ садомъ, выбирая мѣсто, гдѣ бы удобнѣе осѣсть...

Огненный глазъ скрылся въ гущѣ кустарника...

„Тикъ-такъ, тикъ-такъ"—отбивали часы...

Вотъ—шорохъ шаговъ по песку садовой дорожки...

Что это?..—Какъ будто обтираютъ ноги о рѣшетчатую настилку, положенную передъ лѣстницей?..

Идутъ по ступенямъ... Смѣло, увѣренно идутъ...

Много-ли?—не разобрать...

Что-то мелькнуло за дверью, которая тотчасъ-же распахнулась, и въ столовую вошли двое...

Впереди — средняго роста, слегка сутуловатый, блондинъ съ холенными усами и небольшой бородкой, поблескивавшей преждевременно сѣдиной, а сзади него—гигантъ брюнетъ, заросшій волосами отъ самыхъ глазъ, огромныхъ, черныхъ, полныхъ какой-то

Digitized by Google

свирѣпости, судя по тому взгляду, какимъ онъ окинулъ все окружающее...

Оба были одѣты одинаково, въ обычный интернаціональный костюмъ воздухоплавателей, но сразу же чувствовалось, что старшимъ является первый.

VII.

Старый знакомый. — Анархія или индивидуализмъ?—Мечта!—Признаніе.

— Смѣю ли я...—заговорилъ старшій, снимая фуражку (и въ тонѣ его голоса слышалось странное сочетаніе властнаго приказа и застѣнчивой просьбы),—смѣю ли я надѣяться встрѣтить гостепріимство въ этомъ домѣ?..

Маня все еще сидѣла на полу, закрывъ лицо руками, зато Вѣра, гордо выпрямившись и сверкнувъ своими черными глазами, надменно отвѣтила:

— Кто входитъ въ чужой домъ такъ, какъ вошли вы, тому нечего спрашивать!.. — онъ самъ хозяинъ! по праву сильнаго!..

— Скажи, пожалуйста, какой кара-гезъ!—не удержался гигантъ отъ восторженнаго восклицанія.

— Молчи, Джигитъ! — дружески, но рѣшительно остановилъ его первый.—Сударыня,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Вѣрѣ,—вцѣпиться въ волосы женщинѣ—поступокъ возмутительный, но ухватить за косу утопающую—вполнѣ дозволено. Въ данный моментъ мы весьма близки къ подобному случаю, и если я почти-

Digitized by Google

тельнѣйше просилъ вашего гостепріимства, то единственно потому, что не хотѣлъ васъ обидѣть предложеніемъ... моего... покровительства...

— Кто бы вы ни были!..—гнѣвно крикнула Вѣра, наступая на него. — Вы! — все можете!.. Можете—убить! — надругаться! — продать на рынкѣ!.. но не смѣете!.. такъ говорить!..

— Простите, сударыня... вы меня не поняли...

— ...Глумиться надъ беззащитными—позоръ! позоръ—даже для бандита!—продолжала Вѣра, ничего не слушая...

— Сергѣй Петровичъ!.. Вы ли?.. Дорогой мой! — неожиданно раздалось въ дверяхъ кабинета.

Это говорилъ старый профессоръ, поспѣшившій на помощь дочери при первомъ же появленіи незнакомцевъ въ столовой, но почему-то остановившійся на порогѣ и пристально вглядывавшійся въ лицо „начальника“, на котораго такъ энергично нападала Вѣра.

— Иванъ Дмитричъ! Васъ-то я и искалъ! — воскликнулъ тотъ, бросаясь къ нему и радостно пожимая протянутыя ему руки.—Защитите меня отъ этой амазонки, охраняющей вашу неприкосновенность!

— Да вѣдь это-жъ дочь моя, Вѣрочка! Неужто забыли?..

— Вѣрочка?—изумился воздухоплаватель.

— Сережа-Нибелунгъ? — растерянно проговорила та, и вся кровь, казалось, хлынула ей въ голову такъ, что даже уши, и тѣ покраснѣли...

— Онъ самый и есть! Я сразу же призналъ! — торжествовалъ профессоръ. — Вотъ неожиданная встрѣча! Проситъ гостепріимства, а его—чуть не по

Digitized by Google

шеѣ...—Эй, ты, красавица!—тормошилъ онъ все еще не пришедшую въ себя горничную,—вставай, что ли, и давай обѣдать! давно пора!...

— Ну, я пошелъ!—рѣшительно заявилъ Джигитъ, окинувъ столовую своимъ огненнымъ взглядомъ, въ которомъ на этотъ разъ не было и тѣни свирѣпости.

— Почему же вашъ товарищъ...—неувѣренно отозвалась Вѣра...

— Служба—прежде всего!.. — также неувѣренно, стараясь (почему-то) не глядѣть на нее, отвѣтилъ Сергѣй Петровичъ.—Хоть вы и неласково меня встрѣтили, но вѣдь я прибылъ сюда съ единственной цѣлью обезопасить... уважаемаго Ивана Дмитріевича...—Такъ вотъ, дорогóй,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Джигиту,—поскучай, разъ самъ взялся...— Держи мои позывные, чтобъ не сунулись со-слѣпу... Въ случаѣ чего — предупреди и распорядись „нашимъ“...—Такъ?

— Слыхалъ, слыхалъ! Знаю—понимаю!—бормоталъ тотъ, направляясь къ выходу, но въ самыхъ дверяхъ неожиданно повернулся и заявилъ:—Если такой карагезъ царица—это ничего!

— Итакъ, — ораторствовалъ Иванъ Дмитріевичъ, лѣвой рукой опираясь на письменный столъ, какъ бывало на кафедру, а правой дѣлая жестъ, долженствовавшій особенно подчеркнуть его мысль. — Итакъ: credo вашего „Повелителя“ имѣетъ основой—каждаго человѣка сдѣлать королемъ, отвѣтственнымъ только передъ Богомъ и своей совѣстью. По существу — это проповѣдь чистаго анархизма...

Digitized by Google

— Не анархизма, но индивидуализма!

— Называйте, какъ хотите, но фактъ остается фактомъ: такое распыленіе власти ведетъ къ полному ея упраздненію.—Если всѣ повелѣваютъ, то кому же обязательны ихъ повелѣнія?

— Имъ самимъ!

— Эффектно, но неубѣдительно!—Залогъ продуктивности труда—въ принципѣ его распредѣленія между работниками. Всякій дѣлаетъ то, что лучше всего умѣетъ дѣлать (научившись своему ремеслу, или получивъ этотъ даръ отъ рожденія — вопросъ другой). Но если должно существовать такое распредѣленіе труда, долженъ существовать и органъ, исполняющій функціи распредѣлителя, а если указанное имъ распредѣленіе обязательно—это уже власть! ячейка государственности!..

— Ячейка—да! Но ни шагу далѣе!

— Я не совсѣмъ понимаю. Значитъ, по-вашему, вопросъ не въ качествѣ, а въ количествѣ? Не въ томъ, какъ живутъ люди, а въ томъ, сколько ихъ подчиняется опредѣленному режиму?

— Отчасти—да!—Мы не отрицаемъ необходимости, неизбѣжности подчиненія однихъ лицъ другимъ, но признаемъ подчиненіе только сознательное и добровольное, а не вынужденное! Въ маленькой общинѣ, гдѣ всѣ знаютъ другъ друга, конечно, можетъ быть избранъ предводитель, верховный судія, президентъ, король (дѣло не въ названіи), который, лично зная каждаго изъ своихъ добровольныхъ подданныхъ, будетъ править ими, имѣя физическую возможность самъ, безъ посредничества какихъ либо совѣтчиковъ, испол-

Digitized by Google

нять свои обязанности. Это какъ бы суперъ-арбитръ, авторитету котораго подчиняются „не за страхъ, но за совѣсть!" Допустите только, чтобы эти отдѣльныя ячейки слились во-едино, сплотились въ государство, и сразу же окажется, что глава его физически лишенъ возможности выполнять возложенныя на него *обязанности,* тогда какъ *права* его будутъ, неизбѣжно, широко узурпированы кучкой приближенныхъ къ нему лицъ.—Децентрализація—вотъ нашъ лозунгъ!

— И вы, противорѣча сами себѣ, стремитесь провести его въ жизнь при посредствѣ организаціи, которая являетъ собою наиболѣе яркій примѣръ абсолютизма! — Вашъ „Повелитель Царей Воздуха" развѣ не деспотъ?

— Вовсе нѣтъ!—Наша организація чисто военная, прототипомъ которой можно признать Запорожскую Сѣчь. Развѣ запорожцы по указу кошевого атамана шли воевать съ Польшей или султаномъ? Развѣ каждый изъ нихъ не былъ воленъ въ своихъ рѣшеніяхъ? Развѣ не одушевленіе общей идеей поднимало кошъ въ далекій и трудный походъ?

— Пусть такъ! пусть такъ!—перебилъ его Иванъ Дмитріевичъ, видимо не желавшій останавливаться на щекотливомъ вопросѣ. — Мы отклонились отъ обсужденія предмета по существу: укажите мнѣ опредѣленно не только идею, которой вы руководствуетесь въ данную минуту, но и цѣль, къ достиженію которой стремитесь.

— Наша цѣль — нигдѣ и никогда не допускать насильственнаго подчиненія, бороться противъ всякой попытки поработить ближняго!..

Digitized by Google

— А такъ какъ стремленія этого рода прочно заложены въ душѣ двуногаго существа, которое мы называемъ человѣкомъ, то вы поставили себѣ задачей до конца вѣка летать надъ поверхностью земли и воевать съ насильниками. Такъ ли?

— Не совсѣмъ такъ... Мы вѣримъ, что когда подрастетъ поколѣніе, никогда не видѣвшее карты всего свѣта, раскрашенной только въ небольшое число цвѣтовъ, соотвѣтствующихъ немногимъ великимъ царствамъ, когда люди опять научатся жить, работать (даже воевать!) только по собственной нуждѣ или въ интересахъ своей общины, гдѣ каждый знаетъ другъ друга въ лицо, состоитъ съ нимъ въ родствѣ или свойствѣ, — тогда настанетъ время и намъ сложить свое оружіе!.. И это время настанетъ!..

— Мечта! мечта!..—воскликнулъ профессоръ.

Сергѣй Петровичъ поднялся со своего мѣста такъ порывисто, что кресло, на которомъ онъ сидѣлъ, отлетѣло всторону. Выраженія усталости и добродушной ироніи ужъ не было на этомъ сумрачномъ, сожженномъ солнцемъ, изборожденномъ преждевременными морщинами, лицѣ; сѣростальные глаза загорѣлись огнемъ; кисти рукъ судорожно сжались, и каждый мускулъ напрягся, словно у тигра, готоваго сдѣлать рѣшительный прыжокъ...

— Мечта? Вы говорите—мечта?—повторилъ онъ не громко, но тѣмъ звенящимъ голосомъ, который въ бояхъ пробуждалъ къ жизни его измученныхъ, израненныхъ товарищей.—А стоитъ-ли жить безъ мечты?— Укажите мнѣ другую, въ которую я могъ бы повѣрить, и я пойду за вами, хоть... на костеръ!

Digitized by Google

— Позвольте...—бормоталъ старикъ, смущенный этимъ порывомъ, невольно поддавшись очарованію властнаго требованія, искавшаго отвѣта.—Я только констатирую факты: Эдуардъ — хотѣлъ разоружить міръ, взявъ самое грозное оружіе въ свои руки, но это не удалось; Вильгельмъ—надѣялся умиротворить человѣчество на принципѣ свободнаго прогресса каждой отдѣльной народности, но ничего изъ этого не вышло; вы—думаете достигнуть того же водвореніемъ анархіи или, какъ вы говорите, индивидуализма — смѣю думать—не будете имѣть успѣха... Жизнь—борьба. Результатъ борьбы—побѣда или пораженіе. Побѣдитель торжествуетъ, побѣжденный покоряется. Первый—диктуетъ свою волю второму. Это—насиліе. И это насиліе можетъ исчезнуть лишь при условіи, что не будетъ ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ, т.-е. не будетъ борьбы, т.-е.—не будетъ жизни!.. А между тѣмъ, пока живы на землѣ хоть два человѣка—они, неминуемо, будутъ спорить между собою изъ за первенства!—Вотъ заколдованный кругъ, изъ котораго не могутъ вырваться ни имперіализмъ, ни федерализмъ, ни... вашъ индивидуализмъ!.. У насъ такъ часто приводятъ, какъ антитезы, теорію и практику, но вѣдь это абсурдъ! — Профессоръ совсѣмъ оправился отъ мимолетнаго смущенія и снова чувствовалъ себя, какъ бы на каѳедрѣ, передъ знакомой аудиторіей.—Практика, необоснованная теоріей—невѣжество! Теорія, неоправдываемая практикой—ошибочная гипотеза! Эдуардъ, Вильгельмъ и вы—тѣ же инквизиторы, пытавшіеся огнемъ и мечомъ доставить господство ученію любви, мира и всепрощенія!—Какія бы

Digitized by Google

теоріи вы ни измышляли, но руками человѣческими вы не создадите на землѣ царствія Божія! Недаромъ самъ Онъ сказалъ—„Царство Мое не отъ міра сего!..“

Сергѣй Петровичъ давно уже, послѣ неожиданной вспышки, овладѣлъ собою, поднялъ опрокинутое кресло и сѣлъ на мѣсто. Горячую рѣчь своего стараго учителя онъ слушалъ... неслишкомъ внимательно—слова ея не имѣли большого значенія, а внутренній смыслъ ея онъ зналъ напередъ... Это были тѣ самыя назойливыя думы, которыя онъ такъ упорно гналъ отъ себя въ долгія, безсонныя ночи.

Вѣра вовсе не вмѣшивалась въ ихъ бесѣду, только слѣдила за ней, да и то съ перерывами, такъ какъ все чаще и чаще въ дверяхъ появлялась растрепанная физіономія горничной, дѣлавшей ей какіе-то таинственные знаки, въ отвѣтъ на которые она неслышно исчезала изъ кабинета, хотя вскорѣ же возвращалась.

Глухіе удары взрывовъ все еще (правда рѣже) заставляли вздрагивать стѣны стараго дома и дребезжать стекла оконъ, а сквозь щели задернутыхъ портьеръ прорѣзывались временами отблески багроваго зарева.

— Жить безъ мечты...—заговорилъ, нарушая молчаніе, тотъ, чей властный окрикъ еще недавно смутилъ профессора, а теперь—такой усталый, такой... просто „человѣкъ“, а не „царь воздуха“...—Можетъ быть, я не точно выразился... можетъ быть, слѣдовало бы сказать: руководящая идея, путеводная звѣзда?.. Но вы меня понимаете?.. Можно ли жить безъ мечты, безъ надежды, что хотя бы на нашихъ

Digitized by Google

костяхъ, на почвѣ, удобренной нашей кровью, когда-нибудь, не скоро, далеко, далеко... но все же расцвѣтетъ счастье, и хотя бы самые отдаленные потомки помянутъ насъ добрымъ словомъ?..

— Я сказалъ уже,—не совсѣмъ увѣренно, но стараясь выдерживать авторитетный тонъ лектора, началъ опять Иванъ Дмитріевичъ,—что всеобщее замиреніе—мечта, которую не смогъ осуществить даже Христосъ, въ послѣдніе дни жизни своей пророчествовавшій, что „возстанетъ братъ на брата"...—Во имя чего?—Во имя любви и всепрощенія... — Такъ поступаете и вы, новые проповѣдники, считающіе себя предтечами Царствія Божія...—Вся природа человѣка возмущается, протестуетъ противъ всеобщаго равенства! Это органически невозможно! Сильный всегда будетъ господиномъ слабаго, а слабый будетъ искать покровительства сильнаго цѣною личнаго своего подчиненія...

— Постой!—внезапно вмѣшалась Вѣра.—Ты все говоришь о законахъ природы! Но развѣ какой-нибудь наслѣдственный подагрикъ, который за всю жизнь свою палецъ о палецъ не ударилъ, владѣющій аэромобилями, нанимающій за свое золото люфтскнехтовъ и собирающій дань съ окрестныхъ селеній, гдѣ люди дѣйствительно трудятся, дѣйствительно „въ потѣ лица своего" добываютъ хлѣбъ свой,—развѣ это законъ природы?

— Ну, ну... — недовольно заворчалъ старикъ, — опять пошли высокія матеріи...

— Напрасно ты такъ отъ нихъ отмахиваешься! напрасно такъ нападаешь, даже хуже—высмѣиваешь—

Digitized by Google

„мечту“, о которой говоритъ Сережа, т.-е. Сергѣй Петровичъ...—поспѣшно поправилась она.

— Но пойми же: люди такъ созданы, что не могутъ жить безъ драки!...

— А если оружіе будетъ вырвано изъ ихъ рукъ? если имъ нечѣмъ будетъ истреблять другъ друга?

— Что вы хотите сказать?—заинтересовался воздухоплаватель.

— Не слушайте ея! Еще новая мечта!—сердито отозвался профессоръ.

Для Вѣры ночь выдалась безпокойная.—Вѣсть о томъ, что усадьба профессора дѣйствительно даетъ право убѣжища, быстро распространилась по окрестностямъ, и вскорѣ же не только домъ, службы, сараи и амбары, но даже садъ переполнились бѣглецами.—Всѣхъ надо было пристроить, накормить, многихъ—одѣть, инымъ—оказать медицинскую помощь.

Слушая ихъ разсказы, молодая женщина то холодѣла отъ ужаса, то вспыхивала безумнымъ гнѣвомъ.—Никогда раньше не случалось ничего подобнаго!—Вѣдь всѣ знали, что „Цари Воздуха“ только „воюютъ“, что оружіе ихъ направлено только противъ тѣхъ, кто оружіемъ же стремится подчинить себѣ своихъ ближнихъ! Грабежи и насилія, которыми славились шайки флибустьеровъ, никогда не пятнали добраго имени этихъ странствующихъ рыцарей!—А теперь?.. Что случилось?..

Она рѣшила потребовать отчета у ихъ гостя, явившагося къ нимъ въ роли ангела-хранителя! Судя по всему, онъ занималъ въ организаціи достаточно

Digitized by Google

высокое положеніе, чтобы имѣть возможность, если не прекратить эти ужасы, то, по крайней мѣрѣ, обратить вниманіе „Повелителя“ на то, что творится его именемъ! Во всякомъ случаѣ онъ могъ и долженъ былъ дать ей свои объясненія!..

———

Сергѣй Петровичъ, распростившись съ хозяевами и пожелавъ имъ покойной ночи, рѣшительно отказался отъ предложенной ему спальни, но избралъ мѣстомъ своего пребыванія вышку, гдѣ находился аппаратъ безпроволочнаго телеграфа, который онъ попросилъ (тоже достаточно рѣшительно) предоставить въ его исключительное пользованіе.—Конечно, просьба эта была уважена.

———

Въ тотъ моментъ, какъ Вѣра, поднявшись по крутой, винтовой лѣстницѣ, ступила на верхнюю площадку и оглянулась кругомъ, онъ сидѣлъ за аппаратомъ, получая какія-то депеши и отвѣчая на нихъ, немедля, какимъ-то особенно увѣреннымъ, рѣшительнымъ постукиваніемъ ключа...—Спалъ ли онъ въ эту ночь?..—Врядъ ли...—Странное смущеніе овладѣло ею, и она, шедшая сюда съ горячимъ протестомъ на губахъ, замерла въ неподвижности, ожидая, когда онъ кончитъ, не смѣя помѣшать ему.

Онъ кончилъ, откинулся на спинку стула и досадливымъ жестомъ потеръ себѣ лобъ...

Вѣра, словно впервые, ясно разглядѣла этотъ энергичный профилъ, эти, прямыми линіями сдвинувшіяся къ переносицѣ и приподнявшіяся на вискахъ,

брови... а главное—это выраженіе глубокой, почти безпомощной усталости...

„И зачѣмъ же душу бѣдную усталь смертная томитъ“...—неожиданно вспомнилась ей какая-то строчка изъ какого то, въ дѣтствѣ читаннаго, стихотворенія.

Весь горизонтъ былъ затянутъ дымомъ; зарево пожарищъ еще боролось съ разгоравшейся зарей; вчерашній аэромобиль исчезъ, но вмѣсто него надъ домомъ тихо рѣялъ воздушный корабль, осѣненный черным флагомъ съ бѣлой звѣздой...

Страшная догадка мелькнула въ ея головѣ...— „Сережа - Нибелунгъ“, „Баронъ“, „Тотъ, котораго ждали“, „Мститель“ (за Ригу?), „Повелитель царей воздуха“...

— Сергѣй Петровичъ,—проговорила она, слегка тронувъ его за плечо,—это вашъ корабль и вашъ флагъ?

— Да! Мой корабль и мой флагъ!—отвѣтилъ онъ такъ спокойно, такъ увѣренно, словно давно уже ждалъ этого вопроса, и, тяжело поднимаясь со своего мѣста, добавилъ, странно усмѣхаясь:—Судить пришли? Въ добрый часъ!

— Такъ и это ваше?—продолжала она, указывая на столбы дыма, вздымавшіеся надъ пожарищами, на таборъ бѣглецовъ, расположившихся въ саду.

— Мое!..—и вдругъ, словно рѣшившись на что-то важное, рѣзко перемѣнилъ тонъ и заговорилъ со страстью и горечью:—А что же я могу сдѣлать? Или вы думаете, что побѣды даромъ даются? что борьба ничего не стоитъ?..—Мои истинные товарищи—всѣ, или почти всѣ, погибли въ бояхъ!.. Дай Богъ, насчитать десятокъ изъ тѣхъ, что донынѣ, съ полнымъ

Digitized by Google

правомъ, смѣютъ назвать себя „Царями Воздуха"... Остальные—люфтскнехты и даже флибустьеры, которые съ восторгомъ спѣшатъ стать подъ мое знамя, но при условіи, что я... позволю имъ распорядиться съ побѣжденными по ихъ обычаю... Откуда иначе могъ бы я собрать такую силу?.. Въ бою они слѣпо мнѣ повинуются и храбро дерутся... а послѣ побѣды—я закрываю глаза... утѣшаюсь мыслью, что... напримѣръ... Сызрань, въ случаѣ удачи, поступила бы съ Батраками едва ли не хуже, чѣмъ эта орда съ Сызранью...—Не судите строго, Вѣра Ивановна!—Насъ, странствующихъ рыцарей, осталось такъ мало, что мы уже не въ силахъ собственными средствами выполнять тѣ обязательства, которымъ поклялись служить...—И что-жъ?—Отказаться отъ мечты, когда осуществленіе ея кажется такимъ близкимъ? Признать ее несбыточной?—Но развѣ можно жить безъ мечты?—За нее, за смыслъ нашей жизни мы еще боремся, ради этого идемъ на компромиссы, ради этого якшаемся съ людьми, противъ которыхъ нѣкогда выступали, какъ противъ бандитовъ, съ оружіемъ въ рукахъ... пока были достаточно сильны для войны на оба фронта!.. Какъ это ни тяжело, нельзя не сознаться, что ряды наши все таютъ, что приходится или отказаться отъ мечты... или искать союзниковъ.—А гдѣ можно найти ихъ?—Конечно, не въ средѣ умѣренныхъ и аккуратныхъ!..

— А въ результатѣ—вы, предъ чьимъ именемъ благоговѣютъ народы и склоняются ихъ повелители, вы прибыли въ этотъ домъ, вами же объявленный неприкосновеннымъ, для чего?—чтобы обезопасить его

7*

Digitized by Google

отъ разгрома!—И чѣмъ?—личнымъ вашимъ присутствіемъ!.. Но если такъ, то кто же и кому служитъ? Кто и кому подчиняется?—Вся выгода на ихъ сторонѣ, а не на вашей!—Подъ вашимъ предводительствомъ они вполнѣ достигаютъ намѣченной ими цѣли, а вы... вы сами признались, что каждая такая побѣда—только отсрочка вашего конечнаго пораженія...

— Такъ, такъ! Будьте безжалостны!.. Да вѣдь я и не прошу состраданія!..—рѣзко отозвался Сергѣй Петровичъ, съ дѣланно - безпечнымъ видомъ стараясь поудобнѣе усѣсться на перилахъ.—Говорите, говорите! Я слушаю...

— Сережа...—промолвила она, подходя къ нему,—зачѣмъ вы прячетесь въ свою скорлупу даже... отъ меня?.. Или не я, тайкомъ, провожала васъ, бѣжавшаго въ ряды „Нибелунговъ"?.. Тогда вы иначе думали, иначе чувствовали!.. Да, нѣтъ! Вы и теперь тотъ же, только не хотите признаться!..

— А какой толкъ былъ бы отъ такого признанія?..

— Старая люб... то-есть, я хочу сказать—старая дружба, которая, какъ говорятъ, не ржавѣетъ...

— Нѣжныя чувства молодой вдовы? Изданіе второе, исправленное и дополненное?..—ѣдко разсмѣялся онъ.

— Обижать всегда—нехорошо, но такъ обижать—стыдно... Развѣ я виновата? Ваша гибель была офиціально удостовѣрена... отецъ такъ просилъ... хотѣлъ видѣть внуковъ... зачѣмъ же... такъ жестоко... такъ грубо...

Digitized by Google

VIII.

Детонаторъ.—Смутные слухи.—Ночной гость.— Первый опытъ.

Хорошо, что широко выдвинувшійся за края вышки парусинный навѣсъ скрывалъ ея внутренность отъ нескромныхъ взглядовъ „сверху". Не будь этой парусины, что подумали бы сигнальщики корабля, гордо несшаго флагъ „бѣлой звѣзды въ черномъ полѣ", какъ растерялись бы капитанъ и чины штаба, услышавъ ихъ докладъ? А если бы, по чьей-нибудь нескромности, безпроволочный телеграфъ разнесъ эту сплетню по свѣту? Что бы было!..

Взявшись за руки, они сидѣли вдвоемъ на узенькомъ и короткомъ камышевомъ диванѣ (на томъ самомъ, который Иванъ Дмитріевичъ послѣ обѣда находилъ необычайно тѣснымъ) и говорили... говорили, перебивая другъ друга, забывая только-что заданные вопросы, не требовавшіе отвѣта, заранѣе отвѣчая на еще невысказанныя мысли... Старыя башни замка и Царскій садъ въ Ригѣ, закоулки зданія политехникума, гигантскія подземелья нибелунговъ, титаническая борьба въ воздушномъ океанѣ, краткое замужество, разгромъ родного города, флибустьеры, цари воздуха—обо всемъ надо было вспомнить и разсказать, по всякому поводу подѣлиться впечатлѣніями, и, какъ ни странно, они успѣвали это дѣлать, обмѣниваясь только короткими, отрывочными фразами.

— Ну, а теперь? что-жъ дальше? ты такъ и не сказалъ самаго главнаго!—спрашивала Вѣра.

Digitized by Google

— Что-жъ говорить?.. сама знаешь — крахъ моей мечты, а вмѣстѣ съ ней — крахъ жизни... Ты не можешь упрекнуть меня въ скрытности или недовѣріи...

— А я?..

— Ты?.. Или думаешь—въ роли сестры милосердія при живомъ покойникѣ?..—Ну, нѣтъ! Я еще не такъ слабъ!..—Помнишь, въ „Крейцеровой сонатѣ“ говорится, что человѣкъ умираетъ не потому, что въ него ткнулся какой-то глупый штыкъ, или попала пуля, или кирпичъ свалился ему на голову, а потому, что къ моменту проявленія этой, чисто внѣшней, причины его смерти „смыслъ жизни его изжитъ“... Ну, такъ и со мной...

— А если мечта осуществима, но ты былъ, просто... на невѣрномъ пути?.. Отречешься ли ты отъ нея?.. Да и въ правѣ ли ты остановиться на полпути?..

— Я не вижу пути... Впереди — глухая стѣна... и нѣтъ никакой дороги...

— А если я выведу тебя на эту дорогу! — Надо воевать не оружіемъ противъ оружія, а вырвать его изъ рукъ враждующихъ! — Если нечѣмъ будетъ сражаться—сраженіе станетъ невозможнымъ!.. Не „накулачки“ же будутъ драться?!

— Я не совсѣмъ понимаю...

— Постой! вотъ идетъ отецъ. — Онъ лучше меня сумѣетъ разсказать въ чемъ дѣло. — Раньше онъ только смѣялся, а теперь работаетъ вмѣстѣ со мной (вѣдь я его ученица) и уже не смѣется, а только сердится, когда я слишкомъ размечтаюсь о томъ, чего „этимъ“ можно достигнуть...

Digitized by Google

— Это она и вамъ о своемъ „детонаторѣ“?—перебилъ профессоръ.—Все еще, батенька мой, въ періодѣ опытовъ. — Ничего опредѣленнаго сказать нельзя, хотя задумано неглупо...

— Какой „детонаторъ“? Никогда о немъ не слышалъ!

— Да и никто не слышалъ. Это—ея секретъ, ея тайна! но разъ она сама ее вамъ открыла, то я готовъ дать необходимыя разъясненія...—А ты бы распорядилась, Вѣрочка, чтобы простоквашу и землянику сюда принесли...

Профессоръ, видимо, хорошо выспался, былъ въ самомъ благодушномъ настроеніи и готовился прочесть лекцію. Помѣхой плавности изложенія являлся только поминутно трещавшій аппаратъ телеграфа, на которомъ его слушатель немедленно „выстукивалъ“ отвѣты, при чемъ, конечно, слушалъ въ пол-уха...

— Помните ли вы, что я говорилъ когда-то объ эфирной волнѣ?... Хотя и самъ эфиръ—только гипотеза.—За предѣломъ фіолетовыхъ лучей спектра мы имѣемъ химическіе лучи, на которые вовсе не реагируетъ тотъ несовершенный приборъ, который мы называемъ человѣческимъ глазомъ... Далѣе: открытіе Рентгена и всѣ за нимъ послѣдовавшія... Все это—въ эфирѣ (хотя, повторяю, самъ эфиръ—только гипотеза!), но не въ той средѣ, грубо-матерьяльной, поддающейся взвѣшиванію, измѣренію, въ которую мы погружены... Электричество—съ тѣхъ поръ, какъ оно освободилось отъ узъ проводниковъ, со времени безпроволочнаго телеграфа и телефона...—Развѣ не ясно, что это тотъ же лучъ, та же волна нашего гипотети-

Digitized by Google

ческаго эфира?..—Иду дальше: детонація, моментальный цѣлостный взрывъ огромнаго количества нѣкотораго вещества, происходящій отъ взрыва по сосѣдству, относительно ничтожнаго, количества другого химическаго соединенія, способнаго вызвать эту детонацію...—Въ чемъ дѣло?—Въ толчкѣ?—Нѣтъ! ибо прослойка воздуха—наилучшій изоляторъ, а металлическое соединеніе—проводникъ... Но вѣдь въ томъ-то и дѣло, что эфиру, въ его колебаніяхъ, мы придаемъ свойства металла, хотя и считаемъ его невѣсомымъ и всепроникающимъ!..

Неистовый трескъ телеграфнаго аппарата, энергично требовавшаго отвѣта, вовсе отвлекъ на нѣкоторое время вниманіе слушателя.—„Отстучавъ“ что-то, онъ поспѣшилъ завѣрить профессора, что не упустилъ ни слова, и просилъ продолжать.

— Не очевидно ли,—продолжалъ тотъ,—что свѣтовой, химическій, электрическій и детонирующій лучи—явленія того же порядка?.. Что достаточно направить на какое бы то ни было взрывчатое, т. е. малостойкое, химическое соединеніе соотвѣтственный лучъ, пропустить сквозь него волну (гипотетическаго) эфира соотвѣтственной длины — и оно разложится на составные элементы—дастъ взрывъ?.. Это—моя идея, за которую ухватилась Вѣра, рѣшившая создать приборъ, посылающій по желанію эфирныя волны, требуемой длины, вызывающія детонацію всякаго соединенія, способнаго детонировать, отъ чернаго пороха — до generator'a!

— И оказалось?..

— Какъ будто можно... На пути къ осуществле-

Digitized by Google

нію... Это — меня заинтересовало... Не понимаю только, чего она ликуетъ и кричитъ—„Конецъ войнѣ!“

— Папа!—промолвила Вѣра, появляясь на вышкѣ,—я побоялась, что здѣсь мы будемъ мѣшать Сергѣю Петровичу.—Телеграммы на него такъ и сыплются; на каждую надо отвѣтить...—Я приказала твою простоквашу и землянику подать на балконъ...

— Пожалуй, что такъ... это неглупо, — ворчалъ профессоръ.—Еще потолкуемъ, когда освободитесь!—крикнулъ онъ, уже спускаясь по лѣстницѣ.

— Я нарочно ушла, чтобъ не мѣшать ему разсказать тебѣ все въ строго научномъ стилѣ, — смѣялась Вѣра и вдругъ... забезпокоилась:—ты не вѣришь?

— Во что?

— Въ детонаторъ!

— Еще одно усовершенствованіе въ дѣлѣ взаимоистребленія и—ничего больше...

— Да нѣтъ же! пойми: все взрывчатое можетъ быть взорвано! Чѣмъ же драться?.. Ну, напримѣръ,—Батраки. — Они позвали на помощь тебя съ твоими пушками и бомбами противъ воздушнаго флота Сызрани, готовившагося смести ихъ съ лица земли.—Но еслибы у нихъ былъ одинъ—только одинъ!—мощный детонаторъ, возвышающійся надъ городомъ, съ раіономъ дѣйствія... скажемъ—50 верстъ?—Спокойно, не торопясь, они посылали бы одинъ за другимъ разряды, взрывающіе въ этомъ раіонѣ generator, мелинитъ, кордитъ, пироксилинъ, порохъ... даже старый, еще монахомъ Шварцемъ изобрѣтенный, порохъ!.. Тутъ нѣтъ предѣла! Мнѣ чувствуется, что нѣтъ такого химическаго соединенія, которое нельзя было бы разложить

Digitized by Google

детонирующимъ лучемъ... Вода и та, при разложенiи, даетъ гремучiй газъ, значитъ и она, теоретически, способна детонировать!..

— И, теоретически, можно взорвать океаны, а съ ними всю поверхность земли, — перебилъ ее Сергѣй Петровичъ,—на практикѣ же выйдетъ вотъ что: придетъ добрая толпа народу, вооруженная дубинами, и такъ какъ въ раiонѣ дѣйствiя детонатора всякiй револьверный патронъ, и тотъ будетъ взорванъ, и защищаться противъ нея будетъ нечѣмъ, то детонаторъ разнесутъ въ клочья, а затѣмъ прибудутъ, находившiеся внѣ дѣйствiя лучей детонатора, отряды, обладающiе полнымъ боевымъ снабженiемъ, и... сдѣлаютъ свое дѣло!

— Но если всѣ и повсюду...

— Вотъ, вотъ! Опять сказка про бѣлаго бычка! Да если бы возможно было достигнуть этого „всѣ и повсюду", этого всемiрнаго соглашенiя, то войны давно бы ужъ не было!—Ну, какъ ты принудишь человѣчество утилизировать твой детонаторъ только въ интересахъ огражденiя отъ насилiя, а не какъ средство порабощенiя?—Въ любой точкѣ земной поверхности, кто первый возьметъ палку въ руки, тотъ и будетъ командовать!..

Снова энергично затрещалъ аппаратъ.

— Ого! — воскликнулъ Сергѣй, только взглянувъ на ленту и поспѣшно „отстучавъ" что-то въ отвѣтъ.— Прощай, Вѣра!

— Что такое? Враги? Откуда?

— Еще неизвѣстно, но, можетъ быть... Прощай!.. Впрочемъ, нѣтъ — до свиданья!.. Работай надъ дето-

Digitized by Google

наторомъ! Мнѣ пришла идея... Если моя мечта рухнетъ... Ну, да, послѣ!..

Что-то зашуршало по крышѣ — это была веревочная лѣстница, сброшенная съ воздушнаго корабля, парившаго надъ домомъ...

Прошло три мѣсяца.

Старый профессоръ, не покладая рукъ, работалъ со своей дочерью, то въ лабораторіи, то въ мастерской. Иногда, несмотря на всю свою любовь къ дѣлу, онъ даже ворчалъ, что не угоняться же ему за „дѣвченкой“, которая въ два раза его моложе, что надо же ей имѣть уваженіе къ почтеннымъ годамъ „лаборанта“, но Вѣра ни о чемъ и слушать не хотѣла.

— Что за горячка!—протестовалъ Иванъ Дмитріевичъ.—Поспѣшишь—людей насмѣшишь... Выгоритъ— дѣло такое, что весь міръ повернетъ наизнанку, если только... твое изобрѣтеніе умные люди не догадаются похоронить вмѣстѣ съ нами...

— Ахъ, папа!.. Вѣдь ты едва проглядываешь газеты, ты—не отъ міра сего! А я вижу, что каждый день, каждый часъ дорогъ!.. Вѣдь „онъ“ сказалъ:— „Если моя мечта рухнетъ...“ — Значитъ — онъ повѣрилъ?..

— А ты и обрадовалась?—Много онъ понимаетъ!— бѣглый студентъ, неокончившій курса!.. Ну, ну! не сердись!—добавлялъ онъ примирительнымъ тономъ.— Не понимаю, на кой чортъ тебѣ какой-то детонаторъ, когда сама ты отъ одного слова взрываешься...

— Если бы ты отнесся внимательно къ тому, что пишутъ...

Digitized by Google

— Бумага все терпитъ!..

А писали, дѣйствительно, много страннаго.

Во-первыхъ (приводя примѣры), указывали, что во многихъ случаяхъ, на призывъ угнетенныхъ, вмѣсто „Царей Воздуха“ являются самые заурядные флибустьеры, и что отъ такой обороны—упаси Богъ!.. что если вмѣстѣ съ ними являются отряды люфтскнехтовъ, такъ надо радоваться, потому что эти послѣдніе всегда готовы наняться на службу къ тому, кто больше дастъ, но зато свято блюдутъ подписанные на извѣстный срокъ контракты, а не грабятъ всякого, кто подвернулся подъ руку... Писали еще, что давно ужъ никто не видѣлъ корабля подъ флагомъ „бѣлой звѣзды въ черномъ полѣ“, что „онъ“ устранился...—Потомъ пошли вѣсти еще хуже—говорили, что флаговъ этого образца появилось множество, но что они вовсе не означаютъ собою личнаго присутствія „Непобѣдимаго“, а являются просто фальсификаціей... Въ прежнее время такихъ самозванцевъ не было, потому что „онъ“ уничтожалъ ихъ съ безпощадностью, заставлявшей трепетать сердца самыхъ отчаянныхъ бандитовъ...

И, одни со страхомъ, другіе, не смѣя вѣрить радостной вѣсти, спрашивали: „Не погибъ ли онъ?“

— Только и жили мы упованіемъ на его могущественную поддержку!—думали слабые...

— Если „его“ нѣтъ больше—съ остальными легко управимся!—ликовали тѣ, чьи аппетиты до сихъ поръ сдерживались „его“ незримымъ контролемъ...

Но Вѣра не допускала подобной мысли. Ей такъ ярко вспоминалось ихъ прощанье, когда онъ уже

Digitized by Google

ухватился за веревочную лѣстницу, брошенную съ воздушнаго корабля, а она пыталась сберечь его для себя, удержать словами:

— Опять въ бой! Когда-жъ это кончится?..

— Не бойся за меня!—крикнулъ онъ, подымаясь все выше и выше.—Талисманъ на мнѣ! Тотъ крестикъ—помнишь?—„спасаетъ и хранитъ!..“

Жаркая, душная ночь конца іюля была особенно темна. Низкія, дымныя тучи заволокли безлунное небо, и сквозь толщу ихъ не въ силахъ было пробиться робкое мерцаніе звѣздъ.

Вѣра только что улеглась въ постель, усталая, но довольная. — Огромный детонаторъ былъ готовъ. — Оставалось только собрать его и... испробовать.—Но какъ?—Если безъ предупрежденія—все кругомъ полетитъ на воздухъ, такъ какъ не было дома, въ которомъ не хранилось бы оружія, не хранилось бы взрывчатыхъ предметовъ... Предупредить?—Не разнесутъ ли ихъ домъ раньше, чѣмъ они успѣютъ собрать свой аппаратъ?..

Что-то,—или кто-то,—легонько застучало по оконному стеклу...

Молодая женщина привычнымъ жестомъ вынула изъ-подъ подушки револьверъ и, не зажигая огня, стала прислушиваться...

Въ комнатѣ было все же темнѣе, чѣмъ въ саду, и четыреугольникъ окна со спущенной на немъ легкой шторой обозначался довольно явственно, что давало ей значительное преимущество, въ случаѣ нападенія извнѣ.

Digitized by Google

Стукъ повторился. — Кто-то осторожно отбивалъ (по телеграфной азбукѣ) ея имя—„Вѣра! Вѣра!..“

— Кто тамъ, и что нужно?—отвѣтила она тѣмъ же способомъ, стуча рукояткой револьвера по ночному столику.

— Безъ свѣта. — Опасно. — Осторожно открой окно.—Впусти твоего Сергѣя.

Вѣра проворно набросила на плечи приготовленный на утро купальный халатъ и, не выпуская изъ рукъ вѣрнаго браунинга, неслышными шагами подошла къ окну.—Въ узкій просвѣтъ между занавѣской и косякомъ она увидѣла высокую, черную стѣну деревьевъ сада, и надъ ними—чуть посвѣтлѣе—полоску неба, задернутаго тучами, среди которыхъ мигала одинокая звѣздочка...

— Слишкомъ странно...—отстучала она уже по рамѣ окна.

— Не медли.—Вспомни крестикъ—„спаси и сохрани“.

Сомнѣнія исчезли. — Окно пріоткрылось. — Кто-то ловкій, какъ кошка, скользнулъ въ него, на мгновеніе запутался въ занавѣскѣ и очутился рядомъ съ ней.

— Слушай!—заговорилъ онъ, даже не поздоровавшись.—Я боялся навлечь подозрѣніе на вашъ домъ, и вотъ почему „такъ странно“. Скажу въ двухъ словахъ:—ты была права. Эти негодяи вообразили, что я у нихъ на службѣ. Долго смотрѣлъ сквозь пальцы. Но есть границы. Сама идея дискредитировалась. Покрывать своимъ именемъ ихъ безчинства...—не могъ! Рѣшилъ примѣнить строгость. Должно быть—поздно. Возмутились. Предательское нападеніе. Какъ дрались

Digitized by Google

наши!.. Почти всѣ погибли... Симидзу и его двойникъ—Икеда, Петровъ, Снѣжинскій, Сарміенте, Волькенъ, Османъ, Лятуръ, Фернандецъ, Сунъ, Багадуръ, Штейнбахъ—всѣ, всѣ... на моихъ глазахъ!.. Только мы трое—Ванъ-Дрюйеръ, Джигитъ и я—прорвались къ „Медвѣдицѣ" (мой корабль), овладѣли имъ и успѣли взлетѣть... Джигитъ—серьезно раненъ; на Ванъ-Дрюйерѣ — живого мѣста нѣтъ, но ему—все нипочемъ...—Досталось же имъ!—не многіе могутъ хвалиться побѣдой!..—На каждаго изъ насъ пришелся добрый десятокъ, если не больше!.. Буду справедливъ—и они въ открытой схваткѣ лицомъ въ грязь не ударили! Подобрали головорѣзовъ!..

— Но ты?..

— Ну, я — „заговоренный"! Это — всѣмъ извѣстно!... Впрочемъ, къ дѣлу! къ дѣлу!—нельзя терять времени!—Насъ травятъ, какъ хищныхъ звѣрей, всѣ—и бывшіе подданные, и союзники, и старые враги... Меня ждутъ. Промедленіе можетъ стоить имъ жизни... Даже хуже—крушенія послѣдней мечты...—Отвѣчай коротко и опредѣленно:—Готовъ ли твой детонаторъ?

— Готовъ.

— Очень громоздко? Можно ли установить на „Медвѣдицѣ"?

— Вполнѣ! даже на аэромобилѣ!

— Успѣете ли за сутки, своими средствами, все собрать, уложить, приготовить къ погрузкѣ?

— Конечно!

— Уговори отца. Скажи ему (это правда), что флибустьеры Гималаевъ собираются захватить его, чтобы онъ работалъ только для нихъ. Съ моимъ па-

Digitized by Google

деніемъ—ваша неприкосновенность—миѳъ. За вами уже слѣдятъ, выбираютъ удобный моментъ. По счастью, кажется, они слишкомъ самоувѣрены и не торопятся. Эта ночь—наша. Что будетъ завтра—не поручусь, но, если они дадутъ намъ отсрочку еще на сутки, они должны найти гнѣздышко опустѣлымъ.—Поняла?—Завтра ночью, на вышкѣ!—И чтобъ никто ничего не могъ заподозрѣть!—За профессора я не боюсь—этотъ умѣетъ молчать... Такъ?

— Такъ. Будь спокоенъ. Догадываюсь, а что дѣлать—хорошо поняла.

— До свиданья! меня ждутъ...

— Минутку!..

— Ни секунды!.. Насъ спасли только тучи... форменная облава! .

— Да нѣтъ же!—сердитымъ шопотомъ отозвалась Вѣра.—Или ты думаешь, что я собираюсь задерживать, губить тебя ради нѣжныхъ словъ?..

Она рѣшительно отстранила его, скользнула за занавѣску, пріоткрыла окно и, зорко вглядываясь во тьму ночи, чутко прислушивалась...

Невозмутимая тишина царила кругомъ. — Все спало.—Листъ не шевелился.—Было душно, и въ то же время въ лицо вѣяло прохладой, какъ бываетъ передъ грозой.—Ароматъ спѣлыхъ плодовъ и блекнущей зелени туманилъ голову.—Было такъ тихо, что, облокотившись на подоконникъ рядомъ съ ней, онъ слышалъ біеніе ея сердца...

— Кажется, дорога свободна...

— Дорога... къ счастью!.. Вѣдь, если, Вѣра, намъ удастся?.. если мечта осуществится, и мы вер-

Digitized by Google

немся на умиротворенную землю?.. не будетъ ли это разрѣшеніемъ всѣхъ клятвъ и обѣтовъ?.. и, можетъ быть, тогда, ты согласишься быть мнѣ... больше, чѣмъ старымъ другомъ?..

— Не время, не время теперь думать о себѣ...— протестовала она, смущенная этой близостью, словно, сейчасъ только сообразивъ, что стоитъ рядомъ съ нимъ босая, въ одной рубашкѣ и купальномъ халатѣ, наскоро наброшенномъ на плечи...—Иди! иди! тебя ждутъ!..

. . . .

Онъ давно уже скрылся во иракѣ, сгустившемся подъ сѣнью деревьевъ сада, а она все еще пытливо вглядывалась во тьму и напрягала слухъ, стараясь уловить, не прогремитъ ли гдѣ-нибудь отдаленный выстрѣлъ, не донесется ли глухой раскатъ взрыва брошенной бомбы...—Она поняла, изъ полусловъ, что тамъ, подъ крутымъ яромъ высокаго берега, куда и днемъ-то не всякій рѣшался пробраться по едва намѣченной тропинкѣ надъ самой стремниной, тамъ онъ долженъ былъ подать свой сигналъ—призывъ „Медвѣдицы", скрывавшейся въ низко-нависнувшихъ тучахъ...

Она ждала долго... пока не забѣлѣлъ востокъ...

Ничего тревожнаго, ничего подозрительнаго...

Темная ночь не выдала своей тайны..

Счастье какъ будто улыбнулось.—Съ утра зарядилъ мелкій осенній дождь, которому, какъ говорится,—„конца не было видно".—Правда, что, изъ-за ненастья, прислуга особенно усердно толкалась по

Digitized by Google

дому, мѣшала незамѣтно укладываться, собирать вещи...—но это было неважно по сравненію съ надеждой на успѣхъ самого предпріятія.

Совершенно неожиданно, труднѣе всего оказалось одолѣть упорство стараго профессора, который требовалъ „всесторонняго обсужденія вопроса“, возмущался „горячкой“ и высказывалъ готовность лучше погибнуть подъ развалинами своей лабораторіи, нежели поступить опрометчиво. Только благодаря врожденнымъ дипломатическимъ способностямъ, удалось Вѣрѣ убѣдить его (да и то къ вечеру), что никто не навязываетъ ему своихъ идей, но въ данныхъ обстоятельствахъ самъ онъ, путемъ логическаго мышленія, давно уже пришелъ къ тому выводу, который она своимъ женскимъ чутьемъ угадала раньше, чѣмъ онъ успѣлъ его точно формулировать.

По обычаю отпивъ вечерній чай, нѣжно распрощались и разошлись по своимъ комнатамъ, туша по дорогѣ лишніе огни. Горничная, Маня, еще погремѣла нѣкоторое время посудой, но потомъ и она ушла на кухню, гдѣ была встрѣчена недовольной воркотней дородной, любившей рано ложиться спать, кухарки:—„Угомонъ тебя не беретъ! не набѣгалась за день-то?.. завтра варенье варить!—смотри не отлынивай—„самому“ пожалуюсь!—Ну, ну! спи, что-ли!“

Дѣйствительно, вскорѣ же скромная усадьба со всѣми ея службами, какъ казалось, погрузилась въ глубокій сонъ.

Но это только казалось.

Въ глубокой тьмѣ спѣшно грузилась прильнувшая къ крышѣ дома „Медвѣдица“.

Digitized by Google

Работали, какъ въ лихорадкѣ, изрѣдка обмѣниваясь отрывочными замѣчаніями, вполголоса... Такимъ досадно-громкимъ казалось жужжаніе моторовъ, поднимавшихъ тяжести... хотя, въ дѣйствительности, за шумомъ дождя, самое тонкое ухо не могло бы обнаружить ихъ присутствія даже на разстояніи нѣсколькихъ саженъ...

Спокойнѣе всѣхъ былъ Сергѣй, естественно, принявшій на себя роль руководителя. Это ему пришла идея не просто грузить части „детонатора", а сразу ставить ихъ на мѣсто, пользуясь приспособленіями, служившими для безпроволочнаго телеграфа, „который всегда можно было возстановить", если не завтра, такъ черезъ день—два... „вѣдь это—не къ спѣху"...

Спорить не приходилось.

Къ тремъ часамъ ночи все было кончено, и „Медвѣдица" уже тихо взмыла кверху, когда Джигитъ, стоявшій на вахтѣ, неожиданно задержалъ ея полетъ и, указывая внизъ, промолвилъ: — „Смотри, пожалуйста!"

Тихая усадьба была окружена какъ бы кольцомъ все сближающихся, блѣдныхъ огоньковъ, надъ которыми, временами закрывая ихъ, рѣяли какія то тѣни...

Профессоръ и Вѣра ничего не понимали, но для стараго воздушнаго волка не было сомнѣній.

— Во время выбрались... — заворчалъ Ванъ-Дрюйеръ.—Колпакъ строятъ, но опоздали!

— Вотъ случай испробовать нашъ детонаторъ!— сказалъ „онъ", и въ тонѣ его голоса прозвучало что то такое неумолимое, что даже привычные, и тѣ вздрогнули...—Можетъ онъ дѣйствовать?

Digitized by Google

— Конечно, можетъ... — не сразу, нерѣшительно отозвалась Вѣра.

— Поставь его на малую дистанцію...

— Ну, вотъ! ну, вотъ! это я понимаю!.. это—опытъ! — радовался профессоръ, перегибаясь черезъ фальшъ-бортъ и протирая стекла очковъ, чтобы лучше видѣть.

— Готово?..

Никто не отвѣтилъ...

Повернулась рукоятка, и—рядъ одновременныхъ, грому подобныхъ, взрывовъ, сопровождаемыхъ криками ужаса, нарушилъ безмолвіе ночи... Зарево, грозное, какъ молнія, на мгновеніе охватило небо... Потомъ все стихло... Только, тутъ и тамъ, на поверхности земли, слабо теплились и чадили какіе то костры—это догорали обломки...

Блѣдные огоньки заметались... Казалось, они спѣшили къ этимъ кострамъ, изъ пламени которыхъ, неслышные здѣсь, на высотѣ, неслись стоны искалѣченныхъ, заживо сгорающихъ людей...

— А, ну-ка! поставь на „порохъ"!

— Поставлено...—отвѣтила Вѣра, сама холодѣя отъ ужаса...

Опять повернулась рукоятка, и—тысячи мгновенно вспыхнувшихъ огоньковъ явственно обрисовали то кольцо, окружавшее усадьбу, которое до того едва намѣчалось... Это—рвались патроны ружей и револьверовъ ландскнехтовъ, только что бывшихъ свидѣтелями гибели ихъ воздушныхъ собратій.

Отсюда, съ высоты, можно было лишь догадываться о томъ, что происходитъ тамъ...

Digitized by Google

— Исправно дѣйствуетъ! — прозвучалъ во тьмѣ „его“ торжествующій голосъ.—На сегодня хватитъ!— Полный ходъ!—Завтра обсудимъ! — Завтра — начало войны противъ оружія!..

IX.

Грозное предупрежденіе.—Паника.—„Красный Крестъ“. — На развѣдку. — Завѣщаніе стараго профессора.

Слухъ о происшествіи на берегу Волги съ быстротою молніи облетѣлъ свѣтъ и повсюду, въ самыхъ глухихъ углахъ, вызвалъ необычайное волненіе. Судили о немъ разно, въ зависимости отъ того, кто выступалъ въ роли судей.

— Исполнились времена и лѣта, ихъ же Господь положи во власти своей!.. Покайтесь! Покайтесь!—взывали одни.

— Горе роду сему! Народился антихристъ! Народился!—проповѣдывали другіе.

— Конецъ царству зла! Близится царствіе Божіе! Десница Его простерлась надъ нами! Се женихъ грядетъ въ полунощи устроить новый Іерусалимъ и новую землю!—пророчествовали третьи.

— Если это не роковое совпаденіе случайностей, но сознательное выступленіе съ новымъ, еще невѣдомымъ, оружіемъ въ рукахъ, то зѣвать нельзя! Надо изыскивать мѣры!—говорили люди спокойные и уравновѣшенные.

Digitized by Google

Но какія мѣры?.. И противъ чего?..

Несомнѣннымъ являлся только фактъ полнаго разгрома и сухопутнаго, и воздухоплавательнаго отрядовъ, собиравшихся захватить стараго профессора, оцѣпившихъ его усадьбу со всѣхъ сторонъ, а сверху „накрывшихъ ее сѣткой“.

Что, именно, произошло? — Если истребленіе воздушныхъ кораблей еще можно было объяснить тѣмъ, что „сѣтка“ была „перекрыта“ другой, еще болѣе могущественной (хотя, откуда бы ей взяться?), то, во всякомъ случаѣ, сцены, разыгравшіяся на поверхности земли, не поддавались никакому разумному толкованію!..

Немногіе оставшіеся въ живыхъ, искалѣченные люди единогласно утверждали, что не только не видѣли врага, но даже и не были подъ его огнемъ, что это—ихъ собственные ружья и револьверы стрѣляли! что патроны, заряды, снаряды—сами рвались въ ящикахъ, въ сумкахъ, даже... въ рукахъ!..

— Просто, прозѣвали и теперь сваливаютъ на какую-то чертовщину! — говорили скептики.—Пощупать бы хорошенько обитателей усадьбы, можетъ быть и открылась бы истина!

И ихъ „пощупали“...

(Тяжело сознаться, но „изъ пѣсни слова не выкинешь“. — Невѣроятный расцвѣтъ прикладныхъ наукъ, во главѣ которыхъ стояла наука взаимоистребленія, до такой степени понизилъ цѣну человѣческой жизни и человѣческаго страданія, что суды того времени охотно примѣняли давно-забытый „допросъ съ пристрастіемъ“).

Digitized by Google

Но что могли сказать люди, которые ничего не знали?—Подъ самыми жестокими пытками они могли только плести разный вздоръ, обвиняя себя и другихъ въ какомъ-то фантастическомъ сообществѣ, надѣясь этимъ способомъ избавиться отъ мученій, добиться, все равно не минуемой, но хотя бы скорой, смерти...

Прошло нѣсколько дней, и новыя вѣсти еще болѣе грозныя, еще болѣе смутныя, заволновали муравейникъ, копошившійся на поверхности земли...

Всѣ растерялись...

Сначала власти пробовали скрывать, потомъ, убѣдившись, что это невозможно, наоборотъ—стали широко распространять дикое извѣстіе, опровергая, доказывая его нелѣпость, даже смѣясь надъ дерзкой мистификаціей...

Никто не зналъ:—вѣрить или не вѣрить?..

Никто не зналъ:—что дѣлать?..

Въ теченіе двухъ недѣль всѣ главнѣйшія станціи міровою телеграфнаго агентства получали отъ неизвѣстнаго корреспондента (очевидно „сверху“) нижеслѣдующее сообщеніе:

„Воздушный корабль, окрашенный въ бѣлый цвѣтъ и на бортахъ имѣющій изображеніе краснаго креста, снабженъ приборомъ, дѣйствующимъ на разстояніи свыше 30 миль, который Мы назвали „детонаторомъ“.—Дѣйствіемъ этого прибора въ указанномъ раіонѣ могутъ быть взорваны всѣ запасы веществъ, способныхъ взрываться. — Предлагаемъ немедленно освободиться отъ таковыхъ, ибо поставили себѣ задачей — уничтоженіе ихъ по всему лицу земли, почему самое сосѣдство съ ними отнынѣ является крайне опаснымъ.—

Срокомъ выполненія Нашего требованія назначаемъ 1-е сентября“.

Было надъ чѣмъ задуматься!

Если это не мистификація (какъ знать?), то не покориться, значило бы погибнуть... А если мистификація? да еще съ вѣдома сосѣда, только и выжидающаго момента, чтобы броситься на разоружившагося простака?

Переполохъ былъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, всесвѣтный...

Катастрофа, разразившаяся при атакѣ Пантелѣевки, какъ будто, давала довольно яркое подтвержденіе основательности угрозы, но... для всей земли?..—Казалось—несбыточно!..

1 сентября появилось новое сообщеніе:

„Срокъ, Нами назначенный, Мы рѣшили продолжить.—Многіе еще колеблются, совѣщаются, не вѣрятъ Нашему могуществу, выжидаютъ событій.—Изъ чувства сострАданія къ человѣчеству, ужасаясь мысли о каждой каплѣ крови, пролитой по недоразумѣнію или въ запальчивости,—даемъ вамъ отсрочку до 15 сентября, послѣ чего „детонаторъ“ начнетъ свою работу, и — горе тѣмъ, кто окажется въ числѣ непокорныхъ!“

Эта телеграмма имѣла дѣйствіе, обратное тому, на которое разсчитывали ея отправители.—Всѣ разувѣрились, и даже урокъ Пантелѣевки вспоминали, какъ анекдотъ...

Если можно такъ выразиться, весь міръ покатился со смѣху.

Не смѣялись только разоружившіеся простаки, ко-

Digitized by Google

торыхъ болѣе осмотрительные сосѣди немедленно же взяли „подъ свою высокую руку"...

Слѣдующія двѣ недѣли были какимъ-то всесвѣтнымъ карнаваломъ, въ которомъ приняли дѣятельное участіе всѣ „власть имущіе".

Сотрудники юмористическихъ журналовъ зарабатывали хорошія деньги, изощряя свое перо, кисть и карандашъ въ разсказахъ и каррикатурахъ на тему о томъ, какъ „хвалилась синица море зажечь".—Подъ конецъ это даже надоѣло...

Немногіе изъ сильныхъ и великихъ, мирно засыпая вечеромъ 14 сентября, помнили, что завтра — „пятнадцатое"!..

Если кто и думалъ объ этомъ, то развѣ тѣ, у кого не только бомбы, магазиннаго ружья или добраго браунинга, но даже самаго плохонькаго революьвера, и то не находилось въ домѣ, такъ какъ все, имѣющее цѣнность, давно было продано или заложено...

„Пятнадцатое" наступило.

„Человѣколюбія ради, Мы начинаемъ свою дѣятельность съ южнаго полушарія, гдѣ теперь весна, и гдѣ люди, оставшіеся безъ крова по своему неразумію, не подвергнутся напраснымъ лишеніямъ.—Но (на все свое время) ждите насъ и въ сѣверномъ, и въ болѣе высокихъ широтахъ того и другого".

Такова была радіограмма, полученная въ ночь на 15 сентября.

Власти (отъ правителей государствъ до исправниковъ), прочитавшія ее, сначала только разсмѣялись, но когда слѣдомъ за ней стали получаться другія изъ разныхъ точекъ земной поверхности, намѣчавшихъ

Digitized by Google

собою какъ бы дугу большого круга, по которому двигалось нѣчто стихійное и начинавшіяся словами: „Все взорвано...“ — „Безпричинный взрывъ...“ — „Адское злоумышленіе...“ — „Повидимому, изверженіе вулкана...“—„Страшное землетрясеніе...“ и т. п.—они перестали смѣяться...

Люди, заснувшіе наканунѣ въ самомъ безпечномъ настроеніи, пробуждались въ паническомъ ужасѣ.

Одни взывали о помощи къ властямъ, принявшимъ на себя обязанность огражденія ихъ неприкосновенности; другіе пытались такъ или иначе избавиться отъ хранившихся у нихъ взрывчатыхъ веществъ; иные просто бѣжали въ мѣста, гдѣ не могло грозить близкое съ ними сосѣдство...

Паника достигла своего предѣла, когда стало извѣстно, что люфтскнехты повсемѣстно отказываются отъ выступленія противъ таинственнаго врага и объявляютъ контракты нарушенными, указывая на „force majeure“, такъ какъ это, несомнѣнно, „онъ“. Бороться же съ „нимъ“—безнадежно!..

А зловѣщія телеграммы все приходили одна за другой, оповѣщая о разгромѣ богатыхъ, сильно укрѣпленныхъ пунктовъ, заставляя трепетать обывателей, имъ подобныхъ, еще уцѣлѣвшихъ, возбуждая въ нихъ зависть къ жителямъ беззащитныхъ деревень, гдѣ нечему было взрываться...

А безпроволочный телеграфъ неустанно разносилъ по лицу земли таинственный призывъ:

— „Разоружайтесь, немедля! Насталъ часъ исполниться словамъ Его: „Подъявшій мечъ—отъ меча погибнетъ...“

Digitized by Google

Выбора не было.

Всѣ спѣшили разоружиться...

Время шло, а „онъ“ все рѣялъ надъ землей, посылая въ пространство волны, излучаемыя его таинственнымъ аппаратомъ... И чѣмъ дальше, тѣмъ рѣже приходилось наблюдать эффектъ взрыва, вызываемаго ихъ дѣйствіемъ... Еще немного—и можно было бы надѣяться, что люди разучатся изготовлять взрывчатыя вещества, забудутъ объ этомъ средствѣ взаимоистребленія, которое превратилось въ средство самоистребленія...

— Чѣмъ они живы? Гдѣ пополняютъ свои запасы?—спрашивали умные люди.—Правда, что мѣста на землѣ много — каждаго уголка не осмотришь — но если бы удалось разыскать и разорить ихъ, эти самыя гнѣздышки... — Вѣдь, пришлось бы имъ закрыть лавочку!..

Но этого никакъ не удавалось, и виною тому было...—какъ бы сказать? — суевѣріе, что-ли, самыхъ отчаянныхъ вождей люфтскнехтовъ и флибустьеровъ, которые рѣшительно отказывались идти противъ „него“, а что это былъ „онъ“—въ этомъ для нихъ не было сомнѣнія.

— Попробовали какіе-то дурни „имъ“ командовать—и получили по заслугамъ!—говорили они.—Сунулись уничтожить, и, кажется—чего бы легче—у себя дома, предательски...—Что-жъ вышло?—Ушелъ, перемѣнилъ пріемъ.—Вотъ и все.—И развѣ сейчасъ живъ хоть одинъ изъ тѣхъ, что осмѣлились возстать?—Ни единаго!..

Digitized by Google

Противъ такого довода людямъ, привыкшимъ покупать свою безопасность цѣною золота, но никогда не рѣшавшимся самимъ глянуть въ лицо смерти, а тѣмъ болѣе ихъ приспѣшникамъ, которые, взывая къ доблести и мужеству сограждан, трусливо прятались за ихъ спины,—противъ такого довода возразить имъ было рѣшительно нечего...

Не самимъ же было идти въ первую голову, какъ нѣкогда сдѣлалъ „Король Нибелунговъ"?..

Воздушный корабль „Красный Крестъ" не былъ невидимкой.

Выполнивъ свое назначеніе, онъ часто пролеталъ вторично надъ „обезвреженной" мѣстностью, держась такъ низко, что всѣ могли его видѣть, всѣ могли посылать ему свои проклятія или благословенія... Послѣднихъ было больше первыхъ ровно во столько же разъ, во сколько до его появленія угнетаемыхъ было больше угнетателей.

Кое-кто (люди рѣшительные) думали использовать этотъ обычай, но нашлись и такіе, самоотверженные, которые, не страшась грозившей имъ (и своевременно постигшей ихъ) лютой казни, послали, по безпроволочному телеграфу, предупрежденіе: — „Остерегайтесь встрѣчныхъ. Васъ будутъ таранить. Такъ рѣшено. Люди найдутся".

Съ той поры „Красный Крестъ" сталъ осторожнѣе.

Казалось бы, что при новомъ положеніи дѣлъ, когда избитый возгласъ — „Руки вверхъ!"—потерялъ силу, такъ какъ, за отсутствіемъ бомбъ и револьве-

Digitized by Google

ровъ, доброму кулаку, дубинѣ или ножу всегда можно было противопоставить нѣчто равноцѣнное, имѣющееся въ домашнемъ обиходѣ любого гражданина міра,— самочувствіе обитателей поверхности земли должно было бы основой своей имѣть глубокую увѣренность въ личной неприкосновенности. — Вѣдь каждый могъ постоять за себя! — Человѣкъ становился лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, и никто не имѣлъ власти, сидя у себя дома, въ полной безопасности, распоряжаться уничтоженіемъ враговъ, которыхъ никогда не видѣлъ!..

На дѣлѣ вышло иначе. — Господствующимъ чувствомъ оказался страхъ и неувѣренность...

Почему?—Можетъ быть потому, что никогда такъ называемое „общественное мнѣніе“ не создавалось самими массами, но было лишь отголоскомъ настроенія, господствовавшаго въ небольшой, сравнительно, группѣ руководителей этихъ массъ, пользовавшихся правомъ говорить отъ ихъ имени.—Пугалось правительство,— казалось, что перепугался весь народъ; деревенскій староста униженно кланялся становому—вѣрили, что это „міръ“ челомъ бьетъ... — Теперь террористы почувствовали, что орудіе террора вырвано изъ ихъ рукъ и... растерялись.

А такъ какъ печать, которую незаслуженно величаютъ выразительницей общественнаго мнѣнія, была въ ихъ рукахъ, то она, вѣрно отразивъ въ себѣ „ихъ“ перепугъ, и создавала впечатлѣніе какой-то паники, охватившей весь міръ. — Въ дѣйствительности этой паники не было; въ дѣйствительности среди инертныхъ массъ росло и крѣпло сознаніе, что только тру-

Digitized by Google

дящійся имѣетъ право на жизнь и ея блага, притомъ по мѣрѣ труда своего...

Бывали случаи, что досужимъ туристамъ, залетѣвшимъ въ какое-нибудь селеніе, въ обмѣнъ на яйца, овощи, молоко и куръ, предлагали прибраться въ хлѣву, наколоть дровъ на завтра, вообще, сдѣлать какую-нибудь работу, но отъ денѐгъ отказывались, заявляя, что изъ нихъ „ни шубы не сошьешь, ни щей не сваришь“...

Было отчего растеряться!..

И тѣмъ неукротимѣе, тѣмъ выше вздымалась волна ненависти противъ самозванныхъ переустроителей тысячелѣтіями освященнаго порядка.

— Погубить ихъ какою бы то ни было цѣною!— вотъ было завѣтное желаніе тѣхъ, у кого шагъ за шагомъ, день за днемъ, власть ихъ, считавшаяся неотъемлемой, выскальзывала изъ рукъ...

— Что-жъ, дѣти мои?—говорилъ старый профессоръ, обращаясь къ немногочисленному (всего четыре человѣка) экипажу корабля.—Вѣдь за время трехъ послѣднихъ кругосвѣтныхъ рейсовъ, куда ни посылали мы самые могучіе разряды детонатора,—нигдѣ ни одного взрыва! Не закончена ли первая часть нашей программы? Не пора ли спуститься на землю и сдѣлать тайну детонатора достояніемъ человѣчества?..

Непосильная работа (онъ съ непобѣдимымъ упрямствомъ несъ службу наравнѣ съ другими) замѣтно подорвала и его желѣзное здоровье. За послѣдній годъ онъ постарѣлъ лѣтъ на десять... Конечно, кромѣ тяжелой вахтенной службы и связаннаго съ ней пере-

Digitized by Google

утомленія, немалую роль сыграло и скудное питаніе (кормиться приходилось исключительно консервами).

Сергѣй, этотъ бывшій „повелитель царей воздуха“, въ предвидѣніи катастрофы, еще задолго до нея и при содѣйствіи только старыхъ боевыхъ товарищей, на которыхъ могъ положиться, какъ на самого себя, въ наиболѣе затерянныхъ, уединенныхъ точкахъ земного шара, устроилъ склады „neo-generator'a“, съѣстныхъ припасовъ и всего необходимаго. Ими они и жили... Рѣдко, очень рѣдко, удавалось полакомиться тѣмъ, что моряки далекаго прошлаго называли „свѣжей провизіей“. Полученіе ея являлось результатомъ либо удачной охоты и сбора плодовъ въ какой-нибудь вовсе необитаемой мѣстности, либо—посѣщенія такого захолустья, на которое самые предпріимчивые люди еще не обращали своего вниманія, и гдѣ жители не вѣдали о принудительномъ всесвѣтномъ бойкотѣ „Корабля Краснаго Креста“...

— Что вѣрно, то вѣрно!—отозвался Ванъ-Дрюйеръ, давно въ тайнѣ мечтавшій о кружкѣ свѣжаго мартовскаго пива. — Пора бы справиться, что изъ этого вышло!..

По зрѣломъ обсужденіи рѣшили, однако, что прежде всего необходимо именно „справиться“, произвести развѣдку. Средства для этого, какъ оказывается, имѣлись.

На безымянномъ островкѣ въ южной части Индійскаго океана, близъ острова Гэрдъ (шир. 46° 30′ южн., долг. 75° вост.), въ кратерѣ потухшаго вулкана былъ спрятанъ Сергѣемъ его быстроходный аэромобиль, тотъ самый, на которомъ онъ сдѣлалъ свой первый визитъ въ усадьбу профессора.

Digitized by Google

Къ нему-то и направилъ свой полетъ „Корабль Краснаго Креста“.

На картахъ всего свѣта январская изотерма, проходящая черезъ островъ, отмѣчена +4° С (а вѣдь январь южнаго полушарія — это іюль сѣвернаго!), но въ глубинѣ кратера—вѣроятно, потому, что дѣятельность вулкана не угасла окончательно — температура была значительно выше, и на плодородной почвѣ, со всѣхъ сторонъ укрытой отъ вѣтровъ, развилась, какъ въ теплицѣ, богатая растительность субъ-тропическаго пояса. Свѣту для нея было достаточно, такъ какъ въ гигантскую воронку кратера посылало свои лучи яркое солнце 46-градусной широты.

Въ этомъ райскомъ уголкѣ, гдѣ не было ни хищнаго звѣря, ни злого человѣка, воздушный гигантъ, вынужденный временно прекратить свою дѣятельность (изъ-за недостатка экипажа), нашелъ себѣ надежный пріютъ, а легкій аэромобиль отправился на развѣдку.

Относительно выбора самихъ развѣдчиковъ большихъ споровъ не было. Профессоръ явно не подходилъ; Вѣра предложила свои услуги, но даже не рѣшилась протестовать, когда онѣ были категорически отвергнуты; Ванъ-Дрюйеръ... — но типичная фигура дюжаго голландца, никогда и нигдѣ нескрывавшагося, была увѣковѣчена въ столькихъ иллюстраціяхъ и каррикатурахъ, что ни въ какомъ захолустьѣ онъ не могъ бы сохранить своего инкогнито... Оставались: Джигитъ, которому на его родномъ Кавказѣ можно было бы легко подыскать сотни двойниковъ, да Сергѣй, всегда окружавшій себя такой таинственностью, что только немногіе изъ его ближайшихъ подчиненныхъ (а боль-

Digitized by Google

шинства изъ нихъ уже не было на свѣтѣ) могли бы признать его въ случаѣ неожиданной встрѣчи.

Странное дѣло, но съ отбытіемъ развѣдчиковъ старый профессоръ вдругъ круто „сдалъ"...

Казалось бы, наступило время отдыха, время набраться силъ на случай необходимости новой работы, а на случай успѣха,—чтобы насладиться плодами понесенныхъ трудовъ. Но старое сердце не выдержало...

Напрасно Вѣра окружала его самой нѣжной заботливостью, на какую способна чуткая душа женщины, а Ванъ-Дрюйеръ, этотъ геркулесъ съ сердцемъ ребенка, не позволялъ ему ни малѣйшаго утомительнаго движенія, носилъ его на рукахъ — короткое дыханіе, приступы удушья становились все чаще и чаще...

Профессоръ естественныхъ наукъ, да еще такой, какимъ былъ прославленъ Иванъ Дмитріевичъ, конечно, не могъ быть невѣждой въ медицинѣ и вполнѣ ясно давалъ себѣ отчетъ въ своемъ положеніи...

— Дѣти мои... — говорилъ онъ ровнымъ тономъ, не повышая голоса, стараясь не волноваться.—Если этотъ старый комокъ мускуловъ, который зовется моимъ сердцемъ, еще работаетъ; если аорта, пропитанная известкой, еще не ломается, — то это единственно въ надеждѣ узнать, чего мы достигли... Мнѣ такъ хотѣлось бы вѣрить, что мы послужили на благо человѣчеству... но я боюсь только вѣрить и хотѣлъ бы знать... Если не доживу до ихъ возвращенія, обѣщайте мнѣ... не хоронить меня здѣсь, гдѣ придется сгнить... Снизойдите къ глупой причудѣ старика... Что старый, что малый — ихъ желанія исполняютъ охотно... Я всегда былъ поклонникомъ культа древ-

Digitized by Google

няго Египта — стремленія сберечь мумію... Если въ этомъ тѣлѣ жила душа, математически познавшая, что существуютъ трансцедентальныя величины, которыя не могутъ быть выражены никакимъ конечнымъ числомъ цифръ, что существуетъ эллиптическій интегралъ, который мы можемъ рѣшить только въ приближеніи,—то... только подумать, что изъ этой оболочки великаго духа поползутъ черяки, выростетъ трава... Дома, въ которыхъ жили отдѣльные люди, которыхъ называютъ великими, оберегаются, какъ святыня, но тѣло, въ которомъ жилъ духъ человѣка, остановленнаго въ своемъ совершенствованіи, въ стремленіи къ высшему познанію лишь невозможностью перешагнуть за грань конечнаго и постигнуть безконечное, доступное лишь пониманію, несвязанному съ убогими функціями нашихъ чувствъ,—это тѣло развѣ не заслуживаетъ вниманія и заботы еще больше, чѣмъ тотъ домъ, въ которомъ оно обитало?.. Обѣщайте, что похороните меня среди вѣчныхъ льдовъ, гдѣ въ тотъ часъ, когда наступитъ великое обновленіе ветхаго міра (а я вѣрю, что этотъ часъ придетъ), я могъ бы найти мое дряхлое тѣло, могъ бы опять заглянуть въ тѣ извилины моего мозга, въ которыхъ запечатлѣлось все, познанное мною въ предѣлахъ земной жизни...

Вѣра въ отвѣтъ бормотала что-то несвязное, стараясь скрыть слезы, подступавшія къ горлу, зато Ванъ-Дрюйеръ отвѣчалъ увѣренно, основательно взвѣсивъ каждое слово: — „Будьте совсѣмъ спокойны.— Если бы никого не осталось, я одинъ свезу васъ туда, куда вы хотите!“

И чувствовалось, что ужъ это будетъ вѣрно.

Digitized by Google

X.

Результаты развѣдки.—Смерть стараго профессора.—Конецъ Джигита.—Слабая надежда.—Послѣдній бой.—Нежданно уцѣлѣвшіе.

Аэромобиль вернулся много раньше, чѣмъ его ждали, но... съ однимъ только пассажиромъ...

— А Джигитъ? что съ нимъ?—тревожно спрашивала Вѣра.

— Его не будетъ...—сумрачно отозвался Сергѣй.— Впрочемъ, дайте разсказать по порядку. Такъ выйдетъ скорѣе и понятнѣе.—Безъ особыхъ приключеній мы перелетѣли океанъ, видѣли кусочекъ Мадагаскара и часть восточной Африки, но тутъ не стоило задерживаться.—Спустились въ Луксорѣ, развалины котораго я хорошо знаю.—Здѣсь спрятали аэромобиль.—Было условлено, что Джигитъ поселится гдѣ-нибудь по близости, чтобы за нимъ присматривать и, въ случаѣ чего, въ зависимости отъ обстоятельствъ, либо извѣстить меня, либо, отъ меня получивъ извѣстіе, летѣть ко мнѣ на выручку, или къ вамъ съ вѣстью о моей гибели. Самъ я направился въ Каиръ, полагая, что какъ бы ни измѣнилось лицо земли, но въ январѣ это мѣсто полно туристами, слетѣвшимися со всѣхъ концовъ свѣта, среди которыхъ мнѣ не трудно будетъ затеряться. Предположенія мои въ значительной мѣрѣ оправдались. Только въ городскихъ воротахъ (теперь, какъ въ средніе вѣка, всѣ города обнесены стѣнами) вышла заминка: спрашивали пропускъ, котораго у меня, очевидно, не было. Пробовалъ вывернуться, отгово-

Digitized by Google

риться незнаніемъ мѣстныхъ обычаевъ, — плохо вѣрили... Выручило изъ затрудненія старое свидѣтельство на право жительства, выданное нѣкогда студенту Сергѣю Дьячкову, которое съ давнихъ поръ хранилось въ моемъ бумажникѣ. Начальникъ караула, вызванный часовымъ, едва только взглянулъ на бумагу, которой я пытался (на отчаянную) удостовѣрить свою личность, какъ дружески усмѣхнулся и спросилъ: „Riga dictatory's emigrant?“ — Я, конечно, не сталъ спорить, но утвердительно кивнулъ головой, послѣ чего меня безпрепятственно пропустили. Почему это странное званіе имѣло такую силу, и до сего времени осталось мнѣ неизвѣстнымъ... Дальше, послѣ того, какъ я позавтракалъ въ какомъ-то café и бѣгло просмотрѣлъ кипу газетъ и журналовъ, прислушиваясь въ то же время къ разговорамъ многочисленныхъ посѣтителей, я былъ уже настолько оріентированъ, что все пошло довольно гладко. Правда, по началу курьезно было видѣть отряды полицейскихъ, вооруженныхъ алебардами, съ арбалетами за спиной... но это — мелочи. Я вовсе не собираюсь разсказывать вамъ моихъ приключеній и перехожу прямо къ дѣлу. Первая часть нашей программы дѣйствительно выполнена. Нѣтъ больше на поверхности земли ни огнестрѣльнаго оружія, ни взрывчатыхъ веществъ, но это не значитъ, чтобы человѣчество разоружилось. Нѣтъ! оно взялось за старое, испытанное, холодное оружіе!..

— Торжество индивидуализма... всякій можетъ постоять за себя, поскольку на это способенъ...—какъ-то странно усмѣхаясь, промолвилъ профессоръ.

— И мы упустили изъ виду,—продолжалъ Сергѣй,

Digitized by Google

словно не разслышавъ этого замѣчанія,—что вѣдь до самыхъ послѣднихъ дней существовали полудикіе народы, у которыхъ копье и сабля служили игрушками ихъ дѣтямъ... Хищные инстинкты этихъ массъ сдерживались только страхомъ передъ тѣми громами, которыми владѣютъ народы цивилизованные... Мы сняли съ нихъ эту узду, сломали плотину, ограждавшую свѣтлый міръ отъ царства слѣпого, всепоглощающаго хаоса!.. Ихъ орды хлынули по лицу земли могучимъ потокомъ, все губя, все уничтожая передъ собою!.. Мы думали, что, вырвавъ изъ рукъ цивилизованныхъ народовъ смертоносное оружіе, мы дадимъ имъ возможность мирно закончить уже начавшійся „великій перелетъ“, перемѣшаться, перероднитъся, слиться въ одну общую дружную семью... Но не успѣлъ еще этотъ перелетъ дать осязаемыхъ результатовъ, какъ подъ нашимъ же покровительствомъ началось „великое переселеніе“ народовъ, нашествіе новыхъ гунновъ и вандаловъ на очаги цивилизаціи!..

Вѣра слушала его молча, блѣдная, съ широкораскрытыми глазами; Ванъ-Дрюйеръ тоже молчалъ, тяжело дыша и низко опустивъ голову... Зато профессоръ, съ внезапной энергіей откинувъ одѣяло, которымъ были укутаны его ноги, бодро вскочилъ съ кресла и заговорилъ, словно охваченный какимъ-то вдохновеніемъ:

— Мужайтесь, дѣти мои! Не падайте духомъ! Свято выполняйте то дѣло, которому предназначены Всевышнимъ! „Все—благо! бдѣнія и сна приходитъ часъ опредѣленный“!.. Придетъ и вашъ часъ, когда назначеніе ваше будетъ исполнено, и васъ смѣнятъ другіе,

Digitized by Google

но пока есть силы, не предавайтесь унынію!.. Новые гунны и вандалы разрушають очаги цивилизаціи! Почему же вы думаете, что это—зло?.. Римляне временъ упадка имперіи не говорили развѣ, что на вѣки гибнетъ цивилизація, что никогда тевтонецъ, готъ, скифъ или сарматъ не постигнутъ прелести Горація, философіи Платона, мудрости Архимеда и Аристотеля?—Но прошли вѣка, и эти самые варвары дали міру Гете, Пушкина, Канта, Коперника, Ньютона!.. А до того? Развѣ жрецы Изиды не высказывали тѣхъ же жалобъ при нашествіи римлянъ?.. Гибнутъ очаги цивилизаціи?.. И пусть гибнутъ! Это не случай! Если гибнутъ, то значитъ отжили свой вѣкъ! На ихъ развалинахъ возникнутъ новые! Мѣсто молодымъ и сильнымъ!.. День клонится къ вечеру — усталымъ пора на покой!.. Но впереди не вѣчная ночь! Опять займется заря! Опять взойдетъ солнце!.. Нѣтъ смерти! Только...

Онъ не договорилъ, судорожно схватился за сердце и тяжело опустился на руки вѣрныхъ друзей...

Послѣдняя воля его была свято исполнена: вѣчные льды южнаго полюса приняли прахъ стараго энтузіаста.

— Ну, вотъ!.. А дальше-то что же?—спрашивалъ Ванъ-Дрюйеръ, заботливо прилаживая послѣднюю глыбу кристальнаго льда, вѣнчавшую погребальный холмъ.

— Послѣдуемъ его завѣту, — тихо молвила Вѣра, подымаясь съ колѣнъ. — Будемъ выполнять возложенную на насъ миссію, пока не придетъ нашъ часъ.

Digitized by Google

— Не хочу васъ обманывать. Мнѣ кажется, что онъ уже близокъ...—рѣшительно перебилъ Сергѣй.

— Почему? Что такое?

— Вѣдь я не закончилъ отчета о моей развѣдкѣ... Самое важное осталось недосказаннымъ... Но нельзя терять времени! Можетъ быть, дорога каждая минута!—На корабль!—Къ отлету въ обратный путь!

Когда все было налажено, и „Красный Крестъ" уже несся къ станціи „Кратеръ" полнымъ ходомъ и прямымъ курсомъ (при этихъ условіяхъ на диво конструированные приборы управленія дѣйствовали автоматически), Сергѣй заговорилъ снова:

— Десяти дней, проведенныхъ мною въ Каирѣ, было вполнѣ достаточно, чтобы уяснить себѣ общую картину положенія дѣлъ и придти къ заключенію, что намъ возвращаться на поверхность земли, по меньшей мѣрѣ, преждевременно. Тамъ у насъ только враги. Новоявленные Аларихи и Тамерланы въ программѣ своихъ отношеній къ намъ очень мало расходятся съ защитниками старой цивилизаціи. Первые мечтаютъ побѣдить насъ и овладѣть тайной детонатора, чтобы затѣмъ использовать его въ интересахъ завоевательныхъ, а послѣдніе болѣе скромны и стремятся только уничтожить насъ вмѣстѣ съ нашимъ приборомъ, чтобы снова получить возможность выступить противъ варваровъ во всеоружіи техники взрывчатыхъ веществъ и снова поработить ихъ... Я уже собирался покинуть Каиръ, когда неожиданное извѣстіе, разнесшееся съ быстротой молніи, вызвало среди обитателей города бурю восторговъ:—„Близъ Луксора захватили одного изъ послѣднихъ царей воздуха!"

Digitized by Google

— Это былъ Джигитъ?..

— Сначала я не повѣрилъ, но... видите ли... они, это звѣрье, подвергли своего плѣнника самымъ утонченнымъ пыткамъ, самой мучительной казни, и увѣковѣчили это зрѣлище на лентахъ кинематографа, которыя разсылали по всему свѣту... Я самъ видѣлъ и... узналъ его... Ахъ, Вѣра!.. Если бы осуществима была основная идея твоего детонатора во всей ея полнотѣ! Если бы можно было его лучемъ всю воду океановъ превратить въ гремучій газъ и взорвать всю землю, со всѣмъ ея отродьемъ!.. Лучшаго люди не заслужили.

— Разумѣется!..—подтвердилъ голландецъ.

— Одновременно распространилось и другое извѣстіе, которое первоначально хотѣли сохранить въ тайнѣ, но не сумѣли... Говорили, что...—(не хорошо осуждать покойника, но, вѣдь, это-жъ было чудовищной ошибкой!)—въ его записной книжкѣ нашли полный перечень всѣхъ нашихъ тайныхъ складовъ и станцій съ точнымъ указаніемъ широтъ и долготъ!..

— Но какъ онъ выдалъ себя?

— Не знаю ничего достовѣрнаго...—Такой клубокъ легендъ сплелся около этого событія!..—Не то предатель, втершійся ему въ душу, не то какая-то феллашка, которую онъ обѣщалъ сдѣлать царицей воздуха...—Такъ или иначе, но я долженъ былъ предупредить васъ о грозящей опасности...—Какимъ путемъ?..—И, вдругъ, мнѣ пришло въ голову: писали и говорили только объ „одномъ изъ царей воздуха", ни разу не заикнувшись ни объ его имени, ни объ его аэромобилѣ, строя лишь догадки о томъ, что занесло его въ окрестности Луксора...—Я выбрался изъ го-

Digitized by Google

рода (не безъ затрудненій) и поспѣшилъ къ нашему тайнику. — Аэромобиль былъ тамъ! — И мнѣ стало стыдно моего мимолетнаго, даже самому себѣ определенно невысказаннаго, сомнѣнія въ вѣрности погибшаго друга!..—Ясно, что никакія пытки не въ силахъ были вырвать отъ него ни единаго слова въ дополненіе къ тому, что выдано было его записной книжкой!..

— Такъ вотъ что... — протянулъ Ванъ-Дрюйеръ, нарушая воцарившееся молчаніе.—Ты, однако, распорядись, какъ быть... Вѣрно, что-нибудь придумалъ?..

— Полуофиціальное извѣстіе о томъ, что списокъ нашихъ станцій попалъ въ руки враговъ, вызвало всеобщее ликованіе... Всѣ вѣрили, что если разорить ихъ, то пришелъ конецъ нашей дѣятельности...—Единственная моя надежда—станція „Кратера", такъ какъ о ней никто не зналъ, кромѣ меня... Въ старомъ спискѣ, у Джигита, ея, навѣрно, не было... Хотя, можетъ быть, онъ, не довѣряя памяти, вписалъ ее?..— Все же—попробуемъ! — Складъ богатый. Нагрузимся по-уши. Перевеземъ въ новое мѣсто. Не за одинъ, такъ за два, три, четыре рейса!..—Обезпечивъ себя такъ на первое время, взявъ отсрочку, — обсудимъ, что дѣлать дальше...

Возраженій не было.

Выбравъ моментъ, когда востокъ чуть брезжилъ зарею, „Красный Крестъ" приблизился къ безымянному островку, нѣсколько разъ облетѣлъ его съ внѣшней стороны (какъ будто, все благополучно?), затѣмъ, самымъ малымъ ходомъ, описалъ кругъ по гребню кра-

Digitized by Google

тера, держась такъ низко, что, несмотря на сумракъ, простымъ глазомъ можно было видѣть неровности почвы (тоже ничего подозрительнаго) и началъ медленно опускаться въ глубину воронки, ежеминутно готовый взметнуться кверху.

— Кажется, ты напрасно заподозрилъ Джигита въ чрезмѣрной педантичности!—нервно засмѣялась Вѣра.— Повидимому, сюда не заглядывали...

— Смотри, не сглазь!—пошутилъ Сергѣй.

Стаи, еще дремавшихъ, птицъ засуетились въ чащѣ, одѣвавшей внутреннія стѣнки кратера...

— Вотъ это — хорошій знакъ, — замѣтилъ Ванъ-Дрюйеръ.—Будь тутъ чужіе, которые жгли и взрывали, птицы были бы распуганы...

Дѣйствительно—складъ оказался въ полной неприкосновенности.

Всѣ трое работали, не покладая рукъ. Время близилось къ полдню. Изрядно припекало. Собирались наскоро позавтракать, подкрѣпить силы...

— Стойте!—окликнула Вѣра.

Аппаратъ безпроволочнаго телеграфа слабо, невнятно потрескивалъ, еще не давая на лентѣ никакого отпечатка...

— Можетъ быть гроза собирается?—атмосферные разряды?..—неувѣреннымъ тономъ спросилъ Сергѣй...

— А я думаю, что будетъ грозно, хотя не гроза!— заявилъ Ванъ-Дрюйеръ и, довольный своимъ каламбуромъ, указалъ на черныя точки, ясно выступавшія въ глубинѣ безоблачнаго неба.

Приказанія были бы излишними.—Всякій слишкомъ хорошо понималъ, въ чемъ дѣло...—Но когда „Крас-

Digitized by Google

ный Крестъ“ взвился надъ гребнемъ кратера, — безнадежность положенія стала очевидной...

Ванъ-Дрюйеръ бормоталъ какія-то проклятія...

Вѣра оглянулась и странно-спокойнымъ тономъ промолвила:

— Какъ будто подъ „сѣткой“?..

— И даже не подъ „сѣткой“, а подъ надежнымъ „колпакомъ“! — рѣзко прервалъ ее Сергѣй. — Пришелъ нашъ часъ!.. Жаль только, что нѣтъ подъ руками ни пушекъ, ни бомбъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, дорого продать свою жизнь!..

— А детонаторъ?..

— Что?.. — недоумѣвающе переспросилъ Сергѣй.

— Если я еще не добилась луча, способнаго взорвать океаны, то neo-generator взорвать уже могу!.. А тогда... — широкимъ жестомъ она повела рукой по горизонту, — всѣ вмѣстѣ!..

— Ты можешь?.. и ты готова?.. — восторженно воскликнулъ Сергѣй...

— Минутку терпѣнія! — проговорила Вѣра, склоняясь надъ аппаратомъ и переставляя какіе-то коммутаторы...

Ванъ-Дрюйеръ не сразу сообразилъ, но, догадавшись, пришелъ въ восторгъ.

— Вотъ это дѣло! Вотъ это называется — похоронить себя не безъ салюта!.. Ну, мингеръ! Пока наша дама хлопочетъ съ детонаторомъ, постараемся повеселиться послѣдній разъ! Заманимъ ихъ поближе, потѣснѣе!.. Чтобы безъ ошибки — всѣ вмѣстѣ! Вотъ чего они не ожидаютъ! Слово стараго голландца! — никакъ не ожидаютъ!.. Ха-ха-ха!..

Digitized by Google

„Красный Крестъ“ испуганно и безтолково (какъ казалось со стороны) заметался по всѣмъ направленіямъ, то взлетая кверху, то камнемъ падая къ самой поверхности океана, какъ бы въ тщетныхъ попыткахъ найти путь, наиболѣе удобный для прорыва сквозь медленно, но вѣрно осѣдавшій надъ нимъ „колпакъ“.

Эта явная растерянность придала смѣлости нападающимъ.—Взять живьемъ было бы еще лучше!..

— Сдавайтесь, и ваша жизнь будетъ пощажена!— телеграфировали они, замедляя ходъ.

— Готово ли?—торопилъ Сергѣй...

— Сейчасъ... сейчасъ...—Готово!

— Убирайтесь, пока цѣлы! Никому не будетъ пощады!—телеграфировалъ „Красный Крестъ“...

. . . .

Уже можно было различать силуэты рулевыхъ, склонившихся надъ штурвалами . . . .

. . . .

Сергѣй, снявъ фуражку, широко перекрестился...

Ванъ-Дрюйеръ послѣдній разъ глубоко затянулся и бросилъ за бортъ недокуренную сигару...

— Прощайте—здѣсь! и до свиданья—тамъ!—крикнула Вѣра, всею силой налегая на рукоятку замыкателя...

. . . .

Болѣе сотни воздушныхъ кораблей составляли тотъ „колпакъ“, которымъ было накрыто послѣднее убѣжище „Краснаго Креста“.

Всѣ они взорвались одновременно.

Казалось—само небо вдругъ было охвачено всепожирающимъ пламенемъ.

Digitized by Google

Казалось—огненный вихрь, зародившійся въ зенитѣ, раскинулъ свой пологъ надъ моремъ.

Не было ни криковъ, ни стоновъ.

Никто не успѣлъ даже подумать о томъ, чтобы крикнуть.

Пламенный куполъ вспыхнулъ надъ гладью океана и стремительно рухнулъ въ его нѣдра.

Грохотъ взрыва потрясъ вѣковѣчныя скалы, и снова все смолкло.

Только кипѣла и пѣнистыми столбами взметывалась кверху вода, поглощавшая пылающіе обломки.

Еще нѣсколько мгновеній—и она успокоилась.

Словно и не было здѣсь никогда грознаго воздушнаго флота, слетѣвшагося со всѣхъ концовъ свѣта...

Только одинъ, видимо, никѣмъ не управляемый корабль нелѣпо кружился въ лазури безоблачнаго неба, подымаясь все выше и выше...

Весь бѣлый, съ огромнымъ краснымъ крестомъ на бортахъ...

Первымъ опомнился отъ ошеломляющаго удара Сергѣй и, чисто по привычкѣ, выработавшейся въ бояхъ, бросился къ покинутому рулевому аппарату...

— Почему же мы... Какъ это странно...—говорила Вѣра, глядя передъ собой широко открытыми глазами.

— Ущипните меня, пожалуйста! — воскликнулъ Ванъ-Дрюйеръ,—чтобы я зналъ навѣрно, живъ я или нѣтъ?

— Это ты выдумала?

Digitized by Google

— Клянусь Богомъ! Я сама ничего не понимаю!—отозвалась она, еще не вполнѣ давая себѣ отчетъ въ совершившемся событіи.—Отъ этого разряда должна была бы взорваться каждая капля „neo-generator'a“ въ раіонѣ десяти миль!.. Почему же у насъ...

— Стопъ все! Я понимаю!—крикнулъ Сергѣй и разсмѣялся такъ, какъ смѣются только разъ въ жизни.—Вѣдь складъ Кратера я устраивалъ давно, когда о „neo-generator'ѣ“ еще и не думали!—У насъ въ систернахъ простой, первобытный „generator“!—Твой адскій разрядъ былъ слишкомъ глубокъ для него и потому онъ не детонировалъ!..

— Такъ! Такъ! Конечно!.. Хотя все-же...

— Дѣти мои,—перебилъ ихъ Ванъ-Дрюйеръ, — оставимъ разрѣшеніе вопроса съ научной точки зрѣнія до болѣе благопріятнаго времени, когда вы займетесь этимъ дѣломъ на досугѣ, сейчасъ же намъ нужно рѣшить: что предпринять?

— Исполнимъ завѣтъ покойнаго!—страстно заговорила Вѣра.—Не будемъ умничать! Богу угодно было возложить на насъ великую, хотя бы и непонятную намъ, миссію!—Выполнимъ ее до конца!..

— Такъ, такъ! Конечно! — поддержалъ ее Сергѣй.

Какъ разъ въ это время „Красный Крестъ“, задержанный на своемъ произвольно-взятомъ курсѣ, проносился надъ островомъ Гэрдъ.—Можно было различать группы немногочисленныхъ обитателей острова, спѣшившихъ къ станціи безпроволочнаго телеграфа.

Подъ впечатлѣніемъ только что избѣгнутой, казалось бы, неминуемой смерти, неудержный задоръ,

Digitized by Google

желаніе „припугнуть и посмѣяться“ охватили бывшаго „Повелителя Царей Воздуха“.

— „Слушайте вы!—телеграфировалъ онъ.—Тщетны всѣ ваши ухищренія! Детонаторъ бодрствуетъ надъ міромъ! Горе тѣмъ, кто осмѣлится возстать противъ него!“

— А надолго ли насъ хватитъ? — спросилъ невозмутимый голландецъ, никогда не оставлявшій своей мысли недосказанной.—Ужъ если „Красный Крестъ“ караулили у Кратера, то не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ прочія наши станціи давно разорены... Смѣю думать, что даже облетать ихъ съ цѣлью удостовѣриться въ печальной дѣйствительности—не стоитъ труда.—Слишкомъ очевидно... — А такъ, какъ мы есть...—Я опять повторяю мой вопросъ—на долго ли насъ хватитъ?

— Мѣсяца на два!..—холодно, въ тонъ ему, отвѣтилъ Сергѣй.

— Мы „работали“ годы, — продолжалъ Ванъ-Дрюйеръ.—Во благо или во вредъ человѣчества—не берусь судить—совершили великій переворотъ. Что же прибавятъ два мѣсяца къ тому, что уже сдѣлано? Думаю—немного, даже—ничего... Если, вообще, задача, хотя бы въ томъ видѣ, какъ ее обрисовалъ профессоръ передъ смертью, осуществима,—она ужъ осуществлена. Если нѣтъ, если детонаторъ долженъ... ну, хоть не вѣчно, а еще десятки лѣтъ, носиться надъ землей, препятствуя появленію на ея поверхности взрывчатыхъ веществъ,—мы къ этому дѣлу оказываемся непригодными... Просто и убѣдительно...

— Значитъ...—прервалъ Сергѣй тягостное молча-

Digitized by Google

ніе,—остается просить Вѣру, чтобъ она поставила контакты своего прибора на старый generator, и...— повернуть рукоятку...

— Кажется, такъ...—тихо отозвалась Вѣра...

— А мнѣ такъ вовсе этого не кажется!—оживленно заговорилъ Ванъ-Дрюйеръ.—Надоѣла мнѣ эта возня съ вашимъ человѣчествомъ хуже горькой рѣдьки! Я имъ больше не пильщикъ!.. Слушайте, дѣти мои! Плюнемъ на нихъ и заживемъ сами по себѣ и сами для себя!—Какъ-то разъ случилось мнѣ, для какого-то исправленія въ машинѣ, спуститься на островокъ еще восточнѣе Рапа-Нуи *), совсѣмъ необитаемый и маленькій-маленькій!—Не только человѣка, но и звѣря нѣтъ. Растутъ, однако же, кокосы и бананы...— Махнемъ туда и заживемъ „Робинзонами"!—Довольно мы намотались по свѣту, довольно послужили человѣчеству, чортъ бы его взялъ!.. Никакихъ міровыхъ вопросовъ, ни міровой скорби, ни міровой радости!.. Чудесно!..

— Эхъ, дядя!—остановилъ Сергѣй размечтавшагося пріятеля.—Ну, пусть твой островокъ былъ и есть необитаемъ, но кто поручится, что въ любой моментъ его не посѣтитъ какой-нибудь воздушный корабль, какъ это сдѣлалъ нѣкогда ты самъ? Вотъ и къ чорту пошло твое уединеніе!

— Но мы изолируемся!

— Чѣмъ?

— Детонаторомъ! Мы его установимъ въ центрѣ острова; досточтимая изобрѣтательница наладитъ его

*) Островъ Рапа-Нуи находится въ долготѣ 250° восточной и въ широтѣ 27° южной.

Digitized by Google

контакты такъ, чтобы онъ безпрерывно и послѣдовательно посылалъ въ пространство разряды: на порохъ, на пироксилинъ, на лидитъ, на шимозу, на generator, на neo-generator... Какой же дьяволъ сможетъ прилетѣть къ намъ при такихъ условіяхъ и помѣшать намъ жить, какъ въ раю, какъ было указано жить Адаму и Евѣ? Я лично ничего большаго не желаю! Къ чорту всякую заботу о человѣчествѣ!..

— А вѣдь это возможно...—подтвердила Вѣра, и слабый румянецъ вспыхнулъ на ея щекахъ.

— Ну, вотъ! Ну, вотъ! — торжествовалъ Ванъ-Дрюйеръ.—Заживемъ такъ, какъ никогда не жили!.. Пиво, я думаю, можно варить изъ банановъ, а за табакъ сойдутъ листья агавы...—добавилъ онъ, какъ бы про себя.

„Красный Крестъ“ взялъ курсъ восточнѣе Рапа-Нуи.

ЭПИЛОГЪ.

Завоеваніе „необитаемаго“ острова.—Дикарь.—Отгородившись отъ міра.

— Да будемъ же спускаться! — сердился голландецъ.

— Надо убѣдиться въ необитаемости,—возражалъ Сергѣй.—Помни, что каждый человѣкъ—нашъ врагъ!..

„Красный Крестъ“ тихо рѣялъ надъ островкомъ, затеряннымъ въ юго-восточной части Тихаго океана, едва не касаясь винтами растрепанныхъ кронъ кокосовыхъ пальмъ.

Всѣ трое, приникнувъ къ зеркальнымъ стекламъ

пола капитанской рубки, зорко высматривали, не откроется ли чего-нибудь подозрительнаго.

— Ну, вотъ, и „необитаемый"! Смотри!..

На небольшой лужайкѣ, въ самой чащѣ тропической заросли дѣвственнаго лѣса, дымился догорающій костеръ...

Положеніе усложнялось...

— Однако, вотъ что... — заговорилъ Ванъ-Дрюйеръ,—костеръ есть, а значитъ есть и люди, которые его зажигали. Это—безспорно. Но если они спрятались—значитъ они насъ пугаются, значитъ ихъ немного. Если боятся—мы сильнѣе. Спускаемся и посмотримъ!..

Еще разъ облетѣли островокъ, тщательно оглядывая его сверху. Обнаружили вытащенную на берегъ пирогу, искусно замаскированную валежникомъ и ліанами. Общимъ совѣтомъ, по разнымъ признакамъ, рѣшили, гдѣ, вѣроятнѣе всего, могутъ скрываться ея владѣльцы, и тихо спустились на землю близъ намѣченнаго пункта.

Въ роли авангарда выступилъ Ванъ-Дрюйеръ, вооружившійся арбалетомъ, а за поясъ заткнувшій добрый топоръ; за нимъ слѣдовалъ Сергѣй, обязанный поддерживать связь между головными силами и кораблемъ, на которомъ держался резервъ. — Вѣра, имѣвшая подъ рукой цѣлый арсеналъ самострѣловъ, готовыхъ къ дѣйствію... Это — чтобы, въ случаѣ нужды, прикрыть отступленіе...

Старые коршуны не ошиблись въ своихъ догадкахъ о мѣстѣ нахожденія противника...

Едва только Ванъ-Дрюйеръ приблизился къ подо-

Digitized by Google

зрительной заросли, какъ въ воздухѣ свистнуло метательное копье...

По счастью, какъ разъ въ этотъ моментъ, онъ обо что-то споткнулся (чуть не упалъ), и острое лезвіе только оцарапало его шею... Безъ того—было бы прямо въ сердце!..

Съ боевымъ кличемъ — „Airking"! — голландецъ прикрывшись щитомъ, ринулся впередъ...

Навстрѣчу ему выскочилъ молодой, стройный островитянинъ.

— Бэкъ! Мори-татакау! *)—крикнулъ онъ, размахивая обнаженнымъ крисомъ.

Ни минуты не колеблясь добродушный богатырь кинулъ свой арбалетъ и даже топоръ изъ-за пояса, стѣснявшій его движенія, бросился на противника, вырвалъ крисъ изъ его рукъ, оглушилъ его ударомъ по лбу и подмялъ подъ себя...

Это великодушіе могло бы обойтись ему довольно дорого. Двѣ женщины, вооруженныя тяжелыми каменьями, бросились на побѣдителя. Имъ помѣшалъ Сергѣй, поспѣшившій на шумъ схватки. Ловко наброшенный арканъ швырнулъ на землю одну изъ нихъ, зато отъ другой самъ онъ получилъ ударъ въ голову, свалившій его съ ногъ.

По счастью Ванъ-Дрюйеръ, успѣвшій уже скрутить своего плѣнника, во-время остановилъ руку, готовившуюся размозжить черепъ стараго товарища, схватилъ

*) Плохой образчикъ того, что современники называли «airspoke»:—англійское «back» (назадъ), итальянское «mori» (умри) и японское «tatakau» (сражаюсь).—Въ общемъ это значило—«Не подходи! Буду биться на смерть!»

Digitized by Google

воительницу въ охапку, кинулъ ее на-земь рядомъ съ ея подругой, тщетно пытавшейся вывернуться изъ петли аркана, и крѣпко спеленалъ ихъ обѣихъ свободнымъ его концомъ.

— Ну, — обратился онъ къ Вѣрѣ, которая, покинувъ свою цитадель, съ арбалетомъ въ рукахъ и съ кинжаломъ за поясомъ прибѣжала на выручку,—присмотрите за ними и помогите ему! (онъ указалъ на Сергѣя). Слава Богу, кажется, не серьезно... А я пойду, погляжу, нѣтъ ли еще кого...

Когда онъ вернулся со своей рекогносцировки, Сергѣй уже сидѣлъ, прислонившись спиной къ стволу дерева, и тщетно пытался успокоить хлопотавшую надъ нимъ Вѣру, убѣдить ее, что никакой опасности нѣтъ, что „кокосъ“ цѣлъ, и все кончится синякомъ да здоровой шишкой.

Обѣ женщины, спеленатыя арканомъ, лежали недвижимо, словно мертвыя въ тѣхъ же странныхъ позахъ, какъ голландецъ бросилъ ихъ на землю.

— Не придушилъ ли въ горячкѣ старый бегемотъ?—мелькнула въ головѣ его укоризненная мысль.

Зато ихъ защитникъ, связанный по рукамъ и по ногамъ, катался по травѣ въ конвульсіяхъ безсильнаго бѣшенства...

— Убей! убей! убей!—завопилъ онъ, увидѣвъ возвращающагося Ванъ-Дрюйера.—Убей сразу! — Рабомъ твоимъ я не буду!.. Убей сразу, чтобы мнѣ не видѣть ихъ рабства!.. Убей сразу!..

Нѣкоторое время голландецъ съ недоумѣвающимъ видомъ разглядывалъ это мѣдно-красное тѣло, извивавшееся у его ногъ, потомъ заговорилъ:

Digitized by Google

— Послушай, ты, глупый человѣкъ! Ни тебя, ни ихъ (если онѣ живы) мы вовсе не собираемся обращать въ рабство! Почему же нужно, чтобы я тебя убилъ?

— Убей сразу! убей сразу!..

— Но этотъ совсѣмъ дуракъ, или сейчасъ сошелъ съ ума!—рѣшилъ Ванъ-Дрюйеръ и, обращаясь къ Вѣрѣ, добавилъ: — Попробуйте поговорить съ нимъ! Можетъ быть, онъ слишкомъ меня боится?..

Вѣра не заставила себя ждать (такъ какъ Сергѣй, вполнѣ оправившись, уже твердо стоялъ на ногахъ) и немедленно вступила въ переговоры съ островитяниномъ, пока товарищи ея занялись скрученными въ безформенный комокъ женщинами. Эти послѣднія, какъ выяснилось, были только „слегка помяты“, быстро пришли въ себя и тотчасъ же бросились къ ногамъ своихъ освободителей, моля о пощадѣ.

— Какой удивительно-глупый народъ! И кто нагналъ на нихъ такого страху? — изумлялся Ванъ-Дрюйеръ.

Всѣ трое—плѣнникъ и обѣ плѣнницы—принадлежали къ тому, довольно рѣдкому, типу обитателей островов восточной Полинезіи, относительно происхожденія котораго много и долго, но безплодно, спорили великіе энтомологи. — Мѣдно-красный оттѣнокъ кожи, удлиненный овалъ лица, рѣзко очерченный профиль — дѣлали ихъ болѣе похожими на индѣйцевъ Америки, нежели на прародителей прочихъ полинезійцевъ—малайцевъ, тагаловъ, яванцевъ, дакотовъ и папуасовъ. Смѣлые умы допускали мысль, что крайніе острова восточной Полинезіи были заселены выходцами изъ Ю. Америки, которыхъ занесъ сюда SO

пассатъ, и, наоборотъ, тотъ же пассатъ помѣшалъ достигнуть до этихъ острововъ монгольской волнѣ, шедшей изъ Азіи.

Справедлива эта гипотеза, или нѣтъ — для насъ неважно,—засвидѣтельствуемъ лишь тотъ фактъ, что если Ванъ-Дрюйеръ отдергивалъ и пряталъ свои руки, которыя пытались цѣловать эти двѣ женщины, то вовсе не изъ чувства врожденнаго отвращенія къ приплюснутымъ носамъ и широкимъ скуламъ монгольской расы (которыхъ въ данномъ случаѣ не было), а единственно... изъ скромности...

— Ну, что же? угомонили вы вашего паціента?..

— Мнѣ кажется, что да!.. Онъ довѣрился... и его можно бы развязать...—отозвалась Вѣра.

— Отчего не развязать! — согласился Ванъ-Дрюйеръ, обращаясь къ Сергѣю. — Вѣдь чуть что—стукъ по темечку—и опять безопасенъ.

— Грѣхъ вамъ, если вы глумитесь надъ моей довѣрчивостью!.. Духъ Неба не проститъ этого!.. Хоть вы, бѣлые, и не вѣрите въ Него, но Онъ есть! Навѣрно, есть!.. Если страданіе „здѣсь“ не возмѣщается блаженствомъ „тамъ“, то вѣдь нѣтъ справедливости!.. А развѣ можно жить, если справедливости нѣтъ и не будетъ ни „здѣсь“, ни даже „тамъ“?.. Тогда—кончить скорѣе!.. Если бы рыба могла знать, что ее вытащатъ изъ воды и будутъ жарить на огнѣ, развѣ она не искала бы смерти, скорой, простой смерти, чтобы избѣжать такого конца?.. Но только не знаетъ, не понимаетъ; а если бы и знала, и понимала, то не можетъ, не умѣетъ... Почему же человѣкъ, который

Digitized by Google

и знаетъ, и понимаетъ, и умѣетъ, и можетъ,—не убиваетъ себя сразу? Потому, что вѣритъ въ его справедливость...

Такъ говорилъ молодой дикарь, а цари воздуха слушали его рѣчь, и не было на лицахъ ихъ даже тѣни усмѣшки...

— Во имя Его справедливости я вѣчной ненавистью поклялся бѣлымъ!.. О, какъ хорошо умѣютъ они затягивать свои сѣти!.. И вамъ я бы не повѣрилъ, хоть вы... странные, непохожіе на другихъ... совсѣмъ другіе... но Ей, Дочери Солнца, не могу не повѣрить — и все скажу!.. Я — Мануи, вотъ жена моя — Ваганга, а вотъ сестра моя — Тематенги. Жили мы мирно на своемъ родномъ островѣ, и хоть давно ужъ (старики не запомнятъ, когда въ первый разъ) заглядывали къ намъ бѣлые, но не очень насъ притѣсняли. Взять съ насъ было нечего... Многому даже на пользу себѣ отъ нихъ научились... Пришелъ и нашъ черный день. Прилетѣли по воздуху... Первый разъ—ничего, а потомъ—все хуже и хуже... Стали забирать, силой увозить съ собою дѣтей и женщинъ... говорили, смѣясь, что „неплоскомордыя" и на рынкѣ идутъ дороже другихъ... Долго терпѣли, потомъ не выдержали... Худо вышло! Худо кончилось!.. Прилетѣли великой силой... все разорили... Ночью—была гроза... Я подумалъ—все равно! Подговорилъ жену и сестру. Захватили съ собой, что могли, сѣли въ лодку и отдались на волю бури... Вѣдь буря отъ Него, а не отъ людей! она—милостивая!.. Сколько дней она мчала насъ по океану, и принесла сюда. . Вотъ все...

Digitized by Google

Мануи умолкъ, низко склонивъ голову.

Ваганга и Тематенги, прижавшись другъ къ другу, пугливо прятались за его спиной, плохо понимая ломаный „airspoke“, на которомъ онъ давалъ свои объясненія.

— Будьте же хоть разъ слугами Его справедливости!—снова съ необычайнымъ оживленіемъ заговорилъ Мануи.—Поймите людей, которые не хотятъ быть рабами! Если нѣтъ такого уголка въ мірѣ, гдѣ насъ не настигли бы поработители, верните мнѣ мой крисъ! Я не направлю его противъ васъ! Нѣтъ! Нѣтъ! Я буду цѣловать тѣ руки, которыя вернутъ мнѣ мое оружіе! Имъ я убью—вотъ ихъ и себя! И мы умремъ свободными!..

— Да онъ совсѣмъ смѣшной, но славный малый!—проворчалъ Ванъ-Дрюйеръ.

— Вѣдь и у васъ есть сердце? вѣдь и у васъ былъ человѣкъ, который назывался „царь воздуха“, который не позволялъ „имъ“ обижать слабыхъ?

— Мы—послѣдніе, вѣрные слуги того, кого ты назвалъ,—отвѣтилъ ему Сергѣй.—Онъ такъ же, какъ и ты, ищетъ по свѣту уголка, гдѣ могъ бы преклонить голову, гдѣ люди не могли бы его настигнуть... Оставайся съ нами, если хочешь быть свободнымъ! Мы утратили власть надъ міромъ, но все еще достаточно сильны, чтобы отгородиться отъ него!

Шли годы...

Былъ ли кто-нибудь жертвой разрядовъ, посылавшихся детонаторомъ въ пространство,—сказать трудно. Если и взрывался какой-нибудь корабль, на-

Digitized by Google

правлявшійся къ островку, то настолько заблаговременно и на такой дистанціи, что замѣтить этотъ взрывъ оказывалось невозможнымъ.

Во всякомъ случаѣ, благодаря ли исправному дѣйствію аппарата или просто уединенному мѣстоположенію, никто сюда не заглядывалъ и не тревожилъ спокойствія маленькой колоніи.

Ничтожные, сами по себѣ, запасы различныхъ сѣмянъ, захваченные въ пирогу краснокожими при ихъ бѣгствѣ отъ „бѣлыхъ воздушныхъ дьяволовъ", подъ опытнымъ руководствомъ Вѣры, послужили основой для развитія такой „грядковой культуры", о которой не снилось и самому Демчинскому. Ванъ-Дрюйеръ, дѣйствительно, добился того, что изъ банановъ варилъ пиво „не хуже мюнхенскаго", а изъ листьевъ какого-то, спеціально имъ культивированнаго растенія дѣлалъ сигары. Мануи находилъ ихъ великолѣпными; Сергѣй въ сужденіяхъ воздерживался, самъ же фабрикантъ любилъ отмѣчать тотъ фактъ, что и въ Гамбургѣ онѣ изготовляются, преимущественно, изъ капустныхъ листьевъ...

А что дѣлалось на бѣломъ свѣтѣ послѣ того, какъ станція острова Гэрдъ приняла послѣднюю телеграмму проносившагося надъ ней корабля „Красный Крестъ"?..

Конецъ

„Царей Воздуха".

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

Digitized by Google

Digitized by Google

ЦАРИЦА МІРА

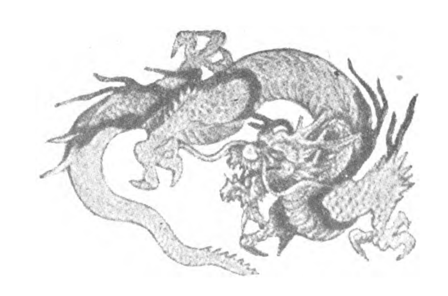
Digitized by Google

Digitized by Google

ВЛ. СЕМЕНОВЪ

ЦАРИЦА МІРА

РОМАНЪ-ФАНТАЗІЯ

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
СПБ. и МОСКВА
1908

Digitized by Google

Digitized by Google

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВЪ ПОГОНѢ ЗА ВЛАСТЬЮ

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Упрямый джентльменъ.

Генералъ еще разъ внимательно просмотрѣлъ краткое прошеніе, лежавшее на столѣ, еще разъ внимательно оглядѣлъ съ головы до ногъ джентльмена, сидѣвшаго передъ нимъ въ корректной, но свободной позѣ, еще разъ громко прочелъ подпись, словно свѣряя ее съ визитной карточкой, лежавшей рядомъ,—„Captain George Hardstone, Royal Navy, Retired List“—и, шумно вздохнувъ, откинулся на спинку кресла.

— Дорогой капитанъ,—заговорилъ онъ,—не скрою, что, получивъ ваше прошеніе, я хотѣлъ бросить его въ корзину. Оно показалось мнѣ... черезчуръ эксцентричнымъ. Нельзя не признать, что разнообразіе пунктовъ... маніи — безпредѣльно. Тѣмъ не менѣе я счелъ долгомъ освѣдомиться о вашей предыдущей службѣ, о вашей дѣятельности и образѣ жизни послѣ выхода въ отставку. Я узналъ, что почти все ваше состояніе вы истратили на какіе-то опыты, которые держите въ глубокой тайнѣ, но ничто не давало повода заподозрить васъ въ... ненормальности. Да и сейчасъ, при личномъ свиданіи, вы вовсе не производите на меня впечатлѣнія сумасшедшаго.

Digitized by Google

Капитанъ почтительно склонилъ голову, не то въ знакъ согласія, не то въ благодарность за комплиментъ.

— Простите откровенность стараго солдата!—засмѣялся генералъ.—Я кажется не слишкомъ дипломатично выразился... Но не въ томъ дѣло.—Вы просите личной, и безъ свидѣтелей, аудіенціи у короля, не объясняя причинъ.

— Сэръ,—перебилъ его капитанъ,—причина указана: тайна, извѣстная двумъ лицамъ, имѣющимъ свободное общеніе съ окружающими, уже не тайна. До настоящаго времени ею владѣю одинъ только я. Правда, послѣ моей бесѣды наединѣ съ его величествомъ, будетъ и второй человѣкъ, посвященный въ тайну—король, но онъ будетъ связанъ своимъ королевскимъ словомъ и... высшей гарантіи къ сохраненію ея мнѣ не нужно.

— А мнѣ вы не считаете возможнымъ ее довѣрить?

— Нѣтъ, сэръ! — рѣшительно отвѣтилъ капитанъ.

— Goddamn my eyes! — проворчалъ генералъ. — Вы, кажется, хотите оправдать ваше родовое имя... Но почему вы, капитанъ флота, обратились ко мнѣ, а не къ первому лорду адмиралтейства?

— Послѣ моего доклада королю я, съ разрѣшенія его величества, можетъ быть, отвѣчу на этотъ вопросъ, а теперь промолчу...

Эта бесѣда происходила въ 190* году, въ Лон-

Digitized by Google

донѣ, въ кабинетѣ военнаго министра, а черезъ нѣсколько дней въ Уиндзорѣ состоялась аудіенція, которой добивался капитанъ Гардстонъ.

— Я слушаю, капитанъ,—промолвилъ Эдуардъ VII, когда они остались одни.

— Ваше величество, во дворцахъ стѣны имѣютъ уши. Здѣсь — говорить не могу. Благоволите выйти вмѣстѣ со мной въ садъ и выслушать меня на лужайкѣ, въ такомъ разстояніи отъ ближайшихъ кустовъ, чтобы самое чуткое ухо (можетъ быть въ нихъ скрытое) ничего не уловило бы изъ нашей бесѣды... Вы колеблетесь?.. Государь! помните, что вамъ предоставляется случай замѣнить пѣсню „Rule, Britania! rule the waves!“ другой — „Rule, Britania! rule the world!...“

— Хорошо! — отвѣтилъ король послѣ минутнаго раздумья.

Они вышли въ садъ и долго бродили взадъ и впередъ по желтѣющему газону обширнаго граунда, разговаривая о чемъ-то такъ тихо, что даже „садовники“, тщательно выпалывавшіе стебельки убогой травки, якобы мѣшавшей росту могучей заросли вереска,—ничего не слышали. Видѣли только, что временами король вынималъ записную книжку и дѣлалъ въ ней какія-то помѣтки.

Вернувшись въ свой кабинетъ и отпустивъ докладчика, его величество потребовалъ къ себѣ перваго лорда адмиралтейства и военнаго министра. — Оба ожидали въ пріемной конца аудіенціи и немедленно явились.

— Милорды,—заговорилъ онъ, — я призналъ со-

Digitized by Google

ображенія капитана Гардстона совершенно справедливыми и далъ ему право личнаго доклада мнѣ во всякое время дня и ночи. Не спрашивайте, даже, не пытайтесь его спрашивать ни о чемъ. Всѣ необходимыя приказанія будутъ получаться вами непосредственно отъ меня. Не удивляйтесь—такъ нужно! Поймите, что если...—тутъ король быстрыми шагами подошелъ къ министрамъ, ошеломленнымъ такимъ нарушеніемъ этикета, схватилъ ихъ за руки и сдавленнымъ голосомъ закончилъ: — если такъ, то Великобританія вскорѣ же будетъ не только владычицей міра, но владычицей мира всего міра! (not only sovereign of world, but sovereign of peace!)... Вы меня поняли?.. Друзья мои! я беру съ васъ слово добраго британца, что всѣ наши разговоры на эту тему, какъ бы незначительны они ни казались на первый взглядъ, останутся между нами въ глубокой тайнѣ. Вѣдь, часто пустой намекъ, случайно брошенное слово, можетъ дать вѣрную нить, указать путь къ разгадкѣ...

— Милордъ! — послѣдовалъ рѣшительный отвѣтъ,—на нашу честь вы можете положиться!

Дургэмъ.

Дургэмъ—это одинъ изъ тѣхъ уголковъ Англіи, которые невольно вызываютъ въ памяти идиллическія акварели XVIII вѣка, отъ которыхъ вѣетъ „пасторалью“, при взглядѣ на которыя мы какъ бы вновь

Digitized by Google

возвращаемся къ далекой, безвозвратно ушедшей молодости, когда въ горячихъ юношескихъ мечтахъ такъ дружно уживались и рыцари, закованные въ желѣзо, шедшіе, по обѣту, въ далекую Палестину, и дамы ихъ сердца, долгіе годы, съ вершины башни, смотрѣвшія на дорогу, по которой долженъ вернуться милый, и безсердечные палачи и тюремщики, и кровожадные тираны, и святые отшельники, и любвеобильныя горожанки и поселянки, перевязывавшія раны мужественныхъ бойцовъ, подъ угрозой смерти и поруганія укрывая ихъ отъ преслѣдователей...

Группа чистенькихъ бѣлыхъ домиковъ съ красными черепичными кровлями пріютилась на склонѣ холма, увѣнчаннаго старымъ двухъ-башеннымъ замкомъ.

Казалось, что отъ блестящей, но шумной и суетливой, жизни XIX вѣка, городокъ взялъ только хорошее. Обзавелся электрическимъ освѣщеніемъ, канализаціей, образцовыми путями сообщенія, но остался чуждъ лихорадочной спѣшкѣ жизни, пульсъ которой бился въ немъ такъ-же ровно и мѣрно, какъ во времена сальныхъ свѣчей и даже смоляныхъ факеловъ.

Отчасти, понятно. Вѣдь всего въ 15 миляхъ къ сѣверу отъ него находился Ньюкэстль. Слишкомъ близко, чтобы не привлечь къ себѣ всѣ безпокойные, жаждущіе дѣятельности, элементы населенія, и — слишкомъ далеко, что-бы захлестнуть скромный городокъ волною кипучей жизни промышленнаго центра.

Туда, въ это царство фабричныхъ трубъ, окутанное облаками дыма, къ этимъ прокопченнымъ зданіямъ заводовъ, конторъ, банковъ, складовъ и магази-

Digitized by Google

новъ,—туда, въ погонѣ за счастьемъ, стремились люди, наполнявшіе собою вагоны поѣздовъ желѣзной дороги, съ шумомъ и грохотомъ проносившіеся у подножія дургэмскаго холма. — Должно быть, не разъ путешественники, стряхнувъ съ себя на мгновеніе гнетъ всецѣло охватывающихъ ихъ коммерческихъ разсчетовъ и соображеній, отдыхали (а можетъ быть даже и умилялись) душою, глядя изъ оконъ экспресса на медленно движущіяся, тяжелыя, солидныя повозки фермеровъ, на которыхъ возсѣдали не менѣе тяжелые и солидные ихъ хозяева, на тучныхъ коровъ, прерывавшихъ жвачку при свисткѣ паровоза и лѣниво, не поворачивая головы, провожавшихъ его глазами, и на бѣлорозовыхъ, раскормленныхъ свиней, вовсе не обращавшихъ вниманія на плоды человѣческой культуры... А если въ праздникъ случайно заглянувшій сюда туристъ увидѣлъ бы, какъ чинно (и всегда попарно) расходятся изъ церкви обитатели городка, какъ солидно бесѣдуютъ между собою люди пожилые, какъ, скромно потупивъ глаза, идутъ молодыя дѣвицы съ молитвенниками въ рукахъ, какъ сдержанно, съ опаской, шушукаются подростки, — ему показалось бы, что онъ грезитъ, что стоитъ протереть глаза, и вмѣсто современныхъ причесокъ, шляпъ, костюмовъ и безобразной обуви онъ увидитъ длинные волосы, падающіе на широкіе отложные воротники, обшитые кружевомъ, пышныя косы и высокіе головные уборы, мѣшечки въ родѣ гусарскихъ ташекъ, подвѣшенные къ поясу на длинныхъ цѣпочкахъ, плащи, шлейфы, башмаки съ бантами и пряжками и сапоги съ отворотами, украшенные огромными шпорами... Чего добраго, и

Digitized by Google

прозаическій полисмэнъ окажется въ стальномъ шишакѣ, съ алебардой въ рукахъ...

Таковъ Дургэмъ.

Въ кругу семьи.

Сырой и холодный вѣтеръ сердито кружилъ въ воздухѣ пушистые хлопья снѣга, которые, падая на землю, сейчасъ же таяли и разводили грязь даже на чистенькихъ улицахъ патріархальнаго городка. Улицы эти, и днемъ не слишкомъ многолюдныя, теперь, слабо освѣщенныя только фонарями (въ Дургэмѣ еще сохранился добрый старый обычай имѣть ставни, закрывающіеся на ночь), представляли собою пустыню. Кажется, полисмэны, и тѣ большую часть времени проводили за осмотромъ ближайшихъ кабачковъ своего раіона, справедливо полагая, что въ такую погоду врядъ-ли кто вздумаетъ нарушить тишину и спокойствіе на открытомъ воздухѣ.

Зато въ небольшомъ домикѣ (Church Street, 14) было тепло, свѣтло и уютно.

Обѣдъ кончился, и молодой лейтенантъ Джемсъ Старфордъ, только что вернувшійся изъ дальняго плаванія, всталъ изъ-за стола, намѣреваясь пойти въ свою комнату выкурить сигару.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Не пущу!—неожиданно запротестовала его сестра Грэсъ. — Мама! онъ пріѣхалъ такой голодный, все только ѣлъ, ничего не разсказывалъ... Разрѣшите ему остаться! Пусть куритъ въ каминъ!

Digitized by Google

— Ну, конечно! — разсмѣялась мистрисъ Старфордъ, не спускавшая глазъ съ сына, все еще не освоившаяся съ мыслью, что этотъ крѣпкій, сильный мужчина, съ лицомъ, обожженнымъ солнцемъ, съ замашками морского волка, тотъ самый юноша, съ которымъ она, пять лѣтъ тому назадъ, прощалась на рейдѣ Спитхэда. — Конечно, Джеми, берите вашъ хересъ, пойдемъ въ гостиную, и старайтесь, по возможности, дымить въ каминную трубу. Впрочемъ, если, даже, вы немного прокоптите занавѣски, — съ этимъ можно примириться ради перваго дня свиданія послѣ такой долгой разлуки.

Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, никакіе обстоятельные, на опредѣленную тему, разговоры не удавались. Каждый находилъ, что вопросъ, пришедшій ему въ голову, самый важный, что именно на него надо раньше всего отвѣтить. Грэсъ и Джеми перебивали не только другъ друга, но даже и мистрисъ Старфордъ, что, по англійскому этикету семейной жизни, совершенно недопустимо.

— А что подѣлываетъ дядя Джорджъ? Я былъ увѣренъ, что встрѣчу его здѣсь. Вѣдь онъ уже давно въ отставкѣ? Вы мнѣ писали, но какъ то смутно, и я ничего не понялъ. Почему? Что за идея?..

Мистрисъ Старфордъ тяжело вздохнула.

— Ахъ, Джеми! Я и сама ничего не понимаю въ поведеніи моего брата... знаю только, что со времени выхода въ отставку онъ увлекся какими-то опытами. Какими?—неизвѣстно. Отъ него самого слова не добьешься—молчитъ, какъ рыба. Гдѣ?—тоже неизвѣстно. Онъ пропадаетъ куда-то на цѣлые мѣсяцы. Вотъ и

Digitized by Google

теперь—съ ноября о немъ нѣтъ ни слуху, ни духу...— Я боюсь...

— Чего?

— Не охотится-ли онъ за бѣлымъ зайцемъ въ іюльскую пору...

— Жаль, жаль...—смущенно промолвилъ Джеми,— а я думалъ, что опять его услышу и пополню свой запасъ анекдотовъ изъ его неистощимаго... Помните?—весело заговорилъ онъ, видимо, стараясь разсѣять легкое облачко грусти, тѣнь котораго появилась въ гостиной, — помните, какъ дядя острилъ надъ вашимъ вязаньемъ, которое раздается дамамъ, участницамъ „Общества призрѣнія бездомныхъ негритянскихъ дѣтей центральной Африки“, которымъ вовсе не нужны ни фуфайки, ни набрюшники? — А вѣдь вы, кажется, и до сихъ поръ заняты этимъ дѣломъ?

— Теперь, Джеми, вы не услышали бы отъ него ни анекдотовъ, ни остротъ. Въ немъ сидитъ, неотступно его преслѣдуетъ, какая-то затаенная мысль. Раза два онъ начиналъ говорить со мною, видимо, рѣшившись высказаться, подѣлиться своими заботами, но... говорилъ такими загадками, такъ непонятно... и вдругъ обрывалъ себя на полу-словѣ... Я боюсь, Джеми... и боюсь—это странно—не столько за него, сколько за васъ...

— Что-жъ, мама? вы думаете, что это заразительно?..

Но шутка не вышла.

— Ну вотъ — всѣ раскисли!—воскликнула Грэсъ, энергично тряхнувъ головкой.—Мамочка, милая! перемѣните разговоръ, иначе я буду цѣловать васъ за

Digitized by Google

ушкомъ, вы перепутаете свое вязанье и какой-нибудь бѣдный негритенокъ останется безъ фуфайки!

— Все та-же сорви-голова, что была и до вашего ухода въ плаваніе! Неправда-ли, Джеми? — разсмѣялась мать. — Только позволить, и она, несмотря на длинное платье, готова лазить по деревьямъ за желудями и галочьими гнѣздами. Когда только эта дѣвчонка станетъ солиднѣе!

— Молодость—недостатокъ, отъ котораго излечиваются съ каждымъ днемъ, — сентенціозно замѣтилъ юный лейтенантъ, любовно оглядывая сестру, и добавилъ,—а въ общемъ, она прехорошенькая и могла бы вскружить голову не однимъ мичманамъ, а даже и солиднымъ капитанамъ королевскаго флота, хотя, конечно, она выберетъ первыхъ!

Грэсъ, польщенная неожиданнымъ комплиментомъ, такъ ущипнула брата за руку, что онъ едва не вскрикнулъ.

— Ну, ну! Не хватаетъ, чтобы вы по старой памяти подрались! — остановила ихъ мистрисъ Старфордъ.—Ваши восторги, Джеми, приберегите для другого случая, который вамъ скоро представится. Если нѣтъ дяди Джорджа съ его разсказами и остротами, зато мы ждемъ другого гостя, вѣрнѣе гостью, и притомъ сегодня же—за ней уже посланъ экипажъ па станцію желѣзной дороги. Ни за что не угадаете кто!

— И не пробую догадываться!—отозвался Джеми, весь поглощенный заботой объ отраженіи новой аттаки со стороны сосѣдки.

— Ваша кузина Мэджъ, или, какъ ее теперь на-

Digitized by Google

зываютъ, графиня Маргарита Цуръ-Мюленъ фонъ-Магдгофъ фонъ-Дандебургъ etc., etc., etc... звѣзда первой величины при берлинскомъ дворѣ и самая красивая женщина въ Европѣ, если вѣрить ея апологетамъ. Сама я уже два года, со времени ея замужества, съ нею не видѣлась. Признаться, даже потеряла надежду, что ея великолѣпіе когда-нибудь соберется навѣстить старую тетку... Да!.. жаль, что сестра Модъ не дожила до тріумфа своей любимицы!.. Мэджъ писала, что въ этотъ сезонъ, по поводу офиціальнаго траура, при дворѣ и въ высшемъ свѣтѣ отмѣнены всѣ празднества, что она свободна и спѣшитъ повидаться съ добрыми родственниками... Очень мило съ ея стороны... Неправда-ли?.. Вы слышите, Джеми? Или кузина Мэджъ давно забыта?

Старая лэди говорила ровнымъ, спокойнымъ голосомъ, всецѣло поглощенная счетомъ петель своего безконечнаго вязанья, не замѣчая ни пронизывающихъ взглядовъ, ни отчаянныхъ жестовъ своей дочери, ни того преувеличеннаго вниманія, съ которымъ ея сынъ копается въ каминѣ, стараясь уложить уголь именно такъ, чтобы... горѣть ему не было никакой возможности.

— Да, да...—отозвался лейтенантъ. — Какъ-же... я помню—вы писали: она вышла замужъ незадолго до выхода въ отставку дяди Джорджа...—Дѣтей нѣтъ?—Слышалъ... очень жаль. Знатная дама? блещетъ?..—Сердечно радъ... Пріѣдетъ? Можетъ быть, сегодня?—Пріятная встрѣча...

— А я ее разлюбила!—рѣзко прервала Грэсъ путанную рѣчь брата.—Бредила, бредила, восторгалась,

Digitized by Google

восторгалась своимъ Вильгельмомъ, „котораго исторія назоветъ der Grosse!“ — Писала, что она хоть и дочь Модъ Гардстонъ, но урожденная фонъ Трейлингъ! — Какой-то прусскій маіоръ идіотскаго вида, загипнотизировавшій тетю Модъ черезъ стеклышко своего монокля...

— Тише, дѣтка! Зачѣмъ...

— Нѣтъ, я правду говорю!.. Вдругъ — раскисла! „Хочу повидать наши старыя ивы; сердце рвется къ доброй, старой Англіи; кровь, гуще воды...“ — Все ложь! все ложь! Не вѣрю ей! Заранѣе не вѣрю!

— Грэсъ! My darling! Что за свирѣпость?..—пробовалъ успокоить ее Джеми. — Можно подумать, что вы говорите не о кузинѣ Мэджъ, съ которой лазили по деревьямъ, а о какомъ то драконѣ...

Рѣзкій звонокъ въ прихожей прервалъ споръ. Первой кинулась туда Грэсъ; за ней, уложивъ вязанье въ корзинку, прошла мистрисъ Старфордъ; только Джеми остался въ гостиной, облокотившись на каминную доску и вертя въ рукахъ растрепанный окурокъ давно потухшей сигары...

Онъ не слышалъ громкихъ, преувеличенно радостныхъ возгласовъ, доносившихся оттуда... Такъ ясно, такъ живо ему представлялся тотъ сладостный весенній вечеръ, когда развалины стараго дургэмскаго замка, казалось, были окутаны не туманомъ, а легкой дымкой сновидѣній минувшихъ вѣковъ, полныхъ беззавѣтной любви, преданности... Могъ ли онъ не вѣрить... когда въ отвѣтъ на его робкій, полудѣтскій шопотъ, мерцали въ сумракѣ зеленоватые, кошачьи

Digitized by Google

глазки, и нѣжный, прерываемый счастливымъ смѣхомъ голосъ шепталъ: „Я то!—О, я сумѣю ждать!..“

II.

Кузина Мэджъ.

— Ну! Гдѣ же онъ, этотъ морякъ-скиталецъ?

Съ такими словами Меджъ ураганомъ ворвалась въ гостиную.

— Вы мнѣ не рады, Джеми? Вы даже не захотѣли встрѣтить вашего „old chap“? А еще говорятъ, что старая любовь не ржавѣетъ! Вы ли не клялись мнѣ при лунѣ и на мечѣ въ вашей вѣчной преданности?

— Графиня...—пробормоталъ молодой лейтенантъ, поспѣшно отдѣлившись отъ камина и идя навстрѣчу къ новоприбывшей,—сердечно радъ привѣтствовать...

— Ха, ха, ха! — разсмѣялась та. — Тетя! милая! Онъ, кажется, забылъ какъ мы съ нимъ дрались, а вы разставляли насъ по угламъ? Hallo, sweet boy! Come in! Или вы не хотите поцѣловать вашу Мэджъ? Или я такъ подурнѣла?

...Горячія, жадныя губки, холодныя (съ воздуха) щечки касались его лица..., мягкія руки обвились вокругъ его шеи, какъ тогда... въ ту весеннюю ночь... ароматъ духовъ—новыхъ, еще не знакомыхъ, но „ея“ духовъ—билъ въ голову...

Онъ началъ понимать кое-что лишь въ столовой, куда увели гостью, заявившую, что она голодна, какъ

Digitized by Google

волкъ, что за весь день съѣла лишь нѣсколько сандвичей, которые были „plus forts qu'un rocher!"

— А что дѣлаетъ дядя Джорджъ и скоро ли онъ выступитъ въ роли повелителя міра? — спросила Мэджъ, обгладывая ножку цыпленка.

— Что такое?—удивился Джеми, уже овладѣвшій собою и неторопливо прихлебывавшій хересъ изъ старинной, граненой рюмки.

— Я васъ не понимаю... — замѣтила мистрисъ Старфодъ, заботливо считая петли вязанья.

— Ну, ну! что такое вы слышали про дядю Джорджа? Говорите скорѣе! — заторопилась Грэсъ, словно забывшая о своихъ недавнихъ неблагопріятныхъ отзывахъ про кузину, смотрѣвшая ей въ глаза и старавшаяся угадать всякое ея желаніе.

Мэджъ окинула присутствующихъ пытливымъ взглядомъ и (словно убѣдившись въ ихъ искренности) заговорила въ тонѣ удивленія, даже негодованія:

— Неужели вы, здѣсь, въ Англіи, не знаете того, что дѣлается у васъ подъ бокомъ, о чемъ кричатъ на континентѣ?.. Вы не знаете, что дядя Джорджъ по соглашенію съ королемъ строитъ какіе-то воздушные корабли, что вотъ уже болѣе трехъ мѣсяцевъ какъ въ Кабаньей долинѣ (гдѣ-то въ Шотландіи), въ строжайшей тайнѣ сооружается этотъ воздушный флотъ, и никто другой, какъ дядя Джорджъ поведетъ его на покореніе міра?..—Oh-la-la! Какъ хорошо дрессирована ваша печать! — Молчитъ? — А у насъ нѣтъ такого листка, который не билъ бы тревогу! — Но вы, Джеми, неужели и вы, по дорогѣ, ничего не слышали?

Digitized by Google

— Ничего... то-есть... можетъ быть... вообще, я думалъ больше всего о предстоящемъ возвращеніи домой, о свиданіи съ мамой и съ Грэсъ... газеты мало меня интересовали...

— И дядя Джорджъ ни словомъ не порадовалъ своего любимца?

— Почти... мы почти не переписывались... Ахъ, да!—на Мальтѣ я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ проситъ меня немедленно по прибытіи въ Англію увѣдомить его, гдѣ я, и когда со мной можно увидѣться, но адресъ для отвѣта довольно странный: Эдинбургъ, до востребованія и какія-то буквы...

— Какія буквы?—живо заинтересовалась Мэджъ...

— Виноватъ... не помню... не все-ли равно...— смущенно бормоталъ Джеми, весь вспыхнувшій при мысли, что онъ едва не проболтался.

— Ну, вотъ и поздравляю!—безпечно разсмѣялась новоприбывшая.—Выходитъ, что вмѣсто берлинскихъ новостей, я, прибывшая изъ Германіи, могу порадовать васъ англійскими! Я, которая мечтала, что повидавшись и поболтавъ съ вами, такъ возгоржусь званіемъ племянницы Джорджа Гардстона, что отрекусь отъ моей новой родины, вспомню мои дѣтскіе годы и запою:—„Rule, Britania!..“

— Вмѣсто „Deutschland über alles?..—неожиданно зло прервала ее Грэсъ.—Легко-жъ вы мѣняете ваши гимны! Впрочемъ,— всегда съ побѣдителями! Побѣдителей не судятъ.

— Грэсъ! милая Грэсъ!—тревожно заговорила старая лэди.—Опомнись! Наша дорогая гостья...

— Ахъ, нѣтъ, тетя, не мѣшайте намъ, вѣдь мы

Digitized by Google

такъ часто ссорились, но ровно столько же разъ мирились!—горячо отозвалась Мэджъ, зеленые глаза которой, на мгновенье вспыхнувшіе недобрымъ блескомъ, опять свѣтились чарующей лаской...

Въ патріархальномъ Дургэмѣ рано встаютъ и рано ложатся спать.

Для Мэджъ была приготовлена та самая комната, въ которой она бывало подолгу гостила, рядомъ со спальней Грэсъ. Когда-то онѣ такъ любили переговариваться черезъ полуприкрытую дверь... Теперь обѣ улеглись молча. Грэсъ чувствовала себя нѣсколько виноватой, но ее разсердило, что братъ, на прощанье, такъ сурово шепнулъ ей: „За что вы ее обидѣли?“— Развѣ она хотѣла обидѣть?—Это вышло какъ-то само собой... Просто она чувствуетъ, что не будетъ добра отъ этого визита... что-то неладно... Это, конечно, глупо... она постарается... Но хорошо ли забыть все (вѣдь она была ихъ повѣренной), выйти замужъ за какую-то нѣмецкую обезьяну, ради ея богатства и четырехъ-этажной фамиліи, а потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, броситься ему на шею съ поцѣлуями, хотя бы... родственными.

— Господи! Господи!—шептала Грэсъ, пряча лицо въ подушку, смоченную слезами. — Ты научишь меня, какъ быть! Ну, если я не могу!..

Наконецъ она заснула, и тогда, въ сосѣдней комнатѣ, кузина Мэджъ, прислушавшись къ ея ровному дыханію, безшумно поднялась съ постели, зажгла свѣтъ (предварительно убѣдившись, плотно ли задернуты занавѣски оконъ), раскрыла дорожный бювар,

Digitized by Google

достала листокъ бумаги и конвертъ, спѣшно написала нѣсколько строкъ, потомъ сунула готовое письмо подъ подушку и... тоже заснула.

Тихъ и безмятеженъ былъ ея сонъ, какъ сонъ человѣка, имѣющаго право сказать самому себѣ, что трудовой день не даромъ пропалъ, что кое-что сдѣлано.—Зато сосѣдку ея „маленькую Грэсъ“ всю ночь преслѣдовалъ ужасный кошмаръ: ей снилось, что она видитъ Мэджъ, подругу ея дѣтства, первую любовь ея брата, видитъ ее радостную, ласково улыбающуюся, любуется ея пышными рыжевато-золотистыми волосами, смотрится въ ея странные, зеленые, точно кошачьи, глаза, и вдругъ... не можетъ уже различать ни лба, ни рта, ни пухлаго подбородка съ ямочкой — вмѣсто того изъ пышной прически, только что обрамлявшей самое очаровательное личико въ мірѣ, къ ней тянется голова змѣи... и глаза у ней тѣ же!.. тѣ же зеленые глаза кузины Мэджъ!.. все ближе, ближе... и нѣтъ силъ крикнуть, позвать на помощь!.. И почему-то ей кажется, что, если-бы крикнуть, стряхнуть съ себя это оцѣпенѣніе, то на помощь явится не Джеми... Джеми—хуже, чѣмъ ей!.. а дядя Джорджъ, который однимъ ударомъ можетъ отбросить, уничтожить гадину, чарующую ее взглядомъ своихъ большихъ, зеленыхъ, словно кошачьихъ, свѣтящихся глазъ...

Любопытныя новости.

Прошло нѣсколько дней.

Мэджъ (будемъ называть такъ, для краткости, первую красавицу берлинскаго двора) не совсѣмъ оши-

Digitized by Google

балась, иронически отзываясь „о высокой степени дрессировки“ англійской печати. Дѣйствительно, факты, о которыхъ лондонскія газеты упоминали лишь вскользь, словно нехотя, даже съ оттѣнкомъ недовѣрія къ источникамъ, откуда исходили свѣдѣнія о нихъ, на континентѣ служили предметомъ горячей полемики, видимо серьезно волновали не только корреспондентовъ, охочихъ до сенсаціонныхъ извѣстій, но и высшія сферы, особенно военныя.

Несмотря на всѣ мѣры, принятыя капитаномъ Гардстономъ для сохраненія его тайны, она, переставъ быть достояніемъ одного лица, перестала быть непроницаемой. Какими-то путями, кое-что, куда-то просачивалось. Эти крупицы заботливо собирались людьми, опытными въ дѣлахъ такого рода, комбинировались и, въ результатѣ, вмѣсто отрывочныхъ сплетепь, получалось нѣчто цѣльное, намѣчалась въ общихъ чертахъ картина возможнаго будущаго, характера весьма угрожающаго.

Въ Германіи (какъ объясняла Мэджъ) хорошо знали, что въ Кабаньей долинѣ приводится въ осуществленіе какой-то заговоръ, имѣющій міровое значеніе. Строится боевая воздушная эскадра.

— Вы здѣсь, въ вашемъ захолустьѣ, ничего не знаете, а тѣ, кого это близко касается, знаютъ кое-что и даже много! — съ жаромъ поясняла она.—Поймите, что вѣдь всѣ эти „дирижабли“, это лишь прообразъ воздушнаго корабля! Будущее за аэропланами! Только аэропланъ свободенъ въ своихъ движеніяхъ! Только ему открытъ широкій, безпредѣльный путь совершенствованія!..

Digitized by Google

— Кузина! можно подумать, что вы спеціально посвятили себя разработкѣ проблеммъ воздухоплаванія?—полушутя вставилъ Джеми.

— Ну, что-жъ? Какъ видно, я могу сообщить вамъ много новаго по этому вопросу...

— Hear! Hear!—промолвила мистрисъ Старфордъ, усаживаясь поудобнѣе въ креслѣ и готовая погрузиться въ счетъ петель.

— Аэропланъ отдѣляется отъ поверхности земли, скоростью своего поступательнаго движенія побѣждая силу земного притяженія. Взвившись къ небу, онъ паритъ на своихъ крыльяхъ, какъ орелъ. Вся разница въ томъ, что крылья эти неподвижны, что не ихъ взмахи, но винтъ двигателя сообщаетъ ему необходимую скорость.—Развѣ орелъ не тяжелѣе воздуха?— Да, я думаю, у Грэсъ силы не хватитъ поднять на руки мертваго орла, а вѣдь онъ—царь воздуха! Весь вопросъ въ томъ, что бы мертвый аппаратъ снабдить такимъ же запасомъ энергіи, какимъ обладаетъ живой орелъ. Конечно, пропорціонально ихъ вѣсу. Если орелъ свободно уноситъ барашка, который немногимъ легче его, долженъ и аэропланъ быть въ состояніи унести съ собою лишній грузъ. И этотъ грузъ—боевое снабженіе... Изобрѣсти этотъ могучій двигатель, найти средство для его питанія—надъ этимъ трудятся лучшіе умы всего міра. Вѣдь если создать аэропланъ, который могъ бы бороться съ ураганомъ, снабдить его такимъ запасомъ энергіи, чтобы онъ могъ держаться въ воздухѣ не часы и не дни, а недѣли и мѣсяцы,—осуществить эту идею, во всей ея полнотѣ, хоть въ маломъ масштабѣ,—то все дальнѣйшее—пу-

Digitized by Google

стяки!.. Дѣтская задача для техники въ современномъ ея состояніи!.. Тотъ, кто первый вырветъ отъ природы ея тайну, — тотъ будетъ владѣть міромъ!.. Нѣтъ оружія равнаго такимъ воздушнымъ эскадрамъ! Не подъ землю же уйдутъ ихъ противники! А создать что-либо подобное себѣ на поверхности земли или воды,—этотъ флотъ не позволитъ! Для него не будетъ тайны! Онъ уничтожитъ въ корнѣ всякую такую попытку, смететъ, разрушитъ всякій заводъ, всякую мастерскую, которые осмѣлились бы строить что-либо ему подобное, безъ его разрѣшенія! Для него— нѣтъ невозможнаго, потому что нѣтъ ему равнаго! Онъ всемогущъ, вездѣсущъ, всевѣдущъ!..

Мэджъ увлеклась. Ея зеленоватые глаза, казалось, гипнотизировали слушателей. Старая лэди оставила вязанье; Джеми весь какъ-то вытянулся и подался впередъ, жадно слѣдя за каждымъ словомъ вдохновенной проповѣдницы; Грэсъ забилась въ уголъ дивана, свернулась клубочкомъ и тщетно пыталась стряхнуть съ себя какія-то, уже знакомыя, непонятныя чары... „Змѣя?“—мелькало у нея въ головѣ, и недавній сонъ такъ ярко вспоминался...

— Всемогущъ, вездѣсущъ, всевѣдущъ! — восклицала Мэджъ. — Вѣдь, это — Богъ! Это — Его свойства!

— Дитя, дитя!..—остановила ее мистрисъ Старфордъ.—Вы забыли главное — справедливость, милосердіе и благость...

Мэджъ словно опомнилась и нервно разсмѣялась.

— Конечно, тетя,—заговорила она своимъ обычнымъ мягкимъ тономъ,—я виновата, я упомянула

Digitized by Google

лишь тѣ Его свойства, къ достиженію которыхъ стремятся и слуги „князя міра сего“... Вы правы... Но націи, къ сожалѣнію, не такъ ужъ твердо слѣдуютъ евангельскимъ завѣтамъ, и вожди ихъ больше всего полагаются на силу... Вѣдь Фаустъ спасся-же, употребивъ на добрыя дѣла ту власть, которая была ему дана Сатаною!.. Обладая этой властью, кого-же еще бояться на землѣ?..

— Бога, дитя мое, Бога...

— Недаромъ Бисмаркъ заявилъ, что нѣмцы боятся только Бога!—прозвенѣлъ въ полутьмѣ прерывающійся голосокъ Грэсъ.—Можетъ быть уже въ то время вашъ великій канцлеръ предвидѣлъ возможность союза съ Сатаной!

— Грэсъ, вы больны?..

— Грэсъ, что съ вами?..

— Оставьте! оставьте!—Я такъ люблю ее, и именно за ея ненависть къ Германіи, которая смѣетъ мечтать о будущей (и какой отдаленной) борьбѣ съ Англіей за владычество надъ морями... Вѣдь и во мнѣ течетъ кровь Макъ-Стона, которому за его боевыя заслуги нашъ кланъ присудилъ добавку „Hard“ къ родовому имени!.. Не знаю, можетъ быть, меня назвали бы измѣнницей моей новой родинѣ, но если бы наша старая Англія сдѣлалась царицей не только морей, но міра,—я первая крикнула бы:—„Rule, Britania“ хотя бы... надъ Германіей!.. Нѣтъ,—англійскую кровь ничѣмъ нельзя разбавить! И если дядя Джорджъ, дѣйствительно, нашелъ этотъ „generator“...

— Что? что?—крикнулъ Джеми, срываясь съ мѣста.—Тамъ знаютъ...

Digitized by Google

Старинный, краснаго дерева столикъ-подставка, опрокинутый его рѣзкимъ движеніемъ, покатился по полу; запрыгали, зазвенѣли черепки разбитыхъ фарфоровыхъ чашекъ и статуэтокъ.

Мистрисъ Старфордъ выронила вязанье изъ рукъ.

— Что вы надѣлали? Можно-ли быть такимъ неловкимъ?—сокрушалась Грэсъ.—Мой любимый китайскій болванчикъ...

— Мама... простите и не ужасайтесь... Я все это достану вамъ въ первомъ же плаваніи... разыщу, хоть на днѣ морскомъ!..—вторилъ ей Джеми, ползая по полу и собирая осколки...

И никто въ этомъ переполохѣ не оглянулся на статсъ-даму императорскаго и королевскаго двора, которая тоже поднялась со своего мѣста; никто не замѣтилъ какой радостью засвѣтились ея зеленые (кошачьи или змѣиные?) глаза; никто не разслышалъ ея торжествующаго шопота — „значитъ я не ошиблась!“

III.

По вѣрному слѣду.

Жизнь въ уютномъ домикѣ на Церковной улицѣ Дургэма текла, со стороны глядя, полная тишины и мира.

По заведенному обычаю, тотчасъ послѣ брэкфаста старая лэди отправлялась навѣстить больныхъ и бѣдныхъ своего участка. Грэсъ неизмѣнно ей сопутствовала. Мэджъ крайне охотно вступила въ комитетъ

Digitized by Google

дамъ-благотворительницъ, но рѣшительно отвергла предложеніе „помогать“.

— Если мы будемъ являться втроемъ,—ваши бѣдные въ правѣ будутъ восклицать, пародируя Калхаса, „qu'il y a trop des bienfaitrices!“ — Нѣтъ! дайте мнѣ „моихъ“, за которыми я и буду смотрѣть!

Джеми попытался было предложить свои услуги кузинѣ, которая, можетъ быть, за время долгаго отсутствія забыла закоулки Дургэма и не найдетъ лачужекъ, гдѣ ждутъ ея прибытія, какъ „луча солнца“,— но былъ немедленно остановленъ въ своихъ покушеніяхъ энергичнымъ, слегка насмѣшливымъ заявленіемъ, что „даже въ такой сантиментальной странѣ, какъ Германія, за лейтенантомъ, навѣщающимъ бѣдныхъ, ходили бы толпы уличнаго сброда, и никакой дуракъ не повѣрилъ бы, что онъ занимается этимъ дѣломъ безкорыстно“...

— А я вовсе не желаю, чтобы здѣшніе добрые фермеры, хоть на мгновеніе, заподозрили моего вѣрнаго рыцаря въ корыстныхъ намѣреніяхъ! — такъ весело и непринужденно смѣялась она, что ему не оставалось ничего другого, какъ покориться.

Мистрисъ Старфордъ не могла налюбоваться сыномъ, который и выросъ и возмужалъ. Ей, воспитанной въ строгихъ пуританскихъ нравахъ прямыхъ потомковъ дружинниковъ Кромвеля, ей и въ голову не приходило обращать вниманія на взгляды, которыми обмѣнивались между собою ея сынъ и ея племянница. Молодежь такъ рада свидѣться другъ съ другомъ послѣ долгой разлуки! Пусть счастливы! Пусть смѣются! Зато Грэсъ все видѣла. Она пробовала

Digitized by Google

стыдить сама себя; она говорила себѣ, что глупо, что нелѣпо ревновать кузину къ брату, но не могла освободиться отъ чувства глухой непріязни къ „этой нѣмкѣ“, ставшей ей поперекъ дороги...

Почему „эта нѣмка“, прожужжавшая ей уши „своимъ“ Вильгельмомъ, вдругъ только и твердитъ, что о любви къ „нашей старой Англіи?“ — Что случилось?—Грэсъ инстинктомъ чувствовала, что это не спроста... Она ей не вѣрила!.. Ну...—хотя бы корреспонденція!—Вѣдь ужъ всѣ въ домѣ знаютъ, что около 8 ч. утра приходитъ почтальонъ, котораго собаки встрѣчаютъ, какъ добраго знакомаго, вручаетъ письма, газеты и журналы старому Вилли, который аккуратно раскладываетъ ихъ на столикѣ въ прихожей, и взамѣнъ сдаетъ ему, съ того-же столика собранныя, письма обывателей дома, готовыя къ отправкѣ... А вотъ Мэджъ всегда сама (должно быть во время утренней прогулки) бросаетъ свои письма въ почтовый ящикъ... Почему?.. она, кажется, много пишетъ, часто по ночамъ (это видно по свѣту въ ея комнатѣ), но что? — письма или дневникъ? или какой-нибудь романъ?.. и всегда такъ торопится первой сойти внизъ, чтобы никто не успѣлъ раньше нея взглянуть на почтовый столикъ... Порою Грэсъ такъ хотѣлось бы спросить стараго Вилли: много-ли писемъ получаетъ кузина? или сбѣжать внизъ раньше ея и просмотрѣть корреспонденцію, но она всегда, даже наединѣ сама съ собою, густо краснѣла при одной мысли о такомъ поступкѣ — вѣдь это значило бы „шпіонить“ за гостьей!..—А Джеми, ея милый Джеми!—онъ замѣтно уходилъ отъ нея все дальше и дальше...

Digitized by Google

Вначалѣ, они всѣ втроемъ возобновили свои предобѣденныя прогулки по склонамъ дургэмскаго холма, по, такъ называемымъ, козьимъ тропинкамъ среди кустовъ вереска, гдѣ надо было знать „въ лицо“ каждый камешекъ, на который можно смѣло опереться ногой... Потомъ... она замѣтила, что... она имъ мѣшаетъ... Она стала чаще и чаще присаживаться на какомъ-нибудь поворотѣ, отговариваясь усталостью, а они уходили впередъ, звали ее за собой, но (такъ ей казалось) не слишкомъ настойчиво... Иногда она вовсе отказывалась отъ участія въ прогулкѣ подъ предлогомъ головной боли, или хлопотъ по хозяйству, и опять таки (такъ ей казалось) они не слишкомъ настаивали и... уходили одни... Это было не только обидно, но и... тревожно,—а почему?—уяснить этого она не могла, но какъ-то такъ чувствовалось...

Мэджъ вздрогнула. Среди писемъ, лежавшихъ на столикѣ въ передней, ея зоркій глазъ сразу же замѣтилъ одно со штемпелемъ „Бальмораль“, съ адресомъ, написаннымъ такимъ размашистымъ, крючковатымъ почеркомъ, котораго нельзя было не признать, хоть разъ его видѣвъ, тѣмъ самымъ почеркомъ дяди Джорджа, за которымъ издавна утвердилось названіе „арабской грамоты“...

Должно быть, что въ этотъ день программа ея „визитаціи“ была необычно краткой, и едва-ли не черезъ полчаса она уже вернулась домой.

— Джеми!

Молодой лейтенантъ, надписывавшій адресъ на

Digitized by Google

только что запечатанномъ конвертѣ, поспѣшно прикрылъ его рукой и обернулся къ открытому окну въ садъ. Оттуда, словно изъ рамки, вся въ яркихъ лучахъ весенняго солнца, въ ореолѣ золотисто-рыжеватыхъ волосъ глядѣла на него очаровательная головка кузины.

— Чѣмъ вы заняты? Что за секреты? Oh-la-la! Неужели—посланіе къ милой? Уже?

— Какъ вы можете думать...—смущенно заговорилъ онъ, не имѣя силы оторваться отъ этихъ зеленоватыхъ, мерцающихъ глазъ. — Просто дѣловое письмо, самое обыкновенное, дѣловое письмо...

— Въ самомъ дѣлѣ? Не буду спорить,—отозвалась она дѣлано-небрежнымъ тономъ.

— Вы такъ рано вернулись...—попытался Джеми прервать наступившее молчаніе.

— Да, да... мнѣ положительно не везетъ на больныхъ и бѣдныхъ, которые поручаются моему вниманію—либо выздоравливаютъ, либо богатѣютъ!

— Это потому, что вы всюду приносите съ собой счастье!..

— Ай, ай!—воскликнула Мэджъ, зажимая уши.— Джеми! Пощадите! Я довольно наслушалась подобныхъ изреченій отъ сантиментальныхъ поручиковъ и даже капитановъ германской арміи! Неужели и вы способны умолять меня пройтись подъ руку съ вами вечеромъ по дорожкѣ сада, чтобы „вдыхать ароматъ лучей луны, пронизывающихъ мои волосы и скользящихъ по складкамъ моего платья?“ Нѣтъ! нѣтъ! Никогда не повѣрю!

— И совершенно напрасно, — сдержаннымъ голо-

Digitized by Google

сомъ заговорилъ онъ, перегибаясь черезъ подоконникъ...

— Вы? мой старый морской волкъ?

— Да, я—вашъ старый морской волкъ. На материкахъ уже нѣтъ мѣста сказкамъ, умерли богини и нимфы, только старые, настоящіе, не такіе, какъ я, морскіе волки еще разсказываютъ легенды о сиренахъ... и, слушая ихъ, я все мечталъ, бродя по океанамъ, не найду ли мою сирену, мою очаровательницу...

— И... не нашли?..

— Говорятъ, что часто... долгіе годы поисковъ въ морѣ, среди лишеній, трудовъ и опасностей оказываются безплодными... и вдругъ въ тихой гавани она сама васъ встрѣчаетъ... вѣдь счастье капризно...

Онъ такъ близко наклонился къ ней, что могъ бы „вдыхать ароматъ солнечныхъ лучей, пронизывавшихъ ея волосы“...

Зеленый туманъ окуталъ его, или чьи-то зеленые глаза такъ близко мелькнули передъ его глазами, или, можетъ быть, подогнулась рука, опиравшаяся на подоконникъ?..

Туманъ разсѣялся. Въ саду близко, но все же шагахъ въ двухъ отъ окна, стояла Мэджъ, укоризненно качавшая головкой и оправлявшая прическу.

— Джеми, это—глупо! Этого—я не ожидала!.. Если бы тетя, съ ея пуританскими взглядами...

— Вздоръ!—перебилъ Джеми, ловко соскакивая съ подоконника въ садъ.—Мама была бы очень довольна и сказала бы, что, наконецъ-то, они ведутъ себя, какъ друзья дѣтства...

Digitized by Google

— Stop, old chap!—Я шла по дѣлу—надо бросить письмо въ почтовый ящикъ...

— Пойдемте вмѣстѣ!

— Совершенно излишне! — Можете возвращаться къ себѣ и заняться вновь вашей таинственной корреспонденціей.

— Но я уже кончилъ! Мнѣ тоже надо бросить письмо въ почтовый ящикъ!

— Тогда... пожалуй...

Они шли быстро, неровнымъ шагомъ, словно въ перегонку, по пустынной улицѣ, залитой яркими лучами весенняго солнца; мѣстами еще не просохли лужи (слѣды ночной непогоды). Было (или казалось, что было?) тѣсно. И всякій разъ, когда ея плечо касалось его плеча, онъ чувствовалъ себя счастливымъ и на притворно негодующій возгласъ „Джеми“!— отвѣчалъ восторженнымъ взглядомъ...

А вотъ и почтовый ящикъ.

— Ну, гдѣ же ваше письмо?

Джеми, внезапно сдѣлавшійся серьезнымъ, вынулъ его изъ бокового кармана и собирался опустить въ прорѣзъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! Мое раньше! — крикнула Мэджъ, шаловливо отталкивая его руку.

Джеми не успѣлъ уступить дамѣ, или Мэджъ слишкомъ поторопилась, но только письмо ея упало не въ ящикъ, а на тротуаръ.

Оба наклонились, чтобы поднять его, и при этомъ движеніи, почти вплотную къ ея лицу, оказался кон-

Digitized by Google

вертъ, который онъ держалъ въ рукѣ, на которомъ было написано: „Эдинбургъ, R. B. R. T. W“. и „до востребованія“...

— Право, мнѣ кажется, что солнце старой Англіи молодитъ меня на десять лѣтъ и я держу себя, какъ дѣвчонка въ короткомъ платьѣ!—говорила Мэджъ на обратномъ пути домой, заставляя своего кавалера съ ней вмѣстѣ прыгать черезъ лужи, необычно оживленная и разрумянившаяся. — Воображаю, если бы меня могли увидѣть изъ Потсдама наши почтенныя старушки!

И Джеми, не имѣвшій ни малѣйшаго представленія о потсдамскихъ старушкахъ и никогда ими не интересовавшійся, отъ души вторилъ ея задорному, дѣтскому смѣху.

„Ich liebe dich“..

Они рѣшили до времени никому не довѣрять своей тайны.

Конечно, она будетъ хлопотать о разводѣ, но вѣдь свадьба ихъ можетъ состояться лишь послѣ того, какъ осуществятся планы дяди Джорджа и короля Эдуарда, которыхъ никто не знаетъ, а до того надо молчать и ждать.

Что касается Джеми, то онъ былъ бы готовъ отказаться отъ чести вступить въ число членовъ „Ордена Кабаньей Долины“, гроссмейстеромъ котораго, какъ говорили, состоялъ самъ король. Ужъ слишкомъ тяжелъ и суровъ былъ уставъ этого братства, какого

Digitized by Google

не вѣдали ни рыцари храма, ни меченосцы, ни мальтійцы, и за нарушеніе котораго не было другой кары, какъ смерть!..

Всякій, по доброй своей волѣ переступившій линію часовыхъ, сплошнымъ кольцомъ охватывавшихъ Кабанью Долину, клялся: 1) оставаться въ ней, если бы это оказалось нужнымъ, до самой своей смерти; 2) слѣпо исполнять всякое, хотя бы нелѣпое по внѣшности, приказаніе начальника; 3) всякое письмо, отправляемое къ роднымъ или близкимъ людямъ, представлять на цензуру начальника; 4) не только письма, но даже газеты, журналы и книги получать лишь по просмотрѣ ихъ начальникомъ или тѣмъ, кому онъ укажетъ.—За малѣйшее нарушеніе этихъ основныхъ пунктовъ, посвящаемый признавалъ себя заранѣе подлежащимъ лишенію чести и жизни во имя величія и славы Британіи.

— Принять на себя этотъ суровый обѣтъ, отречься отъ міра, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда готовы осуществиться мечты юности, казавшіяся несбыточными, навѣки утраченными?.. когда сердце полно любви, счастья и жажды жизни?.. Возможно ли?..

— Нѣтъ! нѣтъ!.. Джеми! милый Джеми! Это мысли, недостойныя англичанина! Кому какъ не мнѣ, за мою красоту попавшей въ золотую клѣтку придворной жизни, мечтать о счастьѣ, о свободѣ? но и я готова ими жертвовать, готова ждать... долго ждать— во имя величія и славы нашей Старой Англіи!

Послѣднее время они приняли за обычай вести разговоры на нѣмецкомъ языкѣ, и хотя Джеми заявлялъ совершенно откровенно, что его „pigin german"

Digitized by Google

сильно смахиваетъ на то нарѣчіе, которымъ пользуютъ негры южно-африканскихъ колоній Германіи, Мэджъ утверждала, что это скоро пройдетъ, а флотскій офицеръ долженъ свободно владѣть языкомъ возможнаго противника, и потому практика необходима. Это объясненіе было всѣмъ такъ понятно... но, по правдѣ, истинную причину такого пристрастія къ нѣмецкому языку слѣдовало искать глубже.

Однажды „она" сказала „ему":

— Единственное преимущество языка Шиллера передъ языкомъ Шекспира, это...—„Du". Англичане говорятъ „Ты" только Богу, а нѣмцы—всякому близкому или дорогому человѣку, и это даетъ впечатлѣніе такой... жуткой интимности... Du liebst?

А Джеми смѣялся счастливымъ смѣхомъ и повторялъ:

— Конечно, конечно... такъ хорошо—ich liebe dich...

Съ этого и началось...

Была, пожалуй, еще и другая причина: пользуясь нѣмецкимъ языкомъ они могли быть совершенно спокойны, что никто изъ рѣдкихъ прохожихъ, попадавшихся на пути, не подслушаетъ ихъ бесѣды, не дастъ повода къ сплетнямъ.

Лингвисты среди обитателей Дургэма и его предмѣстій были немногочисленны.

IV.

Весенній вечеръ.

Капитанъ Гардстонъ, переписываясь со своимъ племянникомъ, повидимому забылъ внушить ему правило,

Digitized by Google

имъ-же подсказанное самому королю: вовсе ни съ кѣмъ не говорить о тайнѣ, потому что иногда случайно брошенное слово, намекъ, оговорка — уже могутъ дать нить къ разгадкѣ... ,

Вдобавокъ, Мэджъ отъ своихъ германскихъ корреспондентовъ знала едва-ли не больше самого готовившагося къ посвященію. Онъ, конечно, не оспаривалъ того, что было вѣрно, но не могъ не указывать на ошибки, не разувѣрять ее въ тѣхъ преувеличеніяхъ, которымъ, по ея словамъ, склонны были предаваться на континентѣ.

Разъ всѣ знаютъ, то безполезно было бы отрицать, что дядя Джорджъ изобрѣлъ или, вѣрнѣе, случайно натолкнулся на идею своего generator'а, выработалъ соотвѣтственный типъ двигателя, и его воздушные корабли снабжены такимъ запасомъ энергіи, что могутъ держаться въ воздухѣ не часы и не дни, а мѣсяцы! что, обладая чудовищной скоростью, они могутъ смѣло выгребать противъ урагана! Вѣдь ураганъ—это 24 метра въ секунду, а они, при полномъ ходѣ, могутъ развить болѣе 30! Да имъ и нужды не будетъ принимать такія героическія рѣшенія! что имъ стоитъ (при скорости 55 узловъ) сдѣлать небольшой крюкъ въ тысячу миль, чтобы обогнуть непріятное мѣсто? Зато попутнымъ штормомъ они будутъ пользоваться, какъ современные корабли пользуются попутнымъ теченіемъ!.. Предполагать, однако, что это будутъ какіе-то воздушные броненосцы--прямо глупо! Да и къ чему? Вѣдь если тайна будетъ сохранена, если они будутъ единственные въ мірѣ, вѣдь имъ будетъ достаточно нести съ собой, сравнительно, небольшой запасъ бомбъ,

Digitized by Google

бросаемыхъ просто рукой, или черезъ направляющую трубу силой ихъ собственной тяжести... Вѣдь для того, чтобы совершить кругосвѣтное путешествіе по экватору, даже не самымъ полнымъ ходомъ, имъ потребуется всего 18 сутокъ!.. Вѣдь они будутъ почти вездѣсущи!.. Ну, скажемъ: въ Японіи открыто что-то подозрительное. Разслѣдовать и помѣшать; въ случаѣ сопротивленія—смести съ лица земли! И черезъ 5 сутокъ воздушный флотъ, снявшійся со своихъ пристаней въ Шотландіи, уже рѣетъ надъ островами Восходящаго Солнца... Я неправильно выразился—„главныя силы воздушнаго флота“—вотъ какъ слѣдовало бы сказать! Вѣдь будутъ же отряды, патрулирующіе покоренныя царства съ высоты орлинаго полета, и эти отряды немедленно примутъ свои мѣры, какъ только донесенія агентовъ съ земли по безпроволочному телеграфу сообщатъ имъ о готовящемся злоумышленіи... Резервы придется вызывать лишь въ томъ случаѣ, когда окажется, что охрана сплоховала... А знаете-ли, сколько времени, при этой скорости, нужно патрулирующему воздушному кораблю, чтобы пролетѣть надъ всей Японіей, по дугѣ отъ южной оконечности Кіу-Сіу и до 50-й параллели, разграничивающей русскія и японскія владѣнія на Сахалинѣ?—24 часа!..—Ну, что же? Какое начинаніе, какая затѣя могутъ укрыться отъ взоровъ такой воздушной полиціи?..

— Джеми!.. — шептала она, словно зачарованная его мечтой.—Джеми!.. и ты (du bist) одинъ изъ немногихъ посвященныхъ въ тайну?.. Какъ я буду счастлива, какъ я буду гордиться твоей великой, без-

Digitized by Google

смертной, немеркнущей славой!.. Вы, вашъ маленькій кружокъ людей, которыхъ многіе скептики называютъ фанатиками, даже... сумасшедшими! Какими жалкими окажутся они передъ вами! Какъ они будутъ пресмыкаться передъ этой почти божеской силой!.. Нѣтъ!.. Я—не Цуръ-Мюленъ, не Трейлингъ!.. Я—Гардстонъ!.. даже больше... я—просто Стонъ, а „Hard" пусть будетъ мною заслужено!

Джеми слушалъ, и сердце его было готово разорваться отъ счастья.

— My darling, my darling!.. я всегда вѣрилъ, что кровь гуще воды, что ты вернешься къ намъ изъ твоей чопорной Германіи!..

Приближался срокъ снятія официальнаго траура при германскомъ дворѣ; приближался срокъ отъѣзда очаровательной кузины; приближался и срокъ отбытія Джеми въ таинственныя нѣдра Кабаньей Долины. Дядя Джорджъ категорически заявилъ, что, не считая себя въ правѣ вовсе лишать племянника 6-тимѣсячнаго отпуска, заслуженнаго 5-тилѣтнимъ плаваніемъ въ дальнихъ моряхъ, онъ, въ силу государственной надобности, сокращаетъ его до 2-хъ мѣсяцевъ. И больше ни часу.

— Когда-жъ ты вернешься! Когда-жъ „это" сбудется?.. Du... mein Liebchen!.. — говорила она, тѣсно прижимаясь плечомъ къ его плечу.

Они сидѣли рядомъ на выступѣ мощной скалы, которую прикрыли собою мягкіе, зеленѣющіе склоны Дургэмскаго холма, но острые углы которой высовы-

Digitized by Google

вались то тутъ, то тамъ, словно, источенные временемъ обломки костяка до нынѣ сердитаго гиганта, только ждущаго подходящаго момента, чтобы однимъ движеніемъ сбросить съ себя всю эту плѣсенъ.

Далеко, внизу, подъ ними, по чуть намѣчавшейся въ призрачной мглѣ весенняго вечера узкой полоскѣ желѣзнодорожнаго полотна, ползъ (такъ казалось отсюда) длинный поѣздъ; издали окна его сверкали не ярче свѣтляковъ, смѣло зажигавшихъ свои фонарики почти вплотную къ влюбленнымъ и, видимо, вовсе не боявшихся этихъ людей, занятыхъ только другъ другомъ.

Такъ это было похоже на тотъ сладостный весенній вечеръ... Впрочемъ — нѣтъ! Тогда только трепетала и билась въ сердцѣ, какъ птица въ неволѣ, безумная, несбыточная мечта о счастьѣ... а вотъ... теперь... оно здѣсь... подъ руками...

И густые, только что распустившіеся кусты вереска такъ любовно склонялись надъ ними, такъ ревниво берегли отъ чуждаго взора тайну, которую они одни только знали, которая только имъ однимъ была ввѣрена...

— Но если-бъ я могла въ твоихъ письмахъ имѣть хоть строчку, хоть слово, про которое я бы знала, что оно обращено отъ тебя ко мнѣ!.. Понимаешь? — ко мнѣ! ко мнѣ одной!

— Дорогая моя!.. Пока ты несвободна, писать письма прямо тебѣ — вѣдь это... невозможно!.. Какъ быть?..

— Не знаю! не знаю!.. Но, Джеми! хоть строчку, хоть слово!.. Я отказываюсь... да! да! — отрекаюсь

отъ всѣхъ моихъ патріотическихъ тирадъ... Если бы ты могъ остаться со мною!..

— Слово дано. Я ѣду. Нашему слову мы никогда не измѣняли!

— Правда, Джеми! и будь я проклята, если попыталась бы склонить тебя на такой позоръ!.. Но... какъ тяжело!.. Жизнь, счастье... Какое мнѣ дѣло до вашихъ тайнъ, до того, кто будетъ владѣть міромъ! Хотя бы кафры или папуасы! Но ты! ты!.. надолго ли?.. Вѣдь клятва обязываетъ безъ срока, до смерти!

— Въ этомъ случаѣ могу тебя утѣшить—не такъ ужъ долго. Это—я знаю...

— Все-таки годы, долгіе годы...

— Да не убивайся же, радость моя! Совсѣмъ не такъ страшно. Ну годъ—два... Дѣло идетъ полнымъ ходомъ...

— Когда еще вы кончите ваши опыты...

— Никакихъ опытовъ! Все дѣло въ постройкѣ самого флота! Съ опытами давно покончено!..

— Правда?..

— Мэджъ!.. Я и такъ сказалъ слишкомъ много... Не надо...

— Милый, милый... ты могъ бы довѣрить мнѣ всѣ твои тайны и не бояться, что ихъ кто-то „чужой“ подслушалъ... Ну... развѣ я—чужая тебѣ?..

И опять, подъ внезапно налетѣвшимъ, ласкающимъ порывомъ весенняго вѣтра низко склонились кусты только что распустившагося вереска, свято оберегая имъ однимъ ввѣренную тайну...

———

Digitized by Google

— Full speed! Full speed!—торопила его Мэджъ, спускаясь съ холма по головоломной тропинкѣ. — Неужели мы опоздаемъ къ обѣду? Уфъ!—радостно воскликнула она, очутившись на Church street и указывая на часы подъ шпицемъ церкви.—Не опоздали! Нѣтъ еще и половины восьмого! А ты, кажется, совсѣмъ задохнулся?..

— Вовсе нѣтъ... и, знаешь, мнѣ пришла мысль... Въ моихъ письмахъ я буду часто вставлять цитаты изъ Священнаго Писанія (или имитацію подъ нихъ), гдѣ Богу говорятъ „ты", но это ты будешь моимъ богомъ, а потому всѣ эти изреченія будутъ письмами къ тебѣ...

— Джеми!—воскликнула она,—ты—геній, и завтра же я тебя расцѣлую!..

Первая жертва.

Проводы (почему-то) походили на похороны. Грэсъ такъ плакала, что у нея разболѣлась голова, глаза едва смотрѣли, а носикъ распухъ и покраснѣлъ, какъ при злѣйшемъ насморкѣ. Мистрисъ Старфордъ долго крѣпилась, но въ послѣдній моментъ не выдержала и, судорожно прижимая голову сына къ своей груди, тоже расплакалась и какъ-то растерянно шептала: „Неужели навсегда?.. Нѣтъ... не спорьте... Это—предчувствіе... Помните одно и не мучьтесь мыслью обо мнѣ:—„Ради нашей старой Англіи!.." Ей—я васъ уступаю"... Даже зеленые глаза всегда твердой Мэджъ на мгновеніе

Digitized by Google

(только на мгновеніе) подернулись какой-то дымкой... но она тотчасъ-же овладѣла собою.

— Вѣрно, тетя! Вѣрно! Rule, Britania!.. Дорогой кузенъ, примите мои добрыя пожеланія успѣха и мой поцѣлуй... надѣюсь, не послѣдній...

———

Джеми писалъ домой не очень часто, но и не слишкомъ рѣдко, во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ за время плаванія въ дальнихъ моряхъ, при этомъ письма его пріобрѣли какой-то мистическій характеръ. Среди разспросовъ о семейныхъ дѣлахъ и разсказовъ о полумонашескомъ образѣ жизни такъ и пестрѣли тексты изъ св. Писанія, часто такіе, которыхъ старая лэди не только не помнила, но даже и найти не могла въ своей Библіи.

— Для нихъ, пошедшихъ на великій подвигъ, во имя родины отрекшихся отъ прелестей міра,—такъ понятно искать бодрости и утѣшенія въ словахъ божественнаго откровенія... — говорила она. — Я такъ рада за Джеми! Какъ это было бы грустно, если бы онъ свои досуги посвящалъ легкомысленной болтовнѣ за стаканомъ „whisky and soda". Къ святому, чистому дѣлу надо приходить съ чистой душой и съ чистыми руками, иначе—не будетъ на дѣлателѣ благословенія Божія...

Грэсъ недоумѣвала надъ такимъ внезапнымъ „преображеніемъ" брата, который, еще такъ недавно, ужасалъ ее своимъ легкомысленнымъ отношеніемъ къ священнымъ книгамъ, „сочиненнымъ попами, не глупѣе нашихъ", который признавалъ только Евангеліе, да

Digitized by Google

и въ этомъ послѣднемъ многое считалъ чуждымъ основной идеѣ ученія Христа. „Грэсъ, Грэсъ! — говорилъ онъ,—вѣдь они писали много позже, на память! Вотъ если бы Его слова были записаны тогда же стенографистками...“ Но Грэсъ не слушала, затыкала уши, убѣгала и у себя въ комнатѣ горячо молилась, чтобы Богъ не вмѣнилъ въ смертный грѣхъ ея дорогому Джеми этой хулы, сказанной, очевидно, по легкомыслію или, можетъ быть, съ единственной цѣлью подразнить ее...

Зато Мэджъ съ глубочайшимъ вниманіемъ по многу разъ перечитывала эти изреченія, словно стараясь запечатлѣть ихъ въ своей памяти...

— Скоро придетъ царство вѣрныхъ... Если Ты, Господи, внидешь во судъ, то кто же устоитъ?.. Зрѣетъ колосъ и близится жатва. Волною морскою сокрывшій гонителя, мучителя фараона... Левъ Іуды, мечъ Давида, и печать мудрости Соломона... Вездѣ рука Твоя настигнетъ меня, и десница Твоя направитъ меня...—звѣзды Тебѣ повинуются и бездна передъ Тобою трепещетъ... Мечъ принесъ я въ міръ... Ягненокъ будетъ пастись со львомъ... Ибо бремя мое благо и иго мое легко...

Въ этотъ день внезапный приступъ мигрени не позволилъ Грэсъ, какъ обычно, сопутствовать своей матери въ ея утреннемъ „благотворительномъ походѣ“— она лежала на постели, въ своей комнатѣ, стараясь не шевельнуться, въ надеждѣ, что это скоро пройдетъ. Въ самомъ дѣлѣ, стало, какъ будто, легче... Кажется, она задремала... Шумъ выдвигаемыхъ ящиковъ, лег-

Digitized by Google

кихъ быстрыхъ шаговъ въ сосѣдней комнатѣ (въ комнатѣ Мэджъ) разбудилъ ее. Голова уже не болѣла, чувствовалась только усталость, почти оцѣпенѣніе... Съ трудомъ поборовъ его, она все-таки поднялась, рѣшивъ „быть молодцомъ", и пошла къ кузинѣ. Но тамъ никого не было. Видимо Мэджъ заходила только на минутку...

Грэсъ, еще не вполнѣ давая себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, все еще въ туманѣ, подошла къ столу, и ея блуждающій взглядъ упалъ на раскрытый дорожный бюваръ, который всегда былъ запертъ на ключъ, всегда тщательно прятался... Совершенно машинально смотрѣла она на листокъ бумаги, покрытый плотными линіями буквъ, написанныхъ на машинкѣ, какъ вдругъ ее поразила явно англійская фраза: „Rule, Britania, Rule The World!" Какимъ образомъ эта фраза попала въ нѣмецкое письмо? Искренно, или какъ насмѣшка? Она не могла удержаться, чтобы не попробовать прочесть и понять ближайшія строки — нѣмецкій языкъ не былъ ея спеціальностью—но съ первыхъ же разобранныхъ словъ вся кровь хлынула къ ея сердцу...

— ...Колоссальное значеніе... геніальная догадка... „World", а не „Waves..." не адресъ только, но л о з у н г ъ... кое-что уже удалось...

Вся дрожа, съ широко раскрытыми глазами, она судорожно перебирала листокъ за листкомъ и читала:

— ...вспомните, Юдифь... нельзя отступать... помогите рекомендаціей... — развѣ дядя откажетъ протежэ племянника?..—только бы былъ свой человѣкъ...

Наконецъ... вотъ — письмо, вѣрнѣе, записка на клочкѣ бумаги, но писанная не на машинкѣ, а ка-

Digitized by Google

рандашомъ, отъ руки, размашистымъ, готическимъ почеркомъ...

— Нетерпѣливое дитя... никогда нельзя падать духомъ, никогда... ваши... проливаютъ свѣтъ, даютъ нить... незамѣнимо, безцѣнно... тексты изъ Библіи chef d'oeuvre!.. толкованіе верхъ остроумія... Нѣтъ, нѣтъ! къ цѣли, всегда къ цѣли!.. Жанна д'Аркъ не сдѣлала большаго... вамъ-ли нервничать?—Да благословитъ васъ Богъ на трудный подвигъ для блага Германіи...

Подписано:—W. I. R...

Словно во снѣ, не помня себя, она бросилась въ свою комнату, схватила зонтикъ, выбѣжала изъ дому. Какой-то инстинктъ влекъ ее къ крутымъ склонамъ дургэмскаго холма, къ его козьимъ тропинкамъ... ей хотѣлось воздуха, простору... несвязныя мысли вихремъ крутились въ ея головѣ... отрывочныя восклицанія— „Боже! Позоръ!.. Дядя!.. Несчастье!.. Джеми!..“ — срывались съ ея губъ...

И вдругъ онѣ встрѣтились.

— Грэсъ! дорогая моя! Куда вы мчитесь, сломя голову?

— Куда? Прочь отъ васъ! Змѣя! Змѣя!

— Что съ вами?..

— А! такъ вы еще смѣете отпираться?.. Прочь отсюда! Прочь! Прочь! Сегодня-же!.. Не позорьте нашего дома!.. Вѣдь только... въ память отца, въ память дѣда, который былъ и вашимъ дѣдомъ... только ради добраго имени предковъ я не отдаю васъ въ руки полиціи!..

— Грэсъ! Вы съ ума сошли!..

Digitized by Google

— Нѣтъ! Нѣтъ! Я въ здравомъ умѣ!.. Вы „геніально“ догадались, что значитъ: R. B. R. T. W.— А я... я вѣдь тоже догадалась, что значитъ W. I. R. — Wilhelm Imperator Rex!.. — А!.. вы блѣднѣете?.. это пугаетъ васъ?..

Онѣ стояли, эти двѣ женщины, лицомъ къ лицу на узкой тропинкѣ, извивавшейся надъ крутымъ обрывомъ...

— Надо было бы надежнѣе прятать свою корреспонденцію!.. Не забывать на столѣ документовъ!..—выкрикивала Грэсъ, и каждое ея слово падало, какъ ударъ хлыста...

Но добрый скакунъ хлыста не терпитъ...

— Такъ вы рылись въ моихъ бумагахъ? Унизились до шпіонства?

— Нѣтъ! я изобличила шпіона!

— Что?!.

Ее хоронили въ воскресенье.

Дядя Джорджъ допустилъ великое нарушеніе устава братства: онъ прибылъ на похороны не одинъ, но въ сопровожденіи Джеми, который былъ первымъ человѣкомъ, получившимъ право покинуть на время Кабанью Долину раньше, чѣмъ ея тайна перестала быть тайной.

Несмотря на всю спѣшность (дядя Джорджъ, извѣстный педантъ, не рѣшился вывезти племянника, не получивъ, чисто формальнаго, королевскаго разрѣшенія), они вошли въ церковь уже къ концу заупокойной службы, когда старый пасторъ заканчивалъ свою проповѣдь.

Digitized by Google

— ...Душа ея была, какъ цвѣтокъ, безпечно глядѣвшій въ бездну, а къ небу возсылавшій свое благоуханіе... Друзья мои! Всѣ вы такъ любили ее, всѣ звали ее свѣтлымъ лучемъ, проникающимъ въ бездну страданія... И вотъ — сама она пала въ бездну и... умерла... Но смерть ея не скорбь смерти, а радость воскресенія!,. Неисповѣдимы пути Божіи!.. и если Онъ, Всеблагій, призываетъ къ себѣ чистыя души для пополненія сонма ангеловъ—не возропщемъ, не будемъ плакать, но возрадуемся! Это намъ, грѣшнымъ и слабымъ, кажется, что лучше было бы молодой жизни цвѣсти среди насъ и радовать насъ своимъ сіяніемъ... Но Ему, Всевѣдущему, лучше знать, нежели намъ... Если бы духъ ея не завершилъ уже во всей полнотѣ пути совершенствованія въ скорбной земной жизни, развѣ Онъ допустилъ бы, чтобы отъ невѣрнаго шага, отъ камня, не устоявшаго подъ ногой ея, она бы низверглась со скалы, разбилась на смерть?.. Нѣтъ!.. Или забыты вами боговдохновенныя слова псалмопѣвца—„Звѣзды Тебѣ повинуются, и бездна предъ Тобою трепещетъ!“

— Ну, вотъ!.. я такъ и думалъ, то-есть я никакъ этого не думалъ... я надѣялся, что не будетъ... что нельзя-же... — бормоталъ дядя Джорджъ, порывисто шагая по комнатѣ своей племянницы.

Въ комнатѣ былъ полный безпорядокъ; стояли раскрытые сундуки и чемоданы, въ которые наскоро было что-то набросано,—видимо, готовились къ спѣшному отъѣзду...

— Дядя! милый дядя! — молила она.—Я не могу!

Digitized by Google

Поймите, пе могу! Грэсъ... здѣсь... рядомъ... годы дѣтства... а теперь!..

Она даже не успѣла снять шляпки и путалась въ длинномъ креповомъ вуалѣ.

— Вздоръ! Вздоръ! — дѣланно-сердитымъ тономъ возражалъ тотъ.—Ну, если-бы она сорвалась съ берега въ воду, вы могли бы упрекать себя, что не бросились за ней, но тутъ... это ужасно... вотъ и все!.. Возьмите себя въ руки, подумайте о моей сестрѣ—вашей теткѣ—вѣдь это полуживой человѣкъ... чтобъ не сказать полумертвый!

— Дядя!..

— Нѣтъ! Слушать не хочу! Вы должны оставаться! Напишите вашему мужу—не бревно—пойметъ!.. Да... будь прокляты мои глаза! Или вы не дочь моей сестры Модъ, и въ васъ не течетъ кровь Гардстоновъ?! Тысяча чертей!.. Мы, я и Джеми, уѣзжаемъ сегодня же—такъ велитъ долгъ передъ родиной!—А вы тоже? Бросите убитую горемъ старуху на попеченіе прислуги? Да нѣтъ! Быть этого не можетъ!

Она осталась...

V.

«Coup de maitre».

Завѣса надъ тайной Кабаньей Долины замѣтно колебалась.

Несмотря на всю выдержку англійской печати въ дѣлахъ такого рода, то тутъ, то тамъ появлялись перепечатки изъ континентальныхъ газетъ.

Digitized by Google

Какъ знать? — возможно, что тутъ дѣйствовала чья-то рука, или, какъ говорили во Франціи, — la charge de cavalerie de St.-George *)...

Такъ или иначе, страсти разгорались. — Упоминалось (даже приводились подсчеты) о милліонахъ фунтовъ, выброшенныхъ на какую-то затѣю, о сути которой до сихъ поръ упорно молчатъ (можетъ быть, потому, что стыдно признаться въ ребяческомъ увлеченіи?), намекали на то, что, кому по средствамъ, можетъ чудить, какъ ему вздумается, но тратить на причуды деньги, добытыя пòтомъ и кровью народа, никто не имѣетъ права; что прошло около двухъ лѣтъ со времени учрежденія „Долины Тайнъ" (такъ окрестили Кабанью Долину), а до сихъ поръ ни въ палатѣ лордовъ, ни въ палатѣ общинъ никто изъ членовъ правительства и словомъ не обмолвился о томъ, въ какую бездну проваливаются чрезвычайные кредиты...

Особенное недовольство вызвало послѣднее распоряженіе: всю огромную котловину, замкнутую съ сѣвера массивомъ горы Бен-Мак-Дьюи, обнести изгородью изъ колючей проволоки, протянувъ ее по внѣшнему склону окрестныхъ возвышенностей такъ, чтобы даже часовые и тѣ не могли бы заглянуть въ „Долину Тайнъ"... Для несенія этой безпримѣрной караульной службы, при которой посты были расположены на дистанціи 10 шаговъ другъ отъ друга, а въ непогоду вдвое чаще, — было назначено двѣ дивизіи Гайлен-

*) Фунтъ стерлинговъ—англійская золотая монета—имѣетъ на лицевой сторонѣ изображеніе Св. Георгія, поражающаго дракона.

Digitized by Google

деровъ, по началу покорно принявшихъ странное назначеніе, а теперь, подъ вліяніемъ пропаганды, начавшихъ открыто роптать...

Кромѣ постройки изгороди изъ колючей проволоки, требовалось еще устройство электрической сигнализаціи и несчетнаго числа духовыхъ фонарей (при каждомъ часовомъ), которые загорались бы по тревогѣ или автоматически при всякой попыткѣ пробраться сквозь изгородь или перелѣзть черезъ нее...

Все это стоило чудовищныхъ денегъ, и немудрено, если оппозиція рѣшилась, наконецъ, выступить съ запросомъ.

Какъ водится, въ первую голову былъ выпущенъ не первый, но все же одинъ изъ выдающихся ораторовъ. Онъ достаточно зло характеризовалъ ту смуту, то волненіе умовъ, которое вызываетъ не только въ Европѣ, но и во всемъ свѣтѣ „Долина Тайнъ", и особенно подчеркнулъ то обстоятельство, что не выдержала и громко высказала свое негодованіе сама, первая въ мірѣ по своей корректности, англійская печать, столь охотно бьющая тревогу по поводу недостаточности ассигнованій на флотъ и армію, всегда поддерживавшая правительство во всѣхъ его начинаніяхъ, клонящихся къ увеличенію военной мощи Соединеннаго Королевства, а нынѣ — протестующая, требующая отчета въ суммахъ, израсходованныхъ на осуществленіе какой-то мечты, можетъ быть, неосуществимой... Пусть тайна остается тайной, но народъ, стонущій подъ бременемъ налоговъ, въ правѣ спросить: — Куда идутъ его гроши, добытые потомъ и кровью? Что сдѣлано уже, и на что надѣются въ бу-

Digitized by Google

дущемъ?—Вѣдь и алхимики, въ поискахъ за философскимъ камнемъ, тратили бѣшеныя суммы, разорялись сами и разоряли правителей, жертвовавшихъ для производства ихъ опытовъ народнымъ достояніемъ!..

— Не возвратились же мы къ темному царству среднихъ вѣковъ! Свѣту! Хоть немного свѣту въ этомъ темномъ дѣлѣ! — закончилъ онъ, спускаясь съ трибуны.

— Посмотримъ, какъ-то они вывернутся! — промолвилъ нѣмецкій дипломатъ, склонившись къ своему сосѣду, французу. — Отмолчаться какъ будто бы не удастся!

Сосѣдъ сдержанно разсмѣялся.

— Вы не надѣетесь?—спросилъ нѣмецъ.

— Нѣтъ, не то!.. я подумалъ: кому бы пришло въ голову, два года тому назадъ, сказать — у насъ или у васъ—„Нѣтъ больше Вогезовъ!“—а вотъ теперь мы—союзники...

— Союзники передъ общимъ врагомъ...

— Тсс... тсс...—раздалось кругомъ.

На трибуну поднимался военный министръ.

— Господа!—заговорилъ онъ,—тайна, извѣстная двумъ лицамъ, уже не тайна. Я самъ знаю не многимъ больше вашего. Я только исполнитель получаемыхъ мною приказаній. Я вѣрю и васъ прошу вѣрить, что все дѣлается для блага и величія Соединеннаго Королевства.

Глухой ропотъ негодованія, какъ шквалъ передъ бурей, пробѣжалъ по скамьямъ депутатовъ, отозвался въ переполненныхъ ложахъ и мѣстахъ для публики...

— Et ça va!—не утерпѣлъ французъ.

Digitized by Google

— Et ça ira!—поддержалъ его нѣмецъ.

Выступленіе лидера опозиціи было встрѣчено громомъ аплодисментовъ.

Но... тутъ произошло событіе, которому во всей исторіи Англіи не было прецедентовъ...

Не успѣлъ еще лордъ Блэккюрентъ начать рѣчь, какъ предсѣдатель, кинувъ ему отрывистое — „Silence!"—поспѣшно оставилъ свое мѣсто и, низко склонивъ голову, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ боковой двери, откуда только что появился... Эдуардъ VII...

Пожилой gentleman тѣмъ же размѣреннымъ, спокойнымъ шагомъ, какимъ совершалъ свои обычныя, ежедневныя прогулки въ паркѣ, вышелъ впередъ и заговорилъ:

— Господа! Военный министръ сказалъ вамъ немного, но и я не скажу вамъ бóльшаго... (Движеніе). Вы, народные представители, требуете отчета въ израсходованіи народныхъ денегъ. — Я не дамъ вамъ этого отчета... (Сильное движеніе, даже ропотъ). Каждый изъ васъ къ чему-нибудь стремится, а мнѣ желать нечего, я—король Англіи! Единственное доступное мнѣ тщеславіе—видѣть ее великой и ея народы—благоденствующими!.. — Вы, представители этого народа, говорите, что на плечи его возложено непосильное бремя, и что виною тому непонятные, ничѣмъ неоправдываемые расходы на „Долину Тайнъ?..." И все-таки тайны ея я вамъ не открою!...—Расходы?—Чтобы снять бремя ихъ съ плательщиковъ налоговъ, я принимаю ихъ на себя!.. — Мало? — туда же всѣ средства моей семьи!—И того не хватитъ?—надѣюсь,

Digitized by Google

что благородные лорды и уважаемые дѣятели Сити придутъ мнѣ на помощь, повѣрятъ въ долгъ на-слово!.. — Но дѣло не въ деньгахъ, и не за тѣмъ я пришелъ къ вамъ!.. — Я прошу вашего довѣрія!.. — Сэръ!—закончилъ онъ, обращаясь къ предсѣдателю,— исполните вашу обязанность!

Блѣдный, какъ полотно, но вполнѣ овладѣвшій собою, предсѣдатель провозгласилъ:

— Вотируется довѣріе Эдуарду VII, королю Англіи, Шотландіи и Ирландіи, императору Индіи!.. Несогласныхъ прошу сѣсть!..—онъ обвелъ глазами, торжественные въ ихъ безмолвіи, ряды депутатовъ и закончилъ: — Принято единогласно!..

Эдуардъ VII слегка поклонился, сдѣлалъ привѣтственный жестъ рукой и тѣмъ же увѣреннымъ, спокойнымъ шагомъ, высоко поднявъ голову, направился къ выходу.

Никогда еще стѣны стараго аббатства не видали такой бури!..

— Voilà un coup de maître!—восторженно воскликнулъ французъ, забывъ всю свою дипломатическую выдержку...

— А наша кампанія въ самой Англіи безнадежно проиграна! — сердито прервалъ его нѣмецъ. — Теперь уже не наладишь ни за какія деньги!.. Попробуемъ иначе...

Онъ былъ правъ. — Уже вечернія газеты пестрѣли заголовками—„Король въ парламентѣ“.

На слѣдующее утро — былъ апофеозъ. — Изъ устъ

Digitized by Google

въ уста передавалось крылатое изреченіе лордъ-мэра—„Джентльмену на слово? — сколько угодно!“ — и ужъ къ полдню англійскій банкъ записалъ десятки милліоновъ фунтовъ вкладовъ подъ девизомъ—„Эдуарду, на-слово“.

Всемірная коалиція.

Да! дѣйствовать приходилось иначе и, притомъ, немедля!

Какъ ни широко были раскинуты сторожевые посты, опоясывавшіе котловину, замкнутую съ сѣвера вершиной Бен-Мак-Дьюи, они могли уберечь отъ нескромнаго взгляда лишь глубину „Долины Тайнъ“, а небо надъ нею оставалось доступнымъ для наблюденій:—нельзя же было обезлюдить страну на десятки миль въ окружности! — Конечно, можно было бы воспретить употребленіе зрительныхъ трубъ и биноклей въ извѣстномъ раіонѣ, но... запретить легко, а какъ провести въ жизнь такое запрещеніе?..

Съ цѣлью хотя бы затруднить дѣятельность астрономовъ-любителей, подъемы воздушныхъ кораблей производились исключительно по ночамъ и притомъ, по возможности, въ темныя, безлунныя ночи. — Тѣмъ не менѣе, при большомъ числѣ наблюдателей, трудами опытныхъ людей, сводившихъ въ одно цѣлое получаемыя отъ нихъ свѣдѣнія, возсоздавалась понемногу картина будущаго, картина характера весьма угрожающаго.—Сначала разсказывали лишь о томъ, какъ воздушныя чудовища рѣютъ надъ долиной, то несясь съ неимовѣрной скоростью, то, паря въ воздухѣ, собираясь въ

Digitized by Google

группы... Потомъ пошли вѣсти еще болѣе тревожныя— утверждали, что, взвившись къ небу, они исчезали и не возвращались къ утру, и что ихъ отсутствіе измѣрялось не часами, а днями, даже недѣлями... Были нѣкоторые намеки на то, что на континентѣ знали даже больше, чѣмъ могли бы сообщить непосредственные наблюдатели...

Это послѣднее обстоятельство особенно тревожило капитана Гардстона, который, чаще обыкновеннаго, являлся къ королю и совѣщался съ нимъ—какъ всегда, съ глазу на глазъ—въ центрѣ обширнаго граунда Уиндзорскаго парка.—О чемъ они говорили—оставалось тайной.

Но не дремали и тѣ, что признавали необходимымъ „дѣйствовать иначе".

Повидимому, карты были брошены на столъ. Игра пошла въ открытую. Застрѣльщиками выступили континентальные газеты и журналы (очевидно руководимые и субсидируемые), которые, оставивъ намеки и притчи, заговорили о „міровомъ заговорѣ", о замыслѣ Британіи сдѣлаться не только владычицей морей, но владычицей міра, пользуясь новой, всесокрушающей силой, секретъ которой случайно попалъ въ ея руки, и при посредствѣ которой она стремится создать „монополію могущества"...

Печать, эта новая великая держава, шумѣла и возмущалась, а дипломаты, въ тиши своихъ кабинетовъ, писали ноты, или договаривались лично при „совершенно случайныхъ" встрѣчахъ на водахъ или морскихъ купаньяхъ... Въ результатѣ, въ германскихъ газетахъ появилось воззваніе, которое стоустой молвой

Digitized by Google

приписывалось перу самого императора Вильгельма.— Это воззваніе, переведенное на всѣ языки, было перепечатано въ самыхъ глухихъ уголкахъ міра и всюду, даже въ Китаѣ, даже въ мелкихъ республикахъ Южной Америки и въ еще формирующихся государствахъ Африки, нашло горячій откликъ.

Вотъ текстъ его:

НАЦІИ ВСЕГО МІРА, ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ!

— Величайшіе умы нашего вѣка не могутъ разрѣшить проблемы, на рѣшеніе которой случайно наткнулся офицеръ британскаго флота. Если бы „generator“ не сдѣлался военной тайной британскаго правительства, какіе безпредѣльные горизонты были бы намъ открыты! Владѣть воздухомъ! — Миѳъ объ Икарѣ—сказка, ставшая дѣйствительностью!—Ни моря, ни безводныя пустыни, ни цѣпи горъ, дремлющихъ подъ шапками вѣчныхъ снѣговъ, не разъединяли бы между собою нынѣ разобщенныя группы человѣчества. Человѣкъ—царь воздуха—былъ бы, какъ воздухъ, свободенъ! Но намъ не дано права воспользоваться всѣми неисчислимыми благами, которыя несетъ съ собою открытіе generator'а!—Англія объявила его своей привиллегіей!—Съ какой цѣлью? Только съ коммерческой?— О! конечно, съ коммерческой, но въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова!—Превратившись изъ „Владычицы морей“ въ „Царицу воздуха“, она сдѣлается „Царицей міра“ и мы, всѣ, донынѣ свободныя, націи, насчитывающія тысячи лѣтъ упорнаго труда, мирной и кровавой борьбы за право жить и быть самими собою,—мы станемъ ея рабами!

Digitized by Google

Противъ этого грознаго призрака, противъ этой всемірной тираніи—

НАЦІИ ВСЕГО МІРА, ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ!

———

Такъ писали, такъ шумѣли газеты... А въ тиши дипломатическихъ кабинетовъ уже создавался планъ всемірной коалиціи, ставящей своей цѣлью принудить Англію (хотя бы открытой силой, если нельзя иначе) подѣлиться съ міромъ великимъ открытіемъ...

Надо-ли говорить о томъ впечатлѣніи, которое вся эта кампанія вызвала среди гражданъ Соединеннаго Королевства? — Это было какое-то умопомѣшательство!—Не представители народа, а весь народъ вотировалъ довѣріе королю въ осуществленіи его грандіозныхъ плановъ...

Разсказывали, что какая-то нищенка явилась въ англійскій банкъ и требовала, чтобы отъ нея приняли вкладъ—какихъ-то 9 пенсовъ—„Эдуарду на-слово"...

Гвардейскіе полки просили, какъ милости, послать ихъ на охрану „Долины Тайнъ", если „этимъ гайлендерамъ" ихъ служба кажется тяжелой, а „эти гайлендеры", недавно почти открыто роптавшіе, заявляли, что не остановятся передъ братоубійственной распрей, огнемъ и мечомъ встрѣтятъ дерзкихъ, которые попытаются смѣнить ихъ на почетномъ посту...

Въ то же время дипломаты все писали свои весьма секретныя бумаги, встрѣчались „случайно" на водахъ и на морскихъ купаньяхъ...

Что-то назрѣвало...

Подъ предлогомъ маневровъ или провѣрки канце-

Digitized by Google

лярской работы штабовъ, мобилизовались арміи, формировались эскадры...

Капитанъ Гардстонъ, въ теченіе двухъ лѣтъ лишь изрѣдка заглядывавшій въ Уиндзоръ, такъ рѣдко пользовавшійся своимъ правомъ аудіенціи „въ центрѣ граунда", гдѣ ни одна душа не могла подслушать его разговоровъ съ королемъ,—сдѣлался во дворцѣ обычнымъ гостемъ...

Отнюдь не подавая вида, что придаетъ какое-либо значеніе всѣмъ этимъ слухамъ и сплетнямъ, Англія, подъ тѣми же благовидными предлогами, мобилизовала весь свой флотъ, комплектовала армію, созывала въ учебные сборы полки милиціи... Этихъ послѣднихъ, то-есть милиціонеровъ, особенно трудно было сдержать въ ихъ чрезмѣрномъ рвеніи: шотландцы подавали петицію за петиціей, заявляя, что поголовно становятся въ ряды дѣйствующихъ войскъ, что въ „Долину Тайнъ" врагъ сможетъ проникнуть лишь послѣ того, какъ имъ будетъ уничтожено все населеніе, способное носить оружіе и драться съ непріятелемъ „хотя бы на ножахъ!"

Открытаго выступленія еще не было; разрывъ еще не былъ объявленъ, но онъ чувствовался въ воздухѣ...

Въ этой прелиминарной игрѣ Англіи, какъ казалось, не повезло...

Гигантскій транспортъ, везшій въ Коломбо два батальона 47-го Шотландскаго полка и массу какихъ то запасовъ, пропалъ безъ вѣсти по выходѣ изъ Адена.

Два огромные парохода, спеціально зафрахтованные у компаніи „P. and O.", переполненные какимъ-то военнымъ грузомъ, — миновавъ Коломбо, такъ и не

Digitized by Google

прибыли ни въ Гонгъ-Конгъ, куда были адресованы, ни въ промежуточные порта.

Бюро „Veritas“ (въ Парижѣ) за какіе-нибудь два мѣсяца занесло въ списокъ „безъ вѣсти пропавшихъ“ судовъ вдвое больше, чѣмъ за годъ... И все подъ англійскимъ флагомъ!..

Общественное мнѣніе Англіи, столь вѣрно отражаемое ея высоко корректной печатью, было смущено.

Появились, сначала робкія, а потомъ все болѣе и болѣе рѣзкія, замѣтки на тему, что „политика авантюръ — самая плохая политика“, что не перстъ ли Божій указываетъ—„Опомнитесь!“

Безсмертный лозунгъ—„Эдуарду на-слово“ съ каждымъ днемъ терялъ свое обаяніе...

И, наконецъ, пришелъ день, когда, только вѣками воспитанная политическая выдержка англійскаго народа, спасла королевство отъ всесокрушающаго взрыва...

Это было 15-го іюля...

VI.

Катастрофа.

Чтобы не утомлять читателей передачей всѣхъ слуховъ, сплетень, разсказовъ очевидцевъ и тѣхъ, которые выдавали себя за очевидцевъ, позволимъ себѣ ограничиться приведеніемъ одного только правительственнаго сообщенія, сухого, сжатаго, но дающаго достаточно яркую картину разразившагося бѣдствія.

Digitized by Google

„Еще 14 іюля метеорологическія станціи предупредили о жестокомъ штормѣ отъ SW, надвигающемся на центральную Шотландію. Съ утра, 15 іюля, послѣ цѣлаго ряда дней тихой и ясной погоды, начали налетать шквалы, а къ вечеру заревѣлъ штормъ необычайной силы, сопровождаемый дождемъ.—Люди съ трудомъ удерживались на ногахъ.

„Въ 10 ч. 43 м. вечера того же числа командиръ 36-го полка, полковникъ Лесли, бывшій въ тотъ день начальникомъ охраннаго раіона и находившійся въ зданіи главнаго караула (по дорогѣ въ Бальмораль) получилъ донесеніе, что съ постовъ видно надъ „Долиной“ какое-то зарево, и одновременно же—телеграмму отъ капитана Гардстона, гласившую:—„Пожаръ главнаго депо. Подозрѣваю злоумышленіе. Катастрофа неизбѣжна. Попытаюсь спастись въ воздухѣ. Штормъ — надежды мало. Все равно—гибель и здѣсь. Не пытайтесь тушить—поведете людей на вѣрную смерть. Хуже изверженія вулкана. Помоги намъ Богъ. Привѣтъ роднымъ! Rule, Britania!“

„Не смотря на полученное предостереженіе, полковникъ Лесли во главѣ своихъ людей, уже собравшихся по первой тревогѣ, поспѣшилъ на помощь и такой же приказъ далъ (по телеграфу) на всѣ главные посты.

„Идти по размытой дождемъ дорогѣ противъ яростнаго вѣтра было крайне затруднительно. Люди спотыкались о камни, скользили по откосамъ, падали, поднимались, измученные, окровавленные, но шли впередъ, побуждаемые энергіей своего начальника. Достигнувъ перевала, передъ спускомъ въ долину, они могли убѣ-

Digitized by Google

диться въ тщетѣ своихъ надеждъ. Городокъ „Долины“ представлялъ собою море пламени. Высоко надъ пожарищемъ, озаренные его отблескомъ, держались корабли воздушной эскадры. Насколько возможно было замѣтить, строй ихъ былъ неправильный, и они „по-способности“ старались только „выгребать“ противъ вѣтра, не быть унесенными штормомъ. Повидимому, на такую борьбу не хватало силъ. Замѣтно для глаза, эскадра, державшая курсъ SW, сдавалась къ NO...

„Въ тотъ моментъ, когда доблестный полковникъ и его незнающіе страха шотландцы начали спускаться въ долину, произошелъ взрывъ главнаго депо. Дѣйствительно, въ родѣ изверженія вулкана! Глыбы камня, желѣзныя балки взбрасывались на высоту нѣсколькихъ сотъ футъ и, подхваченныя штормомъ, относились отъ мѣста катастрофы на многія мили... За первымъ взрывомъ слѣдовали другіе, но уже меньшей силы.

„Брошенные на землю, полузадушенные огненнымъ ураганомъ, несшимъ съ собою ядовитые газы, наши молодцы, едва опомнившись, все же стремились впередъ, но полковникъ Лесли остановилъ ихъ порывъ. Безполезно было бороться со стихіей. Есть невозможное и для героевъ...

„Послѣ взрыва воздушная эскадра пришла въ еще большее разстройство. Казалось, что нѣкоторое время она пыталась укрыться за массивомъ горы Бен-Мак-Дьюи, но попытка эта успѣха не имѣла. Спуститься на землю въ такой штормъ — значило бы разбиться.

„Все это время безпроволочный телеграфъ принималъ непонятныя депеши. Очевидно, капитанъ Гард-

Digitized by Google

стонъ отдавалъ приказанія эскадрѣ по своему „своду сигналовъ воздушнаго флота“.

„Въ 11 ч. 37 м. аппаратъ принялъ: „Передать королю:—Пробую пуститься попутнымъ штормомъ. Можетъ быть, удастся перелетѣть море, склониться къ югу. Ищите—Швеція, Финляндія. Помоги намъ Богъ! Люди помочь намъ не могутъ“.

„Со всѣми государствами, лежащими къ востоку отъ Англіи, уже вступлено въ сношенія. Отовсюду получены завѣренія, что будутъ приняты всѣ мѣры содѣйствія воздухоплавателямъ, если они гдѣ-либо спустятся.

„На случай, если бы имъ не удалось выгрести къ югу, всѣмъ крейсерскимъ отрядамъ королевскаго флота приказано, какъ только ослабѣетъ штормъ, идти въ море, обыскать весь возможный путь эскадры, не исключая островов Ледовитаго океана“.

Это сообщеніе появилось утромъ 16 іюля.

Вечеромъ того же дня вышло второе, весьма краткое: „О воздушной эскадрѣ нѣтъ никакихъ извѣстій“.

Тоже и въ послѣдующіе дни...

Наконецъ, всякая надежда была утрачена... Газеты вышли въ траурныхъ рамкахъ...

„Надѣнемъ трауръ, почтимъ память героевъ, которые мечтали, во славу Англіи, покорить стихію, но пали въ неравной борьбѣ—писалъ „Times“.—По доброй волѣ они обрекли себя на великій подвигъ отшельничества и молчанія, храня въ своей „Долинѣ“ священную тайну, которая, явясь міру во всемъ своемъ блескѣ, дала бы ихъ родинѣ владычество надъ нимъ... Эту тайну унесли они съ собой въ могилу... Но не

Digitized by Google

надо терять надежды! Что удалось капитану Гардстону, то можетъ удастся и другому. Одушевленные вѣрою въ Провидѣніе, ведущее Англію къ славѣ и могуществу, мы найдемъ утраченное, мы вновь откроемъ тайну generator'а"!..

„Надежда—вещь хорошая (острилъ по этому поводу „Matin") и мы тоже смѣемъ надѣяться, что этотъ кошмаръ, нависшій надъ міромъ, разсѣялся безслѣдно и навсегда. Болѣе двухсотъ ученыхъ (и даже любителей!) трудились надъ разгадкой секрета, нынѣ благополучно погребеннаго въ волнахъ Ледовитаго океана. Было бы невѣроятно и даже несправедливо, если бы нашей сосѣдкѣ второй разъ подъ-рядъ привалило такое сумасшедшее счастье. Будемъ вѣрить, что когда вновь кто-нибудь откроетъ generator, то эта честь выпадетъ на долю ученаго, который облагодѣтельствуетъ міръ своимъ открытіемъ, а не дастъ его въ руки хищника, мечтающаго о всесвѣтномъ владычествѣ!"

Ликованіе и злорадство были всеобщими, хотя оффиціально ни одно государство не преминуло выразить королю Эдуарду своего глубокаго сочувствія по поводу разразившейся катастрофы.

Одни только германскіе офиціозы, а за ними и прочія германскія газеты, какъ будто, не особенно радовались. Появилась каррикатура (которую приписывали карандашу Вильгельма II), изображавшая „Похороны воздушнаго флота" и представлявшая собою пародію на общеизвѣстную—„Какъ мыши кота хоронили". Германская дипломатія прилагала всѣ усилія, чтобы завершить почти налаженное дѣло организаціи міровой коалиціи противъ Англіи. Указывалось, что

Digitized by Google

вѣдь нигдѣ не нашли даже и слѣда воздушнаго флота, и, если онъ исчезъ такъ безслѣдно, то это не можетъ не возбуждать подозрѣній. Можетъ быть, онъ только скрылся до времени... Нельзя пропускать благопріятнаго момента, надо воспользоваться недовольствомъ, царящимъ въ Англіи, и разъ навсегда отбить у нея охоту къ подобнымъ затѣямъ.

Надъ этими страхами только смѣялись, а къ предостереженіямъ относились подозрительно.

Извѣстный Caran d'Ach выпустилъ двѣ каррикатуры, изъ которыхъ первая называлась „Воздушная опасность", а вторая—„Націи всего міра, объединяйтесь въ мою пользу!"

На первой былъ изображенъ императоръ Вильгельмъ, несущійся верхомъ, маршъ-маршемъ, мимо представителей всѣхъ народовъ и указывающій имъ на страшнаго видомъ воздушнаго змѣя, веревка котораго привязана къ хвосту его же лошади, а на второй—тотъ же Вильгельмъ отчаяннымъ жестомъ указываетъ тѣмъ же представителямъ на огромную жаровню съ каштанами.

Правы ли были, однакоже, и тѣ, что безпечно подсмѣивались, и тѣ, что руководились исключительно подозрительностью и недовѣріемъ?..

Опять въ Дургэмѣ.

Послѣ трагической гибели любимой дочери, мистрисъ Старфордъ, своей бодростью и живостью возбуждавшая въ сверстницахъ чувство восхищенія (не безъ

Digitized by Google

примѣси зависти), вдругъ постарѣла на десять лѣтъ, если не больше.

Хуже того—она начала хворать, чего до тѣхъ поръ съ ней никогда не случалось.

Пожалуй, капитанъ Гардстонъ былъ правъ, требуя отъ племянницы, чтобы она ни въ какомъ случаѣ не покидала тетки, которую самъ онъ называлъ „полуживымъ, чтобы не сказать полумертвымъ“ человѣкомъ.

И, надо отдать справедливость, Мэджъ свято исполнила принятую на себя обязанность. Не только сестра милосердія, но и родная дочь не могла бы ухаживать за больной съ такой заботой, съ такимъ самоотверженіемъ...

Свѣтила медицинской науки выписывались не только изъ Лондона, но даже съ континента.

Средства для этого имѣлись въ избыткѣ, такъ какъ, уѣзжая, дядя Джорджъ со словами—„на расходы“—сунулъ ей въ руки чековую книжку на солидную сумму, но она, словно испугавшись, поспѣшила запереть ее въ ящикъ стола... Ей ли нужны были деньги?..

Профессора собирались на консиліумы, говорили между собой на плохомъ, но зато никому непонятномъ, латинскомъ языкѣ, ставили діагнозы, многозначительно покачивали головами, засыпали Мэджъ мудреными названіями, никогда ею не слыханныхъ, болѣзней, а когда она скромно просила ихъ говорить по-человѣчески—сердились и коротко отрѣзывали: „Сердце слабо... къ тому же старость... Перемѣна обстановки... легкія развлеченія... конечно, укрѣпляющая діэта... Главное—отогнать гнетущую мысль“...

Digitized by Google

Легко было прописывать такіе рецепты, но какъ было ихъ исполнить, когда малѣйшій намекъ на необходимость покинуть Дургэмъ вызывалъ страшнѣйшее возбужденіе, кончавшееся припадкомъ удушья.

— Нѣтъ, Мэджъ!.. Нѣтъ, моя милая!.. Вы должны обѣщать, что не только похороните меня рядомъ съ нею, но и умереть дадите здѣсь, у этого окна, черезъ которое я вижу ограду кладбища и старый букъ, склонившійся надъ ея могилкой...

Мэджъ плакала и клялась исполнить ея волю...

Какихъ только предосторожностей не было принято, чтобы утаить отъ больной извѣстіе о катастрофѣ 15 іюля... И все-таки, уже 18-го она узнала о ней... узнала изъ несвязныхъ, сердечныхъ словъ соболѣзнованія бѣдной женщины, которой она раньше много помогала, и которая, увидѣвъ у окна „свою добрую лэди", не могла удержаться, чтобы не подбѣжать къ ней, не высказать ей своего участія въ горѣ...

Съ трудомъ привели ее въ чувство послѣ глубокаго обморока.

Она уже не въ силахъ была подняться съ постели, только просила переставить постель такъ, чтобы черезъ окно ей былъ виденъ старый букъ, осѣнявшій своими вѣтвями могилку ея маленькой Грэсъ.

— Тетя! Милая!—шептала Мэджъ, склоняясь надъ ея изголовьемъ,—не падайте духомъ! Вѣдь дядя Джорджъ собирался держаться въ воздухѣ недѣли, мѣсяцы! Ну, что имъ стоило перелетѣть Сѣверное море! Можетъ быть, ихъ отнесло къ сѣверу, но вѣдь Норвегія,

Digitized by Google

Швеція, Россія—уже послали особыя экспедиціи, чтобы искать ихъ среди горъ, среди тундръ, гдѣ они могли бы спуститься! Наконецъ, вѣдь крейсера всѣхъ европейскихъ флотовъ полнымъ ходомъ рыщутъ по Ледовитому океану, обыскиваютъ каждый островокъ, осматриваютъ каждую льдину!.. Ихъ найдутъ!..

— Да будетъ воля Твоя...—въ полузабытьи говорила мистрисъ Старфордъ.—Жаль ее... Напрасная жертва...

Мэджъ отшатнулась, словно ее ударили, и невѣрными шагами, судорожно схватившись за голову, вышла изъ комнаты.

— Напрасная жертва... да... напрасная жертва...— стучало у нея въ вискахъ...

Старый Вилли принужденъ былъ совершить величайшую некорректность—схватить ее за руку—чтобы обратить на себя ея вниманіе.

— Что такое?..

— Письмо... Почеркъ молодого барина...

Онъ протягивалъ ей какой-то смятый, грязный конвертъ...

— Адресовано старой лэди... но я подумалъ... можно ли ей передать сейчасъ?.. лучше черезъ ваши руки... а, можетъ быть, и совсѣмъ нельзя?..

— Конечно, Вилли, конечно! Вы не слуга, а старый другъ...—говорила Мэджъ торопливо, но тщательно оглядывая конвертъ со всѣхъ сторонъ и уже вполнѣ овладѣвъ собою. — Мы вмѣстѣ съ вами прочтемъ письмо и вмѣстѣ рѣшимъ, какъ поступить.

Она вынула шпильку изъ волосъ, осторожно вскрыла ею конвертъ, бережно расправила на рукѣ заключав-

Digitized by Google

шійся внутри листокъ, видимо, вырванный изъ записной книжки, и прочла вполголоса:

„Здоровъ, бодръ и полонъ надеждъ. Что бы ни случилось, нельзя терять надежды. Ею мы живы. „Скоро приду къ Тебѣ и не разстанусь съ Тобою вовѣкъ... Въ Тебѣ ли я усумнюся?“

Старый Вилли отвернулся въ сторону, словно солнце слишкомъ ярко било ему въ глаза, и шумно высморкался.

— Ну что-же?—промолвилъ онъ.—Отчего не показать?.. Значитъ умеръ добрымъ христіаниномъ... Упокой, Господи, его душу!.. Это будетъ ей утѣшеніемъ...

Въ своемъ смущеніи онъ не замѣтилъ, какъ быстро убитая горемъ женщина превратилась въ прежнюю гордую и властную красавицу, какъ заботливо спрятала она въ карманъ грязный, измятый конвертъ, какъ спокойно и увѣренно отвѣтила ему:

— Конечно, Вилли! вы правы—такъ я и сдѣлаю.

— Письмо Джемми... да... его рукой... 15 іюля... тотъ самый день...—съ трудомъ выговаривала мистрисъ Старфордъ, покрывая поцѣлуями лоскутокъ бумаги.— „Скоро приду къ Тебѣ и не разстанусь съ Тобою вовѣкъ“... да... да... онъ вѣрно... предчувствовалъ... да... скоро мы свидимся...

Не то стонъ, не то рыданіе прервали ея несвязный лепетъ...

Это Мэджъ, упавъ на колѣни, прятала свое лицо въ складкахъ одѣяла...

Digitized by Google

— Мэджъ! my darling! Будьте тверды въ горѣ... Или мнѣ утѣшать васъ?.. вспомните, что ваша мать была Hard-Stone!..

Жестокая борьба происходила въ сердцѣ молодой женщины.—Открыть „ей" истинный смыслъ „этихъ" словъ? Сказать „ей" то, въ чемъ она почти увѣрена?—Вѣдь, можетъ быть, это цѣна жизни! „Ея" жизни, этой милой, любимой...—Но вѣдь это жъ — открыть тайну... Господи! неужели необходима еще жертва? еще?..—Но если такъ нужно для блага родины?.. Deutschland über alles!

Ея рѣшеніе было принято. Отступать было поздно...

Вернувшись съ похоронъ, Мэджъ спѣшно укладывала свои вещи, готовясь къ отъѣзду, когда въ ея комнату вошелъ старый Вилли и, низко склонивъ свою лысую голову, спросилъ:—Каковы будутъ приказанія милэди?

— Что такое?..

— За смертью миссъ Грэсъ, лейтенанта Старфорда, капитана Гардстона и, наконецъ, мистрисъ Старфордъ—упокой, Господи, ихъ души—милэди является здѣсь единственной наслѣдницей и хозяйкой...

— Нѣтъ! нѣтъ!—съ необычнымъ возбужденіемъ заговорила Мэджъ.—Не теряйте надежды! Они еще вернутся! Они непремѣнно вернутся!.. Вотъ, вотъ,—она поспѣшно достала изъ ящика и передала ему чековую книжку дяди Джорджа.—Тутъ хватитъ на всякіе расходы и не на одинъ годъ... Чтобы все было по старому! Ничего, ничего не мѣнять! Ждите вашихъ на-

Digitized by Google

стоящихъ хозяевъ!.. А мнѣ—экипажъ... скорѣе, чтобы не опоздать...

Старикъ поклонился, принялъ чековую книжку, отступилъ къ двери, поклонился еще разъ и вышелъ, тяжело вздыхая и бормоча про себя, что такія несчастья, одно за другимъ, хоть въ комъ помутятъ разсудокъ... Вѣдь онъ и не подозрѣвалъ, что еще вчера утромъ по условному адресу было отправлено письмо, приблизительно, такого содержанія:

„18 іюля получено письмо отъ Д.—Конвертъ грязный, мятый, даже виденъ отпечатокъ каблука. Несомнѣнно валялось на землѣ, подобрано и опущено въ почтовый ящикъ *). Поверхъ грязи отчетливо виденъ штемпель—„Дублинъ, 16 іюля“.—Текстъ помѣченъ—„15 іюля“. Какъ текстъ, такъ и адресъ на конвертѣ писанъ ровнымъ, спокойнымъ почеркомъ, чернилами. Очевидно, заранѣе, до „катастрофы“. Значитъ—отбытіе предвидѣли, и катастрофа—мнимая. Штемпель „Дублинъ“. Значитъ, вовсе не унесены штормомъ къ полюсу, а шли противъ вѣтра на SW. Мой Д., желая дать мнѣ вѣсть о себѣ, бросилъ заранѣе приготовленное письмо, когда они проходили надъ Ирландіей. А вотъ и его слова: „Скоро приду къ Тебѣ и не разстанусь съ Тобою во-вѣкъ“. Кажется, ясно.“

---

*) Надо замѣтить, что въ Англіи корреспонденція—священна. Всякій, замѣтившій лежащее на землѣ письмо, кто-бы онъ ни былъ, считаетъ своимъ долгомъ подобрать его и опустить въ ближайшій почтовый ящикъ.

Конецъ первой части.

Digitized by Google

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Первая ласточка.

Эдуардъ VII свято сдержалъ свое королевское слово. Ни одинъ пенни изъ баснословной суммы, затраченной на предпріятіе, завершившееся катастрофой, не легъ бременемъ на плечи плательщиковъ налоговъ. Все было уплачено изъ личныхъ средствъ королевской семьи... Но этого мало! Онъ спѣшилъ, какъ можно скорѣе, расплатиться и съ тѣми, что внесли въ англійскій банкъ свои вклады — „Эдуарду, на-слово“. Часть этихъ вкладовъ была израсходована...

Тщетно протестовали благородные лорды, возмущались богатѣйшія фирмы и сердились вкладчики, принесшіе свои трудовые шиллинги,—чиновники банка отвѣчали имъ: — „Выдайте росписку въ полученіи вклада обратно и, если желаете, жертвуйте эти деньги на благотворительность, или хоть бросьте ихъ въ воду. Слово „стараго джентльмена“ дороже золота. Онъ бралъ въ долгъ и возвращаетъ взятое“.

„Король-нищій“—это была кличка, которой можно было по праву гордиться! И, конечно, Эдуардъ VII вовсе не разсердился, когда, въ одно прекрасное утро, взявъ въ руки „Punch“, увидѣлъ на первой его страницѣ изображеніе собственной своей особы. По вер-

Digitized by Google

сіи Punch'a, онъ (Эдуардъ VII) босикомъ, въ одной только рубашкѣ, сидѣлъ на камешкѣ возлѣ жаровни уличной торговки и, жадно уплетая у нея же купленный печеный картофель, говорилъ: „Я продалъ свои послѣдніе рваные штаны, но зато уплатилъ свои послѣдніе шесть пенсовъ долга, взятаго на-слово!“

А передъ нимъ стоялъ Mister Punch, такъ низко, такъ глубоко кланяясь, что перья его шутовской шляпы, которую онъ держалъ въ рукѣ, мели землю, и говорилъ—„Sir! you are gentleman“.

Да!.. Это—было шикарно!..

Со времени „катастрофы“ прошло около года...

Бобъ Бобсонъ, рядовой собственнаго его величества ирландскаго стрѣлковаго полка, скучая и (въ душѣ) бранясь, отмѣривалъ свои „пять шаговъ вправо и пять шаговъ влѣво“ отъ караульной будки на террасѣ Уиндзорскаго замка.

Конечно, можно было бы найти не мало постовъ еще глупѣе этого, но за ними было хоть право давности: когда-то утвердили и хранятъ по традиціи... А здѣсь? — всего 5 — 6 мѣсяцевъ тому назадъ выдумали... Ну, коего чорта тутъ караулить въ самомъ центрѣ королевской резиденціи!..

Нѣтъ!—Бобъ Бобсонъ совершенно не одобрялъ этой „блажи“ начальства. Тѣмъ болѣе, что послѣ вчерашней ночи, которую онъ провелъ съ „ней“, „вздыхая подъ зелеными ивами“, не только постель, но даже холодныя плиты террасы казались ему такими заманчивыми...

Digitized by Google

Однако-же Бобъ твердо боролся съ искушеніемъ, тѣшась мечтами....

— Скажемъ такъ (самъ себя подбадривалъ Боби): въ 2 ч. ночи—смѣна; сплю до шести; съ шести до восьми—на посту; опять смѣна... Около полдня смѣна караула — дома. Формальности... переодѣваніе — четверть часа... Значитъ — не позже какъ 20 мин. перваго...

Дальше онъ уже не могъ разсчитывать своего времени по часамъ и минутамъ, такъ какъ по выходѣ изъ казармы, за угломъ, на первой скамейкѣ бульвара, подъ каштаномъ, его должна была ждать голубоглазая Фанни...—„Хороша дѣвченка!—разсуждалъ онъ. — Боюсь только не сбилъ бы ея съ пути долговязый Джимъ..."

Жаркая, темная изъ-за тучъ, душная лѣтняя ночь, ароматъ цвѣтовъ, запахъ прѣлой зелени, доносившійся изъ парка, все какъ-то такъ отвѣчало этимъ несвязнымъ мечтамъ, нагоняло такую сладкую дрему...

Что-то большое, мягкое и упругое шлепнулось о плиты террасы неподалеку отъ него, раза два-три подпрыгнуло и... замерло...

Дремоты—какъ не бывало.

Ни на мгновеніе не растерявшись, твердо памятуя уставъ караульной службы, Боби вскинулъ ружье „на изготовку" и крикнулъ—„Кто идетъ?"

Никто ему не отвѣтилъ, потому что никто не шелъ. „Оно" лежало и не шевелилось.

— Кто идетъ?—повторилъ Боби.—Кто идетъ?—крикнулъ онъ въ третій разъ...

Никакого отвѣта... А вѣдь онъ видѣлъ, что „оно"

Digitized by Google

лежитъ совсѣмъ близко... можетъ быть, сейчасъ бросится...

Холодный потъ выступилъ на лбу браваго малаго... (вѣдь ирландцы такъ суевѣрны)... „Часовой обязанъ стрѣлять хотя бы по самому чорту, если тотъ не знаетъ пароля!“—вспомнилось ему изреченіе стараго фельдфебеля...

Сухой, рѣзкій трескъ выстрѣла нарушилъ тишину ночи...

Увѣренный, что всадилъ пулю по назначенію, Боби, готовый послать вторую, не спуская глазъ съ „него“, сдѣлалъ два шага назадъ и локтемъ правой руки нажалъ кнопку сигнала о тревогѣ...

„Оно“ оставалось неподвижнымъ и безмолвнымъ...

Мгновенія казались вѣчностью...

Прошипѣвъ и проворчавъ что-то, вспыхнулъ надъ террасой дуговой фонарь, озаривъ своимъ свѣтомъ блѣднаго, какъ полотно, часового, не сходившаго съ поста и державшаго на прицѣлѣ „что-то“, чье неожиданное появленіе наполнило его душу непонятнымъ страхомъ...

Наконецъ... о, радость!.. послышался дробный топотъ бѣгущихъ людей.

— Разводящій и смѣна! — молніей мелькнуло въ головѣ Боби...

Донесся и звукъ стройнаго, размѣреннаго, бѣглаго шага бóльшаго числа людей, очевидно, слѣдовавшихъ за передовыми...—Самъ караулъ!..

Боби вдругъ сдѣлалось такъ стыдно... Яркій свѣтъ, близость людей—разсѣяли ночные страхи... Онъ ясно видѣлъ, что передъ нимъ лежитъ какой-то мѣшокъ,

Digitized by Google

не имѣющій въ себѣ ничего дьявольскаго, что стрѣлять въ него, а тѣмъ болѣе поднимать тревогу, было, по меньшей мѣрѣ, глупо... Тѣмъ не менѣе онъ такъ и замеръ въ своей воинственной позиціи, не сводя „его“ съ прицѣла...

— Что такое? Съ кѣмъ вы тутъ воюете? — рявкнулъ, вскакивая на террасу, его взводный начальникъ, подлиннаго имени котораго въ полку не помнили, а звали попросту „Уискисода“.—Это?—продолжалъ онъ, сразу замѣтивъ предметъ, на который было наведено ружье Боби.—Это?—повторилъ онъ, ткнувъ „его“ ногою...

— Стопъ! стопъ! — прервалъ его начальникъ караула, спѣшно поднимавшійся по ступенямъ. — Въ чемъ дѣло?..

— Сэръ...—заговорилъ Боби, успѣвшій оправиться и взять ружье „къ ногѣ“,—осмѣлюсь доложить, что „это“ упало сверху...

— Съ неба, что-ли?—проговорилъ Уискисода...

— Да... именно... мнѣ показалось, что съ неба...

На этотъ отвѣтъ Уискисода вполголоса (изъ уваженія къ присутствію начальства) подалъ такую реплику, что передніе ряды караула такъ и колыхнулись отъ взрыва неудержимаго смѣха...

Казалось, однако-же, что начальникъ караула, лейтенантъ Муррей, вовсе не былъ склоненъ принять происшествіе въ шутку. — По его приказанію таинственный мѣшокъ перевернули... разъ, два...

— Ого!—воскликнулъ онъ...

На одной изъ сторонъ мѣшка было старательно

Digitized by Google

выписано крупными буквамии (чернымъ по бѣлому)— R. B. R. T. W.

— Несите за мной! — приказалъ лейтенантъ, направляясь въ караульное помѣщеніе.

Тревожные звонки, освѣщеніе парка среди ночи (выстрѣла почти никто не слышалъ) не могли не привлечь вниманія тѣхъ, кто долженъ былъ бодрствовать по долгу службы.

— Ну, что-жъ, Муррей? Фальшивая тревога? Маленькій факель-цугъ?

Такими словами встрѣтилъ процессію дежурный адъютантъ короля, наскоро застегивавшій свою куртку.

— Сэръ,—строго-офиціальнымъ тономъ отвѣтилъ ему караульный начальникъ.—Благоволите немедленно разбудить короля и доложить, что на имя его величества полученъ пакетъ подъ лозунгомъ — R. B. R. T. W.

— Что такое?... Ничего не понимаю...

— Прошу въ точности исполнить мною сказанное. Это—парольное приказаніе его величества, переданное мнѣ при смѣнѣ...

— Но я ничего не знаю...

— Не мое дѣло. Если вы отказываетесь, я самъ войду въ спальню короля, хотя бы силой...

— Оставьте угрозы.—Приказаніе его величества, вами мнѣ переданное, будетъ немедленно исполнено...

Что сказали бы, вѣрнѣе, что подумали бы члены дипломатическаго корпуса, если бы въ эту ночь они могли заглянуть въ королевскую уборную, куда, со-

Digitized by Google

гласно полученному приказанію, былъ внесенъ таинственный мѣшокъ?

Эдуардъ VII и его старый камердинеръ, вдвоемъ, заперевъ двери на ключъ и вооружившись ножами и ножницами, вскрывали полученную посылку, ползая кругомъ ея на колѣняхъ...

Это былъ здоровый тюкъ неочищеннаго хлопка, зашитый въ холстину, украшенную магическими буквами.

— Ищите-жъ, Генри! Ищите хорошенько!—говорилъ король, задыхаясь отъ пыли и собственноручно копаясь въ грудѣ, которая все росла по мѣрѣ того, какъ ее тормошили...—Тутъ должно быть письмо!..

— Нашелъ! Сэръ! Нашелъ!..

Эдуардъ VII, съ ногъ до головы облѣпленный хлопкомъ, радостно вскочилъ на ноги, поспѣшно выхватилъ изъ его рукъ конвертъ, вскрылъ его, прочелъ находившуюся въ немъ коротенькую записку и съ крикомъ—„Перваго лорда адмиралтейства!“—бросился въ кабинетъ.

— Сэръ!—остановилъ его Генри. — Хорошо ли будетъ? Неужели дѣло не терпитъ до утра? Въ какомъ видѣ вы примете благороднаго лорда?..

— Ну, ну... конечно, вы правы... — засмѣялся король,—до утра подождать можно, хоть я, все равно, не засну!.. Да, да! старый чортъ! отмѣтьте этотъ день у себя въ календарѣ! Да не болтайте только! Это—для насъ съ вами!

Digitized by Google

II.

Игра въ открытую.

Необычайное происшествіе, конечно, несмотря на всѣ принятыя мѣры, не могло сохраниться въ тайнѣ. Слишкомъ много было свидѣтелей полученія „посылки съ неба“, а вѣдь довольно было проболтаться и одному...

На континентѣ зашевелились... „Berliner Tageblatt“ проповѣдывалъ крестовый походъ, а „Journal de St. Petersbourg“ краснорѣчиво цитировалъ безсмертную фразу Петра Великаго: „Упущеніе времени—смерти безвозвратной подобно!“—„Matin“ и даже „Gaulois“ рекомендовали „раздавить гидру раньше, чѣмъ она вошла въ силу“...

Помимо слуховъ были и факты тревожнаго характера. Несчетные станціонеры, которыхъ Англія содержала во всѣхъ портахъ міра, которые, казалось бы, корни пустили въ тѣхъ гаваняхъ, гдѣ пребывали многіе годы, снимались съ якоря и уходили въ ближайшіе англійскіе порта. Къ англійскимъ портамъ (по инстинкту, что-ли?) жались и безчисленныя суда англійскаго торговаго флота...

Къ половинѣ іюля все англійское сосредоточилось подъ сѣнью англійскаго флага...

Однако-же, какъ ни странно, проповѣдь хорошо освѣдомленныхъ официозовъ успѣха не имѣла. Дипломаты, разсыпаясь въ любезностяхъ другъ передъ другомъ, все еще вырабатывали наилучшія формулы соглашенія, пытались такъ или иначе обойти другъ друга, выторговать сальный огарокъ, забывая про

Digitized by Google

стеариновую свѣчку... когда 15 іюля, утромъ,—телеграфъ оповѣстилъ міръ, что представители всѣхъ націй при англійскомъ дворѣ получили одновременно ноту нижеслѣдующаго содержанія:

МЫ, ЭДУАРДЪ VII, КОРОЛЬ ВЕЛИКОБРИТАНІИ, ВЛАДЫЧИЦЫ МОРЕЙ, А ОТНЫНѢ ВЛАДЫЧИЦЫ ВОЗДУШНАГО ОКЕАНА И ЦАРИЦЫ МІРА,

и пр., и пр.

Объявляемъ всѣмъ народамъ земли Нашу волю:— Немедленно приступить къ разоруженію флотовъ и роспуску армій.—Милостью Божіей, получивъ въ свои руки оружіе, которому не можетъ противустать никакая сила, никакая организація, Мы рѣшили удержать его въ Нашемъ исключительномъ пользованіи на благо мира всего міра. Не для угнетенія, не для порабощенія націй! Нѣтъ! Пусть каждый народъ живетъ въ предѣлахъ своей территоріи, мирно совершенствуясь, не боясь насилія со стороны сосѣда, но и самъ чуждый мысли о всякомъ насиліи. Поднявшій мечъ отъ меча погибнетъ! Настало время перековать мечи на плуги! Двѣ тысячи лѣтъ проповѣдывалось слово Божіе, взывающее къ миру, но міръ не принялъ его... И вотъ, облеченные безмѣрной властью, Мы требуемъ этого мира отъ народовъ, требуемъ силою, въ упованіи, что, сознавъ свою немощность, покорившись по принужденію,—они привыкнутъ къ мирному сожительству, и настанетъ время благопріятное для наступленія истиннаго Царствія Божія...

Господи, Боже силъ! съ Нами буди! И кто противъ Насъ!.. Неисповѣдимы пути Твои!..

Мечъ грозный приносится въ міръ.

Мечъ святой правды занесенъ надъ народами.

Digitized by Google

Мечъ—сокрушеніе всякаго насилія.

Мечъ—охрана всякаго слабаго и беззащитнаго.

Мы, милостію Всевышняго, пріявшіе этотъ мечъ въ свои недостойныя руки, клянемся Всемогущимъ Богомъ за себя и за наслѣдниковъ Нашихъ, что не употребимъ, дарованнаго Намъ, во зло народамъ міра, въ исключительную пользу Нашу или народа Нашего!..

Цѣль Наша—заповѣдь Христа—миръ всего міра!

Нѣтъ больше ни армій, ни крѣпостей, ни военныхъ флотовъ.

Существующія должны быть упразднены въ кратчайшій срокъ, или будутъ уничтожены Нами. И всякая попытка возстановить ихъ будетъ пресѣчена Нами въ корнѣ.

Народы міра! стряхните съ себя бремя милитаризма, вздохните свободно и живите свободными, не страшась призрака насилія!

Воздушный флотъ, сверхъ-человѣческая сила, бодрствуетъ надъ вами и блюдетъ право каждаго!..

И горе тѣмъ, кто попытается нарушить всеобщій миръ, миръ Божій, который Мы провозглашаемъ!

Какъ Христосъ бичемъ изгналъ изъ дома Отца Своего людей, корысти ради, осквернявшихъ святое мѣсто, такъ Мы, силою ввѣренной Намъ, сотремъ съ лица земли всякое начинаніе, клонящееся къ возстановленію раздора между отдѣльными семьями великаго всемірнаго братства народовъ.

Да будетъ!

Того же 15 іюля надъ столицами всѣхъ великихъ державъ появились отряды воздушнаго флота.

Digitized by Google

Каждый отрядъ изъ пяти кораблей.

Одиночные корабли (крейсера?) рѣяли надъ второстепенными государствами.

Всякое сопротивленіе было не только безнадежно, но прямо безумно...

Кое-гдѣ осмѣлились, но эти попытки завершились полнымъ разгромомъ.

Дирижабли и убогіе аэропланы, какіе до того времени успѣли соорудить, взвившіеся къ небу и требовавшіе удаленія дерзкаго врага, были безъ труда уничтожены...

Имъ ли было бороться съ царями воздуха, владѣвшими тайной generator'а!..

Страшнѣе и властнѣе грома небеснаго были телеграммы, которыя подавались ими на землю.

Всѣ онѣ имѣли тождественный смыслъ и даже внѣшней формой мало отличались одна отъ другой внѣ зависимости отъ мѣста подачи—въ Европѣ, Азіи, Африкѣ или Америкѣ.

— Распустить армію, разоружить флотъ, взорвать склады и т. д.

Приступить ко всѣмъ этимъ дѣйствіямъ предписывалось немедленно, а срокъ выполненія назначался сообразно съ мѣстными условіями. Предупреждалось, что по истеченіи договорнаго срока прибудутъ делегаты, командированные правительствомъ „Царицы Міра", и если они донесутъ о невыполненіи предъявленныхъ требованій, то корабли, крѣпости, заводы, склады, скопища войскъ—будутъ уничтожены „сверху".

Кое-гдѣ, въ государствахъ, въ которыхъ, по на-

Digitized by Google

чалу, не оцѣнили еще во всей полнотѣ значенія новой силы и пробовали протестовать,—эту угрозу пришлось осуществить...

Первые же уроки сразу всѣхъ отрезвили.

Воздушные корабли, недоступные, неуязвимые, не торопясь, словно продѣлывая лабораторный опытъ, увѣренно бросали въ намѣченные пункты свои страшныя бомбы, несшія съ собой какое-то стихійное разрушеніе.

Въ нихъ, въ этихъ бомбахъ, былъ тотъ же generator, который давалъ энергію двигателямъ воздушнаго флота, только иначе примѣненный.

Міръ покорился.

Да ничего другого и не оставалось дѣлать.

Золотой вѣкъ.

Наступилъ золотой вѣкъ. Мечи были перекованы на плуги.

Конечно, не обошлось безъ экономическихъ потрясеній. Многія фирмы обанкротились. Акціи предпріятій, обслуживавшихъ флотъ и армію, потеряли всякую цѣну. Оружейные, бронепрокатные и т. п. заводы пришлось либо бросать, либо приспособлять подъ цѣли производства орудій промышленности.

Главный ударъ пришелся по капиталу, и этимъ только и объясняется, почему міровой переворотъ не вызвалъ міровой революціи. Правда, десятки милліоновъ рабочихъ остались на первое время безъ заработка, но,

Digitized by Google

пока промышленность не приспособилась къ новымъ условіямъ, правительства всѣхъ странъ могли оказать имъ широкую помощь изъ военныхъ фондовъ, а неприкосновенные (на случай войны) склады интендантствъ, оказавшіеся теперь вовсе ненужными, были колоссальнымъ богатствомъ, выброшеннымъ въ народъ.

Поступить такъ приказала „Царица Міра“.

Съ другой стороны десятки милліоновъ молодыхъ, здоровыхъ гражданъ, цвѣтъ народонаселенія, освобожденныхъ отъ воинской повинности, вернулись въ свои семьи къ продуктивному труду.

— Смотрите, какъ вздорожала жизнь! — пробовали проповѣдывать органы капиталистовъ стараго строя.

Но ихъ не слушали, такъ какъ это было явной неправдой.

Не жизнь вздорожала, а деньги подешевѣли. Платить дороже за право пользоваться всѣми благами жизни, ничего не дѣлая, приходилось тѣмъ, что жили за счетъ накопленнаго золота, и это золото уходило отъ нихъ въ руки тѣхъ, которые создавали всѣ блага жизни своимъ личнымъ трудомъ.

Трудъ вздорожалъ и казалось, что недалеко то время, когда онъ сдѣлается единственной цѣнностью.

На зарѣ жизни человѣчества, когда личный трудъ характеризовался обязанностями воина-защитника жилища и обязанностями рабочихъ по хозяйству, было уже нѣчто подобное. Тогда цари пировали со своими дружинниками (простыми солдатами), пили съ ними

Digitized by Google

изъ одного кубка; тогда господа садились обѣдать за однимъ столомъ со своими слугами; тогда царская дочь Навзикая вмѣстѣ со своими служанками ѣздила на рѣку мыть бѣлье ихъ общихъ защитниковъ, проводившихъ время въ заботахъ войны и охоты. Это былъ чистый обмѣнъ труда. Всякій дѣлалъ, что могъ, не только для себя лично, но и для другихъ,—зато и другіе дѣлали для него то, къ чему самъ онъ отъ природы не былъ способенъ.

Да, да!—золотой вѣкъ возвращался на землю.

Великій завѣтъ — „трудящійся да ястъ“ — готовился сдѣлаться основнымъ принципомъ существованія.

День-ото-дня деньги такъ дешевѣли, что не работая лично, не прилагая въ жизни собственнаго труда (конечно, на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ—ни науки, ни искусства не пострадали въ этомъ новомъ, необычномъ строѣ) можно было легко прожить не только милліоны, но даже мильярды, накопленные предками и сдѣлаться нищимъ не только самому, но и дѣтей своихъ, если они не обучены какому-нибудь производительному труду, бросить въ нищету и на попеченіе общественной благотворительности... Впрочемъ, и эта послѣдняя, получившая самое широкое развитіе, дѣйствовала съ крайней осмотрительностью, рѣзко различая неспособныхъ къ труду отъ тунеядцевъ.

Помогать, не только помогать, но даже доставлять всѣ блага жизни первымъ—общество считало себя обязаннымъ такъ какъ просвѣтленное словомъ Христа, не находило возможнымъ руководиться правилами

Digitized by Google

древнихъ спартанцевъ, убивавшихъ хилыхъ и слабыхъ еще въ дѣтствѣ, хотя находились изувѣры, проповѣдовавшіе и тогда подобныя идеи, даже въ печати. Зато всякій работоспособный, но не желавшій работать, могъ найти пріютъ только въ работномъ домѣ, гдѣ, со всею суровостью строго установленнаго режима, получалъ постольку, поскольку проявлялъ усердія къ обезпеченію своего существованія.

Правда, что за возможность осуществленія (казалось такой близкой) мечты о наступленіи золотого вѣка пришлось заплатить:—во-первыхъ, всѣ народы, пропорціонально своему бюджету, возмѣстили Эдуарду VII расходы, понесенные имъ при созданіи воздушнаго флота; а во-вторыхъ, также на міровой, общественный счетъ этотъ флотъ содержался, ремонтировался, обновлялся. Но это были такіе гроши въ сравненіи съ прежними военными расходами!

При новомъ порядкѣ вещей всякій могъ быть увѣренъ, что не только исторически сложившіяся права его народности никѣмъ не будутъ нарушены, ни съ какой стороны не потерпятъ насилія, но даже и личныя его права ограждены отъ всякаго посягательства на нихъ. De facto, англійскіе послы и резиденты являлись блюстителями законовъ. Къ нимъ можно было обращаться, какъ къ высшей аппеляціонной инстанціи, а ихъ приговоръ, подкрѣпленный словомъ Эдуарда VII, являлся окончательнымъ...

Грубо выражаясь — за міровой счетъ „Царица Міра“ содержала міровой судъ и міровую полицію.

Главы государствъ, автономныя въ дѣлахъ внутренняго хозяйства, являлись не болѣе какъ ея

уполномоченными, да и въ дѣлахъ этого рода не могли не опасаться внезапной ревизіи со стороны всемогущей и вездѣсущей верховной міровой власти.

Побѣдители.

Врядъ-ли нужно пояснять читателямъ, что и пресловутая „катастрофа“, и загадочная „пропажа безъ вѣсти“ транспорта съ двумя батальонами гайлендеровъ, и таинственное исчезновеніе другихъ транспортовъ и пароходовъ частныхъ англійскихъ компаній, — были не болѣе какъ средствомъ спрятать концы въ воду и предотвратить осуществленіе идеи міровой коалиціи противъ Англіи, подозрѣвавшейся въ покушеніи на свободу народовъ міра.

Тщетны были предостереженія германскаго императора, видимо, знавшаго больше другихъ, но не имѣвшаго въ своихъ рукахъ неопровержимыхъ доказательствъ, способныхъ побудить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ правительства прочихъ странъ. Впослѣдствіи высказывались предположенія—не сыграла-ли и въ этомъ случаѣ извѣстной роли „la charge de cavalerie de St. George“?.. Какъ знать? Но такъ или иначе, ловкій маневръ имѣлъ полный успѣхъ.

Пока разноплеменные журналисты острили и потѣшались надъ глупымъ положеніемъ, въ какое попалъ король Эдуардъ, на безвѣстномъ островкѣ, затерянномъ среди необъятнаго простора центральной, наименѣе посѣщаемой, части Индѣйскаго

Digitized by Google

океана, заканчивалась работа, начатая въ „Долинѣ Тайнъ“.

Гигантскіе транспорты, числившіеся „пропавшими безъ вѣсти“, подходили къ этому островку, разгружались до послѣдняго гвоздя, винта, веревки, которые могли пригодиться, до послѣдней банки консервовъ, до послѣдняго сухаря; затѣмъ все населеніе ихъ перебиралось на берегъ, а самый транспортъ—затапливался, такъ какъ на островѣ не только не было бухты, удобной для стоянки, но даже и близъ него нельзя было стать на якорь.—Чуть ли не вплотную къ скаламъ глубина доходила до 100 саж.

Это обстоятельство и было причиной необитаемости острова и полнаго къ нему равнодушія предпріимчивыхъ народовъ Европы, давно подѣлившихъ между собою всѣ, такъ называемыя, „Божьи“ или „ничьи“ земли. Недаромъ даже учебники географіи (только самые подробные) упоминали о немъ въ шутливомъ тонѣ, какъ о птичьей республикѣ, территоріи которой никогда еще не касалась нога человѣка.

И вотъ нашлись люди-птицы, безцеремонно овладѣвшіе этимъ ровнымъ высокимъ плато, изгнавъ его исконныхъ владѣльцевъ и расположившись, какъ дома.

Можетъ быть, читатели спросятъ:—Зачѣмъ же было топить эти транспорты? хоронить на днѣ океана сотни тысячъ фунтовъ стерлинговъ? — А какъ же можно было бы поступить иначе? Вѣдь вмѣстѣ съ ними хоронилась тайна предпріятія, которое должно было дать власть надъ міромъ!..

Возвращать ихъ въ Англію?—Но вѣдь это значило бы выпустить въ свѣтъ десятки людей, знающихъ

Digitized by Google

тайну!—Пусть даже это былъ народъ самый надежный,—можно ли было поручиться, что никто изъ пихъ не проболтается о томъ, что видѣлъ, хотя бы во снѣ, или хвативъ лишнюю рюмку виски?..

Приказать имъ крейсировать близъ острова?—Но вѣдь это—на годъ, а то и больше! Какой расходъ топлива!—А откуда его взять?—Выписывать новые и новые транспорты?—Но тогда около острова собрался бы цѣлый флотъ! Любой парусникъ (а эти здѣсь иногда проходятъ) донесъ бы о видѣнной имъ необычной картинѣ, и немедленно прибыли бы спеціально командированные крейсера, и тайна оказалась бы обезпеченной еще менѣе, чѣмъ въ „Кабаньей Долинѣ“.

Нѣтъ! Къ сохраненію тайны рѣшено было принять самыя радикальныя мѣры: всякій, прибывшій на островъ, оставался на немъ волей-неволей до конца, а пароходъ, сдавшій свой грузъ, дѣйствительно „пропадалъ безъ вѣсти“ въ пучинѣ океана.

Рѣшеніе оказалось правильнымъ: тайна была сохранена, а убытки надѣялись возмѣстить впослѣдствіи, что... оправдалось.

Теперь уже не было надобности въ такой уединенной и отдаленной штабъ-квартирѣ воздушнаго флота. Гнѣздо его у подножія горы Бен-Мак-Дьюи, около года тому назадъ уничтоженное пожаромъ, сопровождавшимъ „катастрофу“, словно чудомъ, возникло изъ пепла, и (въ общемъ немногочисленные) члены „Священной Дружины Царицы Міра“ могли вернуться къ радостямъ жизни.

Теперь отъ нихъ уже не требовалось исполненія

Digitized by Google

всѣхъ тѣхъ пунктовъ, какіе имъ предъявлялись при вступленіи въ братство.

Съ того момента, какъ міръ покорился, поверхность земли была раздѣлена на раіоны, которые патрулировались дежурными кораблями. Прочіе—отдыхали. Въ среднемъ одна недѣля патрульной службы приходилась на три недѣли отдыха. Подсмѣняясь съ товарищами, можно было, цѣною 2—3 недѣль безпрерывной службы, устроить себѣ отпускъ на 6—9 недѣль. Это было вовсе необременительно, и никто не жаловался.

Надо замѣтить, однако-же, что, несмотря на полную (казалось бы) обезпеченность господства надъ міромъ, признано было необходимымъ сущность generator'a, способъ управленія воздушнымъ кораблемъ, какъ при „висѣніи" въ воздухѣ, такъ и при его безумныхъ скоростяхъ, и тѣсно съ этимъ связанный способъ регулированія дѣйствія двигателей—продолжать хранить въ глубокой тайнѣ.

Это было не слишкомъ трудно.

Число кораблей воздушнаго флота (въ то время) достигало 50, но на каждомъ было только по 10 человѣкъ „первой степени посвященія"—5 управителей (въ томъ числѣ командиръ) и 5 механиковъ (въ томъ числѣ старшій механикъ) — которые имѣли право входа въ капитанскій постъ и въ секретное отдѣленіе. Каждый изъ нихъ, стоя свою вахту, всегда имѣлъ подъ рукой заряженный револьверъ и былъ обязанъ, не вступая ни въ какія пререканія, убить на мѣстѣ всякаго непосвященнаго, который осмѣлился бы войти во „святая святыхъ".

Съ момента вступленія на вахту, они разобщались

Digitized by Google

съ остальнымъ населеніемъ корабля, и для переговоровъ съ ними предоставлялось пользоваться лишь слуховыми трубами.

Такимъ образомъ во всей Англіи (и во всемъ мірѣ) воздухоплавателей „первой степени“ было всего 500 человѣкъ.

Такъ мало, что суровый законъ, каравшій смертью всякій намекъ на предательство, оказывался даже излишнимъ...

Да и былъ ли какой-нибудь смыслъ кому-либо изъ нихъ совершить подобное предательство?—Вѣдь „Царица Міра“ оставалась ею лишь до тѣхъ поръ, пока не имѣла соперницы.

Міръ былъ у Ея ногъ, и Ея вѣрные рыцари пользовались всѣми его благами.

За какую же цѣну можно было бы продать тайну? Что могъ бы предложить искуситель?

Этотъ грубый, чисто коммерческій расчетъ обезпечивалъ нерушимость тайны надежнѣе всякихъ клятвъ и всякихъ угрозъ смертью...

III.

Бѣглянка.

Капитанъ воздушнаго флота, командиръ корабля „Star and Stone“, бывшій лейтенантъ Джэмсъ Стаффордъ, или, попросту, Джемми, а нынѣ лордъ Старстонъ, весь отдавшись нахлынувшимъ воспоминаніямъ, медленно шагалъ взадъ и впередъ по гостиной род-

Digitized by Google

ного дома, усиленно стараясь соразмѣрять „ходъ“ и держать „курсъ“ такъ, чтобы ступать на одинаковые или сходные между собою узоры стариннаго ковра, и такъ, чтобы это выходило, по возможности, „прямымъ курсомъ“. Въ дѣтствѣ это было его любимой забавой, а теперь — помогало ему бороться съ тяжелыми, гнетущими мыслями...

Онъ только что вернулся съ кладбища, гдѣ навѣстилъ двѣ дорогія могилки, и вовсе не слушалъ стараго Вилли, который, получивъ разрѣшеніе, неумолимо докладывалъ ему, чуть ли не день за днемъ, хозяйственный отчетъ минувшаго года. Отъ времени до времени, чтобы не обидѣть вѣрнаго слугу, особенно если тотъ дѣлалъ выжидательную паузу, Джемми одобрительно кивалъ головой, бросалъ отрывистыя фразы одобренія и благодарности, но мысли его были далеко... много дальше этой гостиной, гдѣ все оставалось по-прежнему—даже „любимый китайскій болванчикъ“ его сестры, Грэсъ, который онъ разбилъ въ первый день по возвращеніи изъ плаванія, искусно склеенный цементомъ, стоялъ на своемъ старомъ мѣстѣ... Нѣтъ! не здѣсь и даже не на близкомъ кладбищѣ были его мысли! Дальше... много дальше... Ему такъ бы хотѣлось спросить... И развѣ же это не было бы вполнѣ естественно?.. Но почему-то казалось неловко, даже страшно. Онъ чувствовалъ, что покраснѣетъ, что выдастъ себя наблюдательности этого „стараго чорта“.

— Осмѣлюсь доложить,—скрипѣлъ Вилли, — что графиня отказались вступить въ наслѣдство, будучи, почему-то, твердо увѣрены въ вашемъ возвращеніи,

Digitized by Google

даже строго приказали мнѣ, чтобы я увѣдомилъ ихъ о днѣ вашего прибытія телеграммой въ три слова: „Пріѣзжаетъ“ (число и мѣсяцъ), тогда я подумалъ...

— Чортъ васъ возьми, чтобы тогда вы ни думали!—неожиданно крикнулъ Джемми, бросаясь къ нему.—Что вы сдѣлали?

— Но, сэръ,—бормоталъ старикъ, ошеломленный внезапностью.—Я, конечно, въ точности исполнилъ приказаніе и, получивъ телеграмму отъ васъ, немедленно телеграфировалъ графинѣ.

— Вилли! другъ мой!

— ...и графиня изволили отвѣтить: „Выѣзжаю сегодня“,—продолжалъ тотъ, пытаясь сохранить всю свою невозмутимость, хотя его старыя кости жестоко страдали отъ дружескаго объятія „молодого барина“.

— Когда „сегодня“? что значитъ „сегодня“?

— „Сегодня“ было третьягодня, и, прошу извинить, сэръ... вы были на кладбищѣ... я взялъ на себя смѣлость, не спросясь васъ, послать экипажъ на станцію... онѣ должны прибыть съ этимъ поѣздомъ.

Топотъ лошадиныхъ копытъ и шорохъ колесъ по крупному песку, которымъ былъ усыпанъ въѣздъ къ дому, прервали бурное объясненіе.

— А я думала, что вы меня встрѣтите!—говорила Мэджъ, стоя передъ зеркаломъ и снимая шляпку.—Или слава такъ васъ затуманила?

— Повѣрьте! если бъ только я зналъ, если бы меня предупредили...

— Милэди,—неожиданно вмѣшался Вилли, и въ голосѣ его зазвучали какія-то строгія нотки,—лордъ

Digitized by Google

Старстонъ прибылъ только сегодня и немедленно прослѣдовалъ на кладбище, чтобы впервые навѣстить могилу покойной лэди. Это я, въ такую минуту, не осмѣлился потревожить его извѣстіемъ о вашемъ прибытіи.

На мгновеніе зеленые глаза блеснули гнѣвомъ, но тотчасъ же вновь засвѣтились чарующей лаской.

— Мой старый другъ, спасибо вамъ за урокъ... Вы тысячу разъ правы, я все та же сумасбродная Мэджъ, которую вы когда-то—помните?—носили на рукахъ... Ну, не сердитесь больше?—закончила она, цѣлуя его почтенную лысину.

— Милэди... графиня... — растерянно бормоталъ старикъ,—развѣ бы я осмѣлился... солнце нашего осиротѣлаго дома... или я не помню... sweet baby...

Онъ долго еще не могъ успокоиться и бросалъ отрывистыя, мало понятныя, фразы, не замѣчая, что давно уже никто его не слушаетъ, ни Джемми, порывисто шагавшій изъ угла въ уголъ гостиной и теперь вовсе не думавшій о согласованіи „хода“ и „курса“ съ рисункомъ ковра, ни Меджъ, голосъ которой доносился изъ ея комнаты, гдѣ она при содѣйствіи Эмми (дочери Вилли) разбирала свой багажъ.

— Дорогой кузенъ,—заговорила она необычно оффиціальнымъ и строгимъ тономъ, когда послѣ обѣда они остались одни въ гостиной,—прошу васъ отвѣтить мнѣ на нѣсколько вопросовъ, но прямо и честно, какъ слѣдуетъ джентльмену, безъ всякой gallantry. Обѣщаетесь?

— Вы меня пугаете...

Digitized by Google

— Оставьте шутки! Дайте слово, что отвѣтите какъ джентльменъ!

— Я слушаю...

— Можетъ ли настоящій джентльменъ быть любовникомъ замужней женщины, хотя бы тайна была обезпечена?

— Нѣтъ, не можетъ... это—обманъ...—проговорилъ онъ твердо, чувствуя, однако-же, что блѣднѣетъ..

— Какая разница между женщиной, которая отдается двоимъ, или троимъ, или десяткамъ мужчинъ, каждаго увѣряя, что только его одного она истинно любитъ?

— Никакой...—глухо промолвилъ Джемми.

— Ну, а если женщина видитъ, что ошиблась, что счастье ея не тамъ, гдѣ она думала его найти, что оно здѣсь, близко, но цѣпи закона не позволяютъ ей протянуть къ нему руку, можетъ ли она порвать эти цѣпи? можетъ ли притти къ своему избраннику и отдаться ему?

— Но безраздѣльно?

— Конечно! Всѣмъ жертвуя!—воскликнула она, гордо выпрямляясь.

— Тогда... это—героиня!—прошепталъ онъ, склоняясь къ ея ногамъ.—Высшій законъ, Божескій законъ, законъ Христа, основою своею имѣетъ любовь. И эта любовь выше всякаго закона, придуманнаго людьми. Она сильнѣе всего на свѣтѣ! Постойте!.. да... да... это сказалъ какой-то русскій, кажется, Тургеневъ— „Любовь сильнѣе смерти!“

. . . .

Digitized by Google

— Джемми!—рыдала она, уткнувшись лицомъ въ подушки дивана.—Вѣдь я бѣжала!.. Джемми! „Онъ“ не только не даетъ мнѣ развода, онъ приходитъ въ бѣшенство при одной мысли, что я могла бы подумать навѣстить моихъ родственниковъ въ Англіи! въ Англіи, поработившей Германію! Вѣдь я здѣсь украдкой, на минутку! Онъ не знаетъ! Онъ думаетъ, что я поѣхала къ моей старой подругѣ въ Остенде! Онъ грозится убить, убить своими руками, если бы я осмѣлилась... Какъ быть? Какъ быть?

— Мэджъ, дорогая моя,—заговорилъ Джемми,— надо рѣшить и рѣшить теперь же. Вѣрьте, что подъ охраной братства „Царицы Міра“ вы будете въ безопасности, и никакая мстительная рука не настигнетъ васъ, но... смѣю ли сказать?—во имя вашей любви способны ли вы отречься отъ радостей и утѣхъ жизни при дворѣ? Васъ, европейски-извѣстную красавицу, гдѣ-же не узнаютъ? Развѣ можно будетъ сохранить ваше инкогнито, если вы появитесь въ свѣтѣ? Вѣдь другой такой нѣтъ! Значитъ, прятаться? Согласны ли вы?

— Но если нѣтъ другого выхода! Джемми! Джемми! Или это такъ непонятно? Du liebst?

Загадочное происшествіе.

Дядя Джорджъ, которому въ тотъ же вечеръ племянникъ повѣдалъ свою тайну, сначала развелъ руками, потомъ сталъ браниться такъ, что... лопнули бы

Digitized by Google

отъ зависти всѣ боцмана, когда-либо служившіе подъ его начальствомъ, но въ заключеніе обѣщалъ сдѣлать „что можно“. Принимая во вниманіе, что для адмирала воздушнаго флота „невозможнаго не существовало“—такое обѣщаніе являлось достаточной гарантіей успѣха всякаго предпріятія.

Графиня Маргарита Цуръ-Мюленъ пропала безъ вѣсти.

Императоръ Вильгельмъ принялъ живѣйшее участіе въ горѣ своего друга и приближеннаго.

Полиція Германіи, Франціи, Англіи—была поднята на ноги, но даже спеціально вызванные Шерлокъ Хольмсъ и Натъ Пинкертонъ ничего не могли сдѣлать.

Слѣдъ красавицы терялся въ Дургэмѣ.

Знаменитые сыщики въ точности установили, что 11 августа въ 11 ч. 57 м. утра она прибыла въ Іоркъ; здѣсь, видимо стараясь замести слѣды, оставалась около часу, перемѣнила двухъ извозчиковъ и зашла позавтракать въ ресторанъ, откуда отправила съ посыльнымъ свой небольшой багажъ на центральную станцію; съ нордъ-экспрессомъ, въ 1 ч. 18 м. пополудни выѣхала на сѣверъ (кассирша хорошо запомнила высокую, стройную даму подъ густымъ вуалемъ, изъ-подъ шляпки которой выбивались пряди роскошныхъ рыжевато-золотистыхъ волосъ, взявшую билетъ въ Эдинбургъ и очень спѣшившую); на маленькой станціи, не доѣзжая Дургэма, она вышла (здѣсь тоже обратили вниманіе на даму подъ вуалью съ золотыми волосами, которую ожидалъ экипажъ);

Digitized by Google

изъ обывателей Дургэма два лавочника, извозчикъ, почтальонъ и псаломщикъ церкви подтвердили, что вечеромъ 11 августа видѣли экипажъ Старфордовъ, направлявшійся къ ихъ дому (Church Street, 14), а въ экипажѣ даму, лицо которой было закрыто вуалемъ, но по осанкѣ и, главное, по волосамъ могли почти съ увѣренностью признать въ ней графиню Цуръ-Мюленъ, хорошо имъ знакомую племянницу покойной мистрисъ Старфордъ.

Въ теченіе двухъ дней, какъ будто, ничего особеннаго въ домѣ не произошло (на улицахъ графини никто не видѣлъ), а на третій день, т. е. 14 августа, оказалось, что онъ покинутъ, и куда дѣлись его обитатели—старый Вилли, его дочь Эмми, кучеръ и садовникъ—неизвѣстно.

Опрошенный по этому дѣлу лордъ Старстонъ (онъ былъ въ отсутствіи по дѣламъ службы „Царицы Міра" и допрашивали его черезъ нѣсколько недѣль, когда все вышеизложенное уже было строго установлено), крайне потрясенный необъяснимымъ происшествіемъ, засвидѣтельствовалъ, что 11 августа пріѣзжалъ на нѣсколько часовъ въ Дургэмъ навѣстить могилы матери и сестры, все въ домѣ нашелъ въ полномъ порядкѣ, но кузины не видѣлъ.—Можетъ быть, она пріѣхала какъ разъ послѣ его отъѣзда на сѣверъ? Но почему Вилли ничего не сказалъ ему объ ожидаемомъ прибытіи близкой родственницы? — Вѣроятно... не успѣлъ!.. этотъ старый чудакъ, кажется, думалъ, что баринъ пріѣхалъ на вѣчное жительство и, прямо, душилъ его своими хозяйственными отчетами...—Что же случилось дальше?—Онъ, право, не знаетъ и даже

Digitized by Google

предположить не можетъ... Несчастья преслѣдуютъ его семью... Можно подумать, чье-то проклятіе нависло надъ домомъ!..—Ничего не похищено? нельзя подозрѣвать грабежа?—Рѣшительно ничего! ни малѣйшихъ подозрѣній!—Можетъ быть, месть?—Единственно, что остается думать, но кому? за что? и съ чьей стороны?—отказываюсь понять!

Нѣсколько дней, даже недѣль, газеты волновались, писали о драмѣ Берлинъ-Дургэмъ. Затѣмъ успокоились. Ужъ если Хольмсъ и Пинкертонъ признали загадку неразрѣшимой, такъ стоило-ли печатать догадки и предположенія „спеціальныхъ корреспондентовъ?“

Хольмсъ, впрочемъ, сдался только оффиціально. Наединѣ, въ бесѣдѣ со своимъ другомъ, докторомъ Ватсономъ, онъ не разъ возвращался къ этой темѣ.

— Молодой лордъ утверждаетъ, что уѣхалъ на сѣверъ вскорѣ по возвращеніи съ кладбища, до пріѣзда графини. Значитъ—съ поѣздомъ 5 ч. 43 м. пополудни. Странно, что никто этого не видѣлъ. Правда, что и вообще его не видѣли на станціи при отъѣздѣ, ни въ этотъ, ни въ слѣдующіе дни, хотя многіе узнали при пріѣздѣ... Это—очень странно... Мнѣ кажется, что по желѣзной дорогѣ онъ вовсе не уѣзжалъ изъ Дургэма...

— Такъ вы думаете...

— Я ничего не думаю, я только излагаю факты. Иду дальше. Въ комнатѣ, на которую указано какъ на обычную спальню графини, пустовавшую уже болѣе года, на туалетномъ столѣ и около него я подобралъ семь погнутыхъ шпилекъ для волосъ. Невѣроятно,

Digitized by Google

чтобы аккуратная женщина истребляла ихъ въ такомъ количествѣ при нормальныхъ условіяхъ... Онѣ (не шпильки, а женщины) достаточно опытны, чтобы не гнуть ихъ о собственную голову (вѣдь это больно)... скорѣе всего это случается, когда... смята прическа.

— И это все?..

— Да, если не считать этой пуговицы, которую я нашелъ тамъ же, пуговицы съ изображеніемъ крыльевъ... Конечно, воздушный флотъ въ данный моментъ такая злоба дня, что многія женщины въ Англіи носятъ подобныя пуговицы на разныхъ своихъ кофточкахъ и пелеринкахъ. Однако же графиня прибыла изъ Германіи...

Какъ ни добивался докторъ Ватсонъ дальнѣйшаго развитія идей своего друга, великій сыщикъ на этомъ пунктѣ становился нѣмъ, какъ рыба...

Кажется, былъ и еще одинъ человѣкъ, который не слишкомъ довѣрялъ свидѣтельству молодого лорда. По крайней мѣрѣ Джемми получилъ письмо довольно страннаго содержанія.

„Дорогой кузенъ (смѣю ли назвать такъ „Рыцаря Великаго Ордена“), если при вашемъ всемогуществѣ вы способны примириться съ фактомъ непонятнаго исчезновенія вашей кузины (моей жены), то я примириться съ нимъ не могу. Эта „катастрофа“ напоминаетъ мнѣ другую, подобную ей, и кажется весьма подозрительной. Раскрытіе тайны я ставлю единственной цѣлью моей жизни и добьюсь своего. Насильникамъ я сумѣю отомстить, но... горе ей! если... никакого насилія не было... Съ почтеніемъ — Цуръ-Мюленъ“.

IV.

Подъ сѣнью щита «Царицы Міра»...

Конечно, самымъ надежнымъ убѣжищемъ для бѣглянки являлась бы „Долина Тайнъ", но, несмотря на всю любовь къ племяннику, ближайшему помощнику и будущему замѣстителю на высокомъ посту,— на такое нарушеніе устава „Главнокомандующій воздушнымъ флотомъ Царицы Міра" все же не рѣшился...

Ее поселили въ такъ называемомъ „охранномъ раіонѣ", о которомъ необходимо сказать нѣсколько словъ.

Высокая изгородь изъ колючей проволоки, со всѣми ея многосложными сигнальными приспособленіями, опоясывавшая „Долину Тайнъ" по внѣшнему склону окружавшихъ ея возвышенностей (изъ-за сооруженія которой возникъ извѣстный запросъ въ палатѣ общинъ, закончившійся тріумфомъ Эдуарда VII)—давно была возстановлена.—Кромѣ того, прилежащая къ ней извнѣ полоса земли, шириною (въ зависимости отъ топографическихъ условій) мили 2—3, была объявлена „охраннымъ раіономъ". Въ этой полосѣ всякая частная собственность была выкуплена правительствомъ „Царицы Міра" (жалобъ не было, такъ какъ цѣной не стѣснялись).

„Охранный раіонъ" находился въ исключительномъ вѣдѣніи особаго „охраннаго корпуса" (единственное регулярное войско, уцѣлѣвшее во всемъ мірѣ), комплектовавшагося отборными людьми, имѣвшаго ядромъ своимъ тѣ два батальона гайлендеровъ, которые вер-

Digitized by Google

нулись съ „Таинственнаго острова“, и, въ память этой службы, сохранившаго за собою историческое имя „47-го пѣхотнаго шотландскаго полка“, хотя по числу людей—это былъ уже вовсе не полкъ, по соединенію въ немъ всѣхъ родовъ оружія — отнюдь не могъ называться „пѣхотнымъ“, а что касается номера, то значеніе его опредѣлялось полнымъ отсутствіемъ по всему лицу земли какихъ-либо полковъ, подъ какими-либо номерами.

Чины „47-го полка“ сами не имѣли доступа въ „Долину Тайнъ“. Они только держали караулъ вдоль высокой и плотной изгороди изъ колючей проволоки, отдѣлявшей „Долину Тайнъ“ отъ ихъ „раіона“. Въ этомъ раіонѣ сторожевые посты были расположены такъ, что не было пяди земли, которая не была бы подъ надзоромъ. Это — днемъ. Ночью—помимо безчисленныхъ прожекторовъ, обслѣдовавшихъ мѣстность своими бѣлесоватыми лучами, цѣпь часовыхъ, расположенныхъ по внѣшней границѣ раіона, такъ сгущалась, что они могли переговариваться между собою, не возвышая голоса.

Эта внѣшняя граница „охраннаго раіона“ имѣла огражденіе... чисто символическое—рядъ низенькихъ тумбъ, связанныхъ между собою желѣзными прутьями—изгородь, черезъ которую ребенокъ могъ бы свободно перелѣзть, а взрослый человѣкъ просто перешагнуть.

Почему такъ? Потому, во-первыхъ, что всему свѣту былъ извѣстенъ законъ, запрещавшій переступать ее подъ угрозой получить пулю съ ближайшаго поста, а во-вторыхъ потому, что охрана наблюдала не только за своимъ раіономъ, но и за подступами къ нему,

Digitized by Google

всегда готовая силою отразить всякую попытку вторженія. Ясно, что при такихъ условіяхъ резервамъ (небольшіе конные отряды) долженъ былъ быть, въ любомъ пунктѣ, открытъ свободный путь для преслѣдованія злоумышленниковъ.

Въ одну изъ пустовавшихъ усадебъ этого раіона и были доставлены, въ ночь на 14 августа, обитатели стараго дома Старфордовъ въ Дургэмѣ.

Проницательность мистера Хольмса не обманула его и на этотъ разъ.—Лордъ Старстонъ дѣйствительно не уѣзжалъ изъ Дургэма по желѣзной дорогѣ. Старый Вилли снесъ на станцію коротенькую телеграмму, изъ 2—3 непонятныхъ словъ, а, чуть стемнѣло, молодой лордъ, пройдя незамѣченнымъ къ юго-восточной башнѣ замка, сѣлъ въ ожидавшій его авизо воздушнаго флота и быстрѣе вѣтра помчался на сѣверъ. Двухъ сутокъ (принимая во вниманіе неограниченныя средства) было за глаза довольно, чтобы заброшенную усадьбу превратить въ уголокъ, достойный фантазіи автора „Пѣсни пѣсней", а затѣмъ, въ темную ночь, тотъ-же авизо, носившій имя „Старлингъ", подъ управленіемъ самаго лорда Старстона *), прибылъ къ той же башнѣ и принялъ собравшихся здѣсь, по одиночкѣ и разными путями, пассажировъ.

Осуществленіе этого плана не встрѣтило особыхъ затрудненій, да и не могло ихъ встрѣтить. Пусть читатели припомнятъ уже сказанное о Дургэмѣ—этомъ

*) Непереводимая игра словъ: «старлингъ» звѣздный, сіяющій, и «старлингъ»—скворецъ.

Digitized by Google

обломкѣ старой, патріархальной Англіи, уцѣлѣвшемъ, во всей своей неприкосновенности, среди шума современной жизни. Ну, что могли бы сказать почтенные, страдающіе одышкой полисмэны господамъ Хольмсу и Пинкертону по поводу какихъ-то тѣней, скользящихъ вдоль стѣнъ домовъ и садовыхъ оградъ, когда собственные ихъ глаза неизмѣнно начинали слипаться одновременно съ окнами домовъ, закрывавшимися глухими ставнями?

Старое правило—самыя невѣроятныя происшествія совершаются именно тамъ, гдѣ никто не предполагаетъ ихъ возможности.

Duke of Airkigdom (онъ же дядя Джорджъ) хоть и не слишкомъ часто—на его плечахъ лежала вся тяжесть такого огромнаго дѣла,—но все же не упускалъ случая навѣстить племянника и племянницу въ ихъ уютномъ гнѣздышкѣ. При этомъ, спускаясь сверху на своемъ аэромобилѣ, онъ уже задолго начиналъ неистово ревѣть сиреной — „чтобы — какъ пояснялъ онъ—не застать молодежь врасплохъ“,—а за рюмкою хереса, закуривъ послѣобѣденную сигару, никогда не могъ удержаться отъ мечтаній, заставлявшихъ краснѣть Меджъ и смѣяться Джемми.

— Ну, вотъ...—ораторствовалъ онъ.—Я старѣю, слабѣю, но мнѣ есть замѣститель въ лицѣ Джемми... А кто будетъ его замѣстителемъ?.. — Нѣтъ!... вы должны позаботиться, чтобы это былъ мальчишка!

Мэджъ затыкала уши и убѣгала изъ-за стола, а дядя продолжалъ развивать свои идеи.

— Право, не понимаю въ чемъ дѣло... Послать къ чорту эту нѣмецкую обезьяну! Будь прокляты мои

Digitized by Google

глаза, если завтра же сотни поповъ англиканскихъ, протестантскихъ, католическихъ, греческихъ, наконецъ, самъ Папа — не расторгнутъ прежняго брака и не освятятъ вашъ союзъ!..—Мало? прихватимъ въ ту же компанію Шейхъ-уль-Ислама и Далай-Ламу! Никто и пикнуть не посмѣетъ!..

— Дядя...—прервалъ его Джемми,—но графъ...

— Прихлопнуть его со всѣми потрохами!..

— Но вѣдь онъ въ „правѣ!" и можно ли это право разрушить насиліемъ?.. Если онъ, этотъ „прихлопнутый", спроситъ: „You are gentleman?"

— Ну... вы всегда были неисправимымъ идеалистомъ... Съ такими взглядами... Только дуракъ не съѣстъ у васъ травы изъ-подъ ногъ.

И дядя Джорджъ, разсердившись, улеталъ на своемъ аэромобилѣ...

Юдифь XX вѣка.

Въ общемъ жизнь была отшельническая, но для медоваго мѣсяца большаго не требовалось.

Раннимъ утромъ Джемми отправлялся въ „Долину" и возвращался домой послѣ полдня—иногда рано, иногда только къ обѣду, въ зависимости отъ дѣлъ службы.

Работать приходилось много, и (онъ не могъ объяснить себѣ этого иначе, какъ переутомленіемъ) послѣ обѣда, когда они уходили въ его кабинетъ и устраивались поудобнѣе на широкомъ турецкомъ диванѣ, Джемми, несмотря на всѣ старанія быть весе-

Digitized by Google

лымъ и бодрымъ, неизбѣжно, упиваясь ласкающимъ взглядомъ ея кошачьихъ, мерцающихъ зеленымъ свѣтомъ глазъ—засыпалъ...

Сонъ этотъ продолжался часъ, два... иногда больше... И странно, что, проснувшись, онъ не только не ощущалъ освѣженія, прилива бодрости,—наоборотъ чувствовалъ себя несравненно болѣе разбитымъ, болѣе усталымъ, нежели засыпая. И это не было результатомъ какого-нибудь кошмара. Ни разу не могъ онъ вспомнить ни о какомъ гнетущемъ сновидѣніи, открывая глаза на рукахъ своей возлюбленной, глубоко увѣренный, что „только задремалъ“, хотя эта увѣренность немедленно исчезала при ея шутливомъ упрекѣ—„Mein liebchen, некорректно такъ храпѣть въ присутствіи дамы!“ — и... взглядомъ на стрѣлку часовъ...

Онъ замѣтно похудѣлъ. Цвѣтъ лица сдѣлался землистымъ. Подъ глазами обозначились мѣшки.

— Вамъ надо отдохнуть, Джемми,—твердила Мэджъ, стараясь расправить и разгладить мелкія морщинки на его вискахъ—преждевременно появившіяся „гусиныя лапки“.

— Плюньте на вашу нѣмецкую обезьяну и поѣзжайте встряхнуться туда, гдѣ ананасы зрѣютъ и бананы сами въ ротъ лѣзутъ!—ворчалъ дядя Джорджъ...

Джемми спорилъ, возмущался, но не могъ не признавать, что съ нимъ творится что-то неладное.

— Ахъ, да! вотъ забавный анекдотъ! — заявилъ онъ однажды вечеромъ, шагая по кабинету. — Мало того, что ты и дядя угнетаете меня заботами о моемъ

Digitized by Google

здоровьѣ, ноете о моемъ переутомленіи — къ вашей компаніи прибавился еще и старый Вилли. Сегодня утромъ онъ заявилъ мнѣ, что я слишкомъ много работаю.—Почему слишкомъ?—спрашиваю его,—вы развѣ видѣли меня за работой?—А онъ отвѣчаетъ:—„Здѣсь вамъ слѣдовало бы только отдыхать, но вы и здѣсь не даете себѣ покоя!"—Признаюсь, въ первый моментъ я заподозрилъ старика въ шуткѣ дурного тона, хотѣлъ сразу его оборвать, но воздержался и только спросилъ:—Когда же вы видѣли меня за работой?—„Вчера, сэръ, проходя садомъ... оконныя занавѣси были плохо задернуты; оставалась изрядная щель...—прошу вѣрить, что я не подсматривалъ—это вышло случайно—но я отчетливо видѣлъ васъ у письменнаго стола что-то размѣряющаго циркулемъ"...—Подумай, Мэджъ! „ц и р к у л е м ъ!" Да развѣ въ этомъ райскомъ уголкѣ можно найти, хотя бы цѣною жизни, циркуль, транспортиръ, треугольникъ?.. Я расхохотался, какъ сумасшедшій, и совѣтовалъ ему не злоупотреблять спиртными напитками, особенно на ночь, такъ какъ въ его годы это небезопасно!.. Нѣтъ! ты подумай!—вчера вечеромъ, когда я спалъ, какъ сурокъ, и ты едва могла растормошить меня около полночи!

Напрасно Джемми, разсказывая свой „анекдотъ", такъ энергично шагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Если бы онъ смотрѣлъ не подъ ноги себѣ, а въ лицо кузинѣ, онъ, навѣрное, замѣтилъ бы, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ ловила она каждое его слово, какимъ тревожнымъ взглядомъ осматривала оконныя занавѣси—хорошо ли онѣ задернуты?

Digitized by Google

Когда онъ бросилъ сигару въ каминъ и подошелъ къ ней, она уже вполнѣ владѣла собою.

— Ну, что же?

— Я думаю, это особый родъ галлюцинаціи, „галлюцинація преданности“.

Оба засмѣялись.

Вдругъ Джемми сдѣлался серьезнымъ.

— Не смѣйся, Мэджъ,—заговорилъ онъ,—у меня тоже есть своя „галлюцинація преданности“. Я боюсь за тебя. Въ своихъ утреннихъ прогулкахъ ты иногда уходишь такъ далеко, что часовые теряютъ тебя изъ виду за складками мѣстности и не могутъ отвѣчать за твою безопасность. Помни, что „онъ“ все еще не оставилъ надежды найти тебя. Скажу больше: число туристовъ чрезвычайно возросло!

— Всѣ стремятся побывать хотя бы въ окрестностяхъ „Долины Тайнъ“...

— Возможно... но среди нихъ есть, несомнѣнно, и „его“ агенты... Тебя выслѣживаютъ! На это у меня есть указанія!

— Но, Джемми,—она надула губки, словно собираясь заплакать,—въ нашемъ „раіонѣ“ я чуть ли не каждый камень въ лицо знаю. Такъ скучно! А по дорогѣ въ Бальмораль такія чудныя мѣста! Или я въ тюрьмѣ? или я плѣнница?

Джемми въ отчаяніи всплеснулъ руками.

— Кто говоритъ! кто смѣетъ подумать что либо подобное! Но... у меня всякое дѣло изъ рукъ валится, когда мнѣ по телефону сообщаютъ: „Лэди Мэджъ скрылась за холмомъ“—и какъ я счастливъ, когда придетъ новое извѣстіе: „Часовые опять ее видятъ“...

Digitized by Google

Какъ я мучаюсь!.. Вѣдь я знаю дорогу, и мнѣ говорятъ, гдѣ ты идешь... Говорятъ, напримѣръ, что скрылась за холмомъ Стенборо. По моему разсчету, черезъ 10—15 минутъ должна бы изъ-за него выйти. Проходитъ полчаса—нѣтъ!.. Можетъ быть замедлила шагъ, можетъ быть присѣла отдохнуть, а можетъ быть—несчастье...

— Джемми, mein liebchen! у тебя, право, развивается манія преслѣдованія...

— Нѣтъ, нѣтъ! У меня факты въ рукахъ! Они бродятъ кругомъ, какъ волки... „Онъ" вѣдь писалъ, что месть ставитъ единственной цѣлью своей жизни... И я вѣрю ему, и понимаю его!.. А онъ—еще живъ!.. Надо принять мѣры...

V.

«Deutschland über alles»...

Въ этомъ году конецъ сентября ознаменовался на рѣдкость ясной и тихой погодой. Ночами бывали заморозки. Для центральной Шотландіи все предвѣщало наступленіе ранней и суровой зимы. Зато, какъ ярко свѣтило солнце! Какой глубокой казалась лазурь неба! Какъ легко и привольно дышалось!..

Проводивъ Джемми на службу (теперь онъ уѣзжалъ въ „Долину" и возвращался домой верхомъ, — какъ предписалъ докторъ), Мэджъ, въ теплой кофточкѣ, мѣховой шапкѣ и съ муфтой въ рукахъ, сверкая на солнцѣ своими золотистыми волосами, бодро шагала по крутой тропинкѣ, пересѣкавшей „раіонъ" и спу-

Digitized by Google

скавшейся къ широкой шоссейной дорогѣ, ведущей въ Бальмораль. Часовые издали, только завидѣвъ ее, брали „на-караулъ“ (такой ужъ установился обычай), встрѣчные гайлендеры учтиво давали дорогу, приподнимая надъ головой свои шапочки, и всѣ одинаково ждали, когда она подаритъ ихъ своей улыбкой, кивнетъ головой и броситъ ласковое „Good day!“, отъ котораго свѣтлѣли самыя сумрачныя лица.

Вотъ и граница „раіона“, которую она не перешагнула, а перепрыгнула, вся охваченная тѣмъ задоромъ, который разливали въ воздухѣ яркіе лучи солнца, словно торопившіеся отогрѣть подмерзшую за ночь землю.

Вотъ далеко, внизу, серебряной лентой блеснулъ Бэллэтеръ, такой бурный и грозный весенней порой, такой сердитый въ періодъ дождей, а теперь прикинувшійся такой смиренной, такой тихенькой рѣчкой...

Въ это ясное утро панорама долины въ ея осеннемъ уборѣ, съ крутого поворота дороги, внезапно раскрывавшаяся на десятки миль, была такъ хороша, что вполнѣ понятнымъ казалось восхищеніе какого-то туриста, который, усѣвшись на камнѣ, смотрѣлъ, не отрывая бинокля отъ глазъ.

Мѣсто было совсѣмъ пустынное и со стороны „раіона“, опоясывавшаго „Долину Тайнъ“, отгороженное кручей, такъ что самый ревнивый глазъ не могъ бы заподозрить наблюдателя въ какихъ-нибудь злостныхъ намѣреніяхъ. Да и смотрѣлъ-то онъ въ противоположную сторону, повернувшись спиной ко всѣмъ тайнамъ.

— „Deutschland, Deutschland über alles“...—за-

Digitized by Google

пѣлъ онъ вполголоса, когда Мэджъ проходила мимо него.

Можетъ быть ей эта пѣсня что-нибудь напомнила, или просто вѣтеръ бросилъ въ лицо нѣсколько песчинокъ...—но Мэджъ порывисто выхватила изъ муфты ту кружевную тряпочку, которую дамы называютъ носовымъ платкомъ, и поднесла ее къ глазамъ... Она даже не замѣтила, что при этомъ рѣзкомъ движенiи изъ ея муфты выпало маленькое серебряное портмонэ.

Зато легкiй металлическiй стукъ вещицы, упавшей на камни, привлекъ вниманiе туриста, даже взглядомъ не удостоившаго проходившую мимо него красавицу.

Онъ всталъ со своего мѣста, поднялъ блестящiй предметъ, повертѣлъ его въ рукахъ и, вдругъ, словно догадавшись въ чемъ дѣло, бросился вдогонку за дамой.

Сухой трескъ ружейнаго выстрѣла, раздавшiйся съ ближняго холма, заставилъ Мэджъ вздрогнуть и поспѣшно обернуться. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, то хватаясь за грудь, то протягивая руки впередъ, словно ища опоры, стоялъ незнакомецъ, съ трудомъ державшiйся на ногахъ, но все же лепетавшiй — „Deutschland... Deutschland...“ Она бросилась къ нему, схватила протянутыя руки, пробовала его поддержать... но эти руки не искали поддержки — онѣ передавали ей ея же портмонэ... И когда оно исчезло въ муфтѣ, раненый грузно опустился на землю... Небольшой револьверъ выпалъ изъ бокового кармана его куртки и лежалъ рядомъ, въ дорожной пыли, сверкая на солнцѣ своей никелировкой...

Digitized by Google

Полная какимъ-то священнымъ ужасомъ Мэджъ склонилась вадъ нимъ...

— Осторожнѣе... храни васъ Богъ... тамъ — въ кошелькѣ... на мнѣ—ничего... безопасно... скажите... я... за родину...

Кровь хлынула у него горломъ, но, собравъ послѣднія силы, онъ еще могъ прошептать:

— Дайте... дайте... святая...—и, судорожно схвативъ ея руки, прижалъ ихъ къ своимъ губамъ...

Конный патруль маршъ-маршемъ мчался къ мѣсту происшествія...

— Милэди! Вы невредимы? Вы ранены?—крикнулъ молодой лейтенантъ, на скаку спрыгивая съ коня и подбѣгая къ ней.

Она стояла блѣдная и неподвижная, какъ мраморное изваяніе, увѣнчанная короной рыжевато-золотистыхъ волосъ, выбившихся изъ подъ шляпки, и только расширенные, почти безумные глаза жили и, казалось, не могли оторваться отъ кровавыхъ пятенъ, покрывавшихъ ея свѣтло-палевыя перчатки...

— Вы ранены?..

— Нѣтъ, нѣтъ!.. — съ трудомъ промолвила Мэджъ. — Но я не думала, что это такъ ужасно... На моихъ глазахъ.... Зачѣмъ...

И молодой офицеръ, и его подчиненные оказались на высотѣ положенія (не даромъ это было единственное войско не только въ Англіи, но и во всемъ свѣтѣ). Онъ только сдѣлалъ едва замѣтный жестъ, и спѣшившіеся гусары совсѣмъ заслонили собою трупъ, распростертый на дорогѣ; нѣсколько сѣдель, брошенныхъ въ кучу, образовали собою нѣчто въ родѣ дивана...

Digitized by Google

— Присядьте, милэди! По телефону уже дано знать и вашъ автомобиль идетъ сюда полнымъ ходомъ. Всякая опасность миновала... Воды! гдѣ вода?..

— Осмѣлюсь доложить, сэръ... глотокъ уиски... Милэди! послушайте стараго солдата... вмѣшался въ разговоръ сѣдоусый вахмистръ...

— Да! да!—полуистерично разсмѣялась Мэджъ. — Дайте уиски!

Рѣзкимъ движеніемъ она опрокинула въ ротъ поданную ей чарку. Захватило духъ... въ глазахъ пошелъ какой-то туманъ... Она вскочила на ноги и протянула къ нимъ руки, съ которыхъ бравый лейтенантъ успѣлъ уже стащить окровавленныя перчатки... О! если бы они знали, что въ муфтѣ, которая виситъ на шнуркѣ, охватывающемъ ея шею, лежитъ маленькій серебряный кошелекъ, а въ немъ... Они бы удавили ее этимъ самымъ шнуркомъ!.. Но они не знаютъ и ждутъ ея ласковаго слова, и готовы умереть за нее!..

Ей такъ хотѣлось безумно, безумно расхохотаться...

Но она сдержалась.

— Друзья мои! чѣмъ бы я могла отблагодарить васъ за ваше самоотверженіе? Вѣдь вы мчались на выручку мнѣ, рискуя сломать себѣ голову!

— Милэди, ваши слова—наивысшая награда...— проговорилъ лейтенантъ, почтительно кланяясь.

— Я—доволенъ!—подтвердилъ вахмистръ.

— А я—нѣтъ,—возразила Мэджъ и, подойдя къ нему, взяла его за голову и поцѣловала.

Кругомъ—ахнули...

— Остальные недовольны?—ну, тогда—каждому...

Digitized by Google

И она обошла всѣхъ, каждаго награждая поцѣлуемъ.

Надо было ихъ видѣть, этихъ профессіональныхъ воякъ, когда они получали такую необычайную награду!..

Рявкнувъ сиреной, подкатилъ автомобиль, а черезъ минуту, развернувшись, уже уносилъ ее къ дому, но умѣренной скоростью, чтобы не уходить отъ экскорта гусаръ, мчавшихся по бокамъ и кричавшихъ — „God save the Airqueen!"

Послѣдній шагъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. оставьте меня одну... дайте вздохнуть!—говорила Мэджъ, входя въ двери своего дома и встрѣченная всѣмъ его населеніемъ.

Даже Эмми и той она не позволила слѣдовать за собою, но, какъ была—въ теплой кофточкѣ, мѣховой шляпкѣ и съ муфтой—прошла прямо къ себѣ.

Каминъ горѣлъ яркимъ пламенемъ...

Она заботливо заперла двери, стала передъ каминомъ, вынула изъ муфты серебряное портмонэ, а изъ него сложенный въ нѣсколько разъ клочекъ бумаги, тщательно его расправила и прочла:

„Казалось бы бо̀льшаго ждать нельзя. Всѣ данныя—на-лицо. Уже приступили къ работамъ. А все же, именемъ родины, прошу—еще!.. Жанна д'Аркъ всего міра! я первый преклоняюсь предъ вами, а за мною преклонятся и всѣ народы, если сердце у нихъ не

Digitized by Google

обросло мохомъ, если духъ Божій еще живъ въ нихъ!..—Чертежи, описанія, инструкціи — все прекрасно... но если бы намъ имѣть живого человѣка, который видѣлъ бы въ дѣйствіи всѣ эти механизмы!.. Кто можетъ быть имъ?..—мнѣ даже страшно высказать мою просьбу, но...—все равно—вы! только вы—звѣзда міра, солнце Германіи!.. Богъ да поможетъ вамъ!—W. I. R.“

Внимательно, нѣсколько разъ перечитавъ записку, она бросила ее въ огонь, взяла щипцы и заботливо поправила уголья, словно съ намѣреніемъ убѣдиться, что самый пепелъ „документа“ безслѣдно развѣялся...— Послѣ „того“ случая въ Дургэмѣ можно было научиться осторожности!—Затѣмъ она, не торопясь и безъ шума, отомкнула дверь, запертую на ключъ, и, какъ была, все еще не раздѣваясь, въ глубокой задумчивости опустилась на кушетку...

Не прошло и получаса, какъ въ тихую комнатку бурей ворвался Джемми.

— Ну вотъ! ну вотъ!—Дождались!—Слава Богу, что мнѣ пришла мысль выставить посты внѣ „раіона“ по дорогѣ въ Бальмораль!..—Вѣдь безъ этого, можетъ быть, ты лежала бы тамъ, на пыльной дорогѣ...

— Но...—пролепетала Мэджъ,—мнѣ кажется... все это—какое-то ужасное недоразумѣніе...

— Однако же онъ бросился на тебя съ револьверомъ! Спасибо этому стрѣлку! Я отплачу ему! Вотъ вѣрный глазъ! Еще мгновеніе — и было-бы поздно!

Digitized by Google

— Но... право... я не видала у него въ рукахъ никакого револьвера...

— Однако его нашли рядомъ съ нимъ, на дорогѣ! Да наконецъ и стрѣлокъ ясно видѣлъ въ рукахъ его какой-то блестящій предметъ!..

— Все-таки... Джемми... это такъ ужасно... на моихъ глазахъ... руки, запачканныя кровью... можетъ быть, онъ вовсе...

— Ну, да! Конечно! Теперь пошли сантиментальности!...—Нѣтъ, сударыня! Я, разумѣется, не въ правѣ запретить вамъ гулять, гдѣ вамъ вздумается! хотя бы и въ толпѣ! Но знайте, что всякій, кто къ вамъ приблизится, и въ комъ можно будетъ подозрѣвать „его" агента—будетъ застрѣленъ, какъ куропатка...—И если будутъ невинно-погибшіе—Богъ да вознаградитъ ихъ! А мнѣ—слишкомъ дорога ваша жизнь!..

Сдержанныя рыданія заставили его опомниться.

Мэджъ, свернувшаяся комочкомъ на своей кушеткѣ, вдругъ сдѣлавшаяся такой маленькой, слабой и беззащитной, горько плакала...

— My darling! my darling!—твердилъ Джемми, стараясь оторвать отъ ея лица руки, которыми она его закрывала, и осыпая ихъ поцѣлуями.—My darling! Я говорю глупости, я говорю совсѣмъ не то, что хотѣлъ сказать!—Слушай, mein liebchen! Дядя тысячу разъ правъ—ты не можешь, не должна хоронить свою жизнь въ этой берлогѣ!—Мы полетимъ! полетимъ, куда тебѣ вздумается...—сегодня—на Мадерѣ, черезъ два дня—въ Каирѣ, черезъ четыре дня—въ Японіи, черезъ недѣлю—гдѣ-нибудь въ южной Америкѣ... Нѣтъ!

Digitized by Google

„онъ“ за нами не угоняется!.. А когда будемъ возвращаться сюда, то... даже недурно будетъ отдохнуть отъ массы впечатлѣній въ нашемъ „раіонѣ“, отказавшись, конечно, отъ прогулокъ по бальморальской дорогѣ... Не такъ ли, my darling?

Слезы еще текли изъ ея глазъ, но она уже смѣялась, уже отвѣчала на его поцѣлуи.

— „Богъ да поможетъ вамъ“, — мелькала у нея въ головѣ заключительная фраза письма, полученнаго цѣною человѣческой жизни.—Но развѣ это не помощь Божія?—Безъ всякихъ просьбъ, безъ всякихъ уловокъ осуществляется то, о чемъ ни она, никто другой, не смѣли мечтать...

Этотъ запоздалый „voyage de noce“ былъ счастливѣйшимъ временемъ въ жизни Джемми, какимъ-то волшебнымъ сномъ...

Тѣмъ ужаснѣе было пробужденіе...

Недаромъ Джемми отговаривалъ ее отъ этой затѣи, указывалъ на близость Германіи, на возможность встрѣчи... Его томило какое - то предчувствіе... но она такъ просила!.. Ей казалось такимъ забавнымъ не подняться, а спуститься на вершину Юнгфрау, позавтракать, погулять и опять „подняться“, смѣясь надъ туристами, которые принуждены „спускаться“...

Что случилось? —несчастье или преступленіе?— Кто могъ отвѣтить? Кто могъ разрѣшить эту загадку?..

Она исчезла.

Она вошла въ зданіе станціи фуникулера, попро-

Digitized by Google

сивъ его „подождать одну минутку“, и уже не возвращалась...

Самые тщательные розыски не дали никакого результата.

По требованію „Царицы Міра“ была поставлена на ноги сыскная полиція всего свѣта.—Безрезультатно!..

Она исчезла безслѣдно...

. . . .

Окончательно потерявъ всякую надежду добиться чего-либо на мѣстѣ, Джемми вернулся со своимъ кораблемъ въ „Долину тайнъ“ и здѣсь нашелъ письмо, ожидавшее его прибытія.

Оно было кратко.

„Сэръ. Правосудіе совершилось. Не ищите ея. Это былъ бы напрасный трудъ. Вы всемогущи и можете уничтожить меня, но смѣю замѣтить, что у насъ, въ Германіи, такого рода дѣла разрѣшаются на полѣ чести. Предоставляя вамъ свободный выборъ образа дѣйствій, считаю себя въ правѣ засвидѣтельствовать, что, давъ ложное показаніе господамъ Хольмсу и Пинкертону, вы поступили недостойно джентльмена. Фридрихъ Цуръ-Мюленъ“.

Въ Англіи, какъ извѣстно, дуэль непринята, но въ данномъ случаѣ — столкновенія съ подданнымъ классической страны дуэлей, гдѣ на нее смотрятъ, какъ на судъ Божій,—возможно ли было колебаться?..

Тѣмъ болѣе... этотъ намекъ на то, что „онъ“ заранѣе готовъ претерпѣть всякое насиліе безъ надежды оказать какое-либо сопротивленіе...

Digitized by Google

Джемми рѣшилъ послать ему своихъ секундантовъ, и дядя Джорджъ одобрилъ такое рѣшеніе.

Поединокъ состоялся на разсвѣтѣ 16 декабря въ окрестностяхъ Льежа.

Двѣнадцать шаговъ (меньше нельзя по правиламъ) и стрѣльба по командѣ.

Графъ Цуръ-Мюленъ—убитъ. Лордъ Старстонъ тяжело раненъ.

VI.

Великая революція.

Пока въ опустѣломъ коттэджѣ, еще такъ недавно полномъ жизни, свѣта и счастья, Джемми боролся со смертью, окруженный попеченіями преданныхъ старыхъ слугъ, заботами товарищей и подчиненныхъ,—на міровой аренѣ подготовлялась великая трагедія, и событія, одно другого значительнѣе, слѣдовали съ головокружительной быстротой.

Знаменитый манифестъ Эдуарда VII не вызвалъ всеміpной революціи потому, что ударъ пришелся по правящимъ и капиталистическимъ кругамъ общества. Народныя массы, безъ различія національностей, привѣтствовали его, какъ благую вѣсть.

Если главы государствъ возмущались и негодовали (конечно, про себя) по поводу низведенія ихъ на роль управителей автономныхъ областей міровой имперіи, если милльонеры и миллъардеры горѣли безсильнымъ бѣшенствомъ, видя, какъ день ото дня дешевѣютъ деньги и дорожаетъ трудъ,—зато тѣ, чей

Digitized by Google

трудъ мало-по-малу дѣлался краеугольнымъ камнемъ общественнаго и личнаго благополучія, чей трудъ готовился въ близкомъ будущемъ стать единственной цѣнностью — они благословляли великаго преобразователя.

Былъ, однако же, въ этой системѣ одинъ слабый пунктъ, и умные люди не замедлили его использовать.

Десятки и сотни милліоновъ брошюръ и листковъ, дѣятельно распространявшихся по всему свѣту, не уставали твердить, что величайшее открытіе XX вѣка все же монополизировано Англіей, и что такой захватъ—преступленіе.

Неизвѣстные авторы рисовали волшебныя картины будущаго, заманчивыя перспективы, которыя могли бы такъ легко осуществиться, если бы только тайна generàtor'а сдѣлалась достояніемъ всего человѣчества.

Не пришлось бы ни рыть туннелей, ни строить мостовъ для желѣзнодорожныхъ путей; не было бы нужды гигантскимъ пароходамъ огибать цѣлые материки, бороться съ подводными опасностями, съ противными теченіями и штормами океановъ, чтобы доставить къ мѣсту свой драгоцѣнный грузъ...—Сообщеніе между двумя любыми точками земной поверхности производилось бы безпрепятственно, безопаснѣйшимъ и кратчайшимъ путемъ!..

А примѣненіе той же, чудодѣйственной, силы въ промышленности, въ повседневной жизни?..

Почему же, во имя чего не хотятъ дать рабочему человѣку возможности разогнуть его усталую спину, облегчить, свести до минимума его тяжкій трудъ?—Не искупленъ ли первородный грѣхъ?—Не настало ли

Digitized by Google

время, когда суровый приговоръ—„Въ потѣ лица твоего добывай хлѣбъ твой“—за давностью потерялъ силу, и Всевышній, повѣдавъ избраннику великую тайну, не возстановилъ ли тѣмъ самымъ перваго своего завѣта, которымъ землю со всѣмъ, что на ней, предназначилъ во владѣніе человѣка—вѣнца своего творенія?

Боятся, что великое открытіе будетъ употреблено во зло? Что вновь возникнутъ распри и междоусобія? Но такое опасеніе имѣло смыслъ лишь въ первый моментъ. Теперь, когда арміи распущены, флоты разоружены... когда народы, сбросивъ съ себя бремя милитаризма, на опытѣ познали блага всеобщаго мира, пора убрать этотъ мечъ, занесенный надъ ними, пора и его „перековать на плугъ!“

Если владѣющій мечемъ неустанно грозитъ мирнымъ труженикамъ, не помышляющимъ о насиліи, живущимъ и работающимъ въ братскомъ согласіи, то тѣмъ самымъ дѣлаетъ себя господиномъ, а ихъ—своими рабами!

Къ чему эта угроза?

Это ли обѣщанный „миръ Божій?“

„Свобода, равенство и братство!“—великій девизъ, провозглашенный болѣе вѣка тому назадъ—языкомъ смертныхъ переданный безсмертный завѣтъ—„Возлюби ближняго твоего, какъ самого себя“...

Развѣ не глумятся надъ этими святыми словами тѣ, что кощунственно начертали ихъ нынѣ на своемъ знамени?

Возможна ли „свобода“ тамъ, гдѣ сила замѣняетъ право?

Digitized by Google

Всеобщее рабство есть ли идеалъ „равенства?“

„Братство!..“—Смѣшно было бы говорить о братствѣ между рабами и ихъ повелителями, а что касается братства среди рабовъ, то оно существовало съ незапамятныхъ временъ...

Во имя этого братства, НАРОДЫ МІРА, ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ!..

Конечно, этой пропагандѣ была противупоставлена контръ-пропаганда.

Епископъ Кентерберійскій сказалъ великолѣпную проповѣдь, которая въ сотняхъ мильоновъ экземпляровъ, переведенная на всѣ языки, была распространена по свѣту.

Въ ней указывалась, въ ней явственно разоблачалась преступная игра словами священнаго писанія, допущенная соблазнителями.

Пусть сказано, что „поднявшій мечъ отъ меча погибнетъ?“—Но хранящій мечъ въ ножнахъ, какъ оружіе для защиты слабаго отъ возможнаго насилія, развѣ заслуживаетъ гибели? Развѣ ему она предсказана?

Не вернулись ли мы къ тому времени, когда первые люди въ райской обители пользовались благами „мира всего міра?..“ Но вѣдь и имъ дана была заповѣдь—„не вкушать отъ плодовъ древа познанія добра и зла“.—Нарушивъ ее, утратили они свое блаженство, вступили въ юдоль мрака и страданія...

— Вкусите, и все познаете, и будете, какъ боги!—говорилъ діаволъ...

И его послушали...

Digitized by Google

И нынѣ, какъ нѣкогда, соблазняютъ васъ и говорятъ: „Сорвите завѣсу съ тайны и будете владѣть міромъ!“

Послушаете ли опять?

Кровью Христа Спасителя искупленъ первородный грѣхъ...

Чѣмъ искупите его повтореніе?..

Не лютой ли казнью всего человѣчества?..

Однако же контръ-пропаганда имѣла успѣхъ весьма посредственный, вѣрнѣе... не имѣла почти никакого успѣха...

Вѣдь такъ легко было играть на этой самой слабой струнѣ человѣческаго сердца—„на жаждѣ лучшаго“...

— Они говорятъ:—„Сброшенъ гнетъ милитаризма; личный трудъ сдѣлался основой благосостоянія—радуйся!“—Лицемѣры!

— Они говорятъ —„Какъ тяжело было раньше, и какъ легко теперь!—Чего желать еще? къ чему еще стремиться?..“—Грабители!

Да! грабители! потому что не хотятъ подѣлиться съ другими благами великаго открытія, только для себя берегутъ сокровище, которое могло бы сравнять имущественныя и сословныя различія!

„Никто, возжегши свѣтильникъ, не скрываетъ его подъ спудомъ, но ставитъ открыто, да свѣтитъ міру“. Это тоже изъ священнаго писанія!..

Броженіе усиливалось...

На пространствѣ всего земного шара народныя массы глухо волновались.

Digitized by Google

Лозунгъ агитаторовъ былъ такъ заманчивъ, такъ общепонятенъ—„Хорошо, но можетъ быть еще лучше. —Есть довольство, а могло бы быть счастіе“.

Резолюціи, выносившіяся гигантскими митингами, петиціи, покрытыя милліонами подписей,—всѣ резюмировались немногими словами:— Сдѣлайте великое открытіе достояніемъ человѣчества!

Если контръ-пропаганда не имѣла успѣха, то репрессіи, къ которымъ попыталось прибѣгнуть правительство Царицы Міра, только подлили масла въ огонь и усилили движеніе.

Въ довершеніе всего пронесся слухъ, что тайна generàtor'a уже раскрыта, что гдѣ-то въ какихъ-то глухихъ мѣстахъ уже сооружаются воздушные корабли, и близокъ день, когда они соберутся въ эскадры и выступятъ противъ поработителей.

Этотъ слухъ, неясный, неопредѣленный, упорно держался.

Правительство встревожилось.

Воздушная полиція осматривала всѣ уголки міра, но тщетно.

Кромѣ пословъ, посланниковъ и резидентовъ, проживавшихъ въ столицахъ, во всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ пунктахъ были учреждены консульства, снабженныя огромнымъ штатомъ агентовъ, выслѣживавшихъ призракъ грозной опасности.

Начались обыски и аресты...

Всякому становилось очевиднымъ, что народы утратили свою самостоятельность и порабощены міровой

Digitized by Google

имперіей, что императоры, короли, президенты республикъ и ихъ парламенты фактически лишены всякой власти...

Гнетъ становился невыносимымъ...

Наконецъ—вспыхнула великая революція!

Mot de Cambrone.

Какъ и слѣдовало ожидать, начала Франція, открыто, смѣло, почти безразсудно выступивъ въ защиту попранныхъ „правъ человѣка".

Передъ величіемъ задачи смолкла вражда партій; отъ крайнихъ правыхъ до крайнихъ лѣвыхъ — всѣ объединились, и палата депутатовъ вотировала единогласно слѣдующую резолюцію:

„Принимая во вниманіе, что правительство Великобританіи упорно хранитъ, исключительно въ своихъ интересахъ, тайну великаго открытія, которое могло бы осчастливить человѣчество,—мы объявляемъ это правительство врагомъ народовъ, а слугъ его—внѣ закона".

Въ тотъ же день сенатъ, тоже единогласно, одобрилъ эту резолюцію, сдѣлавъ въ ней небольшое добавленіе, а именно:

„Британскимъ подданнымъ предоставляется трехъдневный срокъ для ликвидаціи ихъ дѣлъ, по истеченіи котораго они обязаны покинуть предѣлы Франціи".

Англійскій посолъ потребовалъ немедленнаго роспуска обѣихъ палатъ.

Digitized by Google

Престарѣлый Фальеръ (недавно вновь избранный на свой высокій постъ) просилъ его обождать до завтра, такъ какъ случай оказывался неимѣющимъ прецедентовъ:—Палата, сенатъ и кабинетъ министровъ единогласно приняли опредѣленное рѣшеніе. Если даже онъ, лично, президентъ республики, не сочувствуетъ этому рѣшенію, то имѣетъ ли онъ право ему противиться? не надлежитъ ли ему прибѣгнуть предварительно къ плебисциту или просто сложить свои полномочія?

За ночь уже выяснилось съ достаточной опредѣленностью, что всякій плебисцитъ является излишнимъ, такъ какъ со всѣхъ концовъ Франціи—отъ генеральныхъ совѣтовъ, общинъ и городовъ—неслись по телеграфу восторженныя привѣтствія мужественному рѣшенію и обѣщанія поддержки въ борьбѣ за священныя права человѣка.

Утромъ весь Парижъ былъ на улицахъ, и несмѣтныя толпы народа устремились въ Версаль. Гремѣла марсельеза; вѣяли трехъ-цвѣтные флаги... По чьей-то мысли изъ старыхъ арсеналовъ и музеевъ были добыты полуистлѣвшія знамена, свидѣтели былой славы, на которыхъ можно было прочесть всю исторію Франціи.

Къ нимъ относились съ благоговѣніемъ, не различая, какую эпоху, какой режимъ они характеризуютъ. Королевскія лиліи, императорскіе орлы, фригійскія шапки, вздѣтыя на пики, красное знамя коммуны и церковныя орифламы—все встрѣчались громовымъ кликомъ—„Vive la France!“

Это былъ день всеобщаго братства, всеобщаго единенія...

Digitized by Google

Какъ только открылось засѣданіе конгресса, англійскій посолъ попросилъ слова и поднялся на трибуну.

Рѣчь его отличалась краткостью и опредѣленностью.—Вѣрнѣе сказать, это былъ ультиматумъ.—Онъ требовалъ полной покорности, сдачи на милость побѣдителя.

— Сопротивленіе безцѣльно и нелѣпо,—закончилъ онъ,—воздушный флотъ уже спѣшитъ къ Парижу, и, въ случаѣ отказа въ повиновеніи, смететъ его съ лица земли. Обращаюсь къ вашему благоразумію и жду вашего отвѣта.

Президентъ грузно поднялся со своего мѣста и заговорилъ добродушнымъ тономъ стараго крестьянина:

— Милордъ! вечеромъ, въ день битвы при Ватерло остатки старой гвардіи, бывшіе въ тотъ моментъ, передъ лицомъ побѣдоноснаго врага, послѣдними представителями императорской Франціи, оказались окруженными вашими соотечественниками... Они не сдались, а когда англійскій генералъ крикнулъ, что всѣхъ ихъ перестрѣляетъ, то генералъ Камбронъ бросилъ ему въ лицо короткое слово, которое съ тѣхъ поръ такъ и называется „mot de Cambrone“. Вы, вѣроятно, его знаете...—Въ данный моментъ мы, послѣдніе народные представители свободной Франціи—(голосъ его зазвучалъ торжественно)—стоимъ передъ лицомъ врага, который грозитъ уничтожить насъ своимъ воздушнымъ флотомъ!—Но мы не сдаемся!—Думаю, что буду выразителемъ единодушнаго мнѣнія не только здѣсь присутствующихъ, но и всего народа, если отвѣчу вамъ тѣмъ же сло-

Digitized by Google

вомъ, какимъ нѣкогда Камбронъ отвѣтилъ вашему соотечественнику!..—Такъ ли я сказалъ, господа члены конгресса?

Бѣшеный взрывъ аплодисментовъ и криковъ покрылъ заключительныя слова этой, единственной въ своемъ родѣ, рѣчи.

— Къ оружію, граждане!—вопилъ Жоресъ, потрясая кулаками.—За свободную Францію! Смерть или побѣда!

А Бодри д'Анссонъ, этотъ enfant terrible палаты, прыгая черезъ кресла, добрался до него, крикнулъ— „Вмѣсто пары пощечинъ, которыя я всегда обѣщалъ вамъ при моихъ выступленіяхъ, примите пару поцѣлуевъ!"—и бросился къ нему на шею...

Чины англійскаго посольства вынуждены были скрыться отъ народной ярости...

Однако же безпроволочный телеграфъ успѣлъ сообщить о происшедшемъ воздушной эскадрѣ раньше, чѣмъ былъ уничтоженъ толпой.

Еще въ теченіе двухъ сутокъ угроза, высказанная лордомъ — бомбардировка беззащитнаго Парижа — не приводилась въ исполненіе.

Эдуардъ VII колебался...—Неужели такимъ ужаснымъ путемъ должна была завершиться его свѣтлая мечта о мирѣ всего міра, о благѣ человѣчества?..

Однако, переговоры, которые пытались завязать, не имѣли никакого успѣха, а между тѣмъ резолюція конгресса неукоснительно приводилась въ исполненіе. Британскіе подданные выселялись изъ предѣловъ

Digitized by Google

Франціи въ назначенный срокъ по доброй волѣ или при... содѣйствіи мѣстныхъ властей.—Надо отдать справедливость, что послѣднія прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы оградить имущественную и личную безопасность выселяющихся, а это было не такъ-то легко ввиду возбужденія, овладѣвшаго массами.

Дальнѣйшее промедленіе могло быть принято за слабость. — Развѣ эти массы поняли бы, что ихъ щадятъ? — Конечно, они сочли бы себя побѣдителями!—Создавался крайне опасный прецедентъ, который, разросшись во всемірную революцію, могъ бы повести къ повсемѣстному бойкоту Англіи и сдѣлать ее—Царицу Міра—самымъ жалкимъ изъ государствъ, любое изъ которыхъ, самое могущественное, она имѣла и силу, и возможность уничтожить.

Необходимы были рѣшительныя мѣры, чтобы пресѣчь зло въ корнѣ.—Такого мнѣнія единодушно держались не только члены англійскаго правительства, но и народъ, такъ какъ безъ всякихъ понужденій со стороны властей, по частной иниціативѣ, вновь формировались давно распущенные полки регулярной арміи и милиціи, и ветераны суданской, бурской и китайской кампаніи радостно спѣшили подъ знамена Старой Англіи..

— Скажите, Генри!—говорилъ король своему старому камердинеру, нервно шагая по кабинету въ ожиданіи доклада,—что Верховный Совѣтъ въ сборѣ. Скажите! чего имъ нужно? чего они добиваются? Вѣдь ни одинъ народъ не благоденствовалъ при старомъ режимѣ такъ, какъ теперь! Я далъ имъ все, всѣ блага міра... Чего имъ не хватаетъ?—только возможности

Digitized by Google

вредить другъ другу... Этого я имъ не далъ и... не хочу дать, и не дамъ!.. Для ихъ же пользы!..—Поймите, Генри, для ихъ же пользы!..—Почему же они возстаютъ противъ меня? Во имя чего готовы жертвовать собой, счастьемъ и довольствомъ своихъ близкихъ?..

— Осмѣлюсь доложить, сэръ...—промолвилъ старикъ, какъ бы собираясь съ мыслями.—Если бы мнѣ за большое... очень большое вознагражденіе, посуливъ золотыя горы, предложили сдѣлаться французомъ и... застегивать ботинки ихъ президента...—я бы... добровольно не согласился. Можетъ быть я глупъ, и меня слѣдовало бы принудить принять предложеніе... Право, не знаю...

— Ахъ, Генри, Генри!—Но возможно ли царство любви и мира утвердить насиліемъ!—Вотъ сомнѣніе, которое меня гложетъ...

— Однажды, сэръ... Сынъ Божій пытался утвердить его кротостью, проповѣдью всепрощенія...

Бесѣда была неожиданно прервана появленіемъ дежурнаго адъютанта, доложившаго, что чины правительства и представители обѣихъ палатъ ожидаютъ выхода Его Величества.

Рѣшеніе было принято...

Міръ содрогнулся отъ ужаса...

VII.

Разгромъ Франціи.

Бомбардировка наиболѣе богатыхъ городовъ и промышленныхъ центровъ не привела къ желаемымъ результатамъ.—Франція не изъявила покорности...

Digitized by Google

На жестокость отвѣчали жестокостью...

Британскіе подданные, не успѣвшіе покинуть возмутившуюся страну, безпощадно истреблялись безъ различія пола и возраста, а ихъ имущество уничтожалось.

Каждый ребенокъ, едва научившійся лепетать, уже зналъ пѣсню, сложенную какимъ-то безвѣстнымъ авторомъ, и радостно подхватывалъ гордый refrain:

„Vous avez pu terroriser le monde,

„Mais notre cœur—vous ne l'aurez jamais!"

Дѣйствительно, при томъ единодушіи, которымъ было охвачено все населеніе Франціи, когда роялисты, бонапартисты, республиканцы, соціалисты, даже самъ Эрве, объединялись лозунгомъ марсельезы—„Contre nous de la Tyrannie l'etendard sanglant est levé!"—Царица Міра была поставлена въ положеніе, почти безвыходное.

Владѣя воздухомъ, она оказывалась безсильной владѣть людьми, которые дышали этимъ воздухомъ, потому что эти люди рѣшили бороться до послѣдняго, и только смерть заставляла смолкнуть ихъ гордый, хотя и безсильный, протестъ.—Ихъ возможно было уничтожить, но покорить—нельзя...

Къ тому же вскорѣ, въ этой чудовищной борьбѣ беззащитной массы съ малочисленнымъ, но всемогущимъ врагомъ, выработалась особая тактика.

Почти всѣ силы воздушнаго флота были сосредоточены надъ территоріей Франціи, но ихъ все же оказывалось недостаточно для неусыпнаго наблюденія за каждымъ уголкомъ страны.—Особенно затруднялось

Digitized by Google

такое наблюденіе ночью, такъ какъ лучи электрическихъ прожекторовъ освѣщали раіонъ, прямо, ничтожный. Между тѣмъ въ лѣсахъ, въ горныхъ ущельяхъ собирались граждане, формировавшіе свои батальоны... Чуть появлялся на небѣ воздушный врагъ, сборище разсѣивалось, а преслѣдовать и уничтожать одиночныхъ людей казалось нелѣпой жестокостью, вдобавокъ, недостигающей цѣли...

Становилось ясно, что въ томъ случаѣ, когда приходилось имѣть дѣло не съ правительствомъ, не съ его арміей, а съ самимъ народомъ,—одного воздушнаго флота недостаточно...

200-тысячная армія высадилась въ устьяхъ Сены и конвоируемая воздушной эскадрой, уничтожавшей по пути ея слѣдованія всякое подобіе укрѣпленій, разсѣивавшей всякое сборище людей, двинулась на Парижъ, лежавшій въ развалинахъ.

Она достигла его, нигдѣ не встрѣтивъ сопротивленія...

Но дальше?

Дальше началась самая безпощадная народная война, хуже той, которую испанцы характеризуютъ словами—„Война на ножахъ“.—Война, въ которой не только ножъ, но все, могущее причинить смерть или увѣчье, было пущено въ ходъ, все—до огня и яда включительно... война, въ которой все считалось дозволеннымъ.

Одиночные люди, даже небольшіе отряды, отдѣлявшіеся отъ главныхъ силъ и углублявшіеся въ страну, если только они не конвоировались воздушнымъ кораблемъ—пропадали безъ вѣсти.

Digitized by Google

Англійскія войска, вынужденныя держаться сплочено, владѣли лишь той территоріей (вѣрнѣе клочками ея), на которой находились гарнизоны достаточной силы и охраняемые „сверху“.—Впрочемъ, даже и въ этихъ убѣжищахъ полной безопасности не было: занятыя ими жилища—горѣли; источники—оказывались отравленными; продукты питанія—носили въ себѣ прививки злѣйшихъ эпидемій; мосты рушились; въ туннеляхъ происходили обвалы...

Иногда удавалось захватывать злоумышленниковъ и предавать ихъ казни.—Чаще—страдали невинные.—Но ряды бойцовъ все пополнялись новыми мстителями...

Лордъ Китчнеръ, спѣшно вызванный изъ Индіи, убѣдившись въ невозможности терроризовать населеніе, какъ это удалось ему въ суданской кампаніи, попробовалъ примѣнить ту систему, которая доставила ему успѣхъ въ Южной Африкѣ,—но и это оказалось неосуществимымъ: если возможно было, располагая 250-тысячной арміей, взять въ плѣнъ все населеніе бурскихъ республикъ, едва достигавшее этой цифры, включая въ счетъ стариковъ, женщинъ и дѣтей, то вѣдь для 45 милліоновъ, чтобы поступить съ ними аналогичнымъ образомъ, потребовалась бы армія... въ 50 милліоновъ!..

Рѣшено было взять непокорныхъ измoромъ.

Отряды англійскихъ войскъ замкнулись въ укрѣпленныхъ пунктахъ. Воздушный флотъ патрулировалъ страну и держалъ строгую блокаду ея границъ. Франція была отрѣзана отъ міра, обречена на постепенное одичаніе и вымираніе, если... не покорится...

Но она не покорялась!

Digitized by Google

Мало того! Разсѣявшіеся по глухимъ угламъ, самой націей охраняемые, ея представители (какимъ способомъ — неизвѣстно) пребывали въ постоянномъ общеніи между собою, издавали декреты, руководили дѣйствіями массъ, а самоотверженные люди ухитрялись, какими-то путями, вывозить за границы „обреченной" страны ихъ воззванія, обращенныя къ народамъ міра.

Эти воззванія, полныя горячей вѣры въ конечное торжество права надъ силой, переводились на всѣ языки, проникали всюду...

„Молитесь за погибающихъ, но не жалѣйте ихъ! Не оскорбляйте состраданіемъ тѣхъ, кто достоинъ зависти! Мы умираемъ свободными и вѣримъ, что близокъ часъ, когда буйное пламя прорветъ слой шлака и пепла, которымъ его старательно прикрывали. Близокъ часъ, когда проснется могучій духъ народовъ, сбросить съ себя оковы призрачнаго благополучія и довольства и властно потребуетъ, чтобы не какія-то крохи съ барскаго стола давались ему, но чтобы за этимъ столомъ каждому дано было мѣсто по праву! И если возстанутъ всѣ, всѣ, до послѣдняго парія, то что же предприметъ Царица Міра? Рѣшитъ уничтожить человѣчество? — Невозможно! — Она захлебнется въ крови!"

И многое другое въ этомъ родѣ.

День ото дня положеніе становилось серьезнѣе.

Еще бы! Когда даже въ далекой Японіи, и тамъ мальчуганы, ученики начальныхъ школъ, наравнѣ съ національнымъ гимномъ пѣли „Фурансуно гайка" (побѣдная пѣснь Франціи) съ припѣвомъ „Секай во одосу

Digitized by Google

кото деките,—вага кокоро но—цуи ни най!“ (Пусть вы смогли устрашить весь міръ, но наше сердце—никогда)!

Нибелунги.

Въ глухой, затерянной среди горъ, долинѣ Тибета крейсера воздушнаго флота обнаружили, наконецъ, верфь, на которой строились воздушные корабли по системѣ, составлявшей монополію Царицы Міра, снабженные двигателями, работавшими generator'омъ, и даже складъ (небольшой) самого generator'а...

Строители, захваченные врасплохъ, не захотѣли сдаться на милость побѣдителя, подожгли зданія, склады, видимо пытаясь уничтожить компромметирующіе документы, вещественныя доказательства; зато и сами были уничтожены.

Однако же кое-что, какіе-то клочки, извлеченные изъ-подъ пылающихъ обломковъ, дали правительству Царицы Міра руководящую нить къ раскрытію всесвѣтнаго заговора, имѣвшаго цѣлью ниспровергнуть ея владычество.

Одно было несомнѣнно: тайна generator'а перестала быть тайной, и эту раскрытую тайну пытались использовать для борьбы съ Царицей Міра, для борьбы съ ней равнымъ оружіемъ!

Правда, удалось, руководствуясь добытыми данными, розыскать и уничтожить еще двѣ подобныя верфи—въ верховьяхъ Нигера (Африка) и въ Чилійскихъ Андахъ (Ю. Америка), но по тѣмъ намекамъ,

Digitized by Google

которые имѣлись въ рукахъ, число ихъ надо было опредѣлять десятками!—Гдѣ же? Вѣдь всѣ обитаемыя мѣста состояли подъ надзоромъ агентовъ верховнаго правительства, патрулировались воздушнымъ флотомъ.

Вскорѣ же выяснилось, что все до нынѣ обнаруженное оказывалось излишне самонадѣянными, дерзкими выходками, которыми враги „мира всего міра“ пытались ускорить ходъ событій, что главныя силы строятся скрытно, подъ землей и въ нѣдрахъ горъ, недоступныя наблюденію ни воздушной полиціи, ни агентовъ консульствъ.

Это извѣстіе, облетѣвшее Англію съ быстротой молніи, вызвало бурю негодованія, не безъ примѣси, однако же, затаенной тревоги.

Требовали самыхъ рѣшительныхъ мѣръ.

Какихъ?—Въ этомъ должно было разобраться правительство.

Правительство не дремало, но... вѣдь нельзя же было, въ самомъ дѣлѣ, приняться за истребленіе человѣчества и сметать съ лица земли всякій поселокъ, гдѣ его агенты встрѣчали недружелюбный пріемъ? А если чаша терпѣнія переполнится и всѣ послѣдуютъ примѣру Франціи? Вѣдь бойкотированной окажется сама Царица Міра!

Положеніе было весьма затруднительное.

Новое открытіе. (И притомъ необычайной важности). Глава мірового заговора — императоръ Вильгельмъ! — Оказывается, по наведеннымъ справкамъ, что добыча угля въ Вестфаліи сильно упала, а между тѣмъ наплывъ рудокоповъ въ эту страну (рудокоповъ ли?) неимовѣрно возросъ, при чемъ новоприбыв-

Digitized by Google

шіе стремятся преимущественно въ южную, гористую часть страны и здѣсь, словно, сквозь землю проваливаются...

Всякія попытки проникнуть въ таинственную область, разузнать въ чемъ дѣло, терпѣли неудачу. Официальныхъ представителей мірового правительства встрѣчали съ почетомъ, устраивали имъ торжественныя пріемы не только на поверхности земли, но даже въ глубинѣ копей, залитыхъ электричествомъ и украшенныхъ флагами...—Этимъ все и заканчивалось.—Но если высокія особы не имѣли, да и не могли имѣть, успѣха въ своей миссіи, то, можетъ быть, отряды официальныхъ и неофициальныхъ агентовъ, ихъ сопровождавшіе, что-нибудь развѣдывали?..—И—да, и—нѣтъ.—Кое что, конечно, было, но все только намеки на что-то, такъ какъ наиболѣе предпріимчивые и проницательные неизмѣнно дѣлались жертвами либо катастрофы, либо (по свидѣтельству проводниковъ) собственной неосторожности, а что касается агентовъ неофиціальныхъ—такъ тѣ просто пропадали безъ вѣсти...

Это становилось похожимъ на... глумленіе, чего Царица Міра, конечно, снести не могла!

Глухою ночью отряды галендеровъ, высаженные воздушнымъ флотомъ, окружили Потсдамскій дворецъ.

Караулъ не оказалъ и тѣни сопротивленія.

Часовые, услышавъ въ отвѣтъ на свой окликъ грозныя слова—„Rule, Britania!“—брали „на-караулъ“ и безпрепятственно пропускали пришельцевъ.

Но дворецъ былъ пустъ...

Зато на слѣдующее утро весь міръ (на это были

Digitized by Google

какія-то таинственныя средства, пресѣчь которыя сама Царица Міра оказывалась не въ силахъ) читалъ манифестъ бывшаго императора Германіи и короля Пруссіи:

„Довольно сраму! Мою корону я уступаю тому, кто, въ своей рабской преданности Царицѣ Міра, согласится надѣть ее!—Не золото, не брилліанты составляли ея цѣнность!—Я принялъ ее съ благоговѣніемъ, какъ символъ свободной власти надъ свободнымъ народомъ, въ которомъ я только первый свободный гражданинъ!—Народъ мой низвергнутъ въ рабство Царицѣ Міра, и я, первый, сдѣлался ея первымъ рабомъ!..—Не хочу быть имъ, не хочу носить короны, утратившей былое значеніе!..

Кто хочетъ быть свободнымъ—иди за мной!

Царица Міра владѣетъ воздухомъ, окружающимъ землю, на поверхности которой мы живемъ...

Въ этомъ надземномъ царствѣ мы порабощены ею..

Уйдемъ подъ землю! Слава Всевышнему!—тамъ власть ея не настигнетъ насъ.

И тамъ, въ нѣдрахъ нашей прародительницы, выкуемъ грозное оружіе, съ которымъ выступимъ противъ нашего общаго врага!

Наши поработители, въ своемъ самомнѣніи, уже придумали намъ насмѣшливую кличку „Нибелунговъ“, гномовъ, мечтающихъ покорить міръ...

Что-же? Примемъ это прозвище!

Будемъ носить его съ гордостью!

За мной, „Нибелунги“! за мной!“

Digitized by Google

Карты были брошены на столъ.

Пока еще разыщутъ остальныя подземныя верфи, но, въ данный моментъ, необходимо было разорить гнѣздо всемірнаго заговора, захватить или... уничтожить его вдохновителя.

Наученные горькимъ опытомъ войны съ Франціей, войска Царицы Міра на этотъ разъ не предприняли похода для завоеванія Германіи.—Просто воздушный флотъ былъ мобилизованъ и близъ Мюнстера высадилъ на поверхность земли воинскую силу, казалось бы, вполнѣ достаточную для проникновенія въ заповѣдную область и для разрушенія всякихъ „подземныхъ верфей“.

Конечно, экспедиціонный корпусъ конвоировался воздушной эскадрой, всегда готовой уничтожить всякое препятствіе на его пути—будь то скопище людей или какія-нибудь искусственныя преграды.

Вотъ тутъ-то и вышла ошибка.

Не подумали о томъ, что могутъ быть и подземныя укрѣпленія.

На второй день похода корабли воздушнаго флота, обслѣдовавшіе и „очищавшіе“ путь, по которому двигалась армія, были встрѣчены энергичнымъ артиллерійскимъ огнемъ изъ-подъ земли...

Снаряды, страшной разрушительной силы, сыпались градомъ, а принимая во вниманіе, что аэронавты, увѣренные въ полной безопасности, шли такъ низко, что могли въ рупоръ переговариваться съ кавалерійскими разъѣздами, стрѣльба, почти въ упоръ, нанесла имъ существенный уронъ... Многіе вовсе погибли, взорвавшись, или опрокинувшись и рухнувъ на

Digitized by Google

землю; иные, подбитые, вынуждены были спуститься, чтобы исправить поврежденія... Уцѣлѣвшіе взвились кверху, но выйдя за предѣлы досягаемости этой „проклятой подземной артиллеріи", они оказывались безсильными помочь своимъ войскамъ, уже боровшимся грудь съ грудью съ батальонами, выроставшими изъ-подъ земли...

Напрасно метали они бомбы по линіи подозрѣваемыхъ подземныхъ батарей,—эти послѣднія были такъ искусно замаскированы, такъ ловко прятались въ своихъ норахъ, что только „шальная" бомба могла нанести имъ вредъ (конечно не обошлось и безъ этого).—Различить ихъ съ безопасной дистанціи оказывалось невозможнымъ; спуститься на столько, чтобы опознать врага, значило быть разстрѣляннымъ...

А на поверхности земли кипѣлъ ожесточенный бой...

Захваченные врасплохъ, плохо обученные полки милиціи, собравшіеся на „веселенькій пикникъ" въ Вестфалію, шедшіе походнымъ строемъ, глубоко увѣренные, что воздушные конвоиры гарантируютъ имъ полную безопасность, были смяты, обратились въ бѣгство... Многіе бросали оружіе, молили о пощадѣ, но... пощады не было...

Только на разсвѣтѣ, когда остатки воздушной эскадры, уже внѣ раіона дѣйствія орудій подземной крѣпости, приспустились, опознали остатки своей арміи и тѣснымъ кольцомъ окружили ее,—довелось имъ вздохнуть свободно...

Это было не пораженіе, но—разгромъ...

Еще не разъ пытался воздушный флотъ уничто-

Digitized by Google

жить таинственную преграду, недопускавшую войска Царицы Міра проникнуть въ заповѣдную область, но все тщетно. Либо мечи бомбы на-угадъ, возбуждая только веселость противника (кромѣ рѣдкихъ, „шальныхъ“, попаданій) либо—приспустись и будь разстрѣлянъ...

Вся Германія могла быть разорена, превращена въ пустыню, но цитадель ея оказывалась неприступной...

Развѣ, что и тутъ попробовать „взять измором“, блокадой, въ надеждѣ, что, когда ѣсть станетъ нечего, сдадутся на милость побѣдителей?..

Планъ не дуренъ!

Такъ и рѣшили.

Правительственныя сообщенія не замедлили внести успокоеніе въ широкіе круги англійскаго общества, встревоженные послѣдними извѣстіями.

„Ничего особеннаго не случилось, и страхи, посѣваемые алармистами, лишены всякаго основанія— повѣствовалъ офиціозъ министерства. — Мы, безусловно, могли бы уничтожить и центральную подземную верфь въ Вестфаліи, вмѣстѣ съ „королемъ Нибелунговъ“, и всѣ подобныя ей, имѣющіяся въ различныхъ пунктахъ земного шара, но это потребовало бы слишкомъ большихъ жертвъ, вызвало бы излишнее кровопролитіе, противорѣчащее девизу, начертанному на знамени Царицы Міра—„Миръ всего Міра“... Пусть роются въ нѣдрахъ горъ трудолюбивые Нибелунги!—Пусть дышатъ через отдушины, прокопанныя ими въ толщѣ скалъ, такія ничтожныя по размѣрамъ, что наши крейсера не могутъ различить ихъ съ вы-

Digitized by Google

соты!—Пусть тѣшатся!—Вѣдь не изъ этихъ-же поръ вылетятъ воздушные корабли, способные помѣряться въ открытомъ бою съ нашимъ флотомъ!—Собирать эти корабли придется подъ открытымъ небомъ, а тогда—они будутъ уничтожены, ибо за каждой такой верфью наблюдаетъ специальная эскадра. Если же—иронизировалъ офиціозъ — господа Нибелунги думаютъ собрать свои корабли подъ землею и летать на нихъ въ своемъ подземномъ царствѣ, то мы можемъ лишь привѣтствовать такую блестящую идею и ничего не имѣемъ противъ ея осуществленія".

VIII.

На стражѣ.

Джемми, лишь недавно окончательно оправившійся отъ полученной раны и вступившій въ исполненіе обязанностей, съ „Первой воздушной эскадрой", которой былъ начальникомъ, блокировалъ „Царство Нибелунговъ".

Это было прескучное занятіе.

Держаться приходилось высоко, внѣ досягаемости орудій подземныхъ крѣпостей, и зорко наблюдать въ трубы и бинокли не обнаружится ли гдѣ-нибудь подозрительный обвалъ, не появятся ли значительныя группы людей или какіе-нибудь другіе признаки производимыхъ работъ. При малѣйшемъ подозрѣніи начиналась бомбардировка, несшая съ собой чисто стихійное разрушеніе. Кромѣ того приходилось патрулировать „нейтральную зону", т. е. полосу земли между

Digitized by Google

кольцомъ подземныхъ крѣпостей и обложившими ихъ со всѣхъ сторонъ войсками Царицы Міра („Punch“ окрестилъ эту зону „Кольцомъ Нибелунговъ“).—Въ этомъ „кольцѣ“ не только все живое, но даже вся растительность, всѣ постройки были уничтожены. Это кольцо отрѣзывало Нибелунговъ отъ міра.

Однако, были основанія предполагать, что они все же ухитрялись поддерживать сношенія съ нимъ.

Вѣроятно, въ темныя ночи отдѣльные смѣльчаки пробирались сквозь линіи часовыхъ.

Случалось, что патрули захватывали какихъ-то подозрительныхъ людей, но, къ сожалѣнію, документовъ на нихъ никогда не находили, а добиться чего-либо допросомъ оказывалось невозможнымъ потому... что они умирали въ самый моментъ задержанія...—Медицинское вскрытіе неизмѣнно устанавливало фактъ отравленія ціанистымъ кали. Очевидно они принимали его изъ страха проговориться...

Нельзя не признать, что это былъ вѣрный способъ сохранить тайну.

Самымъ досаднымъ являлось для воздушнаго флота его безсиліе наблюдать за дѣятельностью Нибелунговъ внутри ихъ раіона въ темныя ночи, такъ какъ спустившись на дистанцію, съ которой ихъ прожекторы могли бы освѣщать мѣстность, они попадали подъ убійственный огонь подземныхъ батарей раньше, чѣмъ сами успѣвали оглядѣться и принять какія-либо мѣры.

Въ послѣднее время особенно часто приходилось обнаруживать въ ущельяхъ, то тутъ, то тамъ, гигантскіе отвалы грунта, очевидно вынесеннаго или вывезеннаго изъ-подъ земли въ теченіе ночи. Однако же,

Digitized by Google

самая ожесточенная бомбардировка окрестностей такихъ подозрительныхъ пунктовъ не давала увѣренности, что врагу нанесенъ какой-либо уронъ. Днемъ ни единой живой души не появлялось на поверхности...

Молодежь острила, что, судя по размѣрамъ этихъ отваловъ, Нибелунги роютъ подъ землей такія пещеры, въ которыхъ могли бы свободно маневрировать ихъ воздушные корабли, но люди серьезные были не на шутку обезпокоены, предвидя приближеніе развязки...

Со всѣхъ концовъ свѣта, гдѣ только подозрѣвались подземныя верфи, приходили тревожныя извѣстія...

Была темная, безлунная ночь.

„Star and Stone“ тихо рѣялъ надъ вершинами горъ въ ожиданіи разсвѣта, когда можно будетъ возобновить наблюденія за поверхностью земли.

Джемми (начальникъ эскадры) сидѣлъ „подъ вѣтромъ“ на кормовой площадкѣ, лишь съ боковъ едва прикрытой неширокими щитами изъ зеркальныхъ стеколъ, имѣвшихъ цѣлью предохранить сидящаго на ней отъ порывовъ вѣтра при крутыхъ поворотахъ.

Къ слову сказать, здѣсь, на воздушномъ кораблѣ, вѣтромъ называлось то сопротивленіе воздуха, которое испытывалъ корабль при своемъ поступательномъ движеніи, но по существу это не былъ вѣтеръ, т. е. воздушное теченіе. Борта парохода, идущаго по поверхности моря, испытываютъ огромное треніе, разсѣкая водную стихію, но вѣдь нельзя сказать, чтобы это было „теченіе“. Пароходъ, попавшій въ струю могу-

Digitized by Google

чаго потока, совершенно не въ состояніи замѣтить этого обстоятельства, если кругомъ его нѣтъ неподвижныхъ предметовъ, по которымъ онъ могъ бы оріентироваться. На воздушномъ шарѣ, уносимомъ ураганомъ, можно свободно зажечь спичку, и она будетъ горѣть ровнымъ пламенемъ, какъ въ мертвый штиль.—Почему?—Потому, что въ массѣ воздуха, движущейся со страшной скоростью, этотъ шаръ относительно неподвиженъ.—Развѣ мы замѣчаемъ, что земля вращается вокругъ своей оси и несется по своей орбитѣ кругомъ солнца?—Нѣтъ, потому что каждый атомъ предметовъ, окружающихъ насъ, участвуетъ въ этомъ движеніи. Такъ и на воздушномъ кораблѣ. Слабонервныя лэди часто высказывали свое восхищеніе передъ неустрашимостью аэронавтовъ, смѣло шедшихъ противъ жестокаго вѣтра, совершенно упуская изъ виду, что для этихъ послѣднихъ впечатлѣніе „вѣтра" создается лишь скоростью ихъ движенія въ средѣ, а не скоростью движенія самой среды, съ которой они составляютъ одно цѣлое.

Вотъ почему на воздушныхъ корабляхъ кормовая площадка, слегка прикрытая съ боковъ стеклянными щитами, и являлась любимымъ мѣстомъ отдохновенія чиновъ личного состава.

Однако же въ этотъ предразсвѣтный часъ она пустовала.—Всѣ, незанятые службой, давно уже крѣпко спали.—Джемми былъ одинъ, одинъ со своими думами, со своими воспоминаніями...

Передъ его глазами, устремленными во мракъ, носились дорогіе образы безвременно погибшей маленькой Грэсъ, старушки-матери и... „ея"... Тутъ сердце

Digitized by Google

его сжималось острой болью...—Отъ тѣхъ остались хоть могилы!.. Отъ „нея“—ни слѣда!..

И онъ гналъ отъ себя дразнящія картины мимолетнаго, жгучаго счастья, выпавшаго ему на долю и такъ безпощадно разбитаго... Онъ пробовалъ отвлечься мыслями о задачѣ мірового значенія, возложенной на воздушный флотъ... но и здѣсь не находилъ утѣшенія... Великое торжество. Небывалый тріумфъ побѣдителей. Хранители меча Царицы Міра, благословляемой народами. Сказочное развитіе промышленности и товаро-обмѣна. Золотой вѣкъ... Потомъ — взрывъ недовольства. Крутыя мѣры противъ этихъ недовольныхъ. Рѣки крови. Человѣческія гекатомбы, какихъ еще не видѣлъ міръ...

Джемми содрогнулся...—Слава Богу! Онъ въ это время лечился отъ своей тяжкой раны—онъ въ „этомъ“ не принималъ участія!.. Мимо! Мимо!..

— Нѣтъ!.. Видно насиліемъ нельзя утвердить на землѣ царства Божьяго, царства любви и мира!..

— Ну, а теперь?—Готовится что-то страшное, передъ чѣмъ поблѣднѣютъ всѣ, уже пережитые, ужасы...

Конечно, возможныя мѣры приняты...—Стерегутъ, ждутъ, готовы къ бою...—Но вѣдь и тѣ не дураки же? Вѣдь не идутъ же они на вѣрную, а, главное, безполезную гибель?..— Что-нибудь изобрѣли такое, чего Царица Міра, при всей своей мощи, узнать, разгадать не въ силахъ...

— Странно...—думалось ему.—Намъ не удалось уберечь тайны generator'а, и до сихъ поръ мы не можемъ добиться, кто предатель... Только нѣсколько сотъ человѣкъ были посвящены въ нее... Кого можно

Digitized by Google

бы заподозрить?.. Да и какая выгода въ такомъ предательствѣ?..—А вотъ они—хранятъ свою тайну, хотя не сотнямъ, не тысячамъ, а милліонамъ и десяткамъ милліоновъ людей разныхъ національностей она, несомнѣнно, извѣстна... А эти гонцы, которые, попавъ въ наши руки, отравляются, чтобы не проболтаться!.. Какое всепокоряющее чувство объединяетъ ихъ, даетъ имъ эту силу?—Неужели сознаніе мірового братства, братская любовь?—Какой вздоръ!—Японецъ, жертвующій жизнью за нѣмца, или французъ, проливающій свою кровь въ интересахъ араба!.. Никогда не повѣрю!..—Но если не любовь, то что-же?..

— Ненависть къ поработителямъ!

Эта мысль такъ ярко, такъ отчетливо мелькнула въ его мозгу, что въ первый моментъ ему даже почудилось, будто кто-то громко ее выговорилъ невдалекѣ отъ него.

Онъ оглянулся,—но кругомъ, конечно, никого не было.

— Да...—прошепталъ Джемми,—на этомъ чувствѣ они могли объединиться... и, пожалуй, по праву, по справедливости...

Внезапно его размышленія были прерваны...

Битва народовъ.

На востокѣ уже разгоралась заря; звѣзды меркли; здѣсь, наверху, было почти свѣтло, но внизу, на землѣ, только вершины горъ чуть заалѣлись, а до-

Digitized by Google

лины еще тонули во мглѣ, одѣтыя предразсвѣтнымъ туманомъ.

Оттуда изъ этой мглы, доносились глухіе раскаты мощныхъ взрывовъ... Почти одновременно и съ разныхъ сторонъ... Казалось, рушатся самыя горы... Да и впрямь—перебивая тысячеголосое эхо, за каждымъ взрывомъ слѣдовалъ продолжительный грохотъ, какъ бы отъ низвергающейся лавины...

— Творится что-то особенное. Будьте на сторожѣ!—телеграфировалъ Джемми начальнику осаднаго корпуса.

— Адмиралъ,—отвѣчалъ тотъ,—у насъ еще хуже. Вотъ уже нѣсколько часовъ, какъ Лондонъ не отвѣчаетъ на шифрованныя телеграммы, хотя мои принимаются, а на простыя даже получаются отвѣты. Опасаюсь, все ли благополучно.

Ни на воздушной эскадрѣ, ни въ осадномъ корпусѣ не знали еще, что въ эту ночь по всему свѣту весь персоналъ посольствъ, миссій, консульствъ и агентствъ Царицы Міра былъ арестованъ (а частью уничтоженъ, гдѣ пытались оказать сопротивленіе), и какъ телеграфъ, такъ и пути сообщенія перешли въ руки ихъ законныхъ владѣльцевъ.

Что касается взрывовъ и слѣдовавшихъ за ними обваловъ, грохотъ которыхъ встревожилъ дремлющее эхо вестфальскихъ горъ, — то это — подземныя верфи открывали ворота своихъ эллинговъ...

Официозы ошиблись.

Нибелунги и не думали вытаскивать свои корабли по частямъ черезъ вентиляціонныя отдушины для

сборки ихъ подъ открытымъ небомъ, съ котораго на нихъ сыпались бы всеразрушающія бомбы.

Они, дѣйствительно, не были „дураками“.

Одновременно съ сооруженіемъ кораблей, десятки тысячъ рукъ, управлявшихъ могучими механизмами (и здѣсь не малую услугу оказало примѣненіе generator'а), расширяли подземное царство, прокладывая въ толщѣ горныхъ породъ гигантскія галлереи (вотъ откуда брались эти отвалы, заполнявшіе долины) для выхода на свѣтъ Божій воздушнаго флота, когда онъ будетъ вполнѣ законченъ постройкой.

Уже задолго до великаго дня лишь ничтожная (по толщѣ) стѣнка отдѣляла ихъ отъ міра.

Подкрѣпленіе сводовъ, мѣры, принятыя противъ возможнаго осѣданія пластовъ въ моментъ внезапнаго уничтоженія естественной опоры,—были чудомъ техники.—Такія чудеса геній человѣка могъ создать только—или въ просвѣтленіи всеобъемлющей любви, или въ порывѣ неукротимой ненависти!..

Насталъ часъ, котораго такъ долго ждали!

Достигнута цѣль, къ которой стремились, не щадя никакихъ жертвъ!

Мощными взрывами разрушены послѣднія преграды, и корабли Нибелунговъ, никогда невидѣвшіе дневного свѣта, вылетѣли изъ подземныхъ норъ!

Но вѣдь по природѣ своей они и не были ночными птицами, дѣтьми мрака,—и солнце не ослѣпило ихъ!—они всегда мечтали о немъ, всегда рвались къ нему—къ Солнцу Свободы!..

Digitized by Google

Джемми подалъ сигналъ тревоги...

Въ дымкѣ тумана, въ сумракѣ, еще заполнявшемъ долины, ему видѣлись какія-то тѣни...

— Точно... воздушный флотъ... возможно-ли? откуда?..—Да, нѣтъ!—видно, какъ они собираются!..

Не онъ одинъ видѣлъ.

Это видѣли всѣ и только ждали сигнала.

Полетѣли бомбы...

Однако противникъ, искусно воспользовавшись туманомъ и облаками, окутавшими вершины горъ, успѣлъ безъ потерь взвиться къ небу и стать лицомъ къ лицу съ эскадрой Царицы Міра.

Закипѣлъ бой.

Бой на высотѣ нѣсколькихъ тысячъ метровъ надъ поверхностью земли.

И тутъ Джемми сразу понялъ, что ихъ игра проиграна.—У нихъ были только бомбы, а у противника была... артиллерія.

Чтобы метнуть бомбу, необходимо было хоть на мгновеніе оказаться надъ врагомъ, тогда какъ онъ по всѣмъ направленіямъ могъ посылать свои снаряды. Правда, это были снаряды ничтожные по своей разрушительной силѣ, но... грозившіе взрывомъ собственныхъ бомбовыхъ погребовъ.

Всю надежду приходилось возложить на искусство въ маневрированіи, въ которомъ англійскіе капитаны, конечно, безмѣрно превосходили Нибелунговъ, впервые поднявшихся на воздухъ.

Счастье благопріятствовало Германіи, или это ихъ наводчики были какими-то „волшебными стрѣлками“, но только въ первые же моменты боя изъ шести

Digitized by Google

кораблей англійской эскадры три были взорваны, четвертый, подбитый, медленно кружась, опускался на землю, гдѣ долженъ былъ попасть въ руки непріятеля.

— Спѣшите съ донесеніемъ!—приказалъ Джемми пятому. — Я постараюсь ихъ задержать, прикрыть васъ!

Не было дисциплины болѣе сурозой, чѣмъ въ воздушномъ флотѣ. Получивъ приказаніе, командиръ „Корнуэлльса“ немедленно взялъ курсъ NO и далъ полный ходъ въ то время, какъ Джемми, на своемъ „Star and Stone“, яростно атаковывалъ всякаго, кто только пытался преслѣдовать бѣглеца.

И ему удалось обезпечить отступленіе своего вѣстника.

Почему? Можетъ быть потому, что (такъ казалось) у него было нѣкоторое преимущество въ скорости?.. Хотя врядъ ли... Повидимому, главнѣйшую роль играло искусство маневрированія, а въ этомъ отношеніи единственнымъ достойнымъ соперникомъ ему являлся корабль, на бортахъ котораго въ лучахъ восходящаго солнца ярко горѣла золотая надпись „Фрейя“. Бывали моменты, когда Джемми готовъ былъ ему апплодировать.

„Корнуэлльсъ“ благополучно скрылся за горизонтомъ. Джемми могъ бы послѣдовать за нимъ, но какой-то безудержный задоръ увлекалъ его въ этотъ поединокъ съ „Фрейей“, къ которому собственно и свелся весь бой.

Послѣ того, какъ онъ парой удачно брошенныхъ бомбъ разнесъ вдребезги подвернувшуюся ему мѣшковатую „Баварію“, остальные нѣмцы держались на

Digitized by Google

благородной дистанціи, изрѣдка пострѣливая, да и то съ опаской, какъ бы не попасть въ своего.

Только они, двое, участвовали въ этой безумной игрѣ, то проносясь по долинамъ и, огибая вершины горъ, какъ подводные камни, то взвиваясь на такую высоту, гдѣ грудь съ усиліемъ вбирала въ себя морозный воздухъ.

Джемми начиналъ сердиться. Ему казалось, что смѣлый противникъ не то играетъ съ нимъ, какъ кошка съ мышью, не то... щадитъ его, всегда оставляя открытой дорогу на сѣверъ.

При одной этой мысли вся кровь бросалась ему въ голову.

Послѣдняя бомба изъ его запаса! И какой моментъ! Но опять эта „Фрейя" выскользнула изъ-подъ него! Онъ промахнулся!

Они разошлись почти вплотную, бортъ о бортъ... Оттуда не стрѣляли... Можетъ быть тоже израсходовали боевые припасы?

Но онъ видѣлъ... — Или ему пригрезилось? — Да, нѣтъ! онъ видѣлъ! — Онъ ясно видѣлъ сквозь зеркальныя стекла, изъ которыхъ построена вся капитанская рубка... — тамъ! — на „Фрейѣ"! — склонившуюся надъ рулевымъ аппаратомъ стройную женщину, всю залитую лучами солнца, игравшими въ ея золотисто-рыжеватыхъ волосахъ, смотрѣвшую на него съ мольбой и страхомъ своими широко раскрытыми зелеными глазами...

Кто ласкалъ эти волосы, кто глядѣлся въ эти глаза — тотъ могъ ли не узнать ихъ, хотя бы въ мимолетномъ видѣніи!..

Digitized by Google

Хриплый крикъ вырвался изъ груди Джемми... Безумно смѣлымъ поворотомъ едва не опрокинувъ корабля, онъ направилъ его прямо на противника... „Фрейя", не ожидавшая такого отчаяннаго маневра съ его стороны, не успѣла ускользнуть...

Звонъ разбиваемыхъ стеколъ, лязгъ рвущихся желѣзныхъ листовъ, крики ужаса — все покрылъ собою грохотъ взрыва запасовъ generator'а...

На поверхность земли упали только пылающіе обломки...

Едва закончился бой въ воздухѣ, какъ суда германской эскадры, не теряя драгоцѣнныхъ мгновеній, ринулись къ мѣсту расположенія войскъ осаднаго корпуса...

Осажденные, перешедшіе въ наступленіе, чтобы довершить побѣду, нашли на мѣстѣ вражескаго лагеря безобразныя груды развалинъ, цѣлые пруды крови, стекавшей въ гигантскія воронки, выбитыя взрывами бомбъ, да немногихъ, чудомъ уцѣлѣвшихъ, обезумѣвшихъ отъ ужаса, людей...

Парижъ былъ отомщенъ!..

Выполнивъ свою первоначальную задачу, эскадра на нѣсколько минутъ спустилась къ землѣ.

Король Нибелунговъ (всегда немножко театральный) въ каскѣ и бѣломъ кирасирскомъ мундирѣ, стоя на кормовой площадкѣ своего корабля, принималъ донесенія, приходившія со всѣхъ концовъ міра.

Digitized by Google

„Гайфонгская эскадра, потерявъ три корабля, уничтожила непріятеля. Идетъ на условное рандеву". (Телеграфировали изъ Тонкина.)

„Благополучно достроились, никѣмъ не обнаруженные. Въ назначенный часъ снялись, идемъ на соединеніе.—Бота". (Это изъ Южной Африки).

„Побѣдили, хотя не безъ потерь. Японскій соколъ спѣшитъ навстрѣчу Германскому орлу".

„Uncle Sam со всѣми племянниками уже въ пути. Было жарко!"

„Отдѣлались сравнительно дешево. Будемъ на мѣстѣ въ назначенный день и часъ". (Хинганъ. Манчжурія).

И много другихъ...

Въ общемъ вѣсти были хорошія.

Только одна телеграмма прозвучала мрачной нотой въ ликующемъ хорѣ:—„Перуанцевъ не ждите. Истреблены"...

Король Нибелунговъ, душа міровoго заговора, давно избранный главнокомандующимъ соединенными силами будущихъ (а нынѣ уже существовавшихъ) воздушныхъ флотовъ, долженъ былъ спѣшить, чтобы первымъ явиться къ сборному пункту и вступить въ исполненіе принятыхъ на себя обязанностей.

Но онъ не могъ безъ прощальнаго слова разстаться (можетъ быть навсегда) съ этой, восторженно его привѣтствовавшей толпой людей, которые, одушевленные его идеей, перенесли такія неслыханныя лишенія. выполнили такой невѣроятный трудъ...

Digitized by Google

— Друзья мои!.. Я иду въ бой и, можетъ быть. не вернусь къ вамъ... Примите мою исповѣдь!..—Я говорю то, къ чему пришелъ за послѣдніе годы, и не удивляйтесь, если слова мои противорѣчатъ взглядамъ, которыхъ я держался когда-то...—Вотъ мой завѣтъ вамъ: — Если баварецъ не похожъ на пруссака, а пруссакъ отличается отъ баварца—пусть каждый, по праву, любитъ и даже гордится своими родовыми особенностями, но пусть и къ чужимъ относится съ уваженіемъ... сказалъ бы даже—съ благоговѣніемъ...— Я принялъ на себя высокую отвѣтственность начальствованія союзными силами...—Куда же я поведу ихъ?—На бой съ міровыми поработителями! Въ битву на жизнь и смерть за право каждаго быть самимъ собою!..

Боже праведный!.. (красивымъ жестомъ онъ снялъ каску, и головы толпы благоговѣйно обнажились). Ты сказалъ — возлюби ближняго твоего, какъ самого себя...—Дай же намъ силы во всей полнотѣ, всѣмъ сердцемъ воспринять эту заповѣдь!..—Да будетъ мечъ, который я принимаю въ мои недостойныя руки, Твоимъ мечомъ, сокрушающимъ насиліе, и да поразитъ меня гнѣвъ Твой, если я не оправдаю довѣрія дѣтей Твоихъ, избравшихъ меня! Да пріидетъ Царствіе Твое! Да будетъ воля Твоя!..

Германская эскадра скрывалась по направленію на юго-востокъ, спѣша къ сборному пункту, когда съ сѣверо-запада показались первые развѣдчики мобилизовавшагося воздушнаго флота Царицы Міра.

Digitized by Google

Толпы „Нибелунговъ“ поспѣшно разсѣивались, прятались по своимъ норамъ, страшась кровавой мести...

Но артиллеристы подземныхъ крѣпостей, заряжая орудія, радостно переговаривались между собою:

— Богъ дастъ,—это въ послѣдній разъ!—Близится Царство Божіе!—„На землѣ миръ, и въ человѣкахъ благоволеніе“...

А въ тиши своихъ кабинетовъ дипломаты уже дѣлили богатое наслѣдство, и подъ изысканно-учтивыми фразами различныхъ нотъ и меморандумовъ уже чувствовались назрѣвающіе конфликты, для разрѣшенія которыхъ,—конечно, лишь въ крайнемъ случаѣ и съ величайшимъ прискорбіемъ, исчерпавъ всѣ средства,—придется прибѣгнуть къ силѣ...

КОНЕЦЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧАСТЬ I.

Въ погонѣ за властью.

ЧАСТЬ II.

Борьба за власть.

Digitized by Google

Digitized by Google

СТРАШНОЕ СЛОВО

Digitized by Google

Digitized by Google

ВЛ. СЕМЕНОВЪ

СТРАШНОЕ СЛОВО

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
СПБ. и МОСКВА
1910

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

«Страшное слово».

Это было въ пасхальную ночь 1905 года, на броненосцѣ „Князь Суворовъ“.

Форма одежды—примѣнительно къ условіямъ климата—все бѣлое, начиная съ парусинныхъ башмаковъ.—Только сабля (вмѣсто кортика) да ордена и знаки отличія, нацѣпленные на китель, обозначали собою „парадъ“.

Закончивъ несложный туалетъ, я вышелъ изъ каюты и направился на верхній кормовой мостикъ.—Въ предвидѣніи духоты, которая, несомнѣнно, будетъ въ церкви, хотѣлось провѣтриться.—До начала заутрени оставалось еще 15—20 минутъ...

Густыя тучи, сквозь которыя не въ силахъ былъ пробиться свѣтъ полной луны, за-

Digitized by Google

волакивали небо.—Темно—хоть глазъ выколи.—Здѣсь—на верхней палубѣ, на мостикахъ броненосца—царили мракъ и тишина...

Но этотъ мракъ не былъ отдыхомъ для усталаго глаза, наоборотъ, сотни глазъ были устремлены въ него, пытались освоиться съ нимъ, надѣясь что-то „своевременно увидѣть"... Эта тишина не знаменовала собою ни сна, ни покоя,—она была полна напряженнаго вниманія, напряженнаго бодрствованія сотенъ людей, сдерживавшихъ дыханіе въ надеждѣ что-то „своевременно услышать"...

Половинное число офицеровъ и команды, застывъ на своихъ мѣстахъ, зорко вглядывались во тьму, чутко вслушивались, не ворвется ли посторонній, чуждый звукъ въ мѣрный говоръ прибоя...

Противу-минныя сѣти были опущены; орудія заряжены...

И такъ не у насъ только, но вездѣ.—Корабль, который случайно, въ эту ночь, заглянулъ бы въ бухту Ванфонгъ, не могъ бы заподозрить, что здѣсь, скрытая мракомъ, расположилась цѣлая эскадра.—Впрочемъ... врядъ ли бы ему удалось заглянуть въ самую бухту безнаказанно.

Въ сторонѣ открытаго моря, временами,

Digitized by Google

изрѣдка и ненадолго, вспыхивали бѣлесоватые лучи далекихъ прожекторовъ и, словно щупальцы невидимаго страшнаго звѣря, обшаривали горизонтъ,—это дозорные крейсера освѣщали „что-то“, показавшееся имъ подозрительнымъ...

А между ними и эскадрой, вовсе никѣмъ незримые, мотались на зыби миноносцы и минные катера, готовые броситься въ бой съ непріятелемъ, который прорвался бы черезъ передовыя линіи, въ смертный бой—грудь съ грудью...

Да.—Въ эту ночь половинное число экипажа эскадры, достигавшаго численности 10.000 человѣкъ, своей удвоенной бдительностью обезпечивало другой половинѣ возможность радостно, по обычаю, встрѣтить Великій Праздникъ.

Здѣсь, наверху—мракъ, тишина, напряженное вниманіе, озабоченность людей, готовыхъ къ бою... а тамъ, внизу, въ нѣдрахъ стальныхъ гигантовъ—потоки свѣта, хлопоты и предпраздничная суета, словно тамъ забыли, что каждое мгновеніе звуки боевой тревоги могутъ напомнить имъ о грозной дѣйствительности...

Я чуть не свалился, наткнувшись въ потемкахъ на кого-то, сидѣвшаго на чемъ-то, который, чтобъ удержаться, схватился за мою

Digitized by Google

грудь и тотчасъ же съ сердитымъ ворчаньемъ отдернулъ руку, очевидно, оцарапавшись о колодку съ орденами.

— Простите!—пробормоталъ я (наверху не полагалось говорить громко, чтобы не мѣшать „слушать“).

— Ахъ, это вы?.. ничего, ничего...—отозвался сидящій, и по голосу, слегка картавящему, я сразу призналъ младшаго доктора.—Уже въ полномъ парадѣ?—продолжалъ онъ.

— Да.—Передохнуть вышелъ.—Жарища будетъ невѣроятная.—Все задраено.—Ужъ и теперь свѣчи сгибаются отъ собственной тяжести, именно, „аки воскъ“..

— Приготовились ликовать? „Праздникъ бо есть праздниковъ и торжество торжествъ?...“—говорилъ тотъ, видимо, не слушая меня, весь поглощенный своей мыслью.—И... какъ это еще тамъ поется?..—„Другъ друга обымемъ... Простимъ вся воскресеніемъ...“—Такъ что ли?.. А знаете, на чемъ я сижу?—На ящикѣ съ патронами! Ха-ха-ха...

Его сдавленный шопотъ, сдержанный, полуистеричный смѣхъ—взволновали меня... Они будили въ душѣ тѣ мысли, которыя не разъ, давно, еще въ Артурѣ, мелькали въ головѣ... особенно въ тѣ дни, когда не было непосред-

Digitized by Google

ственной, близкой опасности, въ дни отдыха...

— Зачѣмъ это, докторъ?.. Ну, зачѣмъ? Не намъ рѣшать эту загадку!.. Война была, есть и будетъ...

— И убійцы то-же: были, есть и будутъ! Но развѣ-жъ заповѣдь: —„Не убій!"—потеряла отъ этого свою силу?.. Нѣтъ!.. Вы скажите мнѣ—вы для меня прелюбопытный субъектъ,— вы, вѣдь, ярый противникъ смертной казни даже по законамъ военнаго времени—вы, послѣ шести мѣсяцевъ Артура, какъ милости просили себѣ разрѣшенія идти на второй эскадрѣ! въ надеждѣ... въ какой надеждѣ?—принять на свою душу еще нѣсколько японцевъ?.. А сейчасъ въ „крестномъ ходѣ" пойдете и... саблю отстегнете съ пояса?.. Да?.. А грянетъ „тревога" и побѣжите наверхъ? И будете радоваться, и „ура" кричать будете, когда вмѣсто „братскаго лобзанья" япошка получитъ добрый снарядъ?..

— Постойте, докторъ! дайте слово сказать! Вѣдь я-жъ и говорю, что это загадка, которую разрѣшить намъ не по силамъ... Мы путаемся въ противорѣчіяхъ, которыя естественно вытекаютъ изъ одного и того же ученія о любви къ ближнему, а разобраться не можемъ... Запо-

Digitized by Google

вѣдь Божія—„Не убій!“ Но вѣдь стихійныя бѣдствія, объ избавленіи отъ которыхъ молятся въ церквахъ, „трусъ, потопъ, моръ, гладъ“—вѣдь они-жъ существуютъ въ природѣ?.. Почему же вы не хотите отнести къ разряду этихъ явленій и дальнѣйшее: „нашествіе иноплеменниковъ?“

— То стихіи, которыя дѣйствуютъ по непреложнымъ, хотя и не всегда намъ понятнымъ, законамъ! а здѣсь—свободная воля человѣка! Это ему, человѣку, разумному существу, созданному по образу и подобію Божію, сказано: „не убій!“

— А если человѣкъ утратилъ этотъ „образъ и подобіе“ и лѣзетъ убивать моихъ ближнихъ? Развѣ не обязанъ я заслонить ихъ своей грудью? Развѣ не сказано—„Больше сея любви никто же иматъ, иже душу свою полагаетъ за други?“ Вы говорите, что я иду убивать ближнихъ моихъ, а я говорю, что иду умирать за нихъ!..

— Лицемѣріе! лицемѣріе!.. и... какое трусливое лицемѣріе!... Лучше бы не лукавить и не вилять хвостомъ! Подъ Артуромъ японцы потеряли, говорятъ, около ста тысячъ человѣкъ, а гарнизонъ въ началѣ войны былъ тысячъ въ тридцать съ чѣмъ-то. И вы—изъ ихъ числа? Ну вотъ, значитъ, на вашу душу

Digitized by Google

и приходится три японца... по среднему разсчету!.. Умирать пошли? Нѣтъ! Убивать!.. Да и того, что было, мало оказывается! Разохотились! Еще запросились!..

Онъ тяжело перевелъ духъ и снова заговорилъ сдавленнымъ полушопотомъ:

— Не помню, гдѣ и когда, читалъ я какое-то стихотвореніе... по-польски... тамъ описывалось, какъ мать встрѣчаетъ сына, какъ разъ подъ Свѣтлый Праздникъ, вернувшагося съ войны невредимымъ, какъ она гладитъ его русые кудри, милуетъ, цѣлуетъ и разсказываетъ о страхахъ, какихъ она натерпѣлась, о своихъ горячихъ молитвахъ не только къ Богу, но и къ врагамъ лютымъ... Вѣдь, если бы они, враги эти, знали, какой онъ милый, какой онъ добрый, какъ любитъ свою старую маму... неужели они, почуявъ ея мольбы, ея слезы, рѣшились бы убить его? не отвели бы дула мушкета, не опустили бы острой сабли? Нѣтъ! вѣрно и Богъ, и „они“ не могли ее не услышать!.. И радуется, и счастливъ молодой воинъ, и шепчетъ матери: „Твоими молитвами“...

И радуется старая... Но, вдругъ, глянула ему въ очи,—и упало у нея сердце, и спрашиваетъ она... съ ужасомъ, но не можетъ не спросить:—А ты-то, сыночекъ? ты мой нена-

Digitized by Google

глядный, ты—не убилъ никого“?...—Ярче вспыхнуло пламя лампады передъ древней иконой; рѣзче выступили изъ полумрака очертанія скорбнаго лика; задрожала только вчера освященная верба, украшавшая кіотъ, и... казалось, самыя стѣны стараго дома повторили страшное слово:—„А ты?—не убилъ никого“?...

— Ваше высокоблагородіе!—налетѣлъ, Богъ вѣсть какъ, разыскавшій насъ вѣстовой.—Ужъ крестный ходъ прошелъ! „Христосъ воскресе!“—поютъ...

Мы заторопились... Но докторъ, вдругъ, порывисто бросился въ сторону, видимо, нащупалъ кого-то во тьмѣ и громко спросилъ:

— При пушкѣ?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе!

— И заряжена?

— Такъ точно...

— Ну! Христосъ воскресъ!

— Воистину воскресъ, ваше высокоблагородіе!

Они трижды поцѣловались...

Digitized by Google

II.

Четыре года спустя.

Японецъ искони чувствуетъ себя въ морѣ, какъ дома. Дореформенныя „фунэ“, шитыя лыкомъ (въ буквальномъ смыслѣ этого слова), никогда не задумывались пуститься въ дальнее плаваніе на срокъ, измѣряемый недѣлями, даже мѣсяцами, а про современныя шкуны, построенныя по образцу норвежскихъ, и говорить нечего!—Эти готовы— хоть кругомъ свѣта.

И вотъ, все же, есть одна такая ночь въ году, когда самый отважный „сендоо“ (шхиперъ) не осмѣлится выйти на промыселъ въ мѣстность, лежащую между Цусимой и маленькимъ островкомъ Коцусима... Да не одни промысловыя суда—пароходы! И на тѣхъ капитаны не могутъ подавить въ себѣ чувства страха передъ

Digitized by Google

невѣдомой опасностью, завидѣвъ въ эту ночь огонь маяка на одинокой, затерянной въ морѣ скалѣ... А тамъ-то? На самомъ островкѣ? въ зданіи маяка? Думаете, легко на сердцѣ?..

Эта ночь, та самая ночь, когда „заморскіе черти“ празднуютъ память воскресенія своего Бога, обѣщавшаго имъ, что придетъ день и часъ, когда всѣ вѣровавшіе въ Него тоже воскреснутъ...

Вѣрнѣе всего, что сказка, но... какъ знать?— чего только нельзя достигнуть колдовствомъ?..— А вдругъ, въ самомъ дѣлѣ?...

Люди почтенные... ну, хотя бы, Міягэ Сенсабуроо, пережившій всѣхъ своихъ сыновей, у котораго сѣдые волосы сдѣлались желтыми, какъ сухая трава, но еще такой бодрый, что и посейчасъ водитъ въ море свою старозавѣтную „фунэ“, онъ прямо говоритъ, что „видѣлъ“...

Придетъ эта ночь, и запѣнятся волны надъ мѣстомъ гибели русской эскадры, и всплывутъ на поверхность моря обезображенные, безъ мачтъ, безъ трубъ, съ истерзанными бортами громады броненосцевъ... Всплывутъ и держатся на водѣ какимъ-то чудомъ. Потомъ таинственный, перебѣгающій свѣтъ забрежжитъ сквозь пушечные порта, иллюминаторы и безчисленныя пробоины... Чѣмъ ближе къ полночи, тѣмъ

Digitized by Google

ярче... А въ самую полночь, когда лучезарная Аматерасу *) всего дальше отъ своего народа, на каждомъ броненосцѣ поверхъ обломковъ, загромождающихъ палубу, на гребнѣ безформенныхъ грудъ желѣза, въ которыя подъ огнемъ дѣтей страны Восходящаго Солнца превратились ихъ мостики и надстройки,—является странная тѣнь въ длинномъ черномъ одѣяніи и, высоко поднявъ надъ головою магическій жезлъ, который они зовутъ крестомъ, произноситъ формулу великаго заклятія:—„Христосъ воскресъ!“—И сама бездна, несмѣтные голоса изъ бездны, даже обломки стали и мѣди отвѣтствуютъ ему —„Во истину воскресъ!“

Въ тотъ часъ безсильна Аматерасу передъ чарами жрецовъ западнаго Бога.—Свершается великое чудо, и если милостивая Кванонъ **) сохранитъ жизнь нечаяннаго его свидѣтеля, то ужъ никогда не забыть ему видѣннаго!..

Все воскресаетъ! Не люди только! Воздвигаются сбитыя трубы и мачты; сращиваются плиты брони; становятся на мѣста развалившіяся, взорванныя башни; тянутся изъ амбра-

*) Аматерасу—богиня солнца, отъ которой ведетъ свой родъ Микадо.

**) Кванонъ—богиня, покровительница плавающихъ и путешествующихъ.

Digitized by Google

зуръ и портовъ дула исковерканныхъ пушекъ; въ призрачномъ свѣтѣ гордо вѣютъ подъ самыми клотиками вражескіе флаги...

Ужасъ сковываетъ мысль.—Смертный холодъ проникаетъ въ сердце... Какою силою возможно бороться противъ воскресшихъ?—А они идутъ! Идутъ къ берегамъ мирно-дремлющаго, беззащитнаго Ниппона!..

Трепетно мерцаетъ маякъ Коцусимы.—Смотритель и сторожа забились въ подвалы зданія. Падаютъ ницъ и покорно ждутъ неизбѣжной гибели рыбаки, по легкомыслію или по несчастью, оставшіеся эту ночь въ морѣ...

Покорно разступаются волны передъ стальными громадами; не смѣютъ преградить имъ путь боги-покровители, боги-создатели славного царства Ямато *)...

Но не близокъ путь!.. А на востокѣ, куда стремится чудомъ воскресшій врагъ, сначала едва примѣтно, потомъ все ярче и ярче разгорается алая заря.—То спѣшитъ на выручку лучезарная Аматерасу!..—И кто осмѣлится спорить съ восходящимъ солнцемъ?..—Какое заклятіе восторжествуетъ надъ нимъ?!..

Блѣднѣютъ, таютъ въ прозрачномъ воздухѣ

*) Ямато—древнее названіе Японіи.

Digitized by Google

очертанія трубъ и мачтъ; вновь раскрываются гигантскія пробоины; тонкіе обломки пушекъ ужъ не грозятъ врагу, а какъ-то безмощно торчатъ изъ-подъ развалинъ; глубже и глубже садятся избитые кузова; труднѣе и труднѣе становится имъ идти впередъ... Но все же идутъ, пытаются бороться, словно надѣются успѣть...

Старый Міягэ, которому благоволеніе предковъ дало силу быть свидѣтелемъ этого зрѣлища и не погибнуть, сознавался, что трепеталъ отъ ужаса...—Ближе и ближе цвѣтущіе берега его родины... А вдругъ дойдутъ?..

Не успѣли!..—И только брызнули изъ-за горъ золотыя стрѣлы богини-прародительницы, — безслѣдно исчезли призраки, а Міягэ упалъ на колѣни и, полный священнаго восторга, воскликнулъ:—„Ейоо, Аматерасу! Ейоо, Ниппонъ!...“ *)

. . . .

Такъ было изъ года въ годъ.

Такъ, хоть и не совсѣмъ такъ, было и нынче.

Почему не совсѣмъ?—А потому, что съ корабля на корабль передавалась радостная вѣсть:

---

*) Слава, Свѣту Неба! Слава, Восходящему Солнцу!

Digitized by Google

— Адмиралъ на „Суворовѣ“ и самъ поведетъ эскадру! *)

Поведетъ, доведетъ и дастъ рѣшительный бой!.. Вѣдь только-бъ дорваться! Только-бъ сойтись грудь съ грудью!..—Или и ему этого не удастся?..—Да, нѣтъ! Сумѣетъ!..

Ярче и ярче разгорается алая заря... Таютъ въ лучахъ ея, воскрешенныя великимъ заклятіемъ, громады броненосцевъ...

— И, вѣдь, что досадно!—сердито топая ногой и, какъ всегда, оживленно жестикулируя, восклицаетъ командиръ „Суворова“.—Вѣдь мы сами идемъ навстрѣчу восходящему солнцу! Сами спѣшимъ растаять, исчезнуть въ его лучахъ!

— А другого пути—нѣтъ...—отзывается старшій флагъ-офицеръ...—Вотъ развѣ, кабы солнце взошло съ запада, со стороны Россіи...

— О чудѣ мечтаете?—перебиваетъ его командиръ.—Когда-то дождетесь! А вотъ, что и сегодня не поспѣемъ—такъ это вѣрно!..

Ярче и ярче пылаетъ заря... Воскрешенные броненосцы опять превращаются въ безформенныя груды исковерканнаго металла... Люди

---

*) Адм. З. П. Рожественскій скончался въ ночь на 1 января 1909 г.

Digitized by Google

еще толпятся вокругъ любимаго вождя, ждутъ его словъ... Они—исчезнутъ послѣдними...

Но онъ молчитъ...

И выступилъ передъ нимъ іеромонахъ Назарій, высоко поднялъ золотой крестъ, звѣздою сіявшій въ лучахъ приближающейся, всепобѣдной Аматерасу, и спросилъ его:

— Почему и ты, долгожданный, не принесъ съ собой новой силы? Ты, милостью Божіей сохраненный для родины на цѣлые три года! Ты, жившій среди пославшихъ! Ты научилъ ли ихъ разумѣнію? Ты имъ повѣдалъ ли о претерпѣніи посланныхъ?.. Сказалъ ли правду, всю правду?

— Они и сами знаютъ ее... Я ждалъ...

— Чего ждалъ? Или ждалъ, что „камни возопіютъ?“ Ждалъ чуда?

— Ждалъ чуда и жду его!—рѣзко отвѣтилъ тотъ.—Жду и буду ждать того дня, когда встанетъ солнце и надъ Россіей!..

Digitized by Google

III.

Засѣданіе адмиралтействъ-коллегіи.

(Рождественская сказка).

Давно неремонтированные куранты Петропавловскаго собора только-что, черезъ пятое въ десятое, отзвонили что-то, напоминающее величественный гимнъ „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“.

Была полночь.

Подъ порывомъ южнаго вѣтра ангелъ на шпицѣ крѣпости, скрипя ржавыми шарнирами, повернулся лицомъ къ югу и протянулъ туда свою благословляющую руку, а въ отвѣтъ ему заскрипѣлъ, заворочался на своемъ штырѣ старый (ой, какой старый!) трехмачтовый корабль, подъ всѣми парусами, на шпицѣ Адмиралтейства, по ту сторону Невы, и часы, подъ нимъ находившіеся и отстававшіе на ½ минуты,—тоже показали полночь.

Digitized by Google

И вотъ, въ это самое время, нѣчто случилось!.. И не гдѣ-нибудь, а подъ самымъ шпицемъ Адмиралтейства.

Солидное зданіе, охватившее своими крыльями всю Адмиралтейскую набережную, было погружено въ глубокій сонъ. Спало все,—и собаки, и разжирѣвшіе коты, и попугаи, и канарейки, и пѣтухи, и куры.

И никто—ни дворники, ни сторожа, ни курьеры, ни чиновники высшихъ ранговъ, ни даже начальники главнаго морского и морского генеральнаго штабовъ съ ихъ помощниками, ни даже самъ морской министръ съ адъютантомъ и канцеляріей—никто не подозрѣвалъ, что въ залѣ адмиралтействъ-совѣта *открылось засѣданіе*!..

Свѣтъ полной луны свободно проникалъ черезъ широкія окна углового покоя, обращеннаго на востокъ и на югъ. Въ залѣ было свѣтло, какъ днемъ. Временами казалось, что можно разсмотрѣть, изучить каждую букву на зерцалѣ (съ котораго невидимая рука сдернула его покрышку), каждую трещинку на старинной рѣзьбѣ его рамы... А, вмѣстѣ съ тѣмъ, все казалось какимъ-то призрачнымъ, страннымъ... Былъ ли это еще неосѣвшій дымъ отъ папиросъ и сигаръ, выкуренныхъ за время

Digitized by Google

дневного засѣданія членами адмиралтействъ-совѣта, или вѣковая пыль, поднятая курьерами во время уборки послѣ засѣданія?—Богъ вѣсть...—Но въ широкихъ полосахъ лунная свѣта что-то клубилось, двигалось, жило, что то не только видѣлось, но даже слышалось... По крайней мѣрѣ, чуткія, сторожкія крысы, занятыя своимъ обычнымъ дѣломъ—обгладываніемъ петровскаго кресла,—вдругъ забезпокоились, недоумѣвающе подняли свои острыя мордочки, зашевелили усами и, убѣдившись, что дѣло не ладно, что *кто-то* есть, поспѣшно бросились по своимъ норамъ.

Кто-то былъ...

Кресла и стулья (даже тѣ, что стояли у стѣнъ) безшумно сдвигались къ столу, въ формѣ „покоя", покрытому зеленымъ сукномъ; слышался какой-то не то говоръ, не то шелестъ; свѣтлыя клубящіяся полосы луннаго свѣта потемнѣли (не тучка ли набѣжала на мѣсяцъ?); изъ аванъ-зала донесся глухой и невнятный, но тяжелый, размѣренный топотъ, а потомъ за дверью что-то брякнуло, словно приклады мушкетовъ, взятыхъ „къ ногѣ".

Когда вновь посвѣтлѣло, уже можно было явственно видѣть, что залъ засѣданія полонъ народу. На почетныхъ креслахъ расположи-

Digitized by Google

лись „птенцы гнѣзда Петрова“. Ниже ихъ, а также на стульяхъ, во второмъ, въ третьемъ ряду и, наконецъ, стоя, до стѣнъ вплотную—адмиралы, вожди флота за цѣлыя два столѣтія. Съ каждымъ мгновеніемъ яснѣе и яснѣе обрисовывались парики съ длинными, падающими на плечи, локонами, напудренныя прически съ буклями и косами и коротко остриженныя (а большей частью лысыя) головы флотоводцевъ недавняго прошлаго. Всѣ они наклонялись другъ къ другу, обмѣниваясь впечатлѣніями. Шумъ голосовъ становился отчетливѣе. Слышались даже отдѣльныя замѣчанія:

— Безцѣльно!.. — Надо воздѣйствовать!— Вынести резолюцію!—А куда препроводить?— Императоръ укажетъ!—Дай Богъ...

Внезапно все замерло; наступила жуткая тишина; только за дверью слышалось сдержанное покашливаніе и шорохъ оправляемой аммуниціи...

Со стороны Сенатской площади, сначала неясно, а потомъ все отчетливѣе, доносился тяжелый топотъ могучаго коня, пущеннаго маршъ-маршемъ... Онъ приближался... И казалось, что бѣгъ его не можетъ быть остановленъ никакими преградами, что вѣковые дубы и липы адмиралтейскаго сада покорно разсту-

Digitized by Google

паются, открывая ему дорогу... Гулъ копытъ замеръ у подъѣзда адмиралтействъ-совѣта. Слышно было, какъ всадникъ грузно соскочилъ на каменныя плиты; тяжелые шаги по лѣстницѣ, потомъ—въ аванъ-залѣ; отрывистыя слова команды; лязгъ мушкетовъ, презентованныхъ для салютаціи... Широко распахнулись двери... ОНЪ вошелъ и, ни на кого не глядя, направился къ своему креслу, стоящему на особомъ возвышеніи, изъѣденному мышами и молью, но, кромѣ нихъ, донынѣ никѣмъ не использованному...

Низко склонились передъ НИМЪ всѣ присутствующіе, а затѣмъ, по знаку ЕГО, вновь заняли свои мѣста.

— Понеже освѣдомились Мы,—послышался со стараго петровскаго кресла властный и рѣзкій голосъ,—о великомъ неустройствѣ, оказавшемся во флотѣ, Нами созданномъ, и, яко вторая рука полномочнаго потентата, потомству нашему аттестованнаго, съ завѣтомъ силу сію хранить, не щадя живота, до послѣдней капли крови,—за благо признали Мы нынѣ собрать гг. адмиралтействъ-коллегію, не токмо за время царствованія Нашего у дѣлъ бывшихъ, но и въ дальнѣйшія времена въ оной состоявшихъ, такожде и тѣхъ чиновъ флота, свидѣтельство

Digitized by Google

коихъ весьма цѣннымъ обнаружиться можетъ. О чемъ же высокое собраніе сужденіе имѣть будетъ, о томъ изъяснитъ по пунктамъ очередной членъ-докладчикъ коллегіи.

—На предметъ сужденія высокаго собранія предоставляется...—началъ было докладчикъ, но тотчасъ же остановился, прерванный полугнѣвнымъ, полу-изумленнымъ возгласомъ предсѣдательствующаго:

— Князь Яковъ! Ты здѣсь по какому праву? Да еще докладчикомъ? Вѣдь ты люгера отъ шнявы не отличишь!

— То все не суть важно,—спокойно, не возвышая голоса, но твердо и увѣренно возразилъ докладчикъ.—По какому праву я здѣсь?— По праву Тобою же назначеннаго сенатора, которому Ты же вмѣнилъ въ обязанность всегда и нелицемѣрно сказывать Тебѣ правду.— Люгера отъ шнявы не отличу? — Можетъ быть...—Но здѣсь рѣчь поведется не о томъ, поскольку разнствуютъ между собою люгеръ и шнява, а поскольку особы, облеченныя довѣріемъ монарха, оному довѣрію соотвѣтственны. —Сіе же въ предѣлахъ моей компетенціи.—Докладчикомъ избрала меня коллегія.— Хочешь—отмѣни.—Твоя воля.

— Выбрали! — Выбрали! —Онъ не слука-

Digitized by Google

витъ!—Всю правду скажетъ!—Не прикроетъ!—Кому другому!—заговорили присутствующіе.

— Што такой, што не krieger, aber шестный и умный шеловѣкъ!—отозвался адмиралъ Крюйсъ.

— Ну, ну! ладно!—рѣшилъ председательствующій.—Аппробую: пусть князь Яковъ докладываетъ.

Но докладъ опять задержался. Вновь торопливо распахнулись двери, черезъ которыя можно было видѣть маіора (начальника караула), смущенно и неловко салютовавшаго обнаженной шпагой новому пришельцу.—Невысокій, въ напудренномъ парикѣ, съ буклями и съ косой, въ узкомъ и короткомъ, распахнутомъ кафтанѣ, въ лосинахъ и ботфортахъ,—онъ строго-уставнымъ размѣреннымъ шагомъ прошелъ черезъ толпу, опустился на одно колѣно передъ историческимъ кресломъ и заговорилъ молодымъ, звенящимъ голосомъ:

— Великій Государь! Ты не соизволилъ позвать меня, Твоего правнука и восторженнаго почитателя, на это засѣданіе, но я осмѣлился притти самъ, памятуя себя генералъ-адмираломъ русскаго флота. Прикажешь ли удалиться, или разрѣшишь остаться?

— Я не звалъ тебя, понеже не распола-

Digitized by Google

галъ звать другихъ, но, коли пришелъ, останься. —Князь Яковъ, продолжай!

— ...предоставляется, учинивъ допросъ приличнымъ къ дѣлу лицамъ, установить: 1) токмо ли волею Всевышняго флоту россійскому въ баталіяхъ съ японцами не даровано было ни единой викторіи, и не было ли тому иныхъ причинъ? 2) ежели были, то оныя чему приписать надлежитъ — малодушію ли комбатантовъ или небреженію начальствующихъ? 3) ежели небреженію, то по малосмысленности или злонамѣренно? и 4) кому быть въ отвѣтѣ за ущербъ, Имперіей Россійской понесенный?

— Такъ. Вызывай по порядку.

— Командующій флотомъ въ Тихомъ океанѣ вице-адмиралъ Макаровъ!—провозгласилъ князь Долгоруковъ.

Адмиралъ выступилъ впередъ, привычнымъ жестомъ расправилъ свою русую бороду и началъ:

— По первому пункту свидѣтельствую, что волею Всевышняго воинскаго счастія намъ дано не было, и всѣ тѣ обстоятельства, которыя среди смертныхъ людей считаются случайными и непредотвратимыми, всегда слагались не въ нашу пользу, но вліяніе ихъ не могло бы ска-

Digitized by Google

заться столь пагубно, если бы этому не содѣйствовали и другія причины.

По пункту второму:—причины эти не въ малодушіи комбатантовъ, если подъ этимъ словомъ понимать людей, принимавшихъ непосредственное участіе въ бояхъ съ непріятелемъ. Сражались честно, умирали безропотно, шли на войну и въ бой охотниками. Состоявшіе подъ моей командой русскіе люди, одѣтые въ матросскія рубахи и морскіе мундиры, свято держали присягу, часто были героями, но моряками, тѣмъ болѣе, военными моряками—не были. Умирать умѣли, но сражаться на морѣ не были выучены. И въ этомъ—не ихъ вина, но тѣхъ, что въ мирное время не готовили флотъ къ войнѣ.

По третьему пункту:—я, Государь, воздержусь отъ сужденія. Суди самъ, когда выслушаешь показанія очевидцевъ.

По четвертому пункту:—могу ли говорить, когда самъ былъ въ числѣ начальствующихъ...

— Чорта съ два!—неожиданно заявилъ Ушаковъ, всегда несдержанный на языкъ.— Не столько начальствовалъ, сколько воевалъ съ начальствомъ! Небось, сколько разъ попадало по...—и тутъ загнулъ такое словечко, что даже предсѣдатель крякнулъ, а сидѣвшій рядомъ

Digitized by Google

Сенявинъ дернулъ сосѣда за фалду и шепнулъ:—„Опять ты, ваше превосходительство, какъ тогда, на парадномъ выходѣ! Воздержался бы!“

— Ну, ну!—остановилъ предсѣдатель говоръ, вызванный неожиданной репликой морского волка.—Спасибо тебѣ за прямой отвѣтъ,—продолжалъ ОНЪ, обращаясь къ свидѣтелю.—Изъясни подробнѣе, чьимъ небреженіемъ таковой суприз учинился, что подъ командой твоей обнаружились люди, токмо по морской формѣ одѣтые, въ подлинности же морского дѣйства не разумѣющіе?

— Не плавали, Государь!—Забыли, что для настоящаго моряка „въ морѣ—значитъ дома“, а на рейдѣ или въ гавани—только въ гостяхъ. Думали, что морскому дѣлу можно учить однимъ „разсказомъ“. Забыли, что никогда нельзя разсчитывать хорошо сдѣлать на войнѣ то, чего никогда не дѣлали въ мирное время или дѣлали только „примѣрно“. Думали, только бы понастроить побольше корабельныхъ кузововъ, вотъ—и флотъ... Стрѣляли мало—берегли пушки и снаряды для войны, а пришла война—пропали зря и пушки, и снаряды...

— Но ежели ты, адмиралъ, все сіе допод-

Digitized by Google

линно вѣдалъ, почему въ тую жъ пору не рапортовалъ о семъ, кому надлежитъ?

— Дѣлалъ, что могъ, Государь. Не только рапорты и докладныя записки писалъ,—книги и брошюры печаталъ въ надеждѣ, что, если всѣ прочтутъ, поймутъ, что маневрированію надо учиться въ морѣ, а не разрисовывать сраженія на бумагѣ, что всякому искусству фундаментомъ служитъ ремесло, что, если всѣ заговорятъ объ этомъ, то общее мнѣніе возымѣетъ силу...

— Ну?

— Не имѣлъ успѣха...

— Да еще бывало, что...—заговорилъ было Ушаковъ, но его во-время остановили сосѣди.

— Понеже успѣха не имѣлъ передъ ближайшимъ начальствомъ, надлежало тебѣ персонально рапортовать!

Адмиралъ ничего не отвѣтилъ.—Заговорилъ князь Яковъ.

— Неправильно судишь. До засѣданія многіе, не столь давно прибывшіе, мною опрошены, и показанія оныхъ въ томъ согласны, что нынѣ не тотъ обычай, какъ при Тебѣ.

— И не теперь только-съ, а ужъ давно-съ!—отозвался чей-то голосъ.

— Кто тамъ мѣшается?—гнѣвно замѣтилъ

Digitized by Google

предсѣдатель, но тотчасъ же, смягчившись, добавилъ: — Павелъ Степанычъ? Ну, сказывай.

Невысокая, слегка сутуловатая фигура, въ сюртукѣ съ эполетами и съ флотской полусаблей черезъ плечо, поднялась со своего мѣста.

— Я-съ только доложить хотѣлъ, что еще при мнѣ-съ императоръ говаривалъ: „Не я правлю Россіею, а сорокъ тысячъ столоначальниковъ“. Такъ и во флотѣ-съ. А теперь и еще хуже—совсѣмъ прямого слова сказать нельзя-съ. Тутъ, какъ столѣтній юбилей моего рожденія справляли, я къ нимъ заглянулъ. И что-же-съ? Чествовали, а, между тѣмъ, въ крамольники произвели-съ!

— Скажетъ тоже!—разсмѣялся Апраксинъ.

— Я такъ полагалъ-съ,—продолжалъ Нахимовъ,—что каждый человѣкъ долженъ съ полнымъ разумѣніемъ всякую работу дѣлать. Такъ и училъ-съ. А если кто работаетъ съ полнымъ разумѣніемъ и свое дѣло знаетъ, такъ при случаѣ можетъ и добрый совѣтъ подать-съ. Кто бы ни былъ,—хоть простой матросъ своему капитану!—Со мной это не разъ было, и я поощрялъ. Какъ-то даже награду выдалъ одному старому баковому за то, что меня надоумилъ, а флагъ-офицеръ мой возьми да и запиши этотъ самый случай. Такъ вотъ-съ,

Digitized by Google

когда по всѣмъ морскимъ командамъ читали обо мнѣ, каковъ я, да какъ служилъ,—этотъ случай-съ упоминать было воспрещено, чтобъ не подрывать дисциплины. Это я то-съ, выходитъ, подрывалъ дисциплину!

— Плохо, плохо...—сумрачно молвилъ предсѣдатель.—Кто тамъ еще съ первой эскадры?

— Контръ-адмиралъ Витгефтъ!—вызвалъ князь Долгоруковъ.

— Что скажешь? Что сдѣлалъ за свои три мѣсяца?

— Что сказать по вопроснымъ пунктамъ?— Все сказано Степаномъ Осиповичемъ. Могу только присоединиться къ его мнѣнію.—Что сдѣлалъ?..—Вѣдь я былъ оставленъ... такъ только, потому что новый командующій флотомъ не пріѣхалъ... Мнѣ было прямо сказано, что теперь, до времени, эскадра ничего предпринять не можетъ, что я такъ... вродѣ какъ бы управляющаго, завѣдующаго имуществомъ... Я на первомъ же собраніи флагмановъ и капитановъ такъ и сказалъ, что я не флотоводецъ... Неволей пришлось... Суди меня, Государь, по всей строгости, но и по всей справедливости...

— Majestat,—вдругъ заволновался Крюйсъ, —такъ не мошно къ нему говорить. Онъ не учился показать, какъ надо побѣдить дѣлать,

Digitized by Google

но самъ понималъ показать, какъ надо умирайть дѣлать!

— Правильно! Правильно! — поддержали окружающіе.

— Но гдѣ же тѣ? Гдѣ тѣ, что повинны въ потокахъ безполезно пролитой крови, въ позорѣ моего флага?.. Князь Яковъ! Что ты мнѣ вызываешь тѣхъ, что за чужіе грѣхи честно сложили свои головы! Подай сюда настоящихъ!

— Настанетъ часъ, Государь, и они явятся на судъ Твой, а пока—мы надъ ними невластны.

— Ну, хоть кого-нибудь дай изъ тѣхъ, что недавно прибыли! Пусть разскажетъ, что-жъ они сдѣлали послѣ войны? Разгромъ неслыханный раскрылъ же имъ глаза?

Князь Яковъ собирался отвѣтить, когда общее вниманіе было привлечено шумомъ, донесшимся изъ аванъ-зала. Слышался лязгъ скрещиваемыхъ штыковъ, сдержанный, протестующій голосъ начальника караула и чей-то другой, слегка заикающійся, который громко заявлялъ: „А я в-всегда м-могу доложить мо-моему Государю!..“

Корниловъ,—при жизни отличавшійся строгимъ, до педантизма доходящимъ, отношеніемъ къ службѣ, а потому и выбранный дежурнымъ

Digitized by Google

на время засѣданія,—поспѣшно подошелъ къ дверямъ, открылъ ихъ и рѣзко окликнулъ:

— Господинъ начальникъ караула! въ чемъ дѣло?

— Понять не могу, ваше превосходительство!—смущенно заговорилъ тотъ.—Явился кто-то... пароля не знаетъ... не нашъ, но и не живой.. говоритъ, что онъ, т.-е. его земное тѣло, сейчасъ крѣпко спитъ послѣ цѣлаго дня великосвѣтской охоты и хорошаго ужина, а, пользуясь этимъ, его будто бы... астральное тѣло, прослышавъ, что Великій Государь требуетъ вызвать человѣка, свѣдущаго въ текущихъ дѣлахъ,—прибыло сюда для дачи показаній.

— Хвалю за усердіе! Впустить!—приказалъ предсѣдатель, и морщины на лбу его замѣтно разгладились.—Богъ дастъ, чѣмъ-нибудь порадуетъ!

Всѣ молчали; только Фелькерзамъ (вызванный свидѣтелемъ, но еще не опрошенный) шепнулъ сосѣду: „Едва ли!“

Тѣмъ временемъ тотъ, что рекомендовался „астральнымъ тѣломъ“, уже выбрался на свободное мѣсто передъ кресломъ предсѣдателя, отдалъ почтительнѣйшій поклонъ и съ видомъ самоувѣренности (чтобы не сказать самодо-

Digitized by Google

вольства) ожидалъ вопросовъ. Онъ видимо очень спѣшилъ дать отвѣтъ „своему" Государю, даже не приодѣлся и былъ въ тужуркѣ, на погонахъ которой въ лучахъ мѣсяца рѣзко выдѣлялись черныя пятна адмиральскихъ орловъ.

— Спасибо, что прибылъ своей охотой,— ласково промолвилъ ОНЪ, наклоняясь впередъ и внимательно оглядывая стоявшаго передъ НИМЪ.—Сказывай, что уже свершено, что вершится и что есть въ пропозиціи на предметъ, дабы сызнова содѣяться потентатомъ, обѣ руки имѣющимъ, какъ Мною заповѣдано было.

— Многое сдѣлано, многое дѣлается, а еще больше намѣчено. Учреждена должность товарища морского министра; главный морской штабъ раздѣленъ на-двое такъ, что теперь есть главный штабъ и генеральный штабъ; зато предположено слить воедино техническій комитетъ и главное управленіе кораблестроенія и снабженій; возстановили чины гардемарина и капитанъ-лейтенанта,—учредили вновь (по нѣмецкому образцу) званіе старшаго лейтенанта, а еще собираются ввести чинъ корабельнаго капитана (погоны капитана I ранга съ адмиральскимъ орломъ. Очень красиво!). Когда будетъ, вмѣсто четырехъ, восемь офицерскихъ

Digitized by Google

чиновъ, интересъ къ службѣ, конечно, удвоится—это простая ариѳметика! новыми правилами прохожденія службы фактически отмѣненъ устарѣлый морской цензъ и талантливый юноша, угодный начальству, можетъ сдѣлаться капитаномъ, проведя на кораблѣ всего, въ общей сложности, 27 мѣсяцевъ...—Это не трудно?

— Продолжай...

— Неустанно разрабатываются (и даже былъ конкурсъ) чертежи броненосца новѣйшаго типа...

— Все еще не разработали?..

— Зато канонерки для Амура уже строятся. Новая пушка для минныхъ крейсеровъ совсѣмъ выработана и даже была изготовлена, но на испытаніи разорвалась—дѣло поправимое. Производятся также всесторонніе опыты съ новымъ фугаснымъ снарядомъ...

— Производятся? а понынѣ—при старомъ? негодномъ? А ежели завтра баталія, коей судьба Имперіи рѣшаться будетъ, сынамъ моимъ равное ли со врагомъ вручите оружіе?

— Зато, когда выработаютъ,—заторопился свидѣтель,—это будетъ dernier cri! Тутъ ужъ съ нами спорить никому не придется...

— Доки сонце взыде, роса очи выисть...—вздохнулъ Лазаревъ.

Digitized by Google

— Ты не юли! Сказывай, что спрашиваютъ!—уже гнѣвно замѣтилъ председатель.— Не имѣвъ ни единой викторіи, у викторіальнаго противника поучались ли? Мои—отъ Нарвы пришли къ Полтавѣ. Ваши—въ чаяніи ли сего обрѣтаются? Вожди, горькимъ опытомъ умудренные, работаютъ ли?

— Объ этомъ что безпокоиться! У насъ сейчасъ 61 адмиралъ да еще 49 морскихъ генераловъ на-лицо! Не то что на нашъ, на англійскій флотъ хватитъ!

— А многіе ли изъ нихъ пороху нюхали?

— Чаще—при салютахъ, рѣже—на полигонѣ...—съехидничалъ Фелькерзамъ.

Свидѣтель замялся...

— Ну, дальше! Что сдѣлали? Какія новшества завели?

— Новшества, т.-е. реформы?—Сосчитать трудно! Фельдшерамъ обшили погоны трехъцвѣтнымъ шнуромъ, какъ у вольноопредѣляющихся; ввели кителя защитнаго цвѣта...

— На случай-съ, когда, утопивъ корабли, на берегъ высадятся,—вставилъ Нахимовъ.

— ... и съ боковыми, косыми карманами (очень удобно!); сабельную портупею перемѣ-

Digitized by Google

нили; офицерскій шарфъ ввели, какъ въ сухопутныхъ войскахъ; матросскія полупальто шьемъ изъ бурочнаго сукна; намѣчено еще треуголки по борту обшить—у штабъ- и оберъофицеровъ муаровой лентой, у адмираловъ галуномъ, да кстати петличку на кокардѣ сдѣлать по чинамъ, чтобы, если даже въ накидкѣ или въ шинели идетъ, сразу видно было — кому какое уваженіе; проектируется еще...

— Да ты что? смѣяться сюда, что ли, пришелъ? — прервалъ ОНЪ развязную рѣчь.— Шутки шутить приходи вмѣстѣ съ Балакиревымъ, когда позову!..

— Ничуть, Государь! Развѣ-жъ и Ты свои преобразованія не началъ съ того, что всѣхъ переодѣлъ въ нѣмецкое платье?

Глухой ропотъ пробѣжалъ по собранію...

Великанъ сдержался. Только хрустнула ручка кресла, на которую онъ оперся...

Зато его сосѣдъ справа, давно уже кусавшій губы и нервно оправлявшій, по уставу прилаженныя, букли,—не выдержалъ...

— Смѣешь себя равнять!..— зазвенѣлъ его голосъ, и затѣмъ, обращаясь къ великому предку: — Прости, Государь! Преступникомъ былъ бы, слушая дальше!..

Digitized by Google

Онъ выхватилъ изъ ноженъ шпагу и ринулся на дерзкаго...

„Астральное тѣло“ съ воплемъ отчаянія устремилось къ выходу.

Вслѣдъ ему гремѣли негодующіе возгласы; тянулись, поблескивая въ лучахъ мѣсяца, обнаженные клинки...

— Стойте!—раздался властный голосъ гиганта.—Остановитесь!..

Все замерло...

ОНЪ сошелъ съ своего кресла и сталъ, выпрямившись во весь ростъ, огромный, мрачный, скорбный, страшный и прекрасный, „какъ Божія гроза“...

— Мнѣ—отмщеніе, и Азъ воздамъ!..—началъ ОНЪ. . . . .

. . . .

Громко запѣлъ, привѣтствуя наступающій день, одинъ изъ безчисленныхъ пѣтуховъ, населяющихъ квартиры люда, живущаго подъ сѣнью адмиралтейскаго шпица и кормящагося отъ него. Дружно отозвались ему ближніе и дальніе сосѣди...

Грозныя тѣни заволновались, померкли, смѣшались со столбами лунного свѣта... Только въ той сторонѣ, къ сенату, слышался еще отзвукъ тяжкаго топота копытъ вѣрнаго коня,

Digitized by Google

уносившаго шаутбенахта Петра Михайлова на вершину его одинокой скалы. . . . .

. . . .

Еще немного—и старыя, жирныя адмиралтейскія крысы повылѣзли изъ своихъ норъ, понюхали, пошевелили усами и, убѣдившись, что „все обстоитъ благополучно", принялись (по-старому, по-хорошему) грызть ножки петровскаго кресла.

— Видѣли, чѣмъ кончилось? Только-то и было!...—ворчала на нервничающихъ крысенятъ премудрая крыса Онуфрій.—Куды имъ, упокойникамъ, да супротивъ насъ!..

Digitized by Google

IV.

Чѣмъ это кончилось...

Тотчасъ послѣ подписанія мирнаго договора между Чили и Перу, ознаменовавшаго собою конецъ многолѣтней распри, въ которой Перу жестоко „попало“,— правительство этой, побѣжденной, страны рѣшило немедленно приступить къ радикальной реформѣ всей своей военно-сухопутной и военно-морской организацій, которыя оказались явно не на высотѣ положенія.

Заработали... (т. е. нѣтъ—были образованы) комиссіи изъ убѣленныхъ сѣдинами „мужей совѣта и разума“. Въ результатѣ двухлѣтнихъ трудовъ ими были выработаны, одобрены высшимъ начальствомъ и приняты на законномъ основаніи: образецъ тамбурина старшаго пѣсенника, замѣняющаго нынѣ упраздненнаго

Digitized by Google

тамбуръ-мажора съ его жезломъ (для сухопутныхъ войскъ) и образецъ шарфа, цвѣтовъ кастильскаго герба (для морскихъ офицеровъ, забывшихъ благородную науку геральдики).

Реформы серьезныя, но (увы!) неудовлетворившія того капризнаго ребенка, котораго зовутъ „общественнымъ мнѣніемъ" и который (отъ роду, безъ года, недѣля) дерзко спрашиваетъ папу и маму о томъ, что они сдѣлали съ наслѣдствомъ, доставшимся имъ отъ предковъ?

Къ этому моменту въ перуанскомъ флотѣ состояло (какъ результатъ несчастной войны)— 111 адмираловъ и генераловъ, 1,110 штабъ и оберъ-офицеровъ, 111,000 нижнихъ чиновъ и 10 кораблей...

Для начала реформъ и для выбора наиболѣе цѣлесообразнаго пути къ ихъ осуществленію приказано было собраться всѣмъ 110 адмираламъ и 666 штабъ-офицерамъ на общій совѣтъ.

Для столь многолюднаго сборища, конечно, не нашлось въ старомъ зданіи адмиралтейства ни одного подходящаго зала. Пришлось сдѣлать новую пристройку. На это строительство и пошли первыя ассигнованія, предназначавшіяся для возрожденія флота.

Первоначально многіе не хотѣли ѣхать. Одни

Digitized by Google

отговаривались старостью и болѣзнью, другіе справедливо указывали, что уже много лѣтъ, хотя и не официально, состоятъ въ отпуску и пользуются правомъ не посѣщать никакихъ засѣданій; третьи просто негодовали, говоря, что этакъ и вздохнуть не дадутъ, что нельзя лишать ихъ единственнаго свободнаго времени, когда можно бы на охоту съѣздить... Однако, едва лишь распространился слухъ, что отъ постройки зала засѣданій остались кое какія суммы, изъ которыхъ будутъ назначены суточныя и организовано безплатное угощеніе, какъ всякіе протесты смолкли, и всѣ выразили горячее желаніе, по мѣрѣ силъ, послужить родинѣ.

Въ назначенный день собраніе состоялось. Пріѣзжали на автомобиляхъ, въ собственныхъ экипажахъ и на извозчикахъ; иные входили спѣшнымъ, но ровнымъ шагомъ; иные, темперамента болѣе горячаго, бѣжали въ припрыжку, иныхъ вводили подъ руки; иныхъ даже вносили.

Посреди зала, на особомъ постаментѣ, возвышался огромныхъ размѣровъ пирогъ (чудо кондитерскаго искусства), представлявшій собою гигантскій современный броненосецъ, въ которомъ было запечено (весьма искусно) болѣе тысячи банковыхъ чековъ на предъявителя, общая стоимость которыхъ достигала 10 проц. всего ас-

Digitized by Google

сигнованія, испрашиваемаго на возрожденіе флота.

Немедленно по открытіи засѣданія былъ сервированъ чай, а затѣмъ предсѣдатель обратился къ присутствующимъ съ краткой рѣчью:

— Господа флагмана и капитаны! Мы собрались здѣсь, чтобы обсудить наилучшіе способы возрожденія нашего флота. Каждый изъ васъ откровенно выскажетъ свое мнѣніе, мнѣніе, подсказанное ему его служебнымъ опытомъ и любовью къ родинѣ. Видя, какимъ юношескимъ огнемъ горятъ глаза сѣдовласыхъ старцевъ, устремленныхъ на модель броненосца, каковыхъ мы намѣрены создать десятки... (громъ апплодисментовъ), я самъ проникаюсь юношеской бодростью! Среди 777 мнѣній найдется же одно, которому можно будетъ послѣдовать!.. (недоумѣвающій говоръ на разныхъ скамьяхъ). Виноватъ! —меня не такъ поняли,—я хотѣлъ сказать, что среди 777 высоко-компетентныхъ мнѣній найдется такое, въ которомъ наиболѣе полно, наиболѣе отчетливо выразится мысль, всѣхъ насъ объединяющая, къ которой всѣ мы единодушно присоединимся (знаки одобренія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и возгласы — „чего тянетъ?“).— Я кончаю, господа. Ваши драгоцѣнныя мнѣнія

Digitized by Google

вы выскажете въ порядкѣ старшинства, а до того прошу подкрѣпиться. Считаю долгомъ напомнить однакоже, что засѣданій предвидится много, а пирогъ—одинъ. Не спѣшите его прикончить, а главное, въ поспѣшности, не порвите чековъ!—и, красивымъ жестомъ руки указавъ на броненосецъ, предсѣдатель опустился въ свое кресло.

Начали взрѣзывать и дѣлить.

Сначала съ любовью и осторожно.

Слышались учтивыя замѣчанія:—Виноватъ! я, кажется, помѣшалъ?—О нѣтъ, нисколько!—Прошу, прошу—вы раньше!—Ни за что—старшіе впереди!—и т. п.

Вскорѣ, однакоже, было замѣчено, что кто-то выхватилъ кусокъ не по-чину, а другой просто сунулъ въ рукавъ свою порцію и потянулся за новой. Всѣ заволновались и заторопились, не желая упустить своего. Произошла давка и смятеніе...

Тщетно предсѣдатель, у котораго рука отнялась и выпустила колокольчикъ, приказалъ звонить во всѣ колокола находившагося рядомъ древняго храма, тщетно охрипшимъ голосомъ взывалъ онъ:

— Господа! Ваши мнѣнія! Ваши драгоцѣнныя мнѣнія!..

Digitized by Google

Никто не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія...

Выручила находчивость секретаря, который, схвативъ стоявшую неподалеку, въ видѣ украшенія, модель (деревянную) пулемета, водрузилъ ее на трибуну, навелъ на публику и рявкнулъ голосомъ, покрывшимъ шумъ свалки:— „Руки вверхъ“!..

Все замерло...

Курьезное зрѣлище представлялъ собою этотъ лѣсъ рукъ, только что терзавшихъ пирогъ или, не дорвавшись до него, работавшихъ на спинахъ и загривкахъ счастливцевъ, достигшихъ цѣли...

Среди внезапно наступившаго безмолвія предсѣдатель услышалъ (вѣрнѣе, увидѣлъ) старца, порывавшагося подняться со своего кресла и съ отчаяніемъ бормотавшаго что-то въ родѣ:—„Мнѣн!.. мнѣн!..“

— Господа! Его высокопревосходительство желаетъ высказать свое мнѣніе! ¡Вниманіе! Вниманіе!.. Ваще высокопревосходительство! прошу покорнѣйше!—Ваше мнѣніе!

— Мнѣ... мнѣ...—лепеталъ тотъ, усиливаясь встать на ноги.

— Такъ что ошибаться изволите!—вдругъ рѣшительно заявилъ ординарецъ, поддерживавшій

Digitized by Google

почтеннаго флотоводца.—Они этто не касаемо мнѣнія, а на счетъ того, что „мнѣ“, имъ, то-ись, пирога не достанется. Самимъ пойти—опасаются, кабы не затоптали... Поднести не будетъ ли милости!..

Кругомъ послышались возгласы неудовольствія, даже негодованія—„Обманомъ задержали!—Хотѣли воспользоваться случаемъ!—Я, можетъ быть, десятки тысячъ упустилъ!—Въ ротъ ему класть, что ли“?

Очарованіе было нарушено; гулъ голосовъ все возрасталъ; поднятыя руки вновь опускались и тянулись къ пирогу...

Неожиданно произошелъ случай...—Впрочемъ, тутъ надо дать маленькое поясненіе:

Для наиболѣе успѣшнаго проведенія реформъ, въ перуанское адмиралтейство былъ приглашенъ на службу инструкторомъ нѣкій сѣверянинъ (гражданинъ Сѣв. Соедин. Штатовъ), долго жившій въ Англіи и хорошо изучившій организацію ея, перваго въ мірѣ, флота. Главное затрудненіе было въ томъ, что новый инструкторъ и перуанскіе моряки говорили на разныхъ языкахъ и не понимали другъ друга. Въ собраніи онъ присутствовалъ въ качествѣ товарища предсѣдателя.

Видя или, точнѣе сказать, чувствуя, что еще

Digitized by Google

минута—и самые остатки пирога будутъ взяты нашарапъ, онъ сорвался съ своего мѣста и, величайшимъ усиліемъ памяти возстановивъ всѣ испанскія и итальянскія слова, слышанныя въ плаваніяхъ, и путая ихъ съ англійскими, крикнулъ, не хуже протодьякона:

— Corpo di Bacco! Ecco sobaco! Gentlemen! Hands up! Defandato del mangiare! Altro... (и тутъ онъ угрожающе схватился за тяжелый подсвѣчникъ)—un poco candellabra!..

Мгновеніе оцѣпенѣнія... Затѣмъ—крики, вопли... Лавина человѣческихъ тѣлъ низверглась на дерзкаго оратора... Сотни людей ринулись на чужеземца, осмѣлившагося коснуться чести старыхъ кастильцевъ...

. . . .

Чѣмъ это кончилось?

Его одолѣли, схватили, засунули въ пирогъ и съѣли вмѣстѣ съ пирогомъ, и даже съ подсвѣчникомъ (этотъ послѣдній оказался серебрянымъ)...

Вотъ чѣмъ это кончилось...

Digitized by Google

V.

„Всѣмъ міромъ“...

ЭТО было въ первые мѣсяцы войны.

Крейсеръ стоялъ на бочкахъ въ западномъ бассейнѣ Портъ-Артура. Команда кончила завтракать. Общая утренняя приборка еще не начиналась.

Старшій офицеръ, поеживаясь отъ мороза, пробиравшагося за воротникъ теплой тужурки, разговаривалъ съ боцманомъ о предстоящихъ работахъ, когда блѣдный, съ трясущейся нижней челюстью, къ нему подбѣжалъ артиллерійскій кондукторъ.

— Такъ что у насъ... неблагополучно!..

— Что такое?

— У пятнадцатаго орудія ударникъ... потерялся...

— Что вы плетете? Какъ потерялся? Запасный что-ли?

Digitized by Google

— Никакъ нѣтъ... запасный—въ ящикѣ, тамъ и лежитъ... Пропалъ тотъ, что былъ на мѣстѣ, въ замкѣ... Кто-то вынулъ... искали—нигдѣ не найти...

Старшій офицеръ наконецъ повѣрилъ. Но... если съ умысломъ?—можетъ быть это еще не все?

— Крейсеръ къ осмотру! *)—крикнулъ онъ во всю силу легкихъ, и въ этой необычной командѣ послышалось что-то такое, что заставило всѣхъ, не теряя ни секунды времени, бросивъ всякое дѣло, поспѣшить къ своему мѣсту.

Страшное подозрѣніе, которому не хотѣлось вѣрить, оправдывалось...

У четырехъ пушекъ изъ замковъ были вынуты ударники и, очевидно, выброшены за бортъ, такъ какъ найти ихъ нигдѣ не могли. Кромѣ того у паровыхъ катеровъ были очень искусно, почти незамѣтно, въ самыхъ блокахъ, подрѣзаны тали; при спускѣ онѣ бы

*) На кораблѣ у каждой вещи въ каждомъ уголкѣ есть свой собственный хозяинъ, отвѣчающій за исправность и цѣлость предметовъ, которыми онъ завѣдуетъ. По командѣ «къ осмотру» всѣ расходятся по своимъ частямъ, и въ нѣсколько минутъ можетъ быть провѣрено какъ наличіе имущества, такъ и наличіе экипажа, а въ случаѣ, если есть «чужіе»—они не могутъ не быть обнаружены.

Digitized by Google

неминуемо оборвались. „Чужихъ“ на крейсерѣ не было...

Ударники замѣнили запасными. Тали основали новыя. Командиръ поѣхалъ съ докладомъ къ адмиралу.

Вернувшись и собравъ команду, онъ объявилъ ей, что командующій флотомъ приказалъ не назначать никакого слѣдствія въ виду несомнѣнной его безполезности. Если не накрыли на мѣстѣ — значитъ свидѣтелей не было, а если не было свидѣтелей, то, какъ не разспрашивай, ничего не узнаешь. Остается только впередъ беречься отъ злодѣя: что случилось разъ, можетъ случиться и другой...

— Слушайте, ребята!—закончилъ свою рѣчь командиръ. — Какъ ни утѣшаетъ адмиралъ, вѣдь это онъ насъ милуетъ! Вѣдь мы всѣ, хоть и безъ вины, а виноваты! У себя, на крейсерѣ, такое проглядѣли!.. Я бы хотѣлъ вѣрить, что „чужой“, да не могу! Какъ бы онъ забрался? Караулъ проспалъ? Вахтенные прозѣвали?

Глухой гулъ пробѣжалъ въ командѣ, тѣсно сгрудившейся на шканцахъ и, затаивъ дыханіе, ловившей каждое слово капитана...—„Не спалъ караулъ! Не спали вахтенные! Не было

Digitized by Google

„чужого“! Точно знаемъ! Какъ передъ Богомъ!..“

— Ну, а если такъ,—продолжалъ командиръ дрогнувшимъ голосомъ,—если „свой“, такъ вѣдь это... тутъ, кромѣ васъ самихъ, никакой слѣдователь ничего не сдѣлаетъ... И вѣдь „это“ у насъ случилось! Чувствуете?— „у насъ“!.. Тутъ ужъ безъ старшинства— всякому одинаково близко!.. Сами ищите!

— Постараемся, ваше высокоблагородіе!— какъ-то особенно дружно и отчетливо, рѣзко отчеканивая каждый слогъ, отвѣтила команда.

Надо ли говорить о тѣхъ мѣрахъ предосторожности, какія были приняты?—Все населеніе крейсера жило мыслью о его охранѣ Службу несли повахтенно, а не по отдѣленіямъ *). Это было противъ устава. Уставъ допускаетъ такое чрезмѣрное напряженіе только на короткій срокъ. Но это дѣлалось добровольно.

Адмиралъ былъ глубоко правъ, когда призналъ слѣдствіе безполезнымъ: ни одинъ слѣдователь не могъ бы проявить той дѣятельности, какую проявляла слѣдственная комис-

---

*) По отдѣленіямъ значитъ—на 4 смѣны, а повахтенно— на двѣ смѣны.

Digitized by Google

сія изъ 500 членовъ—весь экипажъ крейсера...

Время шло; впечатлѣніе сглаживалось; рѣже и рѣже приходилось замѣчать группы матросовъ, бесѣдующихъ между собой вполголоса; казалось, жизнь постепенно входитъ въ норму...

— Ничего не найдутъ!—увѣренно заявляли нѣкоторые.—Никто не видалъ, а самъ себя конечно не выдастъ!

— Не скажите!—возражали имъ,—человѣкъ не камень. Мало ли случаевъ сболтнуть...

— Да, нѣтъ! прямо видно, что потеряли надежду!..

Однако они ошибались. Слѣдственная комиссія не прекращала своей дѣятельности, только дѣятельность эта стала менѣе замѣтной.

Прошло почти 5 мѣсяцевъ.

Въ глухомъ, маленькомъ порту Индо-Китая крейсеръ грузился углемъ. Угольный складъ находился въ мелководномъ протокѣ, верстахъ въ двухъ отъ мѣста стоянки крейсера. Часть команды была послана къ складу и тамъ грузила уголь на баржи, которыя затѣмъ прибуксировывались къ крейсеру.

Въ самый разгаръ работы, отъ офицера,

Digitized by Google

бывшаго при командѣ на берегу, получилась записка-донесеніе: „Въ виду жары разрѣшилъ по-смѣнно купаться. Матросъ N. утонулъ. Совмѣстно съ портовой полиціей произвожу дознаніе. Трупъ отправленъ въ госпиталь“.

На крейсерѣ, гдѣ почти всѣ офицерскія каюты были превращены въ лазаретъ для раненыхъ, а многихъ товарищей такъ недавно пришлось похоронить въ морѣ,—эта записка не произвела особеннаго впечатлѣнія. Несчастный случай. Послали священника служить панихиду, а на слѣдующее утро—похороны съ воинскими почестями. Поспѣшность—неизбѣжная въ тропикахъ. Тотчасъ послѣ похоронъ ушли въ море.

Прошло еще около трехъ недѣль.

Союзники сдали, или наши дипломаты не сумѣли постоять?—но только крейсеру, тяжко поврежденному въ послѣднемъ бою, отказано было въ необходимыхъ починкахъ. Предстояло разоруженіе, или, какъ вѣжливо выражаются, „интернированіе“ въ нейтральномъ порту.

На крейсерѣ едва не вспыхнулъ бунтъ. Однако волей-неволей пришлось покориться приказанію свыше. Команда, конечно, ничего не могла предпринять для измѣненія предопре-

Digitized by Google

дѣленной ей участи, зато офицеры рѣшительно не желали „интернироваться“ и почти поголовно просили у командира разрѣшенія на свой страхъ и рискъ, подъ чужимъ именемъ, скрыться изъ порта, чтобы попытаться достигнуть Россіи и снова принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Разумѣется, командиръ вполнѣ сочувствовалъ этому порыву, но не могъ отпустить всѣхъ. Самъ онъ не могъ уѣхать—это было бы нарушеніемъ международнаго права, а потому—первымъ дѣломъ далъ разрѣшеніе старшему офицеру, остальные же метали жребій.

Все готово. Ждутъ только темноты, чтобы съѣхать на берегъ. (Нельзя же подводить мѣстныя власти.) Въ тощихъ чемоданахъ—бѣлье и штатское платье. Ни вещи, ни бумажки, удостовѣряющихъ личность. Въ бумажникѣ французскія деньги и визитныя карточки съ несоотвѣтствующей фамиліей и званіемъ. Въ каюту старшаго офицера одинъ за другимъ приходятъ кондукторы и другія начальствующія лица изъ нижнихъ чиновъ. Приходятъ попрощаться, пожелать удачи, попросить на память фотографическую карточку. Идутъ отрывочные разговоры, полушутливые, полупечальные, какъ всегда передъ разлукой...

Digitized by Google

— Да, дорогой мой,—говоритъ старшій офицеръ, дружески обнимая старшаго боцмана,—что дѣлать? — Вамъ уѣхать никакъ нельзя... конечно—обидно!.. однако—не ваша вина. Вы сдѣлали все, что могли... Ни вамъ, ни всей остальной командѣ нечего огорчаться. Далъ бы Богъ повоевать еще,—такъ же вѣрно и преданно служили бы, такъ же изъ всѣхъ силъ работали бы, какъ и до сихъ поръ... На нашей командѣ нѣтъ никакого пятна!..—онъ вдругъ запнулся, словно вспомнилъ...—Вотъ только эта исторія съ ударниками... Но я прямо не вѣрю, чтобы это былъ „свой", а что проспали—это отслужено кровью...

Тотъ вдругъ вздрогнулъ, быстрымъ движеніемъ заперъ дверь каюты, и, придвинувшись вплотную къ старшему офицеру, заговорилъ сдавленнымъ, прерывающимся голосомъ:

— Нѣтъ, ваше высокоблагородіе!.. „свой" былъ!..

— Что? Какъ узнали? Отчего не доложили? Кто онъ? Гдѣ онъ?..

— Дозвольте по порядку... Мы это помнили. Ужъ такъ слѣдили! Ночью сосѣдъ во снѣ бормочетъ—слушаютъ. Вотъ какъ! Только—ничего. Это сначала, а потомъ какъ будто намѣтилось. Опутали „его". Проболтался. Только

не прямо. А въ этакомъ дѣлѣ развѣ можно по подозрѣнію?.. Ударники-то нашли—побоялся онъ ихъ тогда за бортъ бросить: увидятъ, молъ, часовые... По его „намеку“ нашли... а на чистоту—не винится. Улики настоящей нѣтъ. Рѣшили: принимай присягу! говори, какъ передъ Истиннымъ!—Испугался было, а потомъ справился.—„Вы“,—говоритъ,—мнѣ не судьи!..“—Винись самъ, можетъ и помилуютъ, не то—донесемъ! — „Что сдѣлаете-то? Мало чего человѣкъ болтаетъ! Чѣмъ докажете?..“—Правильно говорилъ... ну, только намъ-то оно было вполнѣ доказательно... Не зря тоже.. долго думали... всѣмъ міромъ...

— Да кто же?..

— Нѣтъ ужъ его...

— Убитъ въ сраженіи?—радостно встрепенулся старшій офицеръ...

— ...Нѣтъ... позже... купались..

Digitized by Google

VI.

Бамбукъ на крови.

(БЫЛЬ НАШИХЪ ДНЕЙ).

1.

Минъ-Кьонъ-Сикъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, и Кимъ-пьонъ-чунъ, оберъ-церемоніймейстеръ, сидѣли молча, въ ожиданіи возвращенія изъ дворца хозяина дома.

Они пришли безъ уговора между собой, безъ зова, но не случайно. Въ этотъ моментъ рѣшалась, можетъ быть навсегда, судьба ихъ родины, столько вынесшей за свою многовѣковую исторію, видѣвшей столько славы и гибнувшей теперь такъ безпомощно, такъ жалко.

Старый Ансабанъ нисколько не удивился ихъ приходу. Отъ него не было секретовъ, и онъ хорошо понималъ, почему пришли эти

Digitized by Google

гости, незванные и въ неурочный часъ. Онъ даже не говорилъ имъ, что хозяина нѣтъ дома, а просто съ почтительнымъ поклономъ указывалъ путь въ пріемную.

Кимъ-пьонъ-чунъ пришелъ первымъ и при появленіи Минъ-кьонъ-сика обмѣнялся съ нимъ молчаливымъ привѣтствіемъ. Говорить было не о чемъ. Они и безъ словъ понимали другъ друга.

Вотъ за тонкой перегородкой послышались шаги и сдержанный голосъ Ансабана, о чемъ то докладывавшаго.

Одинъ изъ щитовъ стѣнки отодвинулся, и въ комнату вошелъ, какъ былъ—въ придворномъ костюмѣ, хозяинъ дома, министръ двора, Минъ-юнъ-хуанъ.

И этотъ, повидимому, ничуть не былъ изумленъ, найдя ожидающихъ его пріятелей. Смертельно блѣдный, но „не теряя лица", онъ сѣлъ на обычное мѣсто и закурилъ трубку, поданную ему Ансабаномъ.

Тѣ двое ничего не спросили, только посмотрѣли ему въ глаза, а онъ чуть замѣтно опустилъ ихъ книзу.

„Усопшую" почтили благоговѣйнымъ молчаніемъ...

Одинъ вопросъ, самый мучительный, оста-

Digitized by Google

вался неразъясненнымъ, и Кимъ-пьонъ-чунъ нарушилъ безмолвіе:

— Онъ согласился?..

— Нѣтъ! Они силой взяли его печать и приложили ее къ договору, отдающему нашу родину во власть „островныхъ разбойниковъ“...

— И ты позволилъ? не защитилъ?..

— Чѣмъ? этимъ?—и онъ поднялъ передъ ихъ глазами вѣеръ, бывшій въ его рукахъ.— Или мало смерти? а надо было еще передъ смертью оказаться въ смѣшномъ положеніи старика, котораго дюжіе парни берутъ за шиворотъ, и вѣжливо, стараясь не подставить ни одного синяка, выводятъ на улицу, напутствуя добрыми пожеланіями?—Нѣть! Мины никогда „не теряли лица!“

— Да! Мины никогда не потеряютъ лица!— какъ эхо отозвался Минъ-кьонъ-сикъ.

— Осмѣлюсь думать, что и нашъ родъ...— заговорилъ Кимъ-пьонъ-чунъ, глаза котораго вспыхнули...

— Прилично ли предаваться напрасному гнѣву, стоя на краю могилы?—мягко остановилъ его хозяинъ дома.

Они поняли.

— Прости, что безъ умысла, но все же

Digitized by Google

обидѣлъ,—промолвилъ Минъ, низко склоняя голову.

— Прости, что, не понявъ, погорячился,— отвѣтилъ Кимъ, кланяясь еще ниже.

Лицо стараго Мина просвѣтлѣло.

— Такъ, такъ, дѣти мои... Безсильны мы что-либо сдѣлать. Неумолима и неизмѣнна воля Стараго Неба, но... не для отдѣльнаго человѣка!—Надъ собою онъ воленъ!.. И не посмѣются моимъ глазамъ лучи солнца, взошедшаго надъ моей порабощенной родиной!..

— Ты—сказалъ!—тихо и торжественно заключили оба, медленно удаляясь...

Совсѣмъ стемнѣло; Ансабанъ вошелъ, что бы зажечь свѣчи.

— Не надо!

— Кушать?..—неувѣренно спросилъ старый слуга.

— Не надо!.. Принеси мнѣ ножъ, что виситъ надъ изголовьемъ,—„ножъ Миновъ!“ знаешь?

— Господинъ! ты позволишь мнѣ взять и другой,—твой, который ты обѣщалъ оставить мнѣ послѣ твоей смерти?..

— Ты слышалъ?

— Прости, господинъ, но въ такой часъ позволительно подслушивать...

Digitized by Google

— Я не сержусь, и... если хочешь—возьми ножъ раньше моей смерти.

— Онъ станетъ моимъ только послѣ нея..

Темная южная ночь спустилась надъ Сеуломъ, столицей нѣкогда великаго царства, нынѣ прекратившаго свое существованіе, сдѣлавшагося японской провинціей...

Въ японскомъ кварталѣ горѣли огни; звенѣли самсины, и гейши пѣли пѣсни, прославлявшія побѣдителей, наконецъ-то достигшихъ осуществленія тысячелѣтней мечты—завоеванія страны, имя которой „Чоо-сенъ", что значитъ—„Предразсвѣтная тишь"...

Сколько геройскихъ подвиговъ совершено было за это тысячелѣтіе! Сколько десятковъ и сотенъ тысячъ жизней было положено! Какое море крови было пролито неустрашимыми воителями, шедшими по пути, указанному легендарной государыней, которая сама водила въ бой своихъ рыцарей, которая собственными руками прибила свой поясъ къ воротамъ Сеула, павшаго во прахъ передъ ея мощью!

Славное прошлое! Великое будущее! Банзай! Банзай!..

Темно и мертвенно тихо было повсюду, во всемъ Сеулѣ, внѣ этого квартала.

Digitized by Google

Когда-то великій народъ, сохранившій отъ своей древней культуры единственное наслѣдіе—общественность, способность къ массовому, но исключительно пассивному сопротивленію, когда гнетъ становился невыносимымъ,—тихо спалъ...

Такъ казалось...

Они все еще вѣрили въ „Старое Небо", но многовѣковымъ опытомъ пришли къ убѣжденію, что напрасно молить Его.—Оно—безстрастно.—Какой бы ужасъ, какое бы нечестіе ни царили на землѣ,—Оно не вступится...—Ну, хоть бы знакъ какой-нибудь подало! Хоть чѣмъ-нибудь показало бы, что не глухо Оно къ воплямъ, поднимающимся къ нему!..—Ничего!.. Никогда!..

Казалось, что они спали... Но это только казалось.

Они дремали въ смутной надеждѣ на чудо.

— Дальше идти некуда! И если Ты сейчасъ не явишь Себя, то Тебя—нѣтъ!..

А если „нѣтъ"—стоитъ ли жить всякому, кто считаетъ себя выше неразумной твари? обладающимъ высшимъ правомъ, предоставленнымъ человѣку,—правомъ прекратить это издѣвательство надъ собою!..

Минъ-юнь-хуанъ лежалъ въ пріемной на подушкахъ, заботливо пристроивъ ихъ такъ,

Digitized by Google

чтобъ было удобно и спокойно (къ чему причинять себѣ лишнія, ни для чего ненужныя, непріятности?), но не спалъ...

Послѣдняя ночь.

Этотъ вовсе не ждалъ чуда, хотя и вѣрилъ въ „Старое Небо“.

— Пусть Ты непогрѣшимо въ своихъ приговорахъ, но вѣдь Ты не удостаиваешь меня никакими разъясненіями, а предоставляешь мнѣ самому доискиваться смысла совершающихся событій... Если такъ—я въ правѣ поступать, какъ мнѣ подсказываетъ разумъ, Тобой же данный, и если заблуждаюсь—Ты, предоставивъ насъ самимъ себѣ, само это предопредѣлило...

Ему вспоминалась другая ночь... давно... одиннадцать лѣтъ тому назадъ...—Тѣ же „островные разбойники“ хозяйничали въ Сеулѣ. Они только что разгромили Китай и, кажется, мечтали присвоить себѣ не только права сюзерена надъ Кореей, но и превратить ее на дѣлѣ въ свою провинцію.—Ли-Хуанъ... онъ былъ бы не въ силахъ бороться, онъ покорился бы, пассивно протестуя, какъ сдѣлалъ это сейчасъ... Но нашлась женщина, жена этого слабовольнаго государя, въ которой текла кровь Миновъ. Она подвинула его на борьбу!—Да! да! онъ помнитъ, съ какой надеждой, съ какимъ восхищеніемъ

Digitized by Google

слѣдили, онъ и его партія за ея дѣятельностью! какъ искренно онъ преклонялся передъ той, которой еще недавно дѣлалъ выговоры и замѣчанія въ качествѣ старшаго родственника... Вѣдь это была ея идея—искать покровительства могучей сѣверной державы, которой выгодно было бы вогнать клинъ между Японіей и Китаемъ!.. Слишкомъ смѣлой оказалась эта игра... —Ее убили... И стража, навербованная изъ европейцевъ, по совѣту предателя, которому вѣрили, какъ выходцу изъ „страны великаго сѣвернаго сосѣда“, ничего не сдѣлала для ея защиты! —Ее предали!..

Даже теперь, вспомнивъ объ этомъ далекомъ прошломъ, онъ чувствовалъ, какъ вся кровь хлынула къ его сердцу при мысли, что ни нашлось ни одного, кто бы защитилъ ее!.. О, если бы онъ и его единомышленники были тамъ, въ замѣну этой предательской охраны!.. Но... больше вѣрили чужеземцамъ!.. Свои могли являться во дворецъ только въ часы, указанные этикетомъ, и безъ оружія, съ вѣеромъ! какъ... сегодня, когда онъ былъ свидѣтелемъ... когда на его протестъ могли отвѣтить пинкомъ ноги...

Но онъ не покинулъ ея мысли, не далъ ей умереть вмѣстѣ съ нею.

Онъ помнитъ и священную клятву, которую

Digitized by Google

вскорѣ затѣмъ принесли всѣ Мины на тысячелѣтней гробницѣ Ли-Ки-Хуана въ Пингъ-Янгѣ, онъ помнитъ и свое посольство въ столицу сказочнаго „сѣвернаго повелителя", и признаніе всѣми государствами міра ихъ страны независимой, а ихъ повелителя, Ли-Хуана, императоромъ...

Да, да... все это было!.. Какія надежды! какія мечты!.. Дерзкія мечты...—Старое небо—неумолимо...

— Значитъ, такъ нужно.—Такова Его воля...

Замѣтно побѣлѣла бумага на частомъ переплетѣ оконъ.—Свѣтало.—Ночь прошла, и не свершилось чуда, котораго онъ не ждалъ, но котораго ждали темные люди... Впрочемъ, у тѣхъ еще оставалась надежда, что если не сегодня, то завтра... для него же—и сегодня этой надежды не существовало, а завтра?—его вовсе не было, этого „завтра"...

Минъ-юнъ-хуанъ поднялся съ подушекъ и широко раздвинулъ щиты окна.

Предъ нимъ, въ отблескѣ зари, повитый бѣлесоватымъ туманомъ, раскинулся спящій Сеулъ. Четко вырисовываясь на безоблачномъ небѣ, темнѣли гребни горъ, кольцомъ окру-

Digitized by Google

жающихъ столицу нѣкогда великаго царства, и ярче снѣга, залегшаго въ ущельяхъ, намѣчалась линія оборонительной стѣнки, воздвигнутой когда-то, давно, давно... когда Корея была великой... Листъ на деревьяхъ не шевелился. Стояла та „предразсвѣтная тишь", отъ которой сама страна получила свое названіе... Только въ сторонѣ японскаго квартала еще мелькали огни, и, казалось, сама царственная тишина не въ силахъ была заглушить несшихся оттуда торжествующихъ кликовъ и... возмущалась...

Великою скорбью исполнилось его сердце...

— Чоо-сенъ! Чоо-сенъ!.. Нѣтъ Тебя больше!. И Старое Небо—пустая сказка!—Если бъ существовало Оно, то какъ же не проявить себя? Какъ же не дать знаменія въ этотъ смертный часъ страны, нѣкогда имъ благословенной?.. Прощай!.. Мнѣ Тебя не нужно!..

Рѣзкимъ движеніемъ онъ задвинулъ окно, отошелъ на средину комнаты, сѣлъ здѣсь (согласно обычаю) безъ всякихъ подушекъ и подстилокъ, на голомъ полу, прикрытомъ лишь промасленной бумагой, взялъ „ножъ Миновъ" сначала въ правую руку и перерѣзалъ жилу на лѣвой рукѣ, потомъ—въ лѣвую, чтобы и надъ другой произвести ту же операцію...

—

Digitized by Google

Ансабанъ тоже не спалъ эту ночь, а чуть заалѣлъ востокъ—вышелъ къ воротамъ. Ждать пришлось недолго.

— Отъ моего господина твоему господину—привѣтъ. Они встрѣтятся, гдѣ условлено,—проговорилъ, низко ему кланяясь, кореецъ, одѣтый во все бѣлое *).

Слѣдомъ за нимъ появился другой со словами: „Мой господинъ спѣшилъ встрѣтить старшаго въ родѣ и былъ полонъ надеждою, что успѣетъ исполнить свой священный долгъ“.

— Солнце еще не взошло,—кратко отвѣчалъ старикъ.

Узнавъ все, что нужно, онъ вернулся къ своему посту у дверей пріемной, прислушался, тихо раздвинулъ ихъ и вошелъ.

Минъ-юнъ-хуанъ все еще сидѣлъ, низко склонившись головой къ колѣнямъ.

— Господинъ мой! Друзья встрѣтятъ тебя, и вѣрный слуга слѣдуетъ за тобою...

Въ глазахъ умирающаго блеснула искра сознанія.

— Чоо-сенъ... Чоо-сенъ... — пролепеталъ онъ.

Странное дѣло (но такова сила привычки):

---

*) Бѣлый цвѣтъ—трауръ.

Digitized by Google

Ансабанъ, передававшій Мину послѣдній привѣтъ его друзей и принимавшій его послѣдній вздохъ, сразу же замѣтилъ, что промасленная бумага, покрывающая полъ, прорвалась, обнаруживъ щель между досокъ, и кровь благороднаго Мина стекаетъ черезъ эту дыру въ подполье...

— Надо заклеить,—мелькнуло въ головѣ, но онъ тутъ же засмѣялся своей мысли, отошелъ къ порогу и, взявъ завѣщанный ножъ, твердой рукой вонзилъ его въ сердце.—Ему не было времени вскрывать себѣ жилы,—онъ торопился за своимъ господиномъ.

II.

Что случилось съ корейцами? Какое чудо переродило этотъ народъ, такъ безропотно подчинявшійся игу даже не завоевателей, а просто пришельцевъ? Давно ли рота японскихъ солдатъ, стоявшая въ Сеулѣ, оказывалась достаточной силой, чтобы держать въ страхѣ и повиновеніи не только столицу, но и ея окрестности?

Теперь двадцати пяти тысячъ отборныхъ войскъ недостаточно для поддержанія порядка въ странѣ.

Digitized by Google

Маркизъ Ито требуетъ присылки еще двухъ дивизій.

А когда прибудутъ эти двѣ дивизіи, не придется ли ему просить присылки еще одного корпуса? потомъ цѣлой арміи?

Свершилось что-то невѣроятное, непостижимое—Корея возстала!..

И при томъ это не война, даже не возстаніе въ прямомъ смыслѣ этого слова, а какое то стихійное движеніе... Съ партизанскими отрядами не трудно управиться, хотя порой они и одерживаютъ случайныя побѣды, но что дѣлать съ этими милліонами мирныхъ жителей, которые всѣ—старики, женщины, дѣти—проникнуты мыслью, что всякій японецъ—дряхлый старецъ или грудной младенецъ—одинаково заслуживаютъ смерти? Что дѣлать съ этими убѣжденными, хладнокровными убійцами?.. Или съ корнемъ уничтожить все ихъ племя?.. Кажется, другого выхода нѣтъ!..

Вѣдь стоитъ одинокому японцу встрѣтиться на горной тропинкѣ съ корейскимъ мальчуганомъ, чтобы тотъ попытался столкнуть его въ пропасть; стоитъ недоглядѣть за источникомъ—и онъ будетъ отравленъ; японка, оставившая свое дитя безъ призора, находитъ его съ разбитымъ черепомъ; объятія „кысяны“, только

Digitized by Google

что тѣшившей японскихъ офицеровъ своей пляской, оказываются смертельными...

Что съ этимъ дѣлать? А, главное,—откуда это взялось?..

Старое Небо, столько вѣковъ остававшееся безстрастнымъ зрителемъ страданій своего народа,—дало знаменіе!..—Чудо свершилось!..

Черезъ 90 дней послѣ смерти старѣйшаго изъ Миновъ ближайшіе его родственники отперли двери комнаты, гдѣ онъ покончилъ разсчеты съ жизнью. Надлежало, согласно обычаю, водрузить траурную таблицу съ перечисленіемъ всѣхъ титуловъ и заслугъ покойнаго на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ душа его покинула тѣло.

Это оказалось невыполнимымъ.

Изъ той самой щели въ полу, черезъ которую стекала въ подполье кровь доблестнаго гражданина, и которую замѣтилъ Ансабанъ передъ смертью,—подымался молодой, крѣпкій побѣгъ бамбука...

Вошедшіе пали ницъ. Чудилось, что нѣжные, узкіе листья, всколыхнувшіеся подъ порывомъ вѣтра, ворвавшагося въ комнату, шепчутъ имъ—„Чоо-сенъ! Чоо-сенъ!..“

Новый глава рода смиренно положилъ принесенную таблицу рядомъ съ уже почернѣв-

Digitized by Google

шимъ кровавымъ пятномъ, не осмѣливаясь прикоснуться къ нему, и тихо промолвилъ:

— Прими нашъ даръ, ты, которому само Небо дало оцѣнку—„Прямъ и высокъ“...*)

Происшествіе это имѣло мѣсто ранней весной 1907 года.

Конечно, не японская почта и не японскій телеграфъ способствовали распространенію вѣсти о немъ, а тѣмъ болѣе не смѣли „болтать вздора“ газеты, зажатыя въ желѣзномъ кулакѣ японской цензуры.

Вѣсть о чудѣ распространялась въ народѣ медленно, неуловимыми путями, какъ круги по водѣ отъ брошеннаго въ нее камня...

Корейцы, вообще, нелегковѣрны. Слухами ихъ не обманешь. Особенно въ такомъ дѣлѣ, когда рѣчь шла о знаменіи Стараго Неба, столько вѣковъ молчавшаго.—Необходимо было убѣдиться.

И вотъ—со всѣхъ концовъ страны потянулись въ Сеулъ путники.—Не просто охочіе странники, а выборные и уполномоченные обществами.

Они приходили, собирали точныя свѣдѣнія, преклонялись передъ молодымъ деревцомъ и возвращались домой, а тамъ—въ городахъ, де-

*) Девизъ бамбука, почитающагося какъ священное растеніе.

Digitized by Google

ревняхъ и глухихъ горныхъ поселкахъ—давали отчетъ о своей миссіи.

Собирались совѣты старѣйшинъ и всюду выносили сходственные приговоры: — „Чаша терпѣнія переполнилась. — Время испытаній миновало, и Старое Небо, изъ крови праведника возраставшее священный бамбукъ, указываетъ намъ: не жалѣть крови, изъ которой возникнетъ новая жизнь.—Нѣтъ такого войска, которое не могъ бы побѣдить народъ“.

Вотъ что случилось въ Кореѣ...

Digitized by Google

VII.

«Эпоха дирижаблей и подводныхъ лодокъ».

(Докладъ на всемірномъ слетѣ международнаго общества любителей археологіи въ 2010 году).

ГРАЖДАНЕ и гражданки міра! Никакія чудеса (какъ выражались наши полудикіе предки), никакое развитіе техники (какъ говоримъ мы) не могутъ измѣнить природы человѣка, искоренить въ немъ жажды общественности, жажды непосредственнаго обмѣна мнѣній, непосредственнаго сношенія съ ему подобными.

Никакой теле-біо-фото-фоно-графъ не въ силахъ замѣнить этого общенія, хотя бы по той простой причинѣ, что если бы даже я сталъ говорить невѣроятный и оскорбительный для уважаемаго собранія вздоръ, то оно ли-

Digitized by Google

шено было бы возможности физическимъ воздѣйствіемъ удалить меня съ трибуны. (Смѣхъ, аплодисменты).

Съ другой стороны, ораторъ самъ нуждается въ аудиторіи, флюиды которой дѣйствуютъ на него. Противорѣчивые—либо возбуждаютъ, какъ шпоры коня, либо побѣждаютъ; сочувственные—окрыляютъ мысль, даютъ неотразимую убѣдительность доводамъ. И это возможно лишь въ тѣсномъ, непосредственномъ общеніи. Помните, нѣкогда было сказано: „гдѣ собраны два или три во имя Мое—тамъ и Я посреди нихъ!"—Позвольте же привѣтствовать настоящее собраніе, въ которомъ мы, давно и хорошо знакомые другъ съ другомъ на разстояніи, имѣемъ случай познакомиться лично. (Возгласы привѣтствія и одобренія).

Господа! съ момента своего появленія на землѣ, человѣкъ всегда имѣлъ претензію считать себя царемъ природы, вѣнцомъ творенія. Намъ, вступившимъ въ сношенія съ жителями окрестныхъ планетъ, смѣшнымъ кажется такое дѣтское самообольщеніе далекихъ предковъ, которымъ не только океанъ, пустыня, горный хребетъ, но даже жалкая рѣка представлялись какими-то преградами, раздѣляющими отдѣльныя группы человѣчества, обособляющими ихъ

Digitized by Google

другъ отъ друга. Всего забавнѣе, что они искренно вѣрили въ неизбѣжность и даже пользу такого обособленія и бились на смерть, проливали рѣки драгоцѣнной человѣческой крови за право (по современнымъ условіямъ вовсе непонятное) ту или иную линію считать своей „границей“, тотъ или иной участокъ земли на географической картѣ окрасить въ излюбленный ими цвѣтъ...

Впрочемъ, не будемъ смѣяться... Какъ знать?—не посмѣются-ли наши потомки надъ тѣмъ, что въ данный моментъ мы считаемъ незыблемыми принципами?

Я, лично, противъ такого смѣха, и основная идея моего доклада—почтить память самоотверженныхъ работниковъ, кости которыхъ служатъ фундаментомъ нашего благоденствія.

Важна творческая идея, рождающаяся въ мозгу генія; подхватить и разработать ее сумѣютъ уже люди, просто талантливые, а примѣнить ее къ житейскимъ потребностямъ легче всего будетъ техникамъ или,—выражаясь грубѣе,—ремесленникамъ.

Безвѣстнымъ осталось имя человѣка, впервые добывшаго огонь искусственнымъ образомъ, но вѣдь отъ этого перваго открытія пошли всѣ остальныя!

Digitized by Google

Конечно, не сразу! Конечно, упорнымъ трудомъ, медленной эволюціей! Но чѣмъ дальше, тѣмъ пульсъ жизни учащается.—Мѣряя время не оборотами земли вокругъ солнца, но суммою переживаній, смѣло можно сказать, что жизнь одного поколѣнія нашей эры соотвѣтствуетъ жизни многихъ десятковъ поколѣній нашихъ далекихъ предковъ!..

Современная наука съ достаточной опредѣленностью установила, что около 50,000 лѣтъ тому назадъ появилось на землѣ существо, владѣвшее огнемъ.

Болѣе 40,000 лѣтъ потребовалось ему для того, чтобы (на камнѣ, кости, деревѣ) научиться отмѣчать результаты своихъ наблюденій, своего опыта и передавать ихъ потомкамъ: начало грамотности.

Для того, чтобы сдѣлать слѣдующій шагъ—перейти къ книгопечатанію—оказалось достаточнымъ 4,000 лѣтъ.

Еще 400 лѣтъ—и человѣкъ, благодаря примѣненію силы пара, сдѣлался господиномъ всѣхъ материковъ и морей, доступныхъ для передвиженія по ихъ поверхности.

Еще 40 лѣтъ — и успѣхи техники позволили мечтать о завоеваніи глубинъ океановъ и покореніи воздуха! Явились, такъ-

Digitized by Google

называемые, „диражабли“ и „подводныя лодки“...

Еще 4 года,—только 4 года!—и первообразъ современнаго воздушнаго корабля, взвившись надъ землею, опрокинулъ однимъ махомъ всѣ тѣ условныя перегородки, которыя въ теченіе десятковъ тысячъ лѣтъ раздѣляли великую семью человѣчества на обособленныя, враждующія между собою группы!..

Но, господа!—будемъ справедливы!—Вѣдь, это они—эти „диражабли“ и „подводныя лодки“, модели которыхъ, покрытыя пылью, хранятся въ музеяхъ,—это они дали толчокъ къ ниспроверженію фетиша войны, какъ средства порабощенія народовъ, создали оружію безсмертный ореолъ защитника права, врага всякаго насилія, званіе меча Божьяго!..

Господство ихъ было столь мимолетно, что почти изгладилось изъ памяти нашихъ современниковъ.—Немало труда пришлось положить мнѣ на разысканіе соотвѣтственныхъ документовъ въ архивахъ того времени, тѣмъ болѣе что многіе изъ нихъ были уничтожены въ періодъ всемірной войны, да, къ тому же, и бумага, которую употребляли наши почтенные предки, отличалась самыми отвратительными качествами и почти истлѣла. Перебирать эту труху при-

Digitized by Google

ходилось съ величайшими предосторожностями. Такъ или иначе, кое что удалось возстановить и результатъ моей работы—изрядный томъ—будетъ на-дняхъ розданъ всѣмъ участникамъ слета и разосланъ тѣмъ уважаемымъ моимъ слушателямъ, которые не удосужились прибыть сюда лично.

(Послѣ этихъ словъ докладчикъ слегка прiостановился, и тотчасъ же на боковомъ экранѣ замелькали отдѣльныя фигуры и группы лицъ, а изъ гигантскаго рупора послышались, перебивая другъ друга, восклицанiя, переданныя со всѣхъ концовъ свѣта: „Благодаримъ!"—„Очень интересно!" — „Ждемъ съ нетерпѣнiемъ!"—и т. п.—Это отзывалась ему всемiрная аудиторiя).

Отсылая лицъ, желающихъ детально ознакомиться съ предпринятымъ мною изслѣдованiемъ, къ моей книгѣ, озаглавленной: „Эпоха дирижаблей и подводныхъ лодокъ",—позволю себѣ здѣсь лишь вкратцѣ охарактеризовать ихъ феерическое выступленiе на мiровой аренѣ, возстановить передъ слушателями полузабытую картину ихъ мимолетнаго господства, являющагося, тѣмъ не менѣе, въ глазахъ безпристрастнаго лѣтописца, поворотнымъ пунктомъ въ исторiи человѣчества, гранью,

Digitized by Google

положенной между ветхимъ и новымъ міромъ.

(Движеніе; возгласы:—„Слушайте!“).

Еще въ концѣ XIX вѣка нѣкій Сантосъ-Дюмонъ, котораго многіе изслѣдователи несправедливо отождествляетъ со знаменитымъ мореплавателемъ Дюмонъ-д'Юрвилемъ (жившимъ на два столѣтія раньше), приспособилъ къ воздушному шару или къ „пузырю“ (какъ его называютъ наши дѣти) какой-то двигатель, при помощи котораго онъ могъ перемѣщаться въ воздухѣ въ желаемомъ направленіи. Ни модели этого аппарата, ни снимка его, ни даже болѣе или менѣе точнаго описанія—разыскать мнѣ не удалось. Тѣмъ не менѣе, идея принадлежитъ ему.—Почтимъ память этого человѣка, десятки и сотни разъ рисковавшаго жизнью въ попыткахъ разрѣшить задачи, столь ясныя нынѣ даже ученикамъ приготовительнаго класса народной школы.

Рутинеры, конечно, смѣялись, какъ смѣются и въ наши дни, надъ идеей господства въ междупланетномъ пространствѣ... Пусть смѣются теперь, какъ смѣялись нѣкогда! Лопни мои глаза, если, на старости лѣтъ, они не увидятъ осуществленія этой мечты!

Digitized by Google

(Громъ апплодисментовъ, какъ со стороны присутствующихъ, такъ и, черезъ рупоръ, отъ „всемірной аудиторіи").

Шли годы... И вотъ—мы приближаемся къ наилюбопытнѣйшему психологическому моменту. Нельзя не отдать должнаго генію Старой Англіи, никогда не упускавшему случая „отвести глаза" добрымъ сосѣдямъ. Почти одновременно съ первой попыткой овладѣть воздухомъ появилась и другая—овладѣть глубинами океана. Инициаторомъ послѣдней оказался нѣкій „Зэ-дэ". Надъ разгадкой этого псевдонима много спорили, но это не важно.—Англія, бывшая въ то время „Владычицей морей"...

(Смѣхъ; восклицанія: „Вотъ такъ титулъ!"— „Есть чѣмъ хвастать!" и т. п.).

...Англія, господа, вовсе не заслуживала своимъ поведеніемъ вашихъ насмѣшекъ. Она дѣйствовала очень и очень умно! Обладая колоссальнымъ флотомъ на поверхности воднаго океана, она высмѣивала всѣ эти попытки— уйти вглубь его или взвиться надъ нимъ. Она гипнотизировала сосѣдей, разорявшихся на постройку броненосцевъ, являвшихся, якобы, результатомъ опыта какой-то стычки между Россіей и Японіей... Повторяю, что, за недостаткомъ матеріала, чрезвычайно трудно уста-

Digitized by Google

новить точно связь между отдѣльными событіями...

(Не надо извиненій! Слушайте! Слушайте!).

Создавая эскадры „Дрэдноутовъ", сознательно бросая за бортъ десятки милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, Англія увлекла за собою весь міръ, только и мечтавшій о созданіи сказочныхъ левіафановъ, неуязвимыхъ съ борта, но такихъ беззащитныхъ и сверху, и снизу!.. Господа! не все ли равно, какой цѣной вы окажетесь впереди вашего соперника? Не все ли равно,—на сколько впереди? Хотя бы на одинъ миллиметръ, разъ этотъ миллиметръ дастъ вамъ побѣду?... Вотъ такъ-то именно и разсуждала Англія!

(Правильно! Правильно!).

Надъ подводными лодками „Зэ-де" громко смѣялись, а сами подхватили идею, разработали ее и оказались далеко впереди изобрѣтателей, обезкураженныхъ псевдо-ироническимъ отношеніемъ „Владычицы морей".

(Неглупо сыграно!)

За то съ воздушнымъ флотомъ—сорвалось. Идея Сантосъ-Дюмона вышучивалась на всѣ лады, и это было тѣмъ легче, что, по существу, она являлась не правильной: аэронавтъ стремился быть легче воздуха, тогда какъ

Digitized by Google

орелъ, царь воздуха, всегда былъ неизмѣримо тяжелѣе своей стихіи. Остроумію открывалось самое широкое поле, а, вѣдь,—„ce n'est que le ridicule, qui tue"...—Забравъ этотъ козырь въ руки, Англія всю силу своего генія, всѣ средства своей техники (конечно, втайнѣ) посвятила разработкѣ принципа авіатики (прошу не смѣшивать съ аэронавтикой), но...—господа! Позволю себѣ повторить еще разъ: попытайтесь перенестись мыслью въ ту полу-варварскую эпоху, стать на точку зрѣнія тѣхъ людей, величайшіе математики которыхъ признавали неразрѣшимыми задачи, въ нашъ вѣкъ легко разрѣшаемыя всякимъ „приготовишкой!.."

(Къ дѣлу!—Къ дѣлу!—Какія „но?").

Это „но"—необходимо, такъ какъ прогрессъ имѣетъ мѣсто въ пространствѣ и во времени, въ матеріи и въ силѣ. Лишь при условіи полной гармоніи этихъ элементовъ обезпечено наиболѣе широкое его развитіе. Нѣтъ гармоніи —и, вмѣсто прогресса, можетъ проявиться регрессъ... Избалованная своими успѣхами, Англія переучла свою способность „duper le monde" и—нарвалась... Сбылось старое присловье—„на всякаго мудреца довольно простоты"...

(Довольно метафизики!—Онъ, кажется, со-

Digitized by Google

бирается прочесть свою книгу отъ доски до доски!—Къ дѣлу! Къ дѣлу!).

Господа! мы какъ разъ подошли къ самому дѣлу! Германія (была такая имперія) не далась въ обманъ. По внѣшности, она, словно бы, пребывала подъ общимъ гипнозомъ и выворачивала карманы добрыхъ бюргеровъ, ради постройки „Дрэдноутовъ", долженствовавшихъ бороться съ англійскими на поверхности океановъ, но, по существу, давно уже догнала сосѣдку въ дѣлѣ созданія подводнаго флота, а что касается воздушнаго—то тутъ... она весьма талантливо разыграла роль довѣрчивой Гретхенъ, оказавшейся на дѣлѣ много опытнѣе самой Луизы Эмберъ.

(Смѣхъ, апплодисменты, шиканье).

Въ то время, какъ Англія, убаюканная сладкой мечтой, что подъ гипнозомъ ея ассигнованій на постройку „Дрэдноутовъ" никто не помѣшаетъ ей создать „настоящій" воздушный флотъ, только „для видимости" строила какіе-то „Nullius'ы" первые, вторые, третьи и т. д. и сама же (при посредствѣ печати) высмѣивала неудачи этихъ „новоявленныхъ Сантосъ-Дюмоновъ",—Германія, не говоря худого слова, оздала воздушный флотъ въ 24 „Цеппелина", изъ которыхъ каждый могъ нести на себѣ

Digitized by Google

(кромѣ экипажа) боевой грузъ свыше 100 пудовъ. Запасъ почтенный, если принять во вниманіе, что нѣсколько десятковъ фунтовъ тѣхъ, далеко несовершенныхъ, взрывчатыхъ веществъ, какія были извѣстны нашимъ предкамъ, давали достаточную силу для коренного уничтоженія любого форта и, тѣмъ болѣе, любого „Дрэдноута".

Лѣтописецъ—по мѣрѣ силъ и возможности—долженъ быть безпристрастнымъ. И вотъ, въ качествѣ таковаго, я вынужденъ привѣтствовать Германію, которая перехитрила Англію.

(Слушайте! Слушайте!).

Это случилось ровно сто лѣтъ тому назадъ.

Какъ любили выражаться публицисты тѣхъ отдаленныхъ временъ—„атмосфера была насыщена электричествомъ, и мрачныя тучи скоплялись на политическомъ горизонтѣ"... Пессимисты утверждали, что „напряженіе достигло наивысшаго предѣла", что „близокъ моментъ, когда ружья сами начнутъ стрѣлять, когда дипломаты сложатъ свои перья, и, вмѣсто чернилъ, польется кровь"...

(Смѣхъ).

Не смѣйтесь, господа!—я цитирую!—Слова, которыя кажутся вамъ только забавными, были интродукціей къ братоубійственной распрѣ!

Digitized by Google

Въ то жестокое время рыцарскіе обычаи, согласно которымъ расшитые золотомъ герольды появлялись, въ сопровожденіи трубачей, передъ воротами вражеской крѣпости и предупреждали о готовящемся нападеніи—давно отошли въ область преданій. Война уже не была благороднымъ единоборствомъ, какимъ мы признаемъ ее нынѣ, какимъ ее признавали на зарѣ исторіи человѣчества: она являла собою торжество насилія! Побѣдители всегда признавались правыми, какимъ бы путемъ они не пришли къ побѣдѣ. Былъ изобрѣтенъ даже особый, всякое предательство оправдывающій, принципъ „внезапности". Этимъ принципомъ, въ полной мѣрѣ, воспользовалась Германія.

Какъ я сказалъ уже, это случилось ровно сто лѣтъ тому назадъ, въ ненастную апрѣльскую ночь, 1910 года.

Соорудивъ на-спѣхъ воздушный флотъ изъ двадцати четырехъ „Цеппелиновъ", еще усиленный вспомогательными отрядами „Парсефалей" и, даже, аэроплановъ, Германія рѣшила дѣйствовать, не ожидая того момента, когда Англія, усиленно „отводившая глаза сосѣдямъ", обзаведется „настоящимъ" воздушнымъ флотомъ и объявитъ себя владычицей воздушнаго океана.

Digitized by Google

Со свойственной нѣмцамъ аккуратностью, руководствуясь надиво разработанной диспозиціей, всѣ шесть дивизій (каждая изъ четырехъ „Цеппелиновъ“) прибыли въ указанный часъ къ указанному мѣсту и, легко оріентируясь по городскимъ огнямъ, занялись систематическимъ разрушеніемъ портовыхъ сооруженіей и складовъ Плимута, Портсмута, Чатама, Ширнесса, Портланда, Нора. Для дѣйствія противъ Гревзенда и Вульвича были командированы вспомогательные отряды, такъ какъ тамъ большой „работы“ не предвидѣлось и главной задачей ставилось уничтоженіе „Nullius'“овъ, которые могли бы, отчаяннымъ выступленіемъ, помѣшать строгому выполненію предписаній, полученныхъ изъ Берлина.

За неимѣніемъ документальныхъ данныхъ, не смѣю утверждать, но повидимому это нѣкій графъ Мольтке далъ когда-то Германіи свой завѣтъ: „Организація есть мать побѣды“.

Въ данномъ случаѣ, организація оказалась великолѣпной. Все было разъиграно, какъ по нотамъ.

Замѣчу, что воздушные корабли Германіи были (весьма предусмотрительно) снабжены метательными снарядами трехъ различныхъ сортовъ: разрушительные, зажигательные и

Digitized by Google

распространяющіе удушающіе газы. Что не могло горѣть—разрушалось; что могло горѣть—зажигалось, а смѣлые люди, спѣшившіе къ мѣсту бѣдствія, падали отравленными, и лишь увеличивали собою число жертвъ...

Безпорядочная „пальба по воздуху“, открытая батареями и военными судами, находившимися въ портахъ, только усилила панику и распространила разрушеніе даже въ мѣстностяхъ, вовсе не подвергшихся „атакѣ съ неба“.

Надо отдать полную справедливость англичанамъ того времени: „они не жили заднимъ умомъ“, но, оказавшись въ критическомъ положеніи, немедленно принимали самыя энергичныя мѣры къ выходу изъ него.

Военный совѣтъ состоялся въ ту же ночь, при посредствѣ телеграфа и телефона, частью разрушенныхъ, но тотчасъ же возстановленныхъ цѣною неимовѣрныхъ усилій и жертвъ

Ограниченные въ запасахъ метательныхъ снарядовъ своей грузоподъемностью, дирижабли, видимо, посвятили эту ночь уничтоженію арсеналовъ, складовъ, доковъ. На слѣдующую ночь они могли появиться съ иной цѣлью—съ цѣлью уничтоженія боевыхъ судовъ, стоящихъ на рейдахъ.—Гдѣ же искать спасенія? Конечно,

Digitized by Google

въ открытомъ морѣ.—Однако-же и тамъ ихъ могутъ найти?..

— Да, развѣ, дѣло въ „спасеніи“?—Нѣтъ! Въ борьбѣ!—Въ какой?—Собравъ всѣ силы, ураганомъ огня и желѣза пройтись по берегамъ Германіи!..

(Почему Германіи? Кто сказалъ?)

Уважаемые слушатели, кажется, забыли о той характеристикѣ „политическаго горизонта“, которая была мною представлена. Ни для кого въ Англіи не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что нападаетъ Германія, а если бы въ комъ и шевельнулось такое сомнѣніе, то оно было опровергнуто фактомъ паденія на поверхность земли, близъ Вульвича, одного изъ „Парсефалей“, потерпѣвшаго аварію во время своей разрушительной работы...

Такъ или иначе, догадка оказалась справедливой, и принятое рѣшеніе—достойнымъ націи, никогда не пугавшейся никакой угрозы.

Эдуардъ VII едва успѣлъ телеграфировать вдогонку своему флоту: „Жаль, что я не съ вами!—Сигналъ Нельсона!“ *).

---

*) Сигналъ Нельсона передъ боемъ при Трафальгарѣ былъ:—«Англія надѣется, что каждый исполнитъ свой долгъ».

Digitized by Google

Помимо вполнѣ естественнаго желанія избѣгнуть безславной и безполезной гибели, помимо жажды отмщенія коварному врагу, была и еще одна, едва-ли не главнѣйшая причина, гнавшая англійскій флотъ въ море, къ берегамъ Германіи. Это—то, что при разрушенныхъ, охваченныхъ пожаромъ арсеналахъ онъ оказывался лишеннымъ возможности пополнить свои запасы и, какъ нѣкогда русскіе при Цусимѣ, былъ вынужденъ идти на-проломъ, все поставивъ на послѣднюю карту!..

(Браво! Браво!—Безразсудно, но смѣло!).

Не могу не присоединиться къ восклицаніямъ, которыя слышу...—Слава безумію храбрыхъ!..—И все же вся эта доблесть разбилась о крѣпкую стѣну тонко-обдуманной „организаціи", которая есть „мать побѣды"!..

Казалось, никто и въ мысляхъ не имѣлъ помѣшать первому въ мірѣ флоту превратить въ дымящіяся развалины цвѣтущіе города непріятельскаго поморья... Грозныя эскадры Германіи, хвалившіяся, что будутъ съ нимъ спорить за обладаніе моремъ, безслѣдно исчезли, попрятавшись въ бассейнахъ, охраняемыхъ жерлами крѣпостныхъ орудій, бороться съ которыми никакой флотъ не въ силахъ... Онѣ спрятались такъ надежно, что добраться до нихъ не

Digitized by Google

могли даже флотиліи подводныхъ лодокъ, которыми такъ гордилась Англія.

Всѣ входы и выходы были перегорожены сѣтевыми бонами, въ каждой петлѣ которыхъ находилась маленькая (совсѣмъ маленькая—фунта 3—4) гальваноударная мина, а на подходахъ къ рейдамъ эти „дѣтскія" мины усѣивали собою всю толщу воды, словно разнаго возраста водоросли, снабженныя ядовитыми головками, поражающими на смерть всякую подводную лодку, къ нимъ прикоснувшуюся...

Зато германскія подводныя лодки—всѣ были на свободной водѣ, и ихъ аттаки довольно скоро положили конецъ хозяйничанью англичанъ у береговъ Vaterland'a.—Броненосные гиганты либо гибли, либо, тяжко искалѣченные, спѣшили къ роднымъ берегамъ, ища убѣжища въ коммерческихъ, еще не тронутыхъ „дирижаблями" портахъ.

Остатки грознаго флота искали спасенія въ своей скорости, благодаря которой подводный врагъ не могъ ихъ преслѣдовать.

Согласно телеграфному приказу адмирала лорда Бересфорда, они устремились на условленное рандеву въ сѣверной части Нѣмецкаго моря. Въ этой неравной борьбѣ чудеса доблести были проявлены англійскими моряками,

Digitized by Google

но никакая доблесть не въ силахъ была предотвратить неотвратимое... Флотъ погибалъ!— Первый разъ за всю свою многовѣковую исторію Англія растерялась...

Какой-то ораторъ на импровизированномъ митингѣ въ Трафальгарскомъ скверѣ попробовалъ, было, предложить согражданамъ утѣшиться мыслью, что „синія рубахи“ гибнутъ „съ честью“, но его забросали гнилыми яблоками и тухлыми яйцами, а толпа ревѣла: „Нація лелѣяла ихъ для побѣды!—Кто же виновенъ въ ихъ гибели?!“

Едва стало смеркаться, какъ, непонятными путями, разнеслась по Лондону страшная вѣсть:

„Нѣмецкіе дирижабли преслѣдуютъ Бересфорда“...

А, между тѣмъ, Бересфордъ и остатки его флота—были послѣдней надеждой...

Уйдя отъ врага подводнаго, они были угрожаемы врагомъ воздушнымъ...

Правительство Англіи, въ дѣлѣ освѣдомленія народныхъ массъ о совершающихся событіяхъ, издавна держалось правила: либо полная тайна, либо (если такая тайна невозможна) самая широкая гласность.

Въ данный моментъ, вмѣсто свѣтовыхъ рекламъ, рекомендовавшихъ разные сорта мыла,

Digitized by Google

мазей, притираній и напитковъ, каждый англичанинъ могъ, выйдя на улицу или, даже, выглянувъ изъ окна, прочесть послѣднюю телеграмму Бересфорда:

„Погода портится.—Есть надежда...“ (Дальше—военная тайна).

„Словно чудомъ—разъяснило, но ихъ не видно.—Хвала Господу Богу!—Разсчитываю...“ (Дальше военная тайна).

„Здѣсь!.. Они здѣсь!.. — Пожертвовалъ крейсерами, приказавъ освѣщать дирижабли подъ разстрѣлъ орудій главныхъ силъ.—Врагъ потерпѣлъ изрядно, но крейсера уничтожены“.

„Ночь ясная.—Мы видны имъ сверху, какъ на ладони“.

„Атака.—Дѣлаемъ, что можемъ“.

„Никого, кромѣ меня съ моей „Викторіей...“—Насѣдаютъ со всѣхъ сторонъ... Мы исполнили свой долгъ... Rule, Britania! Rule the...“

Дальнѣйшихъ извѣстій не было...

Конечно, благоразуміе предписывало бы удовлетвориться этимъ успѣхомъ и немедленно вступить въ мирные переговоры съ Англіей, готовой на все въ сознаніи своего полнаго без-

Digitized by Google

силія, но даже авторитетъ императора Вильгельма оказался недостаточнымъ, чтобы заглушить подхваченный всей Германіей боевой кличъ:—„На островъ! На островъ!—Германія владѣетъ моремъ!“.

Онъ вынужденъ былъ уступить этому порыву.

Въ дѣлѣ мобилизаціи и посадки десантной арміи на суда—нѣмцы совершили нѣчто неслыханное, но... на „островъ“ прибыли лишь немногіе изъ „континенткнехтовъ“, да и то въ качествѣ потерпѣвшихъ крушеніе, отдававшихся на милость побѣдителя...

Подводный флотъ Англіи легко отбросилъ германскія эскадры, сохранявшіяся до того въ полной неприкосновенности, пока „люфтскнехты“ уничтожали надводнаго врага, и, еще тѣмъ легче, уничтожилъ транспортный флотъ, конвоируемый этими пережитками недавняго прошлаго военнаго искусства.

Создалось положеніе довольно странное.—Воюютъ двѣ великія державы, причемъ сухопутныя арміи ихъ никакъ не могутъ сойтись грудь съ грудью, помѣряться силами въ открытомъ бою, ибо истребляются въ дорогѣ...

(Положеніе изъ среднихъ!—Даже ниже средняго!).

Digitized by Google

Совершенно вѣрно, если не принимать въ разсчетъ наличія сосѣдей, никогда не забывавшихъ о реваншѣ.

Конечно, Германія могла бы диктовать свои условія Англіи уже въ ту минуту, когда лондонцы читали послѣднюю, прерванную на-половинѣ, телеграмму Бересфорда, но гибель дессантной арміи дала надежду тѣмъ, у кого эта армія еще не была разгромлена...

Дурной примѣръ заразителенъ.

Въ то время, какъ газеты Франціи (умѣло вдохновляемыя) торжествовали разгромъ вѣковѣчной соперницы и привѣтствовали нарожденіе новой эры—„фактической свободы морей"—а нѣмецкіе дирижабли грузились въ своихъ портахъ боевыми припасами, въ ожиданіи спѣшной посылки въ новую экспедицію—на Лондонъ и другіе торгово-промышленные центры Англіи,—немногочисленный, но и недурной, французскій воздушный флотъ, въ четыре раза слабѣйшій германскаго, руководствуясь диспозиціей (тоже недурно разработанной), атаковалъ эскадры „Цеппелиновъ", въ ихъ собственныхъ „воздушныхъ" портахъ.

Мягко выражаясь, это было предательствомъ, но въ тѣ времена руководящимъ правиломъ было изреченіе: „Цѣль оправдываетъ средства".

Digitized by Google

(Стыдно! — Стыдно! — Не подъискивайте оправданій!).

Прошу извинить! Моя цѣль—напомнить о полузабытыхъ фактахъ, освѣтить ихъ съ точки зрѣнія безпристрастнаго лѣтописца. Разумѣется, уничтожить воздушный флотъ Германіи, какъ былъ уничтоженъ надводный флотъ Англіи, не удалось. Кое-что уцѣлѣло, но это „кое-что", по своей боевой цѣнности, едва равнялось силамъ новаго противника. Угроза смести съ лица земли Лондонъ, Ливерпуль, Манчестеръ— могла встрѣтить отпоръ въ угрозѣ поступить не менѣе безжалостно съ Берлиномъ, Гамбургомъ, Бременомъ...

(Было надъ чѣмъ призадуматься!).

Вотъ именно! И тѣмъ болѣе, что французская армія перешла границу и, поддерживаемая своими дирижаблями, уже сбила съ ея постовъ недремлющую „стражу на Рейнѣ"!..

Это выступленіе, это вмѣшательство третьяго, послужило сигналомъ къ началу міровой свалки...

Прошелъ кровавый туманъ... Пронеслась гроза... Вы ужаснетесь тому, что прочитаете въ моей книгѣ, но... господа!—вѣдь, это на костяхъ ихъ воздвигнуто наше благополучіе! Не будемъ же клеймить ихъ прозвищами звѣро-

Digitized by Google

подобныхъ варваровъ, братоубійцъ!.. Таково было предначертаніе судебъ человѣчества...

Per aspera ad astram!..

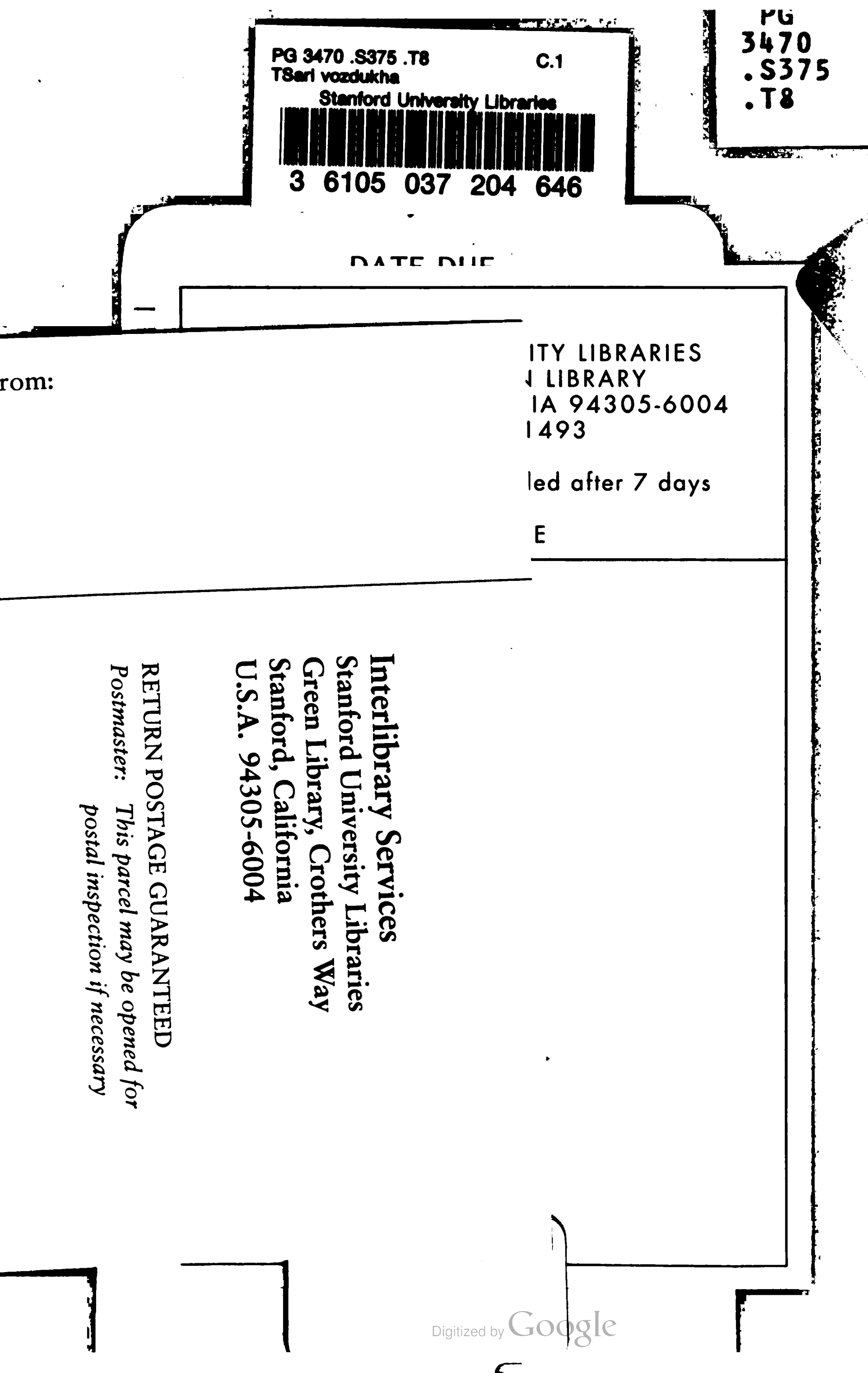
Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

Digitized by Google

Digitized by Google

PG 3470 .S375 .T8 C.1
TSari vozdukha
Stanford University Libraries
3 6105 037 204 646

PG
3470
.S375
.T8

DATE DUE

rom:

ITY LIBRARIES
N LIBRARY
IA 94305-6004
1493

led after 7 days

E

Interlibrary Services
Stanford University Libraries
Green Library, Crothers Way
Stanford, California
U.S.A. 94305-6004

RETURN POSTAGE GUARANTEED
Postmaster: This parcel may be opened for postal inspection if necessary

Digitized by Google

Digitized by Google